

О.В. СМЫКА

**ПЕРЕВОДЫ
ЧЕРНОВИКИ ПЕРЕВОДОВ**

УДК 82119
ББК 84стд1050
С52

О.В. Смыка

Черновики переводов М. – Новый Хронограф, 2023. – 560 с.

ISBN 9785948815497

Перед вами новый сборник переводов Ольги Викторовны Смыки (1945–2022) – талантливого переводчика античных и византийских стихотворных и прозаических произведений, специалиста в области античного искусства и поэзии, истории византийской культуры. Книга включает как опубликованные, так и еще не опубликованные переводы и черновики переводов автора, открывает специалистам и заинтересованным читателям новые страницы поэзии и литературы, помогает уловить, что чувствовали люди, жизнь которых отделена от нашей столетиями.

ISBN 9785948815497

© Смыка О.В., наследники, 2023
© Штерн А.И., составитель, 2023
© Издательство «Новый Хронограф», 2023

ПЕРЕВОДЫ

ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ

ПИСЬМО К ПОМПЕЮ

I

(750 R) Гнея Помпея приветствует Дионисий!

Я получил твоё учёное послание, премного меня порадовавшее, в котором ты пишешь, что наш общий друг Зенон передал тебе мои сочинения и, прочитав и должным образом изучив их, ты восхищаешься ими в целом, однако с некоторыми местами ты не согласен, например, с моими суждениями о Платоне.

Ты правильно поступаешь, что относишься к Платону с таким (751) благоговением, но в том, как ты понял меня, ты неправ. Знай же теперь твердо, что я как раз из тех, кто находится под обаянием стиля Платона. Я объясню тебе, как я отношусь ко всем тем, кто направляет свои помыслы на общее благо и стремился к исправлению наших жизней и помыслов, и попытаюсь убедить тебя, что я не открыл ничего нового, ничего невероятного, ничего противоречащего общепринятому мнению.

Однако я полагаю, что когда стоит задача написать похвалу какому-нибудь деянию или человеку, то в любом деле следует выдвигать вперед преимущественно достоинства, а не недо-

статки. Когда же преследуется цель выяснить, что именно было наиболее достойным в чьей-либо жизни или какое произведение лучше в ряду подобных ему, то тогда нужно прибегнуть к самому точному исследованию, при котором ни одно свойство предмета, – ни хорошее, ни плохое, – не должно быть (752) обойдено молчанием, ибо только так можно установить истину, а ведь это – самое ценное.

После этого предварительного замечания я продолжаю. Я признаю свое кошунство, если мне принадлежит хоть одно сочинение, содержащее нападки на Платона, как у ритора Зоила. Или если я, стремясь написать в его честь энкомий, примешиваю к похвалам упреки, то я согласен, что здесь я нарушаю законы, установленные нами для энкомия, поскольку в них, я полагаю, не место ни обвинениям, ни оправданиям.

Если же, задавшись целью рассмотреть различные виды стиля, а также изучить наиболее выдающихся в этом отношении философов и ораторов, я выбрал из всех только троих, признанных наиболее блестящими – Исократ, Платона и Демосфена, и из них, в свою очередь, я отдал предпочтение Демосфену, то я полагаю, что я сделал это не во вред ни Платону, ни Исократу.

«Пусть так, – возражаешь ты, – но зачем же выставлять (753) оплошности Платона в стремлении восхвалить Демосфена?»

Но в таком случае, каким образом стиль мог бы подвергнуться самому тщательному испытанию, если бы я не сравнил лучшие речи Исократ и Платона с самыми сильными речами Демосфена и не показал во всей правде, в чем именно они слабее, не утверждая, конечно, что эти писатели во всем допускали промахи (это было бы просто глупостью), но говоря, что им не все одинаково удавалось? Если бы я этого не сделал, если бы я просто расхвалил Демосфена, перечислив все его достоинства, то тем самым я, конечно, убедил бы своих читателей, что перед ними прекрасный оратор, но в том, что он самый лучший среди первейших ораторов, я бы никого не убедил без сопоставления его с сильнейшими.

Ведь многие вещи, сами по себе прекрасные и изумительные, при сопоставлении с другими, еще лучшими, кажутся как бы несколько (754) померкшими. Заметь, что так же и золото в сравнении с золотом бывает лучше или хуже, и то же самое происходит с любым изделием ручной работы и вообще всеми вещами, сделанными, чтобы производить впечатление великолепия.

Если исследование с помощью сравнения в области политического красноречия считать делом неподобающим и требовать, чтобы все рассматривалось только само по себе, то ничто не мешает распространить это требование и на все остальное, и, стало быть, не стоит сравнивать между собой и поэтические произведения, и исторические труды, и государственные устройства, и законы, и полководцев, и царей, и жизни людей, и различные учения. Но ведь с этим не согласится ни один здравомыслящий человек!

Далее, если тебе, чтобы яснее понять, что наилучшим способом исследования является сравнение, нужны еще доказательства, подкрепленные свидетельствами, то я, оставив в стороне всех остальных, воспользуюсь свидетельством самого Платона. Стремясь показать свое мастерство в политическом красноречии и не удовольствовавшись (755) прочими собственными сочинениями, а также соперничая с другими выдающимися ораторами своего времени, он сочинил в «Федре» речь о любви. Не углубляясь слишком далеко, он вскоре бросает эту тему и останавливается, предоставляя своим читателям решать, чья речь лучше; сам же Платон обсуждает недостатки Лисия, отмечая достоинства его изложения и критикуя содержание.

Таким образом, раз уж сам Платон, взявшись за такую тягостную и неблагоприятную задачу – похвалить собственное ораторское искусство – не счел предосудительным рассматривать свою речь наряду с речами лучших ораторов и выделять неудачные у Лисия и удачные у себя места, то что же удивительного, что и я сравниваю речи Демосфена с речами Платона и отмечаю то, что мне кажется в них неудачным? (756)

Я позволю себе оставить в стороне те его сочинения, где он выставляет в смешном виде своих предшественников: Парменида, Гиппия, Протагора, Продика, Горгия, Пола, Феодора, Фрасимаха и многих других и пишет о них так не из добросовестности, а, если угодно, из тщеславия. Ведь было, да, при всех многочисленных достоинствах, было в характере Платона и нечто тщеславное. Особенно это проявляется в зависти, какую он питал к Гомеру, изгнанному им из его вымышленного государства, причем Платон предварительно увенчал его венком и помазал мирром, словно в таких почестях нуждался его изгнанник, тот человек, благодаря которому вообще вся образованность, кончая философией, вошла в нашу жизнь. Впрочем, давай будем думать, что Платон говорил все это из лучших побуждений и для полноты истины.

Итак, все-таки почему же нельзя и нам, следуя его собственным правилам, сравнивать произведения Платона с творениями столь же прославленных писателей?

(757) Затем я вовсе не являюсь ни первым, ни единственным, кто отважился сказать что-то против Платона. Никто к тому же не упрекает меня, что я попытался исследовать самого прославленного из философов, жившего более чем за 12 поколений до меня для того, чтобы таким образом стяжать себе славу. Ведь были многие другие, кто поступал так до меня, и жившие в одно время с Платоном, и много позже его. Многие отвергали его учение и находили недостатки в его произведениях, в первую очередь его ближайший ученик Аристотель, затем Кефисодор, Феопомп, Зоил, Гипподам, Деметрий и многие другие, которые выставляли его в смешном виде не из зависти или недоброжелательства, а из стремления установить истину.

По примеру стольких достойных мужей, и в первую очередь самого Платона, я решил, что нисколько не погрешу против ученой риторики, если буду сравнивать одного хорошего писателя с другим.

Таким образом, полагаю, что в защиту способа сравнения я сказал уже вполне достаточно даже для тебя, мой дорогой друг.

II

(758) Итак, мне теперь следует сказать, что я писал о Платоне в своем сочинении об аттических ораторах. Приведу этот отрывок в тех же выражениях, что писал там.

Язык (*dialectos*) Платона тяготеет к смешению обоих стилей (*character*) – простого (*ischinos*) и возвышенного (*hypsilos*), как я уже раньше говорил, однако в обоих случаях с разным успехом.

Когда Платон употребляет простые, бесхитростные (*aphelēs*) и безыскусные (*aroiētos*) выражения, это звучит необыкновенно мило (*hēdeia*) и приятно (*philantropos*) Его язык становится таким чистым и ясным, как самый прозрачный ручей, он точен (*acribēs*) и утончен (759) (*leptē*) гораздо больше, чем язык других, писавших в таком же роде.

Он применяет общеизвестные (*coinotēs*) слова и стремится к ясности (*saphēneia*), пренебрегая всякими затейливыми украшениями. Его язык сохраняет налет старины и незаметно распространяет вокруг себя что-то радостное, словно распустившийся, полный свежести цветок, от него исходит аромат, будто доносимый ветерком с благоуханного луга, и в его сладкозвучии нет пустозвонства, а в его изысканности – театральности.

Когда же Платон безудержно впадает в многословие и стремится выразиться красиво, что нередко с ним случается, его язык становится намного хуже, он утрачивает свою прелесть, эллинскую чистоту и кажется более тяжелым. Понятное он затемняет, и оно становится совершенно непроглядным; мысль он развивает слишком растянуто; когда требуется краткость, он растекается в неуместных описаниях. Для того (760) чтобы выставить напоказ богатство своего запаса слов, он, презрев общепонятные слова в общеупотребительном смысле (*sygion cai en tēi coinēi chresēi*), выискивает надуманные (*peroiēmena*), диковинные (*xena*) и устаревшие слова (*archaioprepē*).

Особенно бурно разошелся он в области фигуральных выражений (*tropice phrasis*): многочисленные эпитеты, неуместные метонимии,

натянутые и не соблюдающие аналогию метафоры, сплошные аллегории без всякого чувства меры и порой совершенно не к месту.

Ребячливо и неуместно красуется он поэтическими оборотами (*schēma poiēticon*), придающими его речи крайнюю нудность (*aēdia*), это особенно относится к тем, что взяты из Горгия.

«В подобных вещах в нем многое от жреца», – сказал как-то Деметрий Фалерский, и многие другие: «не мое это слово».

Однако я не хочу, чтобы кто-нибудь истолковал мои слова как осуждение вообще искусно отработанного необычного слога, которым (761) пользуется Платон. Ведь я не настолько глуп, чтобы придерживаться подобного мнения о столь знаменитом муже, тогда как я хорошо знаю, что им написаны очень многие произведения – великие, замечательные и выдающиеся по силе.

Нет, я только хочу показать, что и он допускал промахи в своих сочинениях и становился ниже самого себя, когда пытался придать своему слогу величие и необыкновенность, и он же намного превосходил других, когда пользовался простым и точным языком, который при кажущейся безыскусности был тщательно и безупречно отделан, и в этом случае или вовсе не имел погрешностей, или имел совсем незначительные. Я полагаю, однако, что такой великий писатель должен всегда остерегаться любого порицания, а ведь в этом его порицали все его современники, имена которых не стоит называть, и что самое замечательное, даже он сам. Чувствуя чрезмерное обилие красот, он (762) называл это «дифирамбом». Сейчас, однако, мне неловко говорить об этом, хотя это и правда.

Я полагаю, что все это произошло потому, что хотя Платон и вырос на беседах с Сократом, очень простых и точных, однако в дальнейшем он не остался под их влиянием, а оказался под воздействием приемов Горгия и Фукидида. Нет ничего удивительного, что он, очевидно, следовал им, впитав в себя вместе с тем хорошим, что было в стиле этих двух писателей, и некоторые их ошибки.

В качестве примера простого и возвышенного стиля я сошлюсь на книгу, которая решительно всем известна, в ней Сократ произно-

сит речь о любви, обращенную к его приятелю Федру, по имени которого и назван диалог...

(764) В этом отрывке мои упреки относятся не к области содержания, а к области стиля, которому свойственна образность и дифирамбичность без всякой меры. Я сужу о Платоне не как о какомто заурядном человеке, а как о великом муже, который возвысился до природы божественного, и я осуждаю его за то, что он внес в философские сочинения выпренность поэтических украшательств в подражание Горгию, так что философские труды стали напоминать дифирамбы, и притом Платон не (765) скрывает этот недостаток, а признает его.

Ты сам, мой дорогой Гемин, выразил мнение об этом муже, близкое к моему, в своем письме, где ты пишешь так:

«При других способах выражения часто встречается то, что может вызывать и похвалу, и порицание, в украшенной же речи все, что не является явным успехом, – крайне неудачно.

Поэтому мне кажется, что о таких великих людях нужно судить не по сомнительным и слабым местам, а по их многочисленным удачам», – и немного спустя ты опять добавляешь: «Хотя я и не защитил все или по крайней мере большинство из критикуемого тобой, то это только потому, что я не осмеливаюсь противоречить тебе. Однако я решительно утверждаю, что добиться многого невозможно без смелости и риска, и неудачи при этом неизбежны».

Таким образом, мы ничуть не расходимся во взглядах друг с другом, ведь ты же признаешь, что тот, кто берется за большие дела, может когда-нибудь потерпеть и неудачу, а я говорю, что Платон в своей приверженности к возвышенному, пышному и смелому слогу не (766) всякий раз достигает успеха, но его промахи тем не менее составляют малую долю его удач. И только в том смысле, я говорю, Платон был ниже Демосфена, что у него возвышенность слога иногда оборачивается пустотой и скукой, чего у Демосфена не бывало никогда или было крайне редко.

Вот все, что я хотел сказать о Платоне.

III

Что же касается Геродота и Ксенофонта, то ты хотел узнать, каково мое к ним отношение, и изъявлял желание, чтобы я тебе о них написал. Я уже сделал это в моих сочинениях о подражании, посвященных Деметрию.

Первое из них содержит общее исследование о подражании, второе сочинение – о том, каким именно поэтам, философам, историкам и ораторам следует подражать. Третий трактат, посвященный тому, каким именно образом должно подражать, до сих пор не окончен. (767)

Во втором трактате, касаясь Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Филиста и Феопомпа, которых я выбрал как наиболее достойных подражания, я писал следующее:

Если я должен высказаться о Геродоте и Фукидиде, то вот то, что я по этому поводу думаю.

Самая первая и необходимая задача любого историка – выбрать достойную и приятную для читателя тему (*hypothesis*). Ее, мне кажется, Геродот выполнил лучше, чем Фукидид. Ведь Геродот избрал своей темой историю деяний греков и варваров, «чтобы ни события, ни дела не изгладились из памяти людей», – как говорил он сам. Это вступление есть начало и конец его истории. Фукидид же описывает только одну войну, и притом такую, которая не была ни славной, ни победоносной, (768) не случись которой, было бы гораздо лучше, но раз уж она все-таки произошла, то потомкам лучше о ней не вспоминать, предав ее забвению и обойдя молчанием.

Фукидид и сам дает понять во вступлении, что он выбрал тягостную тему, ведь он говорит, что варвары, да и сами греки, опустошили многие греческие города, что было сослано и погибло столько людей, как никогда прежде, что случались землетрясения, засуха, мор и многие другие бедствия. Таким образом, подобное вступление у читателей, которые собрались слушать греческую историю, вызывало предубеждение против этой темы.

И насколько сочинение, описывающее замечательные дела эллинов и варваров, превосходит произведение, изображающее страдания и страшные муки греков, настолько же благоразумнее выбор темы у Геродота, нежели у Фукидида. Ведь решительно нельзя сказать, что он выбрал эту тему по необходимости, чтобы не повторить других, прекрасно понимая, что прошлое гораздо достойнее. Как раз наоборот, во (769) вступлении он с насмешкой говорит о минувших делах, считая происходящее при его жизни гораздо более замечательным, и; таким образом, становится ясно, что он сознательно выбрал именно эту тему.

Геродот поступил совсем иначе, его не остановило то обстоятельство, что до него писатели Гелланик и Харон выпустили сочинения на ту же тему, напротив, он верил, что может создать нечто лучшее – и он это сделал.

Вторая важная для исторического труда задача – определить, с чего начать и где следует кончить. И в этом отношении Геродот намного осмотрительнее Фукидида, потому что он начинает с тех причин, которые побудили варваров впервые причинить вред эллинам, и кончает, дойдя до возмездия и кары за это.

Фукидид начинает уже с того времени, когда грекам пришлось (770) скверно. Эллин, афинянин и тем более [гражданин] не из последних, а один из тех, кому в числе лучших афиняне доверили руководство военными действиями и почтили другими почестями, Фукидид не должен был так поступать. К тому же он до такой степени недоброжелателен, что даже представляет свой родной город явной причиной войны, тогда как у него были и другие поводы, которые можно было бы выставить причиной и начать рассказ, таким образом, не с событий на Керкире, а с тех великих свершений, которые произошли вскоре после Персидской войны. Об этом он позднее все же упоминает, правда, в неподобающем месте и притом как-то скупно и бегло. Далее, со всей благожелательностью патриота своего города следовало бы добавить, что спартанцы вступили в

войну от зависти и страха перед ними, прикрываясь, в свою очередь, другими основаниями. И уже только после этого можно было говорить о событиях на Керкире, о решении против (771) мегарцев и обо всем прочем, что он хотел сказать.

В конце сочинения еще больший промах. Ведь хотя Фукидид и говорил, что наблюдал полный ход войны, а также обещал осветить все события, тем не менее он кончает свое повествование морским сражением при Киноссеме, случившимся между афинянами и спартанцами на двадцать втором году войны. Однако было бы гораздо лучше, если бы в конце своей истории он описал какоенибудь замечательное и весьма приятное для слушателей событие, например, возвращение изгнанников из Филы, положившее начало освобождению города.

Третья задача историка – обдумать, что следует включить в свой труд, а что оставить в стороне. И в этом отношении Фукидид отстает. Геродот ведь сознавал, что длинный рассказ только тогда приятен слушателям, (772) когда в нем есть передышки; если же события следуют одно за другим, как бы удачно они не были описаны, это [неизбежно] вызывает пресыщение и скуку, и поэтому Геродот стремился придать своему сочинению пестроту, следуя в этом Гомеру.

Ведь беря в руки его книгу, мы не перестаем восторгаться им до последнего слова, дойдя до которого, хочется читать еще и еще. Фукидид же, описывая только одну войну, напряженно и не переводя дыхания нагромождает битву на битву, сборы на сборы, речь на речь и в конце концов доводит читателей до изнеможения. «Можно пресытиться даже медом и сладким цветком любви», – говорит Пиндар.

То, о чем я говорю, а именно, что перемена темы в историческом сочинении – вещь весьма приятная и вносящая разнообразие, понимал уже и сам Фукидид, который в двух или трех местах так и делал, например, когда говорил о причинах возвышения царства одрисов и о городах Сицилии

(773) Следующая задача историка – распределить материал и расставить все по своим местам. Каким же образом каждый из них рас-

пределяет и располагает сообщаемое? Фукидид следует хронологии, а Геродот стремится схватить ряд взаимосвязанных событий. В итоге у Фукидида получается неясность, и трудно следить за ходом событий. Поскольку за каждое лето и зиму в разных местах происходили различные события, то он, бросая на полдороге описание одного дела, хватается за другое, происходившее одновременно с ним. Это, конечно, сбивает нас с толку, и становится трудно следить за ходом рассказа, когда внимание то и дело отвлекается.

Геродот же, начав с царства лидийцев и дойдя до Креза, сразу переходит к Киру, который сокрушил власть Креза, и затем начинает рассказ о Египте, Скифии, Ливии, следуя по порядку, добавляя недостающее и вводя то, что могло бы оживить повествование.

Сообщая о военных действиях между эллинами и варварами, происходившими в течение двухсот двадцати лет на трех материках, и (774) дойдя в конце истории до бегства Ксеркса, Геродот нигде не разбивает повествования.

Таким образом, получается, что Фукидид, избрав своей темой только одно событие, расчленил целое на много частей, а Геродот, затронувший много самых различных тем, создал гармоническое целое.

Я упомяну еще об одной черте содержания, которую не меньше, чем уже рассмотренные нами, мы ищем в любом историческом труде, – это отношение автора к описываемым событиям. У Геродота оно во всех случаях благожелательное, он радуется успехам и сочувствует при неудачах. У Фукидида же в его отношении к описываемому видна некоторая суровость и язвительность, а также злопамятность, вызванная его изгнанием из отечества. Ведь неудачи своих соотечественников он описывает во всех подробностях, а когда следует сказать об успехах, он или вообще о них не упоминает, или говорит как бы нехотя.

Таким образом, в области содержания Фукидид слабее Геродота, (775) в области же стиля он в чемто хуже, в чемто лучше, в чемто равен ему. Я выскажу свое мнение и об этом. Первое достоинство, без которого вообще бесполезно говорить о стиле, – это язык, чи-

стый в словоупотреблении и бережно лелеющий греческую речь. В этом щепетильны оба, представляя лучшие образцы: Геродот – ионийского, а Фукидид – аттического диалекта...

... Третье по порядку – так называемая сжатость (*syntomia*). В этом, кажется, Фукидид превосходит Геродота. Мне могут возразить, однако, что сжатость хороша только в сочетании с ясностью, а без нее она вызывает досаду. Однако не будем думать, что стиль Фукидида от (776) этого становится хуже.

Вслед за этим самое главное из дополнительных достоинств – живость (*enargeia*), в этом преуспели оба.

Далее – умение изображать чувство и характеры людей. В этом отношении писатели разделяются таким образом: Фукидид сильнее в изображении чувств, в то время как Геродот с большим совершенством рисует характеры.

Далее следуют достоинства, вызывающие размах и своеобразие разработки, – в этом оба писателя равны.

Затем – та сторона мастерства, которая включает в себя силу (*ischys*), напряженность (*tonos*) и другие подобные достоинства стиля, в этом Фукидид сильнее Геродота. Что же касается приятности, убедительности (*reitho*), обаяния (*terpsis*) и тому подобного, то здесь Геродот намного выше Фукидида. В выборе выражений Геродот стремится к естественности, а Фукидид – к мощи (*deinos*).

Из всех достоинств речей самое главное – соответствие [повествованию] (*to pgeron*). Здесь Геродот намного тщательнее Фукидида, который однообразен во всем, а в сочинении речей даже больше, чем (777) в повествовании.

Мы с моим другом Цецилием находим, что Демосфен подражал его энтимемам и даже стремился их превзойти.

Таким образом, подводя итог, я говорю, что поэтические произведения – я без стеснения называю их поэтическими – оба прекрасны, но весьма различаются между собой только в том, что красота Геродота приносит радость (*hilaros*), а красота Фукидида вселяет ужас (*phoberos*).

Пожалуй, я уже достаточно сказал об этих историках, о которых можно было бы еще многое сказать, но об этом в другой раз.

IV

Ксенофонт и Филист, которые достигли расцвета славы уже после Геродота и Демосфена, не схожи друг с другом ни по натуре, ни по направлению, которого придерживались. Ксенофонт был последователем Геродота и в области содержания, и в области стиля. Во-первых, как и подобает философу, он избрал прекрасную и величественную тему (778) своей истории: воспитание Кира, где он дает образ доброго и счастливого царя, и поход Кира Младшего, будучи в прошлом участником которого, Ксенофонт слагает громкую хвалу греческим союзникам Кира. Ему принадлежит еще третье сочинение – греческая история, которую Фукидид оставил неоконченной, где Ксенофонт описывает свержение тирании Тридцати и восстановление в Афинах городских стен, разрушенных спартанцами.

Ксенофонт заслуживает похвалы не только за удачно выбранную им в подражание Геродоту тему, но и за умелое расположение материала. Он начинает и кончает всегда самым подходящим образом, прекрасно распределяет и расставляет материал и привносит разнообразие в свое произведение.

Он изобличает благочестие, справедливость, стойкость, одаренность, словом, все лучшие качества, украшающие человека. Вот то, что можно сказать о содержании у Ксенофонта.

Что же касается стиля, то в этом отношении он в чемто равен Геродоту, а кое в чем ниже его. Его стиль чист, точен и ясен в выборе (779) слов, как и у Геродота; он подбирает слова, родственные и созвучные предмету, и слагает их с не меньшей приятностью и прелестью, чем Геродот. Но у Геродота были к тому же величие, красота и пышность, и то, что называется «исторической жилкой» (plasma

historicon), чего Ксенофонт не только не мог перенять, но даже когда и пытался так выразиться, то у него не хватало дыхания, которое прерывалось и стихало так же быстро, как ветер с суши.

Во многих местах он длиннее, чем следовало бы; далеко не так успешно, как Геродот, он вкладывает речи в уста действующих лиц, и если исследовать по-настоящему, то он во многом небрежен.

V

Филист, мне кажется, скорее походит на Фукидида и вырабатывает свой стиль под его влиянием. Подобно Фукидиду, он избирает не общепольную и касающуюся всех тему, а довольно-таки частную и представляющую (780) местный интерес, и разрабатывает ее в двух сочинениях, первое под названием «О Сицилии», а второе «О Дионисии», но оба об одном и том же, что явствует из заключения части «О Сицилии». Филист придерживается далеко не лучшего порядка изложения событий, и за ними невозможно следить, еще труднее, чем у Фукидида. Как и Фукидид, он не допускает ничего не относящегося к теме и потому однообразен. При этом он обнаруживает льстивый и раболепный нрав, низменный и мелочный. Он избегает того, что в стиле Фукидида было особенным и необычным, и стремится воспроизвести его закругленность, сжатость и энтимематичность. Однако до красоты и богатства энтимем (781) Фукидида ему далеко. Он отстает не только в этом, но и в отношении построения повествования, ведь стиль Фукидида исполнен многообразия (это так очевидно, что я не думаю, чтобы об этом нужно было долго рассуждать), а у Филиста все выражения ужасно однообразны и бедны. Часто можно найти подряд несколько предложений, совершенно одинаково составленных, как, например, в начале второй книги о Сицилии:

«Сиракузяне, присоединившиеся к мегарцам и эннейцам, а камаринейцы, влившиеся к сицилийцам и другим союзникам, кроме гелоннов. Гелоны же отказались воевать против сиракузян. Сиракузяне

Переводы

же, узнав, что камаринейцы перешли через Гирмин...» и т. д.

Мне все это кажется весьма скверным. Филист столь же мелок и незначителен совершенно во всем, описывает ли он осаду города или его постройку, хвалит он или порицает. (782)

Он вкладывает в уста ораторов речи, не соответствующие их величю, и по его воле ораторы, охваченные робостью, теряют свою силу и отступают от своих правил.

Но в его выражениях все же есть природное благозвучие и чувствуется владение ритмом.

Однако в отношении ведения настоящей тяжбы – он более подходящий [образец], чем Фукидид.

VI

Феопомп Хиосский, самый знаменитый ученик Исократы, сочинил много хвалебных и совещательных речей, написал «Хиосские послания» и другие, заслуживающие внимания сочинения. Как историк он стоит (783) похвал, во-первых, за выбор тем, которые обе хороши: одна освещает конец Пелопоннесской войны, а другая – деяния Филиппа; во-вторых, за распределение материала – оба сочинения ясны и легко следить за ходом событий; более всего, однако, похвальны его тщательность и трудолюбие. Ведь совершенно ясно, хоть сам он об этом и не пишет, что он провел самую полную подготовительную работу, затратил огромные силы на сбор материала – ведь он сам был очевидцем многих событий и завязывал отношения со многими видными людьми того времени – военачальниками, политиками, философами, чтобы пополнить свое сочинение, ведь он в отличие от некоторых не считал написание истории чем-то не относящимся к жизни, а самым необходимым делом из всех.

Чтобы оценить затраченный им труд, достаточно обратить внимание на многосторонность его сочинения. Ведь он рассказывает об образовании племен и городов, изображает жизни царей и осо-

бенности (784) обычаев, включает в свое сочинение все, что только есть диковинного на суше и на море. Но не надо думать, что все это только развлечения ради, это вовсе не так, но все направлено, так сказать, на наибольшую пользу.

Как не согласиться, что, занимаясь ученой риторикой, совершенно необходимо, не говоря уже об остальном, также изучить обычаи греков и варваров, быть сведущим в законах и различных видах государственного устройства, знать жизни и деяния людей, их смерть и участь. Изучающим это Феопомп щедрою рукой предоставляет богатые сведения, к тому же не вырванные из хода событий, а связанные с ним.

Все это составляет завидный успех писателя, к которому присоединяются разбросанные по всему сочинению философские рассуждения о справедливости, благочестии и других добродетелях, которые часто и хорошо рассматривает писатель.

В завершение скажем о наиболее характерном свойстве его работ, (785) которое с такой силой и тщательностью не развито ни у одного писателя ни старших, ни младших поколений. Что же это за свойство? А свойство это состоит в том, что Феопомп видит и говорит не только то, что очевидно многим, но изучает неявные причины поступков, побуждения и движения души тех, кто их совершает, которые большинству увидеть нелегко; он всегда разоблачает все тайны мнимой добродетели и нераскрытых пороков. Мне кажется, что мифический суд, который при разлучении души с телом вершат в Аиде тамошние судьи, так же строг, как и тот, что вершит Феопомп в своих сочинениях.

Из-за того и прославили его клеветником, что он добавляет к необходимым упрекам по отношению к видным лицам еще и не необходимые обстоятельства так же, как это делают врачи, которые отсекают и выжигают больные части тела, стремясь достать и вырвать их поглубже, не нанося при этом никакого вреда здоровым и нормальным органам. (786) Вот такого вида у Феопомпа содержание.

Переводы

В отношении стиля он весьма сходен с Исократом. Его язык понятен, ясен, величав, торжествен, пышен, он выдержан в среднем тоне, приятно и плавно течет. Он отличается от Исократа по остроте и напряженности, когда дает волю страстям, особенно там, где он упрекает город или полководцев в злых умыслах и несправедливых делах. Таких мест у него много, и в них он ничуть не уступает силе Демосфена, что можно видеть из многих сочинений и из «Хиосских посланий», которые он написал, вдохновленный патриотическими чувствами.

И если бы там, где он достигает особого накала, Феопомп обращал поменьше внимания на сочетания гласных, ритмическое закругление (787) периода и единообразие конструкций, он был бы намного лучше самого себя.

Впрочем, и в области содержания у него есть коекакие промахи, особенно в отношении отступлений, поскольку в некоторых из них нет нужды, и они употреблены не ко времени, а многие кажутся очень детскими, например история о Силене, который появился в Македонии, о драконе, вступившем в бой с триерой, и немало других в таком роде.

Таким образом, изучение взятых нами писателей будет необходимой основой для осваивающих политическое красноречие и предоставит примеры всех образцов стиля.

МЕНАНДР

ГИДРИЯ

I

Когда, бывает, я смотрю комедию,
Где повар есть: тогда – о, боги вышние! –
И наше мне искусство жалким кажется,
И род наш поварской, коль так ворует мы!
5   Ведь все – сплошное злое издевательство:
Искусно из кусочка мяса делают
По два куска, а колбасу воруют так:
Часть режут из середины, вновь сводя концы,
А масло и питье выносят губками.
10   Своруют даже, словно что-то ценное,
Само злосчастье, лишь бы своровать его!

II

Стянул я неплохой кусочек мякоти:
Они дают мне мясо пересчитанным,

Переводы

Так я уменьшил вес – число же прежнее!
Была на вертеле колбаска славная –
5 Я из середки взял и сдвинул краешки –
И колбаса цела, и вся середка – мне!
Им подал рыбу – потроха же рыбные –
Себе. Был сыр – я сыру уделил себе,
Прибрал сальца, отлил немного маслица,
10 Медку отбавил также. Были там еще
Горчица, тмин и сильфий – я и это взял
И, губку напитав, я все унес с собой.

III

... Представь, что это игры Олимпийские,
А ты – бегун. Сбежишь – везуч ты, стало быть.
Д. – Ну что же, о Геракл, случилось все-таки?
С. – «Сейчас я точно знаю – лишь одна страна
5 Средь всех земель священная – и вот она!
Здесь боги все имеют обиталище,
И до сих пор живут и здесь родились.
Д. – Стробил! С. – О Аполлон! Какие запахи!
Д. – Стробил, бедняга! С. – Это кто зовет меня?
10 Д. – Да я. С. – Кто ты? О из богов верховнейший!
Ц. – Тебя я встретил к счастью. С. – А чего тебе?

Фр. 1 (401)

Сколь сладостная вещь – уединение
Для тех, кто ненавидит нравы грубые!
Достаточен надел, что кормит досыта,
Тому, кто не имеет злого помысла.
5 А средь толпы – лишь зависть. Верно – в городе
Сияет роскошь, да недолог блеск ее.

Менандр. Фрагменты

Фр. 2 (402)

Старик несчастный беды и страдания
Забвенью предал – ты напоминанием
Заставил пережить все это заново.

Фр. 3 (403)

... С собой покончит он,
Едва увидит, как открыли гидрию.

Фр. 4 (404)

О Ливис! Называются троянцами
Фракийцы – так теперь все перемешано!

Фр. 5 (405)

Полоскательницы взяли, ждут они, любезные...

Фр. 6 (794–5)

Фракийцы все, а геты – мы особенно –
Ведь, с гордостью признаюсь, я оттуда же,
Так вот, мы все отнюдь не очень сдержаны.
У нас никто иначе и не женится,
5 Как десять жен беря, двенадцать, более...
А кто умрет, успев лишь взять четыре-пять,
О том у нас все скажут с сожалением:
«Он холост! Он безбрачен, жалкий, бедственный!»

ОЖЕРЕЛЬЕ

1 (333)

Теперь она, прекрасная наследница,
Спокойно может спать, свершив великое

Переводы

Деяние: она из дома выгнала
Ту, кто ее терзал своим присутствием, –
5 Пусть смотрят в рот теперь одной Кробиле все
И видят в ней хозяйку и жену мою!
Пусть смотрят, хоть она, что называется,
Средь обезьян ослица по наружности.
Уж умолчу про ночь, что беды многие
10 С собою привела! О я, несчастнейший!
Ведь с десятью талантами приданого
И с носом в локоть взял Кробилу в жены я.
А как же наглость вынесешь Кробилину?
Никак, клянусь и Зевсом, и Афиною!
15 Служанку, на лету приказ ловившую, –
«Пусть уведут!» – кричит. Ну, что вы скажете?

2 (334)

– Женился я на Ламии-наследнице.
Я говорил тебе? – Ни разу. – Властвует
Она над домом, полем – вообще над всем.
– О Аполлон, как худо! – Хуже некуда.
5 Не я один с ней мучусь – все мы мучимся,
А дочь и сын подавно. – Вот безвыходность!
– И сам я это знаю...

3 (335)

О, трижды разнесчастен тот, кто в бедности
Женился и детей завел. Безумец, кто
Ни о насущном должно не заботится,
Ни, что случись (а в жизни все случается),
5 Не может сгладить неприятность деньгами.
В открытой всем несчастьям жизни бедствуя,
Отведал он всех зол, а благ не пробовал.

Менандр. Фрагменты

Душой болея только за хозяина,
Я всем даю такое наставление.

4 (336)

Бедняк, который жить желает в городе,
Совсем, должно быть, хочет впасть в отчаянье.
Как глянет, что другие могут в роскоши,
В бездельи поживать, так и увидит он,
5 Сколь жизнь его несчастная и жалкая.
Плохое принял господин решение:
В деревне он, ничем не выделявшийся,
Своей особо бедности не чувствовал –
Уединенность ей была прикрытием.

5 (337)

Нет в жизни блага, Парменон, растущего,
Как дерево, из корня лишь единого,
Но зло растет с ним рядом, с ним сплетается,
Во зле природа тоже благо черпает.

6 (338)

Деревня – добродетели наставница
И жизни, что достойна благородного.

7 (340)

Всегда гони из жизни огорчения –
Ведь жизнь так коротка, так скоро кончится!

8 (341)

Такого не найти, чья жизнь без горестей.

9

Ткать на продажу что-нибудь вы будете.

Переводы

10 (343)

... жена во чреве носит десять месяцев.

11 (344)

... ведь всякому приятно побеседовать.

12 (345)

Мать послушайся, Кробилу, и с роднёю в брак вступи.

13 (346)

... голубя болтливее.

14 (347)

Ю

... второй попутный ветер...

ПОДКИДЫШ, ИЛИ ДЕРЕВЕНЩИНА

15 (416)

- а) Я, Парменон, держусь такого мнения:
Счастливейший – кто быстро возвращается,
Откуда он пришел, кто без страдания
Увидел все, что есть великолепного:
5 Свет солнца, воду, звезды, облака, огонь.
Мы видим их всегда – живи хоть год, хоть век –
Величественней не предстанет зрелища.
- б) Считай, что время нашей жизни – торжище:
Толпа, базар, играют в кости, кражи, крик;
Пораньше уберешься – унесешь с собой
Припасы и врагов не наживешь себе.
5 А задержался – все спустил и сделался

Менандр. Фрагменты

Ты нищим стариком, бредешь, скитаешься,
Находишь лишь врагов, всем ненавистен ты,
И страшной будет смерть твоя не вовремя.

16 (417)

Довольно! Что там ум наш человеческий
Пред Случая умом – умом, иль, может быть,
Божественным дыханием, которое
5 Всем правит, все блюдет и направляет все.
Предвиденье ж людей – пустые выдумки.
Послушайте меня, не пожалеете:
Все наши мысли, речи и деяния –
Все – Случай, мы – его лишь подтверждение.

17 (418)

Не первой, а второй пусть говорит жена,
А муж пускай во всем имеет первенство!
Не может быть, чтоб дом, где правит женщина,
Когда-то не постигло разорение.

18 (419)

Одно богатство может быть завесою
Безродности, противоположному характеру
И всем порокам, человеку свойственным.

19 (420)

Я полагаю, очень прав, считающий,
Что не всегда причина благ – предвиденье:
Бывает, все само собою ладится.

20 (421)

Сказать всю правду – вот что наилучшее
При всяких обстоятельствах. Советую
Как верный способ жизни в безопасности.

Переводы

21 (422)

Средь всех зверей и на земле, и на море
Есть самый страшный зверь, и этот зверь – жена.

22 (423)

О Аполлон! Зачем же обнаруживать
Свой промах, если есть возможность скрыть его?

23 (424)

Да! Случай – это вещь непостижимая.

24 (425)

– ... Скажи, Хэрипп,
А вы пирог в Аид не посылаете?
– А ты в Аиде на пирог рассчитывал?

25 (426)

Пусть он не отвечает – говори свое.

26 (427)

Сопливый старикашка нам же нос утрет.

27 (428)

Из повозки мать девицы видела тебя, когда
На Панафинеях малых ты шагал в процессии.

ЖЕНОНЕНАВИСТНИК

28 (276)

А. Не нравится мне брак мой. – Б. Потому, что ты
Воспринимаешь лишь дурную сторону.
Ты видишь лишь плохое да тяжелое,

Менандр. Фрагменты

И даже не посмотришь на достоинства.
5 Нет в мире ничего, Симил, хорошего,
К которому плохое не примешано.
Богатая жена – конечно, тягота,
Не даст супругу жить она, как хочется,
Но кое-что и от нее хорошее –
10 Детишки. А потом, как заболеешь ты,
Заботливо начнет она ухаживать,
В беде тебя не бросит, а скончаешься –
Схоронит, обрядив, как полагается.
Об этом думай, если в повседневности
15 Она тебе и докучает чем-нибудь, –
И стерпишь все. А если только горести
Везде искать, отбросив все хорошее, –
Тогда до смерти так и будешь мучиться.

29 (277)

И жертвы приносили по пять раз на дню,
И семь служанок, встав в кружок, кимвалами
Гремели, и вопили громко прочие.

30 (278)

Ты привлечен сюда двойной табличкою
И драхмой, как залог за спор взимаемой.

31 (279)

Клянусь тебе – свидетель клятвы Гелиос –
Я иск тебе вчиню за оскорбление!

32 (280)

– Гликера, здравствуй! – Здравствуй! – Как давно тебя
Не видел я.

Переводы

33 (281)

Ну, нет нужды о Тибии заботиться.

34 (282)

... хламиду, кавсию,
Копье, ремень, гиматий.

35 (284)

... футляры для сандалий золоченые...

АРРЕФОРА, ИЛИ ФЛЕЙТИСТКА

36 (59)

А. Коль ты в уме, не женишься,
Не распростишься с жизнью. Сам женился я,
И потому жениться не советую.
– Б. Хоть дело решено, а все же бросим кость.
5 – А. Попробуй, не спасешься ли. Воистину
Пускаешься ты в море неприятностей,
Не то, что в Сицилийское, Ливийское,
Эгейское – ведь там из тридцати судов
Не гибнут три. Женатым нет спасения!

37 (60)

Коснись Миртилы, назови лишь нянею,
И в тот же миг она – предел болливости.
Котел додонский медный сходным образом,
Когда его заденут, звоном длительным
5 Звучит весь день, но этот звон кончается,
Миртилы ж болтовня и ночью слышится.

Менандр. Фрагменты

38 (61)

Всегда купцов Византий поит допьяна.
Из-за тебя всю ночь мы напивались
И, мне сдается, пили очень крепкое –
Встаю наутро четырехговым я.

39 (62)

Наследство родовое волей случая
К другим уйдет – так руки нам останутся.
Надежно в жизни знать ремесла, стало быть.

40 (63)

– Когда-нибудь эллебор пил ты, Сосия?
– Однажды. – Снова пей: совсем уж спятил ты.

41 (64)

Для здорового ума – везде святилище,
Сам ум есть бог, оракулы вещающий.

42 (65)

Ну, раздувай же угли, трижды проклятый!

43 (66)

Характер мужа в речи обнаружится.

44 (Остин, 110)

Но Случай, все крушащий и ломающий,
Не выполняет то, что мы задумали,
На что мы уповаем, – замышляет он
Совсем иное – и всего лишает нас.

Переводы

РЫБАК

45 (14)

Кто нищим дал науку пропитания,
Обрек на беды многих – раньше попросту:
Кто жить легко не мог, хоть умирал легко,

46 (15)

Однако же, когда они увидели,
Что мыс мы огибаем, то тогда они,
Взойдя на судно, быстро в море выплыли,

47 (16)

Порядочный распутник улизнул от нас,
Взамен же...

48 (17)

И стариков негодных, по словам твоим,
Мороча в двух домах...

49 (18)

Нелегкий дочка клад – пристроить некуда,

50 (19)

Богатство всемогуще: даже добрыми
Своих способно сделать обладателей.

51 (20)

... с золотою рукояткою
Кинжал прекрасный...

52 (21-23)

Менандр. Фрагменты

... Он, жирная свинья, валялся рылом вниз...
... Пожил роскошно, хватит ему нежиться.

... Если б смерть мы выбирали, я бы выбрал лишь одну,
Всеблагую – лежа навзничь, жирный, с полным животом,
Говорить почти не в силах и дыша едва-едва,
Есть и есть, в конце промолвив: «Загниваю... благодать...»

53 (24)

Да, богаты мы изрядно, из Киинд есть золото,
Есть персидские одежды, скатерти пурпурные,
Есть чеканная посуда, кубки есть индийские,
Для вина есть роги, чаши и ритоны разные.

54 (25)

... Это илистое море, что растит больших тунцов.

55 (26)

Подойду, расставляю сети и уж больше не сдержусь.

56 (27)

... неводом он ловится.

ЛЖЕГЕРАКЛ

57 (451)

Какой ты повар, право, надоедливый!
Уж третий раз спросил ты, сколько надобно
Накрыть столов. А что тебе за разница,
Один иль десять – одного ведь жертвуем

Переводы

- 5   Сегодня поросенка. Ты нам сделаешь
         Не, как всегда, кандил, куда муку кладешь,
         И мед, и яйца. Нынче все особенно.
         Сегодня повар пирожков наделает,
         Печенье испечет и кашу сварит нам,
10   И после рыбы даст соленой. Далее –
         Яичницу и гроздья виноградные.
         Поджарит мастерица-повариха нам
         Кусочки мяса, и дроздов, и лакомства.
         Полакомится гость, потом намажется
15   Он миром и опять, венком украшенный,
         Поест дроздов с медовыми лепешками.

58 (452)

Я вижу – нынче параситы запросто
На женской половине; страж имущества,
Зевс Ктесий, вижу, держит незакрытыми
Кладовки – потаскушки в них врываются...

59 (453)

Скончалась мать у этих близнецов-сестер,
Сожительница их растит отцовская,
Раба-домоправительница матери.

60 (454)

Не заикайся о вине, кормилица.
Коль будешь безупречна – будешь праздновать
Шестнадцатое вечно боэдромия.

61 (455)

В суровой жизни места нет для нежностей.

Менандр. Фрагменты

62 (456)

... он не отведал Наннион?

ГНЕВ

63 (303)

И я, жена, был юн, да только в юности
Не мылся в день пять раз; теперь – пожалуйста!
Хламиду не носил – теперь ношу ее,
Не умащался – ныне это делаю.

5 Вот я покрашусь, волосы повыщиплю,
И буду я, клянусь, не человек – Ктесипп!
Совсем как он, проем не только землю я,
Но даже камни все проем могильные.

64 (304)

Совсем как Хэрефонт бывают многие:
Его позвали как-то раз прийти на пир
В тот час, когда все тени станут длинными,
А он, наутро встав еще при месяце,
5 И, видя тени, на рассвете длинные,
Примчался в гости, словно он опаздывал.

65 (305)

Покажет голод, обглодав красавчика,
Что он худей скелета Филиппидова.

66 (306)

Прелюбодейство – вещь дороже некуда:
Ведь за нее порой и жизнью платятся.

Переводы

67 (307)

Нес Ламприй сзади алебастровый сосуд.

68 (308)

Какое имя ты сейчас назвал, злодей?

69 (309)

Кто воистину товарищ, тот не станет спрашивать,
Как иные, час обеда, или, что препятствует
Сесть за стол, не станет рыскать, где б еще урвать обед,
Дважды, трижды пообедать, на поминках посидеть.

ПЬЯНСТВО

70 (264)

А жертвы мы приносим по достатку ли?
Богам отдать достаточно паршивую
За десять драхм овцу, хотя не менее
Таланта нам обходятся флейтисточки,
5 Певички, благовония, фасийское,
Мендейское, сыр, угли и так далее.
И если жертву эту боги приняли,
То нас дарят добром – всего-то навсего
За десять драхм, а если и не приняли,
10 То деньги эти из потери вычтутся.
Лишь множат зло такие приношения!
Вот будь я богом, я уж не позволил бы,
Чтоб на алтарь мне клали просто бедрышки!
Пускай уж вместе с ними мне и угря жгут,
15 Прося, чтоб умер Каллимедон-родственник.

Менандр. Фрагменты

71 (265)

Вот Хэрефонт, тончайший в обхождении,
«Священный брак» отметить пиром звал меня
Двадцать какого-то числа, чтоб он успел
Откушать у других двадцать четвертого
5 (Ведь, мол, богине все по чину справлено).

72 (266)

Богиня Немесида мрачноокая,
И Адрастея – о, простите, смилуйтесь.

ЖЕНЩИНЫ ЗА ЗАВТРАКОМ

73 (385)

О Артемида! Славный завтрак выдался!
Еще б и выпить – да служанка-варварка
Ушла, забрала стол и со столом – вино
От нас подальше...

74 (382)

Был праздник Диониса, было шествие...
Он прямо до дверей за мною следовал.
Стал заходить и, лестным обхождением
Пленив меня и мать, меня познать сумел.

75 (383)

Из всех богов имеет силу большую
Эрот – ведь в честь Эрота нарушаются
Все клятвы, что другим богам приносятся.

Переводы

76 (387)

Взаимная любовь меж ними вспыхнула
Обоим на беду, вот какова она.

77 (386)

Такая штука жизнь – полна заботами,
И трижды разнесчастная, и жалкая.

78 (388)

Не очень-то страшны угрозы отчие.

79 (389)

... И тверды, и вечно юны будут, о злосчастнейший.

80 (384)

Хороший тон не в том, чтоб женщин множество
Созвать и угощать толпу обедами, –
В кругу домашних свадьбу надо праздновать!

81 (390)

... женские ряды.

КОРМЧИЕ

82 (250)

Ты думаешь, что деньги, милый юноша,
Способны дать не только то, что надобно
Нам ежедневно – масло, уксус, хлеб, ячмень, –
Но, будто, могут деньги нечто большее?
Бессмертия не купишь, не возьмешь с собой
Танталовы таланты баснословные!

5

Менандр. Фрагменты

Умрешь – и всё кому-нибудь достанется.
Скажу тебе: не полагайся полностью
На деньги, коль богат ты, и презрительно
10 На нас, на бедных, не смотри: показывай,
Что ты достоин жребия счастливого.

83 (251)

Что говорить! Те – трижды разнесчастные,
Кто гордостью своей переполняются,
Не ведая природы человеческой.
На агоре считают: вот счастливец-то!
5 А дома, лишь войдет – и разнесчастнейший!
Жена – начальник: ругань, помыкания.
Есть от чего страдать ему. Мне – не с чего!

84 (252)

Ну, под каким теперь предлогом плату мне
Урежет он? Я жду со дня вчерашнего.

БРАТЪЯ

85 (3)

Я холост, что блаженством почитается.

86 (5)

Коль он тот самый, погубивший девушку..

87 (6)

Поистине задача многотрудная –
Найти родню для человека бедного.
Никто его признать не соглашается

Переводы

5 Сородичем: нуждается он в помощи,
Вот всем и страшно, что о ней попросит он.

88 (7)

Должны мы не во всем дурным потворствовать.
Бороться надо. Ведь в противном случае
Все в нашей жизни встанет с ног на голову.

89 (8)

Бедняк всегда робеет: он ведь думает,
Что все к нему относятся с презрением,
Кто небогат, тому всегда болезненней
Все тягостные, Ламприй, обстоятельства.

90 (10)

... у друзей все общее.

91 (11)

Да, я крестьянин, работяга, я суров,
Угрюм и не бросаю денег на ветер.

92 (12)

И надо ль говорить об осторожности
Тому, кто полон страха и без этого?

93 (13)

Когда в хороших людях бог присутствует,
То это, видно, разум их, мудрейшие.

94 (1)

Земля родная, здравствуй! Как же радостно
Тебя увидеть наконец! Не всякая

Менандр. Фрагменты

Земля приятна, как родной участок!
Ведь своего кормильца чту, как бога, я.

95 (2)

Киафов он по десять черпать требовал,
Считая долгом напоить всех допьяна.

СИРОТА-НАСЛЕДНИЦА

96 (152)

Ну, есть ли что болтливее бессонницы!
Подняв и притащив сюда, заставила
Она меня всю жизнь мою рассказывать!

97 (153)

... как в хоре, где не все поют.
Но двое-трое по краям, безгласные,
Стоят для счета просто – сходным образом
Одни собой лишь место в жизни заняли,
5 Другие, в ком есть жизнь, живут воистину.

98 (154)

Пока ты одинок – живи, а сделался
Отцом детей – умри! Вся жизнь отравлена.

99 (155.156)

Какой-то там петух раскукарекался,
Он тотчас: «Почему же вы не гоните
Наружу кур?»

Переводы

100 (157)

Что может быть у мертвого хорошего,
Когда и у живых-то нету этого!

101 (158)

Подумай, посмотри и уходи скорей!

САМОИСТЯЗАТЕЛЬ

102 (127)

Афиной я клянусь, что ты безумствуешь!
В твои года! Поди, за шестьдесят тебе!
Поместье в Галах у тебя прекрасное,
Средь лучших трех – готов поклясться. Зевсом я!
5 И, что всего прекрасней, не заложено.

103 (128)

... Служанок, воду, блюда, ложа мягкие...

104 (129)

Веретену трудолюбиво предана.

105 (130)

... служанка там была одна,
В одежде неопрятной вместе с ней ткала.

106 (131)

... отцы все безрассудны.

107 (132)

Жить дома, жить свободным – иль совсем не жить –
Вот то, что делать следует счастливому.

Менандр. Фрагменты

108 (133)

Миндаль я им поставил после завтрака,
И маленьких гранатов мы отведали.

109 (134)

Так вот тебе и Пифии, и Делии!

110 (135)

Но у тебя ведь был хитон...

СУДОВЛАДЕЛЕЦ

111 (286)

А. Стратон, послушай! Феофил вернулся к нам,
«Покинув глубь соленую Эгейскую»,
И с радостью я первый говорю тебе,
Что сын твой жив, и судно в невредимости.

5 Б. Что? Судно? – А. Ничего не понял ты!
Б. Корабль мой цел, ты говоришь? – А. Ну да, он цел.
Б. Неужто мой корабль, Калликлом сделанный,
Где кормчим был Эвфанор, что из Фурия?

112 (287)

О, мать-земля! Для человека умного
Какое ты бесценное сокровище!
Пусть промотавший отчье имение
Вовеки только по морю и плавает,
5 Ногой на сушу не ступив, пусть чувствует,
Что он имел и потерял по глупости!

Переводы

113 (288)

Не знаешь разве ты, как Поликсид погиб?

114 (289)

Какое зло – надежда, многочтимый Зевс!

115 (290)

Податлив по природе всякий любящий.

ВОЗНИЧИЙ

116 (177)

5   Такого бога, кто тебе за пазуху
Положит деньги, нет! По благосклонности
Бог может указать, каким ты образом
Способен их добыть всего удачнее.
Упустишь – и на бога уж не жалуйся,
Скажи спасибо собственной никчемности.

117 (178)

Не нравится мне бог, что со старухой
Снаружи дома бродит, не входя в него
Через порог. Пускай он, как положено,
Живет в доме, храня алтарь поставивших.

118 (179)

5   ... он единственный,
Кто в счастья научился состраданию...
Хороший и других людей хорошими
Способен делать – как ему и следует.
... одно достоинство –
Во всем уметь избежать неуместного...

Менандр. Фрагменты

119 (180)

... хоть мы раба не видели,
Однако западня ему готовится.

120 (181)

Когда причина бедствий – не характеры,
А случай – благородным людям следует
Терпеть их благородно и с достоинством.

ПОЛУЧАЮЩАЯ ПОЩЕЧИНУ

121 (358)

Когда принять не хочет кто-то выгоду,
Что послана богами, – хочет, стало быть,
Беды. Богами беды насылаются,
А вовсе не зависят от характера.

122 (359)

Беда с обидой – это вещи разные.
Одно случайно, а другое с умыслом.

123 (360)

Ум, если он направлен мудро к доброму,
Для всех причина блага величайшего.

124 (361)

Моя дочурка – ведь и по характеру
Дитя мое чрезвычайно доброе.

125 (362)

Откуда же, о боги многочтимые,
Они слова такие понадергали!

Переводы

126 (363)

Старик, помет мышиный, незамеченным
Остаться, видно, хочет...

127 (364)

Потом какой-то водонос оброк принес.

128 (365)

А разве вы не видите кормилицу,
Что, словно воин в битву, подпоясалась.

129 (366)

Бывает, что на свет выходит истина,
Которую никто и не изыскивал.

ДЕВУШКА С АНДРОСА

130 (33)

... теперь не утаишь...

131 (34)

Как утверждают те, кто мудро морщат лбы,
Полно находок их уединение.

132 (36)

Вы ее скорей помойте...

133 (37)

... после этого –
Желток от четырех яичек, милая.

Менандр. Фрагменты

134 (35)

О, Артемида!

135 (38)

... что услышу я?

136 (39)

... Коль бог того захочет – не погибну я...

137 (42)

... он сам и есть.

138 (43)

... любовь, как водится,
Ум помрачает всем без исключения,
И дуракам, и умным одинаково.

139 (45)

Как можется, живем, а не как хочется.

ЗАЛОГ

140 (322)

Да! От природы люди – несчастливые:
Они в расчетах вечно ошибаются
И думают, что ближние разумнее.

141 (323)

Подружки, не друзья, такое делают.
Два эти слова кажутся похожими,
Но есть меж ними разница постыдная.

Переводы

142 (324)

Война нам не дает обогащения,
Живем мы кое-как, лишь днем сегодняшним,
Есть риск и никакого нет спасения.

143 (325–326)

Я золота талант тебе дал, юноша,
Заботясь...
... счастливым будет он,
Слизнув талантов десять ...

144 (327)

Какой позор – и нищим быть, и немощным!

145 (328)

И у богов, похоже, суд неправедный.

ТРОФОНИЙ

146 (397)

А. Обед в честь гостя. – Б. Что за гость? Откуда он?
Ведь это знать небезразлично повару.
К примеру, если гость приехал с острова,
Где изобилье рыбы всевозможнейшей,
5 Его не удивишь соленой рыбою –
Он до нее едва-едва дотронется
И предпочтет скорей с мясной начинкою
И с пряною приправой блюда тонкие.
Кто ж из далекой от морей Аркадии –
10 Тот должное воздаст моллюскам–блюдечкам,
А ионийцу-богатею сделаю
Кандил и суп и снедь афродисийскую.

Менандр. Фрагменты

147 (398)

Не причиняя зла, добрей становишься.

РОДСТВЕННИКИ

148 (53)

... так природой создано:

Любовь к увещаваньям нечувствительна,
Над юностью и богом речь не властвует.

149 (54)

Толковый сын – блаженство для родителя,
Но дочка – незавидное имущество!

150 (55)

... неси же факелы,
Светильник и подставку для светильника,
Неси, что есть, – побольше свету было бы.

151 (56)

Лучина эта вся водой пропитана,
Не стряхивать, а выжимать приходится.

152 (57)

Мужей растит надел, что кормит впроголодь.

СОКРОВИЩЕ

153 (198)

Эрот – из всех богов не величайший ли?
Уж самый дорогой, во всяком случае!

Переводы

5 Нет никого – будь то купец расчетливый,
Иль человек строжайшего характера,
Кто б с этим богом частью состояния
Не поделился. Тем, к кому он милостив,
Велит он делать так от самой юности.
А те, кто приберег любовь до старости,
За давность платят дань свою с процентами.

154 (199)

Пропала дерзость в юноше влюбившемся –
Тогда и сам – пиши пропало, юноша!

ФАИДА

155 (185)

Такую, как она, воспой, богиня, мне:
Нахальную, красивую, влекущую,
Кто вечно мучит, кланчит, не пускает в дом
И, не любя, влюбленной притворяется.

156 (186)

Каков злодей! Устал я, но приятно мне,
Что, столько претерпев, ее имею я!

157 (187)

... Дурная дружба губит нравы добрые.

158 (188)

... погибель по-мышинному.

Менандр. Фрагменты

159 (189)

... тиран Арес...

160 (190)

... беднее трясогузки...

СУЕВЕРНЫЙ

161 (97)

А. Что может быть со мной, Лахет, хорошего?

Б. А что с тобой? – А. О, боги многочистимые!

На правом башмаке я ремешок порвал.

Б. Ну, так тебе и надо, бестолковщина!

5 Уж он давно истлел, а ты все жадничал

Купить другой...

162 (98)

Не обижай прислугу, если изредка

Что сделает не так – без злого умысла,

Нечаянно. Обидеть – безобразие!

163 (98a)

... слепому ясно.

СЕТКА ДЛЯ ВОЛОС

164 (238)

По новому закону, знал он, следует,

Чтобы гинекономам сообщали все

И поваров число, и всех прислужников,

Переводы

5 Когда справляют свадьбу, и гостей число;
Случись, что кто-то больше, чем положено,
Назвал гостей...

165 (239)

Вот так. Теперь столы несите прочь скорей,
Венки готовьте, миро, возлияния.

166 (240)

А. – Приятно, мальчик, это благовоние.
Б. – Еще бы нет! Из нарда приготовлено!

167 (243)

Как из машины бог, ты появляешься.

ЛЕВКАДИЯ

168 (258)

5 Это здесь, со скалы, что видна далеко,
Первой бросилась в море Сапфо, говорят, –
За Фаоном надменным гнала ее страсть.
Но, Владыка, ты сам заповедовал всем
О священном наделе молчанье хранить,
О наделе окрест Левкадийской скалы.

169 (255)

Желает зла, кто тянет руки к золоту,
Хоть сам, конечно, в этом не признается.

170 (256)

А бедняки – запомни – люди божи!

Менандр. Фрагменты

171 (257)

Огонь, служанка, ближе! Хорошо, вот так.

ОБВИНЯЕМЫЙ

172 (148)

Со стороны благим, мой друг, покажется,
Коль положенью скромному попробуешь
Значения придать; но если сделаешь
Ты сам его в чужих глазах ничтожнее,
Сочтут, что ты достоин осмеяния.

5

173 (150)

Всем речам с бесстыдным смыслом в помощь может быть одно:
Выбрать случай поудобней и короче их сказать.

174 (Остин, 132)

Разумный налагает наказания
За дело, а богатые и умные
Об этом вовсе даже не заботятся.

СЖИГАЕМАЯ

175 (142)

... Пропал бы пропадом,
Тот, кто женился первым, тот, кто был вторым,
И третьим, и четвертым, и так далее.

Переводы

176 (143)

... Поскольку, о хозяин мой,
Три вещи есть, которыми все движется:
Закон, необходимость и обычай.

177 (144)

Вообразишь, что кто-то ты особенный, –
Погибнешь, как других погибли тысячи.

178 (145)

Как хорошо стать чьим-нибудь родителем.

ВЫСТАВЛЕННЫЕ НА ПРОДАЖУ

179 (352)

Ах, горе! Что ты до сих пор в дверях стоишь,
Поставив ношу? Дармоеда жалкого
Мы взяли в дом, такого бесполезного!

180 (353)

Так мучайся и делай то, что делаешь,
Хотя возможно жить, от счастья лопааясь,
С утра до ночи угощаясь вкусненьким.

181 (354)

Случается, что разум не ко времени.
Бывает, что безумие уместнее.

ГИМНИДА

182 (407)

Порядочность – поистине чудеснейший,
Счастливейший припас в дороге жизненной.
Вот человек, с которым только коротко
Поговорив, к нему расположился я.
5 Мне скажут: «Речи мудрых убедительны».
А что ж другие мерзки мне речистые?
Не речью убеждают, а характером.

183 (408)

Искусства никогда не увядали бы,
Не будь у них корыстных покровителей.

ДИТЯ

184 (312)

Коль раб во всем лишь быть рабом приучится –
Он станет негодяем. Предоставь ему
Свободно говорить – и станет лучше он.

185 (313)

Гуляет он, и людям, в брак вступающим,
Эфесские бормочет заклинания.

186 (314)

Ты золотую цепь принес. Но лучше бы
Была она с камнями драгоценными.

Переводы

187 (315)

Смарагд и сердолик должны здесь были быть.

188 (316)

Коль бог какой судьей или посредником...

ЖРИЦА

189 (210)

Жена! Такого бога нет, который бы
Спас человека с человечесьей помощью.
И если человек, звеня кимвалами,
Склоняет божество к своим желаниям,
5 То больше бога тот, кто это делает.
Но это, Рода, наглое насилие
Придумали бесстыдники, которые
Над жизнью человека издеваются.

190 (592)

Жена! Ты перешла в своей болтливости
Пределы, для замужних допустимые.
Ведь дверь – граница для свободной женщины.
А с бранью гнаться, выбегать на улицу –
5 Собачье дело, Рода, а не женское!

191 (211)

Осел нос сунул...

КОНЮХ

192 (215)

А. Филон, ты знаешь, Моним – был мудрец такой,
Но менее известный... – Б. Что суму имел?
А. И даже целых три! Но, Зевс свидетелем,
Не говорил «познай себя» и прочее,
5 Что вечно повторяют. Больше этого,
Он, попрошайка грязный, вот что высказал:
Тщеславие – считать, что есть понятное.

ВЕРБОВЩИК

193 (294)

Сын бедняка, не по деньгам воспитанный,
От бедности отца терзался совестью.
Естественно – благое воспитание
Приносит добрый плод незамедлительно.

194 (295)

О, сколь непостижима милость Случая,
Когда она и выпадает смертному.
Для Случая законов нет. Покуда жив,
Не говори: «Я это не изведаю».

БРАТОЛЮБИВЫЕ

195 (436)

А. Все деньги собери свои, я дам еще,
И покупай землю. – Б. Не спеши давать!

Переводы

196 (437)

Уже стояли персы с опахалами,
Стояли чаши, кубки драгоценные...

197 (438)

... Дело трудное
В короткий срок избавиться от глупости.

198 (439)

Великий Зевс, мне заморочат голову!

199 (440)

Как сладко жить, когда живешь с кем хочется!

ПРИВРАТНИК

200 (208–209)

И ни братец, ни сестрица мне не будут докучать,
Не видал в глаза я тетю, и про дядю не слышал!
Что за счастье и удача – не иметь большой родни!
На обед попасть семейный – это просто тяжкий труд!
5 Там отец, взяв первым килик, начинает говорить,
И, закончив поученье, выпивает. Мать – за ним.
После тетушка лопочет, а за ней басит старик,
Этой тетушки папаша, после – старушенция,
Что кого-то из семейства называет «миленьким»,
10 Ну, а он сидит, кивает этой всей компании.

Менандр. Фрагменты

ДЕВУШКА ИЗ БЕОТИИ

201 (82)

А клевету спускать – хоть явно лживую –
Нельзя: ее раздуть умеют многие,
И этих лиц поостеречься следует.

202 (83)

... Много скверного
Найти ты сможешь в людях – стоит выяснить,
Не больше ли, однако, в них хорошего.

203 (84)

Богатство – это многих зол прикрытие.

ФРАСИЛЕОНТ

204 (203)

«Познай себя» – во многих отношениях
Неверный афоризм. Полезней было бы
«Познай других» сказать...

205 (204)

Пускается он в эту философию
Затем, чтоб свадьба сладилась...

206 (205)

«Второй попутный ветер» – значит, видимо,
Плыви на веслах, если ветер кончился.

Переводы

ХАЛКИИ

207 (442)

Кто столь же жалок, как старик влюбившийся?
Лишь тот влюбленный, кто постарше этого!
Ведь жалок, кто возжаждал наслаждения,
В котором ему возрастом отказано.

208 (443)

Кричать пошел обычай: «Лейте чистого,
Да по большой». А кое-кто додумался
Псиктеры в ход пускать, губя приятелей.

РАСПОРЯДИТЕЛЬНИЦА

209 (100)

А. Ну, что, слуга? Вошел ты с видом ревностным
Примерного слуги. – Б. Всю ночь не спали мы,
Все лепим пироги, да и сейчас еще
Не все у нас готово...

210 (101)

Блажен, кто наделен умом и деньгами,
Он их употребит на то, что следует.

КИНЖАЛ

211 (136)

Беда пришла, откуда я не ждал ее,
А все, что происходит неожиданно,
Всегда приводит просто в исступление.

Менандр. Фрагменты

212 (137)

А корикеец это все подслушивал...

213 (138)

А. Пей! – Б. Святотатца первым пить заставляю я!

214 (139)

... как свят Сарапис бог...

215 (141)

... За тень ослиную...

ЕВНУХ

216 (161)

... Ну, что я буду делать!

217 (162)

Ты с богом не борись, не добавляй себе
К беде несчастье, и терпи, что выпало.

218 (163)

... старик веснущатый...

219 (164)

... Как считают мудрые,
Желанное всегда заботы требует.

Переводы

ЖИТЕЛИ ИМБРОСА

220 (212)

Демея, как давно тебя, любезнейший...

221 (213)

Способность мыслить – вот что наивысшее,
Что есть, отец, в природе человеческой.
Разумно рассмотреть все обстоятельства
И должное решить – уметь обязаны
5 Стратег и архонт, предводитель демоса
И тот, кого призвали быть советчиком.
Владеет всем, кто выдается разумом.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЭФЕСА

222 (171)

И вот, клянусь богами, мне уж чудится,
Что вижу я себя на рынке, голого,
В рядах, где продают рабов – и с ними я.

223 (172–173)

... и рыбу взяв на завтрак...

А. За пескарей торговец рыбой только что
Четыре драхмы заломил. – Б. Как дорого!

ФЕССАЛИЯНКА

224 (192)

... Ты и бутыль открыл,
Несет винищем от тебя, разбойника.

Менандр. Фрагменты

225 (193)

Легко найти предлог для дела скверного

226 (194)

Раба питает, Тибий, добронравие,

227 (195)

Я путы снял, а после убежал один.

228 (196)

Тебе вот этот самый, невредимый, гость.

ДЕВУШКА ИЗ ОЛИНФА

229 (296)

Природа что-то делает хорошее,
А Случай все испортит. Вот обида-то!

230 (297)

... получал у Аристотеля
Четыре в день обола...

231 (298)

Нужно, чтоб не по указке к нам благоволили вы,
А само чтоб это было...

Переводы

ПОХОТЛИВЫЙ

232 (79)

Тот, кто находит разум у влюбленного,
Хоть в ком-нибудь способен видеть глупого?

233 (80)

Она, однако, из болезни выскользнув,
Не отменила слов, что были сказаны,

234 (81)

Коль правду кто-то скажет тебе попросту.

ПЕРСТЕНЬ

235 (88)

И разве не безумцем тот был, кто сказал,
Что дочек замуж отдал бы без радости, –
А сам их пятьдесят имел на выданьи!

236 (89)

Нашли мы жениха – самостоятелен
И, стало быть, в приданом не нуждается.

237 (90)

... стало ветрено...

ПЛАКАЛЬЩИЦА

238 (223)

О, Наглость, ты, кто ныне – величайшая
Из всех богов, коль богом позволительно

Менандр. Фрагменты

5 Назвать тебя, – а богом звать и следует,
Ведь бог есть власть, теперь ведь так считается,
А ты имеешь все, к чему потянешься!

239 (224)

Пусть ожерелье даст – укрась им шею ты!

ВОИНЫ

240 (380)

При трудностях с собой всегда советуйся.
Спасение – не в криках и стенаниях,
Лишь в рассуждени польза проясняется.

241 (381)

Ошибки меру, действуя ошибочно,
Не знаем – это видно лишь впоследствии.

КАНЕФОРА

242 (218)

Ведь процветанье, без труда добытое,
Как водится, ведет к высокомерию.

243 (219)

Не в нашей воле избежать несчастья,
Которому причина – неразумие.

Переводы

СВОДНЫЕ БРАТЯ

244 (300)

... люди умные –
Вот средство наиболее надежное
Всегда, как Случай ни качнет весы свои.

245 (301)

Способный покраснеть мне честным кажется.

СОЖИТЕЛЬНИЦА

246 (318)

Немного выждав, подбежал и вымолвил:
«Вот этих голубей я для тебя купил!»

247 (320)

Да, подлость вертит многими расчетами.

248 (321)

О добрых людях божество заботится.

ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИЙ ОБВИНЕНИЕ

249 (350)

А вот что значит стать детей родителем:
Забота, горе, страх – до бесконечности.

250 (351)

Как говорят, рабу всего надежнее,
Чтоб выполнял он то, что было велено.

ЖЕНОПОДОБНЫЙ, ИЛИ КРИТЯНИН

251 (46)

Ты человек, так жди напастей всяческих.
Нет ничего, что было бы устойчиво.

252 (49)

Кратон! Хранитель дружбы, Зевс, свидетель мне.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЦИТАТЫ ИЗ ДРУГИХ КОМЕДИЙ

253 (395)

Лишь дураки вещают, лбы наморщивши:
«Обдумаю». А что тут можно думать-то,
Раз человек ты, что?! Терпи, что выпадет.
Есть ход вещей, и он тебя, хоть спящего,
Иль в счастье ввергнет, иль совсем в обратное.

254 (58)

... Знаю я,
Старик уж если заполучит денежки,
Служанку, что купил для дома только что,
Тотчас распорядительницей сделает.

255 (87)

Гликера, что ты плачешь? Я клянусь, тебе
И Зевсом Олимпийским, и Афиною,
Как я не раз уж прежде клялся, милая!

256 (Остин, 113)

Судьба в несчастьях вышколила бедного,
Чтоб он извлек все самое хорошее,
Коль Случай жизнь его изменит к лучшему.

Переводы

257 (77)

Богатство слепо и способно выявить,
Что слепы также на него глядящие.

258 (104)

Пойдешь гулять со мной, одета в рубище,
Как некогда жена Кратета-киника.

259 (274)

Богатством обладать умело следует,
А то иных богатство лишь уродует.

260 (348)

Да, много здесь у Случая превратностей.

261 (392)

Чудак, пусти! Зачем же молотить его!

262 (432)

Я – человек – ошибся. Что тут странного?

ЦИТАТЫ ИЗ КОМЕДИЙ,
НАЗВАНИЯ КОТОРЫХ НЕИЗВЕСТНЫ

263 (740)

5 Когда бы ты, хозяин, был рожден на свет
Единственным из всех, кому бы выпало
Что хочешь делать, и всегда удачливо,
И боги этот редкий дар одобрили, –
Ты был бы прав, сердясь, – ведь бог надул тебя,
И сделал скверно. Если же ты вылеплен

Менандр. Фрагменты

По тем же меркам, что и все мы, смертные,
Иль, как сказать уместнее в трагедии,
Ты дышишь вместе с нами общим воздухом,
10 То потерпи и вот над чем подумай-ка:
Во-первых – и, пожалуй, это главное –
Ты человек, а он всего стремительней
То ввысь взлетит, а то падет в ничтожество.
И верно, по природе он бессильнейший,
15 То всем вершит, а то всего лишается.
Ты потерял не бог вещь что хорошее,
И нынешнее горе – горе малое.
Вот так и отнесись ты к огорчению.

264 (581)

Жениться мы должны таким же образом,
Как совершать покупку, о спаситель Зевс!
Нельзя, вникая в мелочи – кто дедушка,
Кто бабушка у той, на ком мы женимся,
5 Не изучить ее самой характера,
Ведь с ней мы жизнь прожить намереваемся!
К меняле мы несем жены приданое,
Чтоб чистоту он серебра испробовал,
Хоть деньги дома на год не задержатся,
10 А вот жену, кто весь свой век останется
У нас в дому, берем, не глядя. Стало быть,
Хватаем сами – глупых, раздражительных,
Суровых и болтливых – как получится.
А я вот лично дочь свою родимую
15 Сам поведу по городу – желающий
На ней жениться с ней пускай беседует
И сам глядит, какое зло берет себе.
Жена всегда есть зло, и вот поэтому

Переводы

Удача, если зло еще терпимое.

265 (612)

Мать! Слово «род» меня приводит в бешенство!
Хоть из любви ко мне не повторяй его
При каждом слове! Те, кому природою
Отказано иметь в себе хорошее,
5 Вот те к камням могильным обращаются
И к «роду»: пересчитывают дедушек,
И ничего-то нет у них сверх этого.
А у кого, скажи-ка, нету дедушек?
Ведь как тогда родиться? Если кто-нибудь
10 Иль переехал, иль лишился родичей,
Так что же, он, выходит, их безроднее?
В ком от природы добрые наклонности,
Хоть будь он эфиоп, – он благороден, мать!
Скиф, говоришь? А что, не скиф – Анахарсис?

266 (614)

Считает Эпихарм богами ветер, дождь,
И солнце, и огонь, и все созвездия,
А вот по мне – единственно полезные
Нам боги – это серебро и золото.
5 Лишь в дом их принесешь, – о чем помолишься,
Все будет у тебя, что только хочется:
Земля, дома, служанки, украшения,
Друзья, свидетели и судьи – лишь плати!
К тебе пойдут и боги в услужение.

267 (620)

Зверье куда умнее и счастливее,
Чем человек. Пример тому прекраснейший –
Осел, весьма злосчастный в нашем мнении.

Менандр. Фрагменты

5   Ведь сам он никакого зла не чувствует,
В нем только то, что вложено природою.
А мы, когда и нет необходимости,
Выдумываем зло себе различное.
Как кто-нибудь чихнет – уж мы расстроимся,
Дурное скажет – гневаемся, сон плохой –
10   Дрожим, сова ли ухнет – мы уж в трепете.
Законы, тяжбы, слухи, честолюбие –
Все это зло к природе мы добавили!

268 (656)

Клянусь, мужи, Афиной – нет сравнения
Всему сейчас со мной происходящему.
Что так же быстро губит? Смерч? Да он пока
Свивается, подходит, рушит – век пройдет.
5   Морская буря? – И она возможность даст
Вскричать: «Держи канаты! О, Спаситель-Зевс!»
И ждать, пока девятый вал обрушится.
Корабль погиб – так подберут кого-нибудь,
А я от поцелуя – в бездне сразу же!

269 (683)

Считаю я, Памфил, что заблуждается,
Кто думает добиться благосклонности
У божества, когда ему он жертвует
Быков, козлят и много всякой утвари –
5   Хламиды волоченые, пурпурные,
Звериные фигурки драгоценные –
Слоновой кости или самоцветные.
Кто так считает, те – пустые головы.
Не это нужно – нужно быть порядочным,
10   Девиц не совращать, не любодействовать,

Переводы

Не красть и ради денег не разбойничать.
Мой друг, не пожелай ушка игольного
Чужого – рядом бог, ему все видимо.

270 (714)

Родился человек – и рядом тотчас же
Благое божество, его ведет оно,
Как мистагог, по жизни. И не думайте,
Что злое это божество иль вредное,
5 Что портит человеку жизнь хорошую.
Нет! Бог всегда – добро и благо всякое,
А люди, сами злые по характеру,
Что в жизнь свою внесли немало сложностей,
И те, кто все утратили по глупости, –
10 За все считают божество ответственным,
Зовут его плохим, хоть плохи сами же.

271 (718)

Те, кто о Прометее пишут, будто бы
К скале прикован он – те пишут правильно.
Он дал огонь – а что еще хорошего?
Ведь, боги многочистимые, я думаю,
5 Вам ненавистно всем его деяние:
Он сделал зло из зол, он женщин вылепил,
Народец гнусный. Скажем, люди женятся.
Но разве, в брак вступая, только жен берут?
Берут и страсти тайные порочные,
10 И любодея, ложе оскорбившего,
И козни, и отраву, и, что худшее
Из всех напастей – зависть неуёмную, –
Всю жизнь все это с тем, с кем рядом женщина!

272 (538)

Ты, видно, не подозреваешь, юноша,

Менандр. Фрагменты

Что вещи порче собственной подвержены,
И порча изнутри идет. Вот, ржавчина
Железо губит, червоточец – дерево,
5 А моль – гиматий, если ты присмотришься.
А ты и чах, и чахнешь, и зачахнешь ты
От самого противного – от зависти,
Души ничтожной свойства нечестивого.

273 (543)

Вот если б мы, соединив усилия,
Всегда могли давать отпор обидчику,
Обиды все, другими понесенные,
Считая за свои и мстя решительно,
5 То негодяев племя бы не множилось,
Они б тогда под нашим оком бдительным
Совсем иссякли или стали редкостью.

274 (568)

Из-за чего рабом тут можно сделаться?
Лицо? Ну, нет! Такая всем понравится,
Поскольку все мы видим одинаково.
А, может, к наслажденью страсть особая
5 Влечет влюбленных? Что ж тогда, случается,
Один, без всяких чувств, уходит весело,
Другой же гибнет? Нет, причина этого –
Болезнь души. Кто получил ранение,
Узнает скоро, чем нанесено оно.

275 (622)

Богатство достижимо, если кто-нибудь
Решится твердо все изведать трудности.
Ученье – путь к тому, чтоб стать философом,

Переводы

5 А путь к здоровью – образ жизни правильный.
Всего достичь возможно – исключение
Одно: нельзя избежать сожаления.
Беда – не только не достичь желанного,
И блага тоже доставляют хлопоты.

276 (639)

5 Деркипп мой! Мой Ктесиш! Случись, что кто-нибудь
Поступком или словом обижает нас –
В друзьях хороших мы найдем прибежище.
Им, не боясь насмешек, горе выплачешь,
И примут близко, как свое несчастье,
Твою беду – глядишь, и сокращается
Тем самым время, что невзгода тянется.

277 (722)

5 Ну что, скажи, ты сам с собой беседуешь,
Задумчивый – своей беде поможешь ли?
Откройся мне, возьми меня в советчики,
Совет слуги не презирай, пожалуйста!
Совсем нередко раб, в душе порядочный,
Благоразумней своего хозяина,
И если телом раб он, волей случая, –
То ум и нрав в нем могут быть свободными.

278 (463)

Бывает Случай слеп и отвратителен.

279 (464)

Не подлежит расчету дело Случая.

Менандр. Фрагменты

280 (468)

Не может Случай обладать телесностью,
Но люди, жить нормально неспособные,
Характер свой и называют Случаем.

281 (623)

Жилища нет, где жили бы без горестей:
Одним их Случай шлет рукою щедрою,
Другим они – от собственных характеров.

282 (630)

Любитель всяких перемен, о Случай, ты
Виновен, если человек порядочный
Стал жертвою несчастий незаслуженных.

283 (631)

Я знаю многих, кто дурными сделались,
Когда их Случай злой принудил к этому,
Хоть по природе злыми вовсе не были.

284 (486)

Винить не стоит людям волю Случая
В несчастья, где повинны сами, – в глупости.

285 (632)

... Пытаюсь я
Терпеть, как должно мужу, глупость Случая.

286 (633)

Кто благороден и хорош поистине,
И горе должен благородно вынести.

Переводы

287 (634)

Обиду и беду я снес с достоинством.
Умен не тот, кто, исказив гримасою
Лицо, начнет, рыдая, причитания,
А тот, кто все принять способен с выдержкой.

288 (637)

Не радуйся соседскому несчастью:
Со Случаем тягаться – дело трудное.

289 (466)

Нет в жизни ничего невероятного,
Она пестрит и странным, и диковинным
От времени и от людских характеров.

290 (621)

Жалка жизнь человека и безвыходна.

291 (626)

Из зол, что всем нам от природы свойственны,
Пожалуй, горе – самое тяжелое.

292 (494)

На доброе надейся, если делаешь
Благое дело. Знай, отваге праведной
И божество само всегда содействует.

293 (462)

Бог совершает все, храня молчание.

294 (749)

Ум в каждом человеке – это бог его.

Менандр. Фрагменты

295 (678)

Тебя чтить первым, Гелий, полагается –
Благодаря тебе все боги видимы.

296 (492)

Кто воспринять не в силах жизни радости,
Не счастья тот лишен, а просто разума.

297 (680)

Ошибки совершать всем людям свойственно,
А вот исправить – далеко не каждому,
Но только мужу, истинно достойному.

298 (484)

Какая вещь приятная и славная
Тот человек, кто человек поистине!

299 (475)

И не чужой мне всякий, кто порядочен,
У всех людей природа одинакова,
Хоть свой характер собственный у каждого

300 (476)

Неблагодарный пусть в друзьях не числится,
А злой не занимает место доброго.

301 (490)

Кто от людей хороших хочет большего,
Чем благосклонность, – зла желает, стало быть.

302 (535)

... Благо величайшее –
Порядочность с умом в соединении!

Переводы

303 (531)

Ум с добротой – какое сочетание!

304 (534)

Свободного забота – делать доброе.

305 (536)

Порядочный поможет и в безвыходном.

306 (497)

Не может честный совершить бесчестное.

307 (496)

В злом деле не подозревай порядочных.

308 (530)

Порядочные скверного не делают.

309 (642)

Потребен врач, коль тело занедужилось,
Потребен друг, коль на душе невесело, –
Ведь горе добрым словом исцеляется.

310 (641)

Понесшему потерю – наибольшая
Отрада видеть рядом сострадающих.

311 (652)

Да, время – лучший лекарь неизбежных зол,
Оно и за твое лечение примется.

312 (782)

Беседа – врач болезней человеческих,
Ведь в ней одной для сердца облегчение.

Менандр. Фрагменты

313 (467)

Вот если бы друг другу помогали мы,
То не было бы дела нам до случая.

314 (646)

Жить только для себя – еще не значит жить.

315 (651)

Нести совместно нужно беды общие.

316 (498)

Не обижать других всем людям следует.

317 (472)

Когда, случится, ты несведущ в чем-нибудь,
Неплохо расспросить об этом знающих.

318 (473)

Намного лучше – знать одно как следует,
Чем заниматься многим, но поверхностно.

319 (480)

Коль что-то от тебя таят – не спрашивай,
Хоть ясно это видишь: дело трудное –
Узнать все то, что скрыть другому хочется.

320 (465)

Любое дело познаешь со временем.

321 (470)

Слова твои полны благоразумия,
Да нет его в делах твоих, мне кажется.

Переводы

322 (471)

Глупец, пространно обо всём болтающий,
Являет свой характер, разглагольствую.

323 (474)

Коль много говоришь, а сам не слушаешь,
Своё внушишь, а моего не выучишь.

324 (756)

Тебе упрек: ты думал, я не сделаю
Благого дела, только краснобайствую.

325 (481)

Мне мерзостны у злого речи добрые.

326 (469)

Что толку в краснобайстве при зломыслии?

327 (520)

Любой дурак клюет на речь трескучую
И хвастовство.

328 (529)

Нет ничего полезнее молчания.

329 (546)

Пусть сила слова в том, кого сограждане
Главенствовать избрали, сочетается
С хорошим нравом, чтоб не вызвать ненависть.

330 (549)

Прекрасно, если царь, что правит с мужеством,
Своим судом блюдет и правду ревностно.

Менандр. Фрагменты

331 (503)

Коль я скажу, что посох мой из золота,
Он, деревянный, станет ли почтеннее?
Почтенна правда, а не пустословие.

332 (505)

Имеет силу правды убедительность,
А для толпы – еще и много большую.

333 (487)

Как тягостно такое прегрешение,
В котором и сознаться не решаешься!

334 (521)

Свои пороки никому не видимы,
Памфил, и лишь в других заметны слабости.

335 (501)

Сказать всю правду – что же тут постыдного?

336 (502)

Скрыть правду невозможно – так уж водится.

337 (504)

Уж лучше злая ложь, чем правда страшная.

338 (506)

О, как же говорить неправду тягостно!

339 (522)

И храбреца трусливым совесть делает,
Когда он за собою знает что-нибудь.

Переводы

340 (528)

Кто смел на все, чьи щеки не зардеются –
В том, значит, есть начатки всякой наглости.

341 (524)

Мужчина, клятвой женщине поклявшийся
И не сдержавший клятвы – что ж, порядочный?

342 (519)

Как ни был бы задет ты, в раздражении
Не делай ничего! Разумным следует
Держать себя в руках при всех волнениях.

343 (516)

А. Сдержи свой гнев! – Б. И сам хочу я этого,
Ведь гнев, отец, на пользу никому не шел.

344 (518)

Всерьез с хорошим другом побеседовать –
Иного нет от гнева исцеления.

345 (515)

Да, гнев и здравый смысл не уживаются!
Сейчас хозяин – гнев, вот он уляжется,
И станет видно, что же делать следует.

346 (551)

Богини нет блистательнее Наглости!

347 (491)

... Я так думаю,
Нет в мире ничего отважней глупости.

Менандр. Фрагменты

348 (514)

Противно, если кто из собутельников
Немного пьет и много разглагольствует,
Невежа, притворяющийся сведущим.

349 (513)

Причина пьяных буйств – натура пьющего,
Коль присмотреться, а не сколько выпито.

350 (512)

Соображаешь слабо, крепко выпивши.

351 (537)

Завистник – враг себе, ведь он терзается
Мученьем, добровольно им же выбранным.

352 (541)

Кто клевете способен верить с легкостью,
Тот или сам дурной в своих наклонностях,
Иль разум у него совсем младенческий.

353 (725)

Кто, слушая дурное, не разгневался,
Надежно доказал свое злонравие.

354 (547)

Кто осуждать готов, всего не выслушав,
Тот сам плохой, раз он дурное думает.

Переводы

355 (545)

Законы – это вещь весьма хорошая,
Но кто на них взирает слишком пристально,
Нам сикофантом кажется.

356 (499)

Порок огромный – жадность. Люди многие
В стремлении забрать добро соседское
Не раз терпели сами поражение
И расставались со своим имуществом.

357 (510)

Стыдись любой ценой добиться выгоды!
Страшись стяжать успех путем несправедным!

358 (511)

О, трижды жалок, кто по бережливости
Стяжал не столько деньги, сколько ненависть!

359 (561)

Большая страсть к наживе многих сделала
Иль сказочно богатыми, иль мертвыми.

360 (786)

Богатство, чрезмерное обилие –
Начало многих зол для человечества.

361 (509)

Когда богатый неспособен с пользой
Употребить богатство – не завидую!

Менандр. Фрагменты

362 (507)

Кто тратит состоянье неразборчиво,
Для доброй славы вскоре злое сделает.

363 (616)

Большая роскошь – путь к высокомерию.
Богатство изменяет обладателя,
И нравом он уже не тот, что ранее.

364 (619)

Уж лучше жить легко на средства малые,
Чем многим обладать без удовольствия.
Приятней, право, бедность беспечальная,
Чем горькое богатство, как присмотришься.

365 (615)

Когда к шальным деньгам и власть добавится,
Сдурееет даже тот, кто слыл за умного.

366 (627)

Блестит снаружи, кто слывет счастливым,
А изнутри – такой, как все мы, прочие.

367 (739)

Владею я богатством, и зовут меня
Богатым – все, счастливым – не зовет никто.

368 (525)

Покуда жив, бедняк работать вынужден:
Безделье не прокормит даже впроголодь.

Переводы

369 (556)

И на камнях прокормит мир крестьянина,
Война – на тучной ниве морит голодом.

370 (558)

Есть сладость в горьком деле земледельческом.

371 (628)

Ничто меня не огорчает более,
Чем добрый нрав в тисках несчастий жизненных.

372 (572)

Нет никого, Лахет, кто были ближе бы,
Родней, чем муж с женой, когда присмотришься.

373 (493)

Жена благая – кладезь добродетелей.

374 (571)

Есть истинное зелье приворотное
Всего одно – характер снисходительный:
Обычно так мужьями жены властвуют.

375 (580)

Кто женится, пусть выберет одно из двух –
Или пригожий вид, или хороший нрав,
С которым входит в дом единомыслие.

376 (570)

Коль добрым нравом красота украшена,
Кто это видит – тот вдвойне пленяется.

Менандр. Фрагменты

377 (579)

Когда бедняк женился и приданое
С женою получил, то не жену он взял,
А сам себя ей отдал, получается.

378 (582)

Желающий жениться на наследнице
Обижен богом или сам старается
Попасть в беду, а слыть притом счастливым.

379 (576)

Кто жизнь желает провести в приятности –
Будь холостым, пускай другие женятся!

380 (575)

Иметь жену и быть детей родителем –
В жизнь вносит, Парменон, заботы многие.

381 (578)

Женитьба, если рассмотреть как следует,
Конечно, зло, но зло необходимое.

382 (574)

Ты в брак решил вступить, так знай как следует:
Большое будет благо, коль получишь ты
Лишь маленькое зло.

383 (590)

Где женщина – там зло всегда присутствует.

384 (585)

О, сколь же неверна природа женская!

Переводы

385 (591)

Всю правду ни одна не скажет женщина.

386 (586)

Особо нужно опасаться женщины,
Коль облакает что-то речью благостной.

387 (587)

Старуху раздражить – страшней, чем злого пса.

388 (679)

А ну-ка, вон из дома! Жены честные
Себе не станут желтым красить голову!

389 (573)

Никто меня не любит и не в браке я.

390 (665)

Еще попробуй оскорбить жену мою!
Тебе и всем твоим намылю голову!

391 (595)

Нет ничего отрадней для родителя,
Чем видеть, что хоть кто-то из детей его
Разумен и умен...

392 (596)

Нет человека, кто отца несчастнее, –
Лишь тот отец, кто многодетней этого.

393 (597)

Не говоря ни слова, дочь на выданьи
Все скажет о себе своим молчанием.

Менандр. Фрагменты

394 (598)

Я, Клитофонт, стыжусь лишь одного отца:
Как, согрешив, смогу в глаза смотреть ему?
А остальное – для меня нетрудное.

395 (599)

Не огорчай отца и знай: кто более
Нас любит, тот на нас и легче сердится.

396 (600)

Закон повелевает, чтоб родителям
Мы воздавали божеские почести.

397 (601)

В суд подавая на своих родителей,
Безумствуешь ты, жалкий...

398 (602)

Что так же слух ласкает, как отцовская
В честь собственного сына речь похвальная?

399 (603)

Угрозы и влюбленных, и родителей
Обычно никогда не выполняются.

400 (606)

Хорош отец, в котором рассудительность
Берет над гневом верх.

401 (609)

Не исправляй ребенка наказанием,
И убеждением тоже нужно действовать.

Переводы

402 (552)

О речи судя, не смотри на возраст мой,
Смотри на то, насколько речь разумная.

403 (553)

Не волосы седые мудрым делают –
Иным дает природа ум старейшины.

404 (743)

Отец! Того, кому бы нам довериться,
Не на пирах же, не в увеселениях
Искать? Нашел ты друга хоть подобие –
Считается, что благо небывалое.

405 (532)

Как следует, так ты мне и советуешь,
Но знай же, не слова твои заставили
Меня блюсти свой долг, а нрав мой собственный!

406 (644)

Преклонный возраст труден. Старость тяжкая,
В тебе так много зла и нет хорошего,
Ты тягостна живым, но все мы все-таки
Тебя достичь мечтаем и стараемся.

407 (643)

От нас берет преклонный возраст многое,
И крепче только здравый смысл становится.

408 (647)

Кто не может жить, как хочет, тот охотно встретит смерть.

Менандр. Фрагменты

409 (555)

Коль тот ведет войска, кто не был воином, –
То гекатомбу он ведет противнику.

410 (560)

Разить врагов – занятие свободного,
Раба забота – за землей ухаживать.

411 (745)

А. – Чем это нанесли тебе ранение?
Б. – Копьем с метательным ремнем. А. – О боги, как?
Б. – На лестнице, когда влезал на стену я.
Я говорю всерьез, они хихикают.

412 (746)

Я, хоть убей, худею, пообедавши!
А что за шутки тонкие солдатские!
Каков хвастун негодник этот...

413 (485)

Когда тебе не дали что-то полностью,
Бери кусок. Тебе же будет выгодней,
Чем ничего не взять, иметь хоть что-нибудь.

414 (566)

Мой господин – мне город и прибежище,
Закон, судья и в правом, и в неправедном,
Жить для него лишь одного мне следует.

415 (564)

Насколько лучше с добрым жить хозяином,
Чем жить свободным дурно и угодливо.

Переводы

416 (565)

Что зря хорошим быть? Хозяин губит все
Своею собственной рукой – а ты получишь что?
Ему не впрок, что сам ты надрываешься.

417 (563)

Не может лучше быть приобретения,
Чем раб, сердечно преданный хозяину.

418 (681)

Ко всем бог одинаков, как присмотришься,
К свободным ли, к рабам ли – без различия.

419 (751)

Все, как у Александра Македонского:
Кого ищу, тот сам ко мне является,
Куда плыву – плыву я без препятствия.

420 (569)

К людским мольбам бесчувствен только бог Эрот.

421 (694)

Сидели на повозке мать и девушка.

422 (763)

Был праздник, на котором состязаются
В трагическом искусстве, – Дионисии.

423 (674)

Любил, любил, согласен, и теперь люблю.

Менандр. Фрагменты

424 (685)

Зачав, родив, теперь люблю и пестую.

425 (760)

Вот родов срок приблизился у девушки.

426 (489)

Нелепо, Филумена, понимая все,
Не остеречься там, где это следует.

427 (767)

Не то ли нас спасет, что погубило нас?

428 (715)

... nereida на дельфине.

429 (762)

Совсем не дураки – мужи у элинов,
Все делают они всегда обдуманно.

430 (754)

Пример – сирийцы: рыбой наедаются,
Не зная меры, и у них от этого
И ноги пухнут, и желудки дуются.
Потом, с сумою сев в навоз на улице,
Умилостивить всячески стараются
Свою богиню этим унижением.

5

431

... с Доридою двуогненной.

РУТИЛИЙ НАМАЦИАН ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

КНИГА ПЕРВАЯ

Быстрый отъезд мой тебя удивит, любезный читатель:
Как это можно – спешить римских лишаться усад?
Всем почитающим Рим и век не покажется долгим –
Всякий срок невелик для бесконечной любви.
5 Сколь блаженны, и как блаженны, и мне ли исчислить
Тех, кто судьбою рожден в этой счастливой земле,
Тех, кто умножил от римских отцов благородное племя
И возвеличил своей славою римскую честь!
Ведь семена добродетели, – их небеса посылают –
10 Больше нигде не могли так же достойно взойти.
Счастливы также и те, кому меньшая выпала доля,
Ежели Рим и для них сделался домом родным!
Курия Рима святая открыта и славе неримлян,
И не чужие ему, кто по заслугам свои.
15 Властью не меньше они, чем коллеги и все их сословье,
И сопричастны они Гению, коего чтят.
Верим: такой же совет существует у высшего бога,
Там, на эфирной оси сферы, объемлющей мир!

Но отрывает меня судьба от любимого края,
20 И своего земляка галльские пашни зовут.
Обезобразили их бесконечные войны, и все же
Чем неприглядней их вид, тем еще больше их жаль.
Можно простить небрежность к согражданам в мирное время,
Здесь же общий ущерб требует личных забот.
25 Слезы текут из очей при мысли о дедовских кровах,
Горем же вызванный труд часто на пользу идет,
Больше нельзя нам не знать разорения этого края –
Мешкает помощь, и тем множит размеры беды.
Там, на полях, истерзанных после свирепых пожаров,
30 Время поставить дома хоть бы лачугам под стать,
Если бы наши ручьи обладали разумною речью,
Если бы только могли наши кусты говорить, –
Их справедливый упрек меня, кто все еще медлит,
В путь бы погнал и напярк парус печали моей,
35 Зов их меня победил, и разжались объятия Рима.
Вот наконец-то настал час отправления в путь.
Мы предпочли сухопутным дорогам морскую, поскольку
Реки в полях разлились, кручи опасны в горах.
Ныне, когда и Аврелиев путь, и этрусские пашни
40 Гетским огнем и мечом разорены, и когда
Всюду леса без жилья, и на реках мостов не осталось, –
Лучше неверным волнам верить свои паруса.
Перед разлукою мы поцелуями дверь осыпаем,
Через священный порог ноги идти не хотят;
45 Молим прощенья в слезах и жертву приносим хвалою,
В меру, насколько словам слезы дорогу дают:
«Слух преклони, о царица, прекраснее всех в твоём мире,
Рома, чей вечный удел – в небе, исполненном звезд!»

50   Слух преклони, о праматерь людей и праматерь бессмертных, –
Храмы святые твои нас приближают к богам.
Мы воспеваем тебя и будем петь до кончины,
Счастлив не будет никто, если забудет тебя.
Солнце затмится преступным забвеньем скорей, чем из сердца
Нашего может уйти это почтение к тебе.

55   Милости, равные солнца лучам, достигают пределов,
Где обтекающий мир волны несет Океан.
Встав из твоих земель, в твои же опустится земли
Сам всеобъемлющий Феб, мчась для тебя лишь одной,
Пламень Ливийских пустынь тебя удержать неспособен,

60   И не помеха тебе холод арктических звезд.
Сколь простирается ввысь животворная наша природа,
Столь же доступна земля доблести, Рома, твоей.
Разным народам единую ты подарила отчизну,
Благо – под властью твоей им беззаконье забыть.

65   Ты побеждённым дала участие в собственном праве,
То, что было – весь мир, городом стало одним.
Мы говорим, что Венера и Марс – основатели рода,
Мать Энеадов она, он – Ромулидов отец:
Бранную силу и мощь смягчает победная кротость,

70   Свойства обоих богов, Рома, присущи тебе.
Вот почему отрадно тебе и щадить, и сражаться,
Грозных уметь побеждать, а побеждённых – любить.
Чтим мы богов, подаривших оливу и сок винограда,
Отрока чтим, кто вонзил в землю впервые сошник,

75   И врачеванью воздвигнут алтарь по заслугам Пеона,
И по заслугам Алкид в славе причислен к богам.
С ними – и ты, кто, объяв триумфом, несущим законы,
Землю, заставила всех в общем согласии жить.
Каждый римский предел тебя прославляет, богиня,

80   И на свободных плечах гнёт миротворный несет.

Звезды, которые мир блюдут в вековечном движенье,
Более славную власть видеть нигде не могли.
Разве такое могли сплотить мечи ассириян?
Даже мидийская власть дальше соседей не шла.
85 В царском доме парфян и среди македонских тиранов
Каждый имел свой черед ставить законы другим.
Было немного людей и сил у тебя при рожденье,
Мудрость, однако, в тебе и справедливость была.
Правые войны ведя и мир принося ненадменно,
90 К высшей мощи пришла знатная слава твоя.
Дело не в том, что царишь ты, а в том, что царишь по заслугам –
Ты начертанье судьбы делом своим превзошла.
Не перечислить трофеев твоих, возносящихся в славе, –
Легче было бы счесть звезды в ночных небесах.
95 Блеск твоих храмов слепит на них обращенные взоры, –
Можно поверить, что здесь сами живут божества.
Как рассказать, что по аркам воздушным текут к тебе воды?
Радуга в тучах, и та столь высоко не висит,
Впору об этом сказать, что горы до звезд дотянулись, –
100 Делом Гигантов зовет Греция труд таковой.
В стены втекают твои на путях пресеченные реки,
Пышные бани твои тратят озера воды.
Впрочем, не меньше того есть влаги и в собственных жилах,
Город так и звенит звоном природных ключей.
105 Свежим дыханьем они умеряют палящее лето,
Чистая их струя жгучую жажду уймет.
Мало того: горячий поток пробрызнул когда-то
Возле Тарпейской скалы, путь преграждая врагам.
Если бы тек он всегда, я счел бы, что это – случайность;
110 Нет: на помощь придя, в землю он скрылся опять.
Что говорить о лесах, под резным потолком заключенных,
Где доморощенных птиц пестрые песни звучат?

Переводы

Здесь наслаждается год твоей бесконечной весной
И, покоряясь, зима радость твою бережет.

- 115 Вскинь же, о Рома, венчанную лавром главу и святую
Преобрази седину в юную свежесть кудрей!
Пусть башненосный венец горит золотой диадемой,
Пусть твой щит золотой вечные мечет огни!
Ты же, обиду забыв, позабудь и причину обиды, –
- 120 Преодоленная скорбь скрытые раны целит.
Твой ведь обычай – всегда в несчастьи думать о счастье;
Твой без убытка ущерб, как у светил в небесах.
Видишь, как звезды горят, и заходят, и снова восходят,
Как умирает луна и возрождается вновь.
- 125 Бренн, победитель при Аллии, ждал наказания недолго,
Самний за злой договор рабством своим заплатил,
Пирра смогла ты прогнать, уцелев среди многих несчастий,
Даже сам Ганнибал свой же оплакал успех.
То, что не тонет в воде, всплывает с новою силой:
- 130 Чем его глубже топить, тем оно легче всплывет;
Факел, опущенный вниз, обретает новое пламя, –
Так, просиявши, и ты к высям стремишься из бед.
Распростирай же в века бессмертную силу законов:
Нить роковая тебе только одной не страшна.
- 135 Тысяча сто шестьдесят тебе уже лет миновало,
И в добавление к ним год уж девятый идёт, –
Но до конца твоего никакие не мерены сроки –
Лишь бы стояла земля, лишь бы над ней небеса!
Ты укрепляешься тем, чем рушатся прочие царства:
- 140 Путь возрождений твоих – в том, чтобы крепнуть от бед.
Пусть же, как жертва, падёт наконец нечестивое племя,
Пусть вероломный гет в страхе поникнет главой!
Пусть усмиренные земли несут богатые дани,

- Прибыль от варваров пусть полнит святую казну.
145 Все для тебя: и нильский разлив, и рейнские жатвы:
Пусть плодородный мир кормит кормилицу-мать!
Африка пусть тебе обильные шлет урожаи,
Солнцем богата твоим, влагой же больше твоей.
Пусть на латинских полях наполнятся житницы житом
150 И гесперийский нектар густо в давальни течет.
Пусть даже Тибр, чело увенчав камышом триумфальным,
Воды послушно отдаст Ромула детям служить.
Пусть по нему без помех к тебе поступают богатства:
Сверху – сельский товар, снизу – заморский товар.
- 155 Рома, открой же мне путь в усмиренное Кастором море:
Пусть Киферея тропу мне разровняет в волнах!
Если я не грешил, соблюдая законы Квирина,
Чтил священных отцов, слушал их мудрый совет –
Это не слава префекта; скорее – заслуга народа
160 В том, что мечу моему нечего было карать.
Кончу ли жизнь я свою теперь в отцовских пределах
Или глаза мои вновь смогут увидеть тебя –
Буду я счастлив, и мне желать будет нечего боле,
Если мне выпадет честь быть не забытым тобой».
- 165 Это сказав, отправляюсь я в путь, а друзья провожают,
И невозможно без слез взорами молвить «прощай».
Вот и они возвращаются в Рим, а со мной остается
Руфий, в котором жива слава Альбина-отца.
Имя его родовое – от древнего рода Волуса,
170 Что из рутульских царей, как сообщает Марон.
Сам доверялся дворец его даровитому слову:
Юный совсем, говорил именем принцепса он.
А до того он подростком в проконсульской Пунике правил,
Вместе и страх, и любовь в сердце тирийцев вселив.

Переводы

- 175 Ревностный дух ему обещал высокие фаски:
Эти заслуги – залог: консулом будет и он.
Он не хотел, но, горюя, его я заставил вернуться.
Пусть разлучились тела: сердце – одно на двоих!
- Вот я иду к кораблям, туда, где Тибр, раздвоившись,
180 Правым своим рукавом пересекает поля.
Левый рукав – не для нас, от глубоких песков неприступный:
Слава осталась одна, будто им принят Эней.
Небо бледнеет в клешнях Скорпиона, и Феб восходящий
Больше и больше дает сроку ночной темноте.
- 185 В море идти не спешим, и у пристани медлим и медлим –
Из-за неожиданных помех нам и досуг не в упрек:
При захожденье Плеяд коварно бушует пучина,
Всей ополчаясь на нас яростью бурной поры.
Рады мы вновь и вновь озираться на Рим, еще близкий,
- 190 Взглядом скользя по холмам до утомления глаз,
Чтобы по милым местам наслаждались приглядкою очи,
Воображая, что всё видят они, что хотят.
Этим местам примета – не дым, от земли восходящий,
Той земли, где стоит целого мира оплот,
- 195 Хоть и прославил Гомер видение легкого дыма,
Над дорогою землей вставшего к высям небес.
Нет: в пространствах у нас небосклон и ясней, и прозрачней
Там, где семь холмов явственно взору видны.
Кажется, будто бы здесь и солнце не знает заката,
- 200 Будто над Римом и день чище стоит и светлей.
Игрища шум циркового в ушах у меня возникает,
Крик возбужденный гласит: полон народом театр.
То ли и вправду эфир доносит знакомое эхо,
То ли желанье мое этот обман создает.

- 205 Так пятнадцать мы дней ожидали надежного моря,
Но обновилась луна, ласковой ветер подул, –
Время настало отплыть; отсылаю к делам и ученью
Нашего рода красу, друга-Палладия, в Рим.
Был этот мальчик речистый недавно из Галлии прислан,
210 Чтобы усвоить закон римского форума здесь.
Самые нежные узы меня к нему привязали:
Мне он не даром родня, мне он милее, чем сын,
Эксуперанций, отец его, край Ареморики снова
Мир научил полюбить, изгнанный было совсем,
215 Восстановил он закон, а многим вернул и свободу,
Не допустив, чтоб они были в рабах у рабов.
- Мы отплываем в тот миг на рассвете, когда понемногу
Можно опять различать краски окрестных полей.
В маленьких кимбах плывем мы и держимся к берегу близко –
220 Берег, изрезанный им, всюду убежище даст.
Пусть грузовые суда по летнему плавают морю –
Осенью кимбы верней: легче спастись на них.
Альзия землю прошли, а вот миновали и Пирги, –
Стали деревней большой малые встарь городки,
225 Вот церетанов земля, указал на нее корабельщик:
Имя Агиллы давно эти не носят места.
Вот перед нами и Кастр, изъеден годами и морем,
Где из развалин стены старые встали врата.
Эти места охраняет, изваян из камня простого,
230 Бог, по виду пастух, только рога у него.
Долгие годы изгладили, видно, старинное имя,
Раньше же (так говорят) был это «Инусов Кастр».
Мнится: не Пан ли сошел от Менала в тирренские рощи,
Или родные места Фавн захотел навестить?

Переводы

235 Смертное племя сей бог обновляет обильным потомством,
Вот и ваяют его склонным изрядно к любви.

Южный усилился Австр, и мы в Центумцеллы заходим,
В этом спокойном порту ставим свои корабли.
Амфитеатру подобно охвачены молами воды,
240 Остров искусственный встал, гавань собою прикрыв,
Две на нем башни стоят, и, в две стороны разбегаясь,
Сузила насыпь земли правый и левый пролив.
Мало того, что за ними – удобный простор для стоянки, –
Чтоб на покое суда ветер шальной не трепал,
245 Вглубь, за постройки домов, еще одна бухта заходит,
Где неподвижность воды ветра не знает совсем,
Словно эвбейских купален затон, где волна запертая
Держит движения рук неторопливых пловцов.

Бани, что названы «Бани быка», посетил я охотно,
250 И без большого труда целых три мили прошел.
В теплой и чистой воде нет дымной примеси серы,
И не испорчен их вкус едкой и горькой струей.
Даже купальщик в сомненье, как лучше использовать воду –
Так ароматна она, так хороша на язык.

255 Если поверить преданью, то теплые эти купальни
Бык открыл для людей, этот источник вскопав, –
Это ведь бык перед боем копытами комья взбивает
И перед твердым стволом точит крутые рога.
Или какой-нибудь бог под обманчивым бычьим обличем
260 Людям решил открыть дар раскаленной земли:
Разве не бог, соблазнив дитя Агенорова дома,
Нес на бычьей спине по морю девственный груз?
Ведь не у греков одних творятся подобные дива:

- Если от скотской ноги ключ Геликона забил, –
265 Думаю, там и здесь одинаково это случилось:
Конь копытом своим вырыл источник для Муз.
Гроты здешней земли ничуть пиерийских не хуже:
Вот и Мессала в стихах эти края воспевал.
Милые эти стихи к дверям священным прибиты,
270 Ими входящий пленен так, что уйти не спешит.
Этот Мессала от первого консула род свой выводит,
Вплоть до Публиколы мы дедов его проследим.
Был он префектом претория, властным в своих мановеньях,
Но знаменитее был речью своей и умом.
275 Он показал нам, какие основы нужны красноречью:
Если стремишься к добру – будешь и красноречив.
- Сумрак росистый уже осветило пурпурное небо,
Плещущий парус раскрыв, мы покидаем залив.
Вот Мунион миновали мы, берег, где мелей немало,
280 Узкие устья бурлят очень опасной водой.
Далее стали видны нам редкие крыши Грависков,
Города, где от болот тяжкий разносится дух.
А по соседству его зеленеют лесные дубравы,
Прямо у кромки воды сосны раскинули тень.
285 Видим никем не хранимые груды старинных развалин –
Это стоит, запустев, Коса меж рухнувших стен.
Важные были причины тому, но была и смешная, –
Совестно даже сказать, скрыть же улыбку нельзя:
Будто бы (так говорят) покинули граждане город
290 Из-за того, что у них крысы кишели в домах.
Право, легче представить бои и уроны пигмеев
И журавлиных стай строй, весь устремленный к войне!
Невдалеке ожидала гребцов Геркулесова Гавань,
К вечеру близился день – легче подул ветерок.

Переводы

- 295 Видя остатки былых лагерей, про Сардинское бегство
Вспомнили мы – ведь туда Лепид поспешно бежал
После того, как при Косе разбила врагов соплеменных
Доблесть римских полков, храброму Катуту вслед.
Лепид явился потом еще худший: войной нечестивой
- 300 Он на сограждан пошел вместе с друзьями двумя,
Он уничтожил свободу, добытую в Мутинской битве,
И на трепещущий Рим новые двинул войска.
Третий же Лепид, на мир посягнув заговором коварным,
Общую участь имел страшных преступников всех.
- 305 Лепид четвертый мечтал прокрасться к Цезаря власти,
Но наказание понес за нечестивую связь.
Нынешний Лепид... но пусть молва ему будет судьёю,
Пусть потомство клеймит весь этот мерзостный род!
Может ли быть, что по имени в людях слагаются нравы?
- 310 Или наоборот – имя за нравами вслед?
Как бы там ни было – странный закон в латинских анналах
В том, что от Лепидов зло часто вздымало мечи.
- Вот, наконец, не дождавшись рассвета, выходим мы в море,
Ветер подул, что рожден там, на соседней горе.
- 315 Эта гора – Аргентарий, вдающийся в зыбь полуостров,
Чей двухвершинный хребет синие бухты теснит.
Если идти поперек – шесть миль ширина перешейка,
Если же морем в обход – вшестеро больше сочтешь.
Так в ионийскую хлябь врезается Истм Эфирейский,
- 320 С двух омываясь сторон сразу морями двумя.
Еле плывем, меж разбросанных скал выбирая дорогу,
Много вниманья и сил требует это от нас.
Сколько же раз поменялось уже направление ветра!
Вот помогли паруса, вот они только вредят.
- 325 Издалека я люблюсь Игилия высью лесистой, –

Как не воздать ему дань самых почетных похвал!
Сам он недавно себя защитил надежной защитой –
Бог ли хранитель помог, или властитель помог.
Но неширокий пролив не пустил победителей дальше,
330 Словно до острова здесь целое море легло.
Жителей он у себя разоренного Города принял
И для испуганных душ верным спасением стал.
Диво, что всадник, природе назло, сухопутные войны
Вдруг на морские сменил, страхом грозя кораблям, –
335 Тем удивительней то, что остров – один ведь и тот же! –
Близок римлянам был, а от пришельцев далек.

К Умбру подходим теперь, а эта река знаменита –
Устье надежный приют в бурю дает кораблям,
Вход всегда открыт, и течение ему не помеха,
340 Сколько бы ни бушевал на море злой ураган.
Здесь захотелось и мне сойти на приветливый берег,
Но не пришлось – моряки жаждали путь продолжать.
Мы торопились, но кончился день и кончился ветер,
И ни вперед, ни назад двинуться больше нельзя.
345 Располагаемся на берегу для ночного покоя,
В миртовом ищем лесу веток вечерним кострам,
Весла вбивая в песок, мастерим небольшие палатки,
Чтобы держался навес на поперечных шестах.

День настает, налегаем на весла; хоть кажется – тщетно,
350 Все же в движенье корабль, суша уже позади.
Видим мы Ильву – она знаменита металлом халибов;
Даже норический край не изобильней рудой,
У битуригов в огромных печах не лучше расплавы,
И из сардинской земли слитки не лучше текут.
355 Большая польза народам в земле, приносящей железо,

Переводы

- Нежели в желтом песке Тага в тартесском краю.
Золото пагубно тем, что оно порождает пороки,
К золоту смертная страсть вводит во всяческий грех.
Золото гасит нередко и брачного факела пламя,
360 Даже объятия дев дождь золотой покупал.
Куплена золотом честь – и предана мощная крепость,
К золоту падкий порок бьется в подкупных делах.
Ну, а железом, напротив, целинные пашутся земли,
К жизни дорогу оно людям впервые дало.
365 Полубогов поколение не знало железного Марса,
Против свирепых богов было железо у них.
Голые руки людей не могли бы служить им защитой,
Если б железо для них новой не стало рукой.
Так рассуждая, гасил я досаду на ветер ленивый,
370 Слушая вскрики гребцов под переменный напев.
- Нам утомительный путь преграждает Фалерия вскоре,
Хоть не прошел еще Феб и половины пути.
Видим: крестьяне веселые на перекрестке деревни
Отдых нашли от забот в шутках, угодных богам.
375 Это ведь день был, когда Осирис, опять возвратившись,
Силу рождает в ростках снова плоды приносить.
Выйдя на берег, на виллу идем и гуляем по роще,
Видим: в кольце берегов милый лежит водоем –
Пруд отгорожен от моря, и волны его не кольшут,
380 Рыбки веселые в нем могут спокойно играть.
Но поплатиться пришлось нам за отдых на месте прелестном:
Злее хозяин наш был, нежели сам Антифат.
Вздорный был иудей управляющим в этом именье,
Даже гнушавшийся есть вместе с другими людьми.
385 Стал он кричать, будто мы и кусты повредили и траву,
Будто испортили мы воду в бассейне, кричал.
Бранью и мы отвечали исчадью породы, где люди

- Край детородных частей режут, про стыд позабыв.
В глупости укоренясь, с холодной субботою в сердце,
390 Сердцем они холодней даже субботы своей.
День они каждый седьмой обрекают на мерзкую лень,
Слабым подобьем хотят бога усталого стать.
Много бредней у них, в которые, я полагаю,
Верить не может никто даже из малых детей.
395 Лучше бы никогда, ни в войнах Помпея, ни Тита
Нам Иудею себе не удалось покорить!
Взрезанный чумный бубон лишь больше бывает заразен,
И побеждённый народ победоносных гнетет.
- Дует встречный Борей, но мы, полагаясь на весла,
400 Боремся с ветром, едва звезды погасли в заре.
Вскоре открылся для нас Популонию берег надежный,
Там, где природный залив врезался в землю её.
Здесь не возносится ввысь громада фаросской постройки,
Той, что светом ночным видима издалека, –
405 Но от старинных времен дозорная высится башня –
Здесь, на отвесном мысу, над укрощенной волной.
Людям двоякую пользу такое несло укрепленье –
И охраняя страну, и отмечая залив.
Но невозможно узнать этот памятник века былого:
410 Город, когда-то большой, едкое время снесло.
Только следы остаются от стен, которые пали,
Кровли еле видны из-под обломков камней.
Будем ли мы сокрушаться, что брeнная плоть погибает?
Вот перед нами пример – город, который погиб.
- 415 Тут долетают до наших ушей приятные вести,
Я уж едва не решил в Рим возвратиться опять.
Мы узнаем: префектура священного города, друг мой,

Переводы

- Вверена, милый, тебе: этого ты заслужил.
В песне хотелось бы мне назвать твое полное имя –
420 Но не ложится оно в строгую меру стиха.
Только я и могу сказать: «драгоценнейший Руфий!» –
Так называла тебя раньше страница моя.
Праздник, который когда-то моих удостоил пенатов,
Пусть украшает твои двери цветущим венком,
425 Ветви зеленые пусть выражают совместную радость, –
Я ведь немало душой к славе причастен твоей.
Именно, именно так на посту мне хотелось остаться –
Заново честь получив в том, кого сам предпочел.
- Вспять повернул Аквилон, и опять паруса мы готовим,
430 Только блеснула Заря, розовым правя конем.
Вот начинает показывать Корсика темные горы,
Слился с туманом совсем верх, что всегда в облаках.
Так пропадает луна, что лишь тонким серпиком светит,
Только глазами найдешь – вдруг исчезает опять.
435 Морем здесь путь недалек – и отсюда такое преданье:
Некогда бык, говорят, этот пролив переплыл,
А за сбежавшим быком устремилась на берег кирнейский
Женщина Корса, и здесь первой была из людей.
- Дальше мы в море идем, и Капрария нам показалась,
440 Черный остров, – приют тех, кто от света бежит.
Сами назвали себя они греческим словом «монахи»,
Жить им угодно одним, скрыто от всяческих глаз –
Счастье им трижды ужасно, несчастье трижды желанно –
Ищут несчастья они, чтобы счастливыми быть.
445 Так трепетать перед злом, что хорошего тоже бояться, –
Что, как не дикий бред явно нездравых умов?
Ищут ли казни за что-то они, забиваясь в темницы,
Или у них в животе черная желчь разлилась?

- 450 Так Гомер приписал помрачению Беллерофонта
Именно эту болезнь – желчи избыток большой:
В самом ведь деле, когда поразило юношу горе,
То человеческий род стал ему так же не мил.
- 455 Вдоль Волатерры плывем – этот край называется «Вады»;
Путь я поглубже ищу, плыть здесь опасно весьма.
Громко вперед смотрящий приказы дает рулевому,
Голосу следует руль, носу покорна корма.
Путь в этом трудном проходе «деревья» собой помечают:
С каждой его стороны вбитые колья стоят,
А чтобы было видней, к этим кольям привязаны ветви
460 Лавра, те, что пышней и широко разрослись.
Так между илестых двух Симплегад, где подводная заросль,
Ясно указан путь с помощью ставленных вех.
Здесь задержаться меня стремительный Кавр заставляет,
Ветер, который привык дебри лесные крушить.
- 465 Еле мы добрались под ливнем до виллы ближайшей,
Там обрели мы приют – виллой Альбин мой владел,
«Мой», потому что к нему перешла моя римская должность,
Власть моей тоги была через него продлена.
Раньше законного срока он в должность вступил по заслугам,
470 Юноша возрастом, но – старец серьезным умом.
Нравы похожие наши сошлись во взаимном почтенье,
И благосклонность росла в дружбе с обеих сторон.
Мог он меня превзойти – но мое предпочел руководство,
Только возвысив себя этой любовью ко мне.
- 475 Можно пока осмотреть солеварни в окрестностях виллы –
Так называют затон, полный соленой водой,
Где по наклонным каналам, прорезанным в почве, втекает

Переводы

Море, и влагой поит множество мелких прудов.
В пору, как Сириус свой палящий огонь насылает,
480 Сохнет трава, и поля жаждут напиться воды, –
Шлюзы тогда закрывают и воду в канал не пускают –
И на горячей земле в сушу ссыхается хлябь.
Зерна соли в воде приемлют палящего Феба,
И под июльской жарой в плотный спекаются наст.
485 Так и неистовый Истр, когда подо льдом застывает,
Держит на твердой воде тяжесть огромных телег.
Тот, кто привык рассуждать о природе, пускай поразмыслит,
Как при явленьи одном разный бывает исход:
Жидкость, замерзшая в лед, под солнцем теплеет и тает,
490 Но и наоборот, может от солнца застыть.

О, сколь часто несчастье бывает причиною счастья!
Буря была страшна, а передышка мила:
Я повстречал Викторина, души моей лучшую долю, –
Так исполненье нашла общая наша мечта.
495 После паденья Толозы, скиталец в тускийских пределах
Вынужден был, поселясь, ларов чужих почитать.
Мудрость, однако, его проблистала не только в несчастьях, –
Был он таков же душой в пору, когда процветал.
Знали заслуги его Океан, и Фула, и дальний
500 Край, где пашет поля дикий Британии сын.
Там Викторин как викарий префекта справлял свою должность,
Прибыль имея всегда в виде всеобщей любви.
Дальние эти места почти за пределами мира –
Он же, как центром страны, краем земли управлял.
505 Это большая заслуга – средь тех уваженья добиться,
Где не зазорно ничуть ненависть встретить в сердцах.
Нынче он при дворе получил светлейшее званье,

- Но отстранил почет, сердцем деревню любя.
Здесь, в объятьях его, обманул я коварные ветры, –
510 Чудилось, будто уже родина тешит меня.
- В блеске шафранном Аврора бездождных коней выпускает,
С берега ветер велит к реям крепить паруса.
Дует легко, резная корма не качается в беге,
Мягкий парус дрожит, правит им крепкий канат.
515 Вот островок Горгоны встает, опоясанный морем,
Там, где Кирна – с одной, Пиза – с другой стороны.
Эти утесы его – примета недавнего горя:
Римский здесь гражданин заживо похоронен.
Юноша наших семейств, потомок известного рода,
520 Знатную взявший жену, вдосталь имевший добра,
Бросил людей и отчизну, безумной мечтой обуянный, –
Вера его погнала в этот постыдный приют.
Здесь обитая в грязи, ублажить он надеется небо, –
Меньшей бы кара богов, им оскорбленных, была!
525 Разве это ученье не хуже Цирцеиных зелий?
Та меняла тела, души меняют они.
- Вот Тритуррита – такое трехбашенной виллы название.
В море вдается она, словно на острове встав.
И не задаром: вручную здесь камни натасканы в воду –
530 Прежде, чем выстроить дом, сделали почву под ним.
Рядом пизанский Порт приводит меня в восхищенье –
Здесь и морские дары, здесь же и торг городской.
Дивный у местности вид: бьет в сушу открытое море,
Тянется берег нагой, всем открываясь ветрам,
535 Выступа нет никакого на всем берегу, чтобы можно
Было защиту найти против Эоловых гроз;
Дно же глубокое длинной морской окаймилось травой,

Переводы

- Мягкая эта трава для кораблей не страшна,
Но умеряет она, клонясь, мятежные волны,
540 Не позволяя вставать с моря громадным валам.
- Эвр непогоду развеял, но мы отплываем не сразу –
Нужно еще посетить друга-Протадия мне.
Если по точным приметам узнать бы его захотелось,
Мысленно доблесть представь – сразу узнаешь его.
545 Живопись с помощью красок не лучше нам облик покажет,
Нежели душу его – смесь добродетелей всех.
В каждой черте у него несомненная видится мудрость,
И справедливости свет ярко горит на лице.
Мало того, что Галлия в нем земляка восхваляет, –
550 Сам державный Рим в нем предводителя чтит.
В Умбрии малый удел получив, он покинул отчизну, –
Для благородной души всякая доля равна.
Вместо большого на малое ум его мощный направлен –
Ведь и большие дела малостью были ему.
565 Малые были дома у тех, кто царей побеждали,
Малым наделом земли сам обладал Цинциннат, –
Скромность Протадия, думаю, столь же достойна почтения,
Как и Серрана сошник, как и Фабриция дом.
- Вот наконец корабли на надежной стоянке оставив,
560 В Пизу я еду, куда ходят обычно пешком.
Дал мне коней и повозку товарищ по службе военной,
Ныне трибун, – полюбил я его с давней поры,
С тех времен, как у принцепса был я начальником ведомств
И у дворцовых дверей верную стражу держал.
565 Город передо мной, созданье старинных алфейцев,
С двух сторон текут возле него две реки –

- Арн и Авзур перед ним треугольным сливаются клином,
И между ними на нет сходит большая земля.
Но при слиянии рек лишь одна сберегает название:
570 К морю приходит лишь Арн, общие воды неся.
Прежде того, как судьба к Лаврентским царям поселила
В Трое рожденных богов – мы их «пенатами» чтим, –
Здесь, в этрусском краю, возродилась элидская Писа –
Происхождение Пиз даже в название дано.
575 Статую вижу я здесь отца моего дорогого,
В центре на площади он в граде пизанцев стоит;
Слышу, как хвалят покойного все, и готов разрыдаться –
Сразу и радость, и грусть мне увлажняют глаза.
Был мой когда-то отец правителем в землях тирренских,
580 Ликтор носил перед ним шесть консулярских секир.
Помню, рассказывал он, что правление в области тусков
Нравилось больше ему прочих высоких постов:
Ни охрана священной казны – не высокая ль должность? –
Ни квестура ему столь не казалась мила.
585 Так он этрусков любил, что нимало бы не усомнился
И префектуре самой этот удел предпочесть.
Да, мой отец не ошибся, любя, в любви этих граждан,
Здесь благодарность ему будет навеки жива:
Милостив был он и тверд, и об этом поведают детям
590 Те старики, кто еще видел отца моего.
Рады они, что и я не порочу отцовского рода,
И привечают меня нелицемерно вдвойне.
Часто, когда проезжал я дорогой Фламиния, ту же
Видел заботу к себе в память о славе отца.
595 Имя Лахания здесь лелеется благоговейно,
Чтит его Лидия вся, как имена земляков.
Нравы блюдет старины провинция славная эта,

- Вот почему и дают добрых правителей ей:
Деций ныне таков, благородный потомок Луцилла,
600 Чья опекает рука пашни кортонских полей.
Не удивительно то, что в столь замечательном сыне
Счастливым видеть отец сходство с собою самим:
Ранящей песней сатира его насмеяться умела,
Ни Ювенал, ни Турн не были лучше его,
605 Твердой рукою судьи возрождал он забытую совесть
И, осуждая дурных, тем наставлял на добро.
Разве не он, честнейший хранитель священных сокровищ,
Прочь отогнал от казны гарпий, терзавших казну?
Гарпии эти весь мир когтями готовы расхитить,
610 Цепкою хваткой берут – что загребли, не отнять:
Арг из-за них окривеет, Линкей и вовсе ослепнет, –
Что для них сторожа! Каждый грабитель – крылат.
Но при Луцилле настал конец грабежам бриарейским –
Он и одною рукой натиск сторукий отвел.
- 615 Вот уже я в Тритурриту вернулся из города Пизы,
Вот уже парус крепил – южные ветры ловить, –
Вдруг небеса вокруг грозовой омрачаются тучей,
Молнии там и здесь вспышками рвут облака.
Мы задержались: ну кто же отважится выйти навстречу
620 Разбушевавшимся волнам в час, когда буря пришла?
В ближнем лесу мы проводим от моря свободное время:
Славно, за зверем гонясь, тело свое поразмять!
Все, что нужно для ловли, дает нам хозяин усадьбы,
Даже охотничьих псов – норы чутьем находить.
625 Сеть раскинув и став в засаду, сражаем мы вепря,
Молнией хищных зубов страх наводившего здесь,
Вепря, которого сам Мелеагр побоялся бы тронуть,
Вепря, с которым едва сладил бы сам Геркулес.

- Звонкое эхо на звуки рожка по холмам отвечало –
630 Легче добычу нести, если помощник – рожок.
С влажными крыльями Афр меж тем никак не желает
Черные тучи убрать, день обратившие в ночь.
Вот уже утром заходят Гиады, омытые влагой,
Вот среди зимних дождей, спрятавшись, Заяц исчез.
635 Эта звезда не сильна лучами – опасна волнами:
Нет моряка, кто при ней в море решится отплыть.
Заяц – небесный сосед Ориона, несущего бури,
Он от палящего Пса, мокрый, спасается прочь.
Видим: со дна взметая пески, порыжела пучина,
640 Видим: белеют поля, пеной покрыты морской.
Кажется, сам Океан всю сушу залить устремился
И хоть недолго, но всласть солью терзает поля:
Или отливом из мира иного он в наш ударяет,
Или своею водой яркие звезды поит.

КНИГА ВТОРАЯ

- Книга была недлинна и в нетолстый свивается свиток,
Так что по праву её можно продолжить ещё.
Но непрерывным трудом легко породить отвращенье:
Бросит читатель, боюсь, безостановочный сказ.
5 Пересидишь за столом – отвращение к пище получишь;
Залпом не пей – и тогда жажду скорей утолишь;
Кто от дороги устал, – тому передышкою будет
Камень, что метит собой частые мили пути.
Что ж, разделяю рассказ и вторично, волнуясь, краснею, –
10 Лучше бы было терпеть это единственный раз!

Переводы

Вот наконец мы свободны от плена морского ненастья,
Можно из гавани Пиз в море открытое плыть.
Тихая зыбь в дрожащих лучах улыбается мирно,
Мягкая плещет волна за корабельной кормой.
15 Вот завиднелись уже отроги высот Апеннинских,
С грохотом бьется волна в скалы высокие там.
Если Италию, мира владычицу, умственным взором
Хочешь представить себе, всю её видя зараз,
Ты найдешь, что она на лист дубовый похожа –
20 Только с обеих сторон глубже втянулись бока;
В ней от пролива Сикании до Лигурийских пределов
Можно в длину насчитать тысячу тысяч шагов,
А ширину изъедают заливами разных изгибов
Ярость тирренской волны и Адриатики соль:
25 Там, где ближе всего они подступают друг к другу,
Тысяч сто тридцать шагов есть между ними земли.
В оба моря срединный хребет склоняет откосы:
Где появляется Феб и окунается Феб.
Бьется с востока далматская зыбь о высокие горы,
30 Бьется о западный склон синий этрусский прибой.
Если считать, что мир сотворен по разумным расчетам,
Если в устройстве его замысел божий лежит, –
То Апеннины стоят, как страж, охраняющий римлян,
И замыкают их край трудными тропами гор.
35 Страшен завистливый враг; показалось природе, что мало
Силы в Альпийских горах от заальпийских угроз:
Так ведь и в теле скрывает она средоточие жизни,
Пряча за много преград то, что дороже всего.
С самых древних времен не жалея оплотов для Рима,
40 Боги пеклись о судьбе мест, где не встал еще Рим.

Тем-то ещё и страшней злодейская кознь Стилихона:
Тайну владычества он выдал врагам вековым.
Римский род пережить надеясь собственным родом,
В дикой ярости он горнее с дольным смешал.
45 Сам ужасаясь на тех, от которых заимствовал ужас,
Варваров он впустил в Лаций со смертным мечом,
Незащищенное сердце страны он подставил оружию,
Страшный явивши урон и своевольный обман.
Рим остался открыт друзьям его, в шкуры одетым:
50 Был он во власти врага раньше, чем взял его враг.
Мало того, что предатель свирепствовал с шайками гетов:
Сжег он свитки судьбы, весть из Сивиллиных уст!
Мерзко нам, что Алфея сожгла головню Мелеагра,
Птицы плачут, что Нис, пряди лишившийся, мертв, –
55 А Стилихон пожелал погубить вековечное царство,
Коему пряжа прядлась на веретенах судеб!
В черном Тартаре пусть от Нерона отступятся муки –
Ждет стигийских огней злее казнящая тень!
Смертную мать – Нерон, Стилихон же – бессмертную губит,
60 Первый – только свою, этот же – мира всего.

Сделали мы отступление, однако, весьма многословно:
Вновь воротиться пора песне на лад путевой.
Мы приближаемся, быстро скользя, к сияющим стенам,
Яркая солнца сестра городу имя дала.
65 Здешние камни горят белизною смеющихся лилий,
И в разноцветных лучах гладкие глыбы блестят.
Мрамором эта богата земля и в искристом сиянье
Так же роскошно бела, как и нетронутый снег...

ЭЛЛИНСКИЕ ПОЭТЫ

ЭРИННА

ПРЯЛКА

- ... Мы хороводом ходили вокруг, покуда внезапно
15 Ты прыжком не бросаешься в море, как с лошади белой.
«Ай, это я!» – кричу я; меня ты поймала – теперь уж
Мой черед черепахою быть – и раз я попалась,
В нашем дворе по площадке большой за тобой я гоняюсь.
Милая Бавкис, о, как по тебе я горько рыдаю!
- 20 В сердце моем не остыли еще наши игры и шутки,
Живы, нетронуты, там остаются забавы и куклы,
Наши с подружками пляски и сон по ночам безмятежный,
А на рассвете – работа, как строгая мать, разбудит,
Вместе засадит за шерсть – ведь с этой работы мы жили,
Так мы, бывало, сидим за окрашенной пурпуром шерстью.
А прилегаем не сильно – так строгая мать тотчас же
Кличет страшил у Мормо – на макушке огромные уши
Страшно торчат у нее, и четыре ноги ее носят,
И то и дело она меняется видом ужасным.
- 30 Время пришло, и ушла ты, возшла на ложе супруга,
Слушая мать мою, – и ребячества наши забыла.

Я не хочу говорить, как по смерти твоей я рыдала,
Милая Бавкис моя! Не несли меня ноги из дома,
Мертвое тело твое я сил не имела увидеть,
Выйти, волосы распустив. И все-таки мне постоянно
Пурпурный Стыд раздирает ланиты и, став предо мною,
Так говорит: «О Эринна, вот ты при матери милой
Уж девятнадцать годков прожила, все глядя на прялку.
Помни, что быстро прядут свою нить веретена у Мойры,
40 Помни, что руки Гелло обнимают объятием крепким».
Вот как Стыд поучает меня у девичьего ложа.
Я молодою рукой беру мое зеркальце тотчас –
Вижу: проходит и вянет уже моей юности свежесть,
Вижу, что в кудри мои, что убраны славно, вкрапились
45 Пряди седые – такие цветы людям старость вплетает.
51 ... О Гименей, что девам дарует мирное счастье,
Много утех, почему же сменил ты сладкую радость
Горем...
Бедная Бавкис моя!..

КАЛЛИМАХ

ГЕКАЛА

... приладил вторую, а вот уже меч прикрепляет –
Как увидали они, так все задрожали от страха:
Ужас внушил им и муж превеликий, и зверь исполинский,
Жались, покуда Тесей им издали громко не крикнул:
«Стойте, не бойтесь меня! Пускай между вами быстрейший
В город к Эгею, отцу моему, понесется как вестник,

Переводы

- Пусть успокоит его и от сильной тревоги избавит,
Скажет: "Тесей недалече, ведет с Марафонского поля,
Влагой богатого, зверя-быка"». И они, услышавши,
10 Разом воскликнули: «Иэ, Пеан!» – И на месте остались.
Столько листвы дуновеньем ни Нот, ни Борей не вздымают,
Столько не гонит сам месяц, что все обнажает деревья,
Сколько тогда на Тесея посыпалось веток и листьев –
Жители сел их кидали, его окружив, а селянки
Славным венком увенчали...
- (Пропущены примерно 22 стиха)*
...я своим бы крылом защитила – однако Паллада
Семя Гефеста надолго сокрыла...
- 20 И до поры, пока Кекропиды...
Камень тот потайной и запретный...
Только откуда он родом – не ведаю я и не знаю,
Птицы же древние встарь говорили, что якобы был он
Сыном Земли, и она родила его будто Гефесту.
После Афина в Пеллену ахейскую путь направляет.
Ей укрепление хотелось поставить, прикрыть свою землю,
Что получила недавно она по воле Зевеса,
Равно двенадцати прочих богов, змея же свидетель.
Девы, ларца сторожа, на отвратное дело решились,
30 Скрепы замков отомкнули...
- (Пропущены примерно еще 22 стиха)*
Вот и отвергла Афина наш род. – О, если бы только
Не попадать нам в немилость – ведь гнев у Паллады тяжелый.
Правда, тогда я малюткой была – поколение восьмое
Смертных я ныне живу, что родителям стало десятым.
- (Пропущены 8 стихов)*
35 Только одно и спасало меня от голода злого...
- (Испорченные 3 стиха)*
36 От кикеев ячмень, что на землю просыпался...

- 38 Вестница злых новостей. А живи ты в то время, узнала б,
Как вдохновляли вещать ворону старую Фрии!
- 40 Я клянусь – только чем? – клянусь я сморщенной кожей
Старой моей, и клянусь я деревом этим засохшим,
Солнцем клянусь, что оно не сломало колеса и дышло
И не исчезло на Западе, – будет поистине время,
Будет и утро, и полдень, и вечер, и ночь, когда ворон,
Ныне способный и с лебедем спорить своей белизною,
В перьях, чей цвет – молоко или пена морского прибоя,
Черное, словно смола, носить оперение станет.
Вот какова будет Фебова плата за вести
В пору, когда он узнает о мерзости, что сотворила
50 Флегия дочь, Коронида, с Исхиом, наездником смелым.
Смокла, и сон ее взял, и внимавшая тоже уснула,
Только поспать не пришлось хорошенько – приблизился скоро
Хлад предрассветный – и вот уже воры не ищут поживы –
Их освещает светильник зари, что выходит на небо.
Вот уж и песни свои завели водоносы по граду,
Вот уж и грохот колес разбудил и того, кто укрылся
В доме, что смотрит на улицу; вот загремели несносно
Медной посудой рабы – да так, что можно оглохнуть.

ПРИЧИНЫ

ПРОЛОГ: ПРОТИВ ТЕЛЬХИНОВ

Знаю я, знаю – Тельхины ворчат на мои песнопенья,
Неучи – дружбу водить с Музою им не дано.
Злятся, что я не тяну одну бесконечную песню,
В тысячах строчек поэм не воспеваю царей

Переводы

- Либо героев – а так, катаю стихи по кусочку,
Словно дитя, а ведь мне лет не десяток, не два.
Я же, пожалуй, Тельхинам отвечу: «О гнусное племя,
Знаете вы, как припечь так, что печенка сгорит.
...стихами, которых немного, но тащит
- 10 Матерь Деметра большой груз...
То, что изящен Мимнерм, – сказали две малых поэмы,
А не «Большая жена» в этом смогла убедить.
Пусть из Египта журавль во Фракию мчится на крыльях
Крови пигмейской испить – это его веселит,
Издали пусть массагеты из лука стреляют по медам –
Пусть себе, – мне все равно сладостней петь соловьем.
Зависти гнусное племя, изыди! Не схеном персидским
Мерят поэзию – нет! Мера – искусство само.
- 20 Вам не дожидаться, чтоб я породил громогласные звуки, –
Громами грозно греметь – Зевса удел, а не мой.
В пору, как в руки я взял, сочинять собираясь, таблички,
Вот что Ликийский тогда мне провещал Аполлон:
«Всякую жертву, певец, подобает вскормить потучнее,
Только не Музе – она тонкое любит, дружок.
Вот мой завет: направляйся путем, где телеги не ездят,
Там колесницу гони, где не увидишь следов.
Правь неширокой дорогой, была б незаезжена только,
Узок твой путь – не беда, лишь бы не вытопан был.
- 30 Мы же являемся к тем, кто любит кузнечиков звонких
Стройный напев, а не крик дико ревущих ослов».
Пусть уж другие орут натужно, как тот длинноухий.
Нет, не по мне это все – буду я легок, крылат,
Стану я петь, как цикада, божественным даром питаем –
Светлой, небесной росой. Кабы не старость моя!
Только стряхну ее с плеч – и снова навалится тяжко,
Как Энкелада, меня островом душит она.

Но не ропщу! Если Муза кого привечала ребенком, –
В пору, как стал он седым, друга не бросит она!

О ГОРОДАХ СИЦИЛИИ

- 12   Голову я украшал венками душистыми пышно,
Густо ее умащал, светлые мази втирал –
Все выдыхалось, увы! И то, что прошло через зубы
В неблагодарный живот, вглубь отправляясь, внутри
Не оставалось и дня. Лишь одно я в себе сохраняю –
17   Что через уши вошло, – то уж со мной навсегда.
.....
- 46   « ... Знаю я Гелу – сей град у истоков реки расположен,
Род старинный его прямо от Линда идет.
Критскую знаю Миною, где Миносу, сыну Европы,
Дщери Кокала в купель влили крутой кипяток.
- 50   Знаю я и Леонтины...
От мегарейцев других прибыли эти сюда –
Их мегарейцы Нисейские выслали, – я же Евбею
Тоже способен воспеть и Афродитин Эрикс.
Там на торжественном пире всех будут по имени кликать –
Всех, кто постройкою стен занят когда-либо был».
Так говорил я – и Клио второй мне рассказ начинает,
Руку свою положив милой сестре на плечо.
«Люди, что некогда вышли из Кимы и древней Халкиды –
Вел их тогда Перьер, вместе с ним был Кратамен,
Оба отваги великой мужи, – на Тринакрии стали
Город стеной окружать, и не заботила их
Птица Гарпас – для строителей враг, если нет с нею цапли:
Башне, что строят тогда, зло предвещает она
В пору, как меряют землю и длинную крепят веревку,

Переводы

Дабы прямыми легли улицы в городе сем.
Ястреба крыльями... молодого,
Если в колонию ты будешь народ выводить.
Башни зубцами затем укрепили строители града,
Выстроив их в полукруг Кронова возле серпа –
В глуби пещеры подземной таится тот серп знаменитый –
Кронос Урану отсек часть детородную им.
Спор возникает о граде, один говорит, что желает
...с ним не согласен другой.
Ссора вскипает меж ними – и оба идут к Аполлону,
Дабы решилось, кому новый он град отдает.
Бог отвечает, что ни Периеру и ни Кратамену
Городом сим не владеть – вот что решил Аполлон.
Вняли они, воротились – и с этого дня поименно
Тех, кто построил сей град, в местности той не зовут,
А к основателю града при жертвах взывают обычно:
«Милостив к городу будь, ты, кто построил его,
Кто бы ты ни был, на жертвы приди – пусть будет вас двое,
Пусть и поболее, – прольем много мы крови быков!»
Муза умолкла – а мне захотелось еще и другое
Вызвать у ней и спросить – страх уж покинул меня, –
Как Феодесию, на Крите принятый праздник,
Возле Кисуссы блюдет Кадмов град Галиарт?..

МОГИЛА СИМОНИДА

И Камарина – ничто по сравнению с карой, грозящей
Всем, кто могильный курган честных тревожит людей.
Было: мой холм гробовой, что насыпали мне перед градом
Акрагантйцы-мужи, Ксения-Зевса почтив,
Срыл злонамеренный муж – о нем не слышали вы? – Феник,

Военачальник такой гнусный в сем городе был.
Он-то мой камень могильный и взял для строительства башни,
Не устыдился письмен, ясно гласивших, что здесь
Сын Леопрепа, лежу, почитаемый Кеосом свято,
Мудрый и первый, кто смог память себе подчинить,
Кто не сробел пред тобой, Полидевк, когда вы вместе с братом
Вызвали только меня выйти из дома, ведь он
Рухнуть был должен тотчас же – а я пировал там с друзьями.
Горе! Погиб этот дом – и в нем краннонец Скопад.

АКОНТИЙ И КИДИППА

Сам Эрот научил Аконтя верному средству
В пору, как юноша сей к деве Кидиппе пылал.
Он на хитрости не был силен – и бог наставляет,
Как же Аконтию стать мужем любимой своей.
Прибыли в Делос – Аконтий с Иулида, с Наксосу – дева,
В праздник, справлявшийся там, Кинфий-владыка, тебе.
Был он Евксантида кровь, а она – Прометеева поросль,
И на родных островах каждый звездою блистал.
С детства Кидиппу сынам своим матери часто просили,
Выкуп сулили большой – тучных рогатых быков.
В звонкие воды потока Силена, косматого старца,
Не доводилось входить столь же прекрасной другой.
Схожая больше с зарей, не вступала ногой своей нежной
В пляску, что девы ведут, сон Ариадны храня.

Все воздыхатели тщились увидеть, как отрок прекрасный
В школу иль в баню идет...

Переводы

Много влюбленных Аконтию в честь возлиянье творили
Каплей последней вина, на сицилийский манер.

Сам же стрелок наконец поражен был стрелою другого.

Он под предлогом любим за город часто ходил.

Столь же часто деревьев кору письмена прорезали,
Весть, что Кидиппа мила, надписи эти несли.

Ах я, негодный такой, и зачем испугал тебя только!

ИКОС

Праздник открытия бочек с утра начинал он прилежно
И Орестей справлял – светлый денек для рабов.

Он отмечал и обряд ежегодный Икария дщери –

В честь, Эригона, твою плачут всегда по тебе

Аттики жены. Тогда и позвал он друзей угощаться,

Был незнакомец среди них – прибыл в Египет сей гость

Только недавно, имея какое-то частное дело.

С Икоса родом, а я с ним на пиру возлежал,

Так получилось само – ведь Гомерово слово неложно:

То, что подобно, всегда сводит в одно божество.

Он, как и я, не терпел манеру хлестать по-фракийски –

Воду с вином не мешать, малую чарку любил.

Вот что сказал я ему, как чаша по третьему разу

Нас обошла и узнал имя его я и род:

«Истинны эти слова – не только частично водою

Надо вино разбавлять – любит беседу вино.

Но не разносят ее в черпаках, и о ней не попросишь,
Если виляет хвостом перед рабом гражданин,
Раб же, носящий вино, глядит неподвижно-надменно.
Мы же с тобою вдвоем – бросим лекарство в дурман!
О Феоген, ведь душа моя жаждет рассказ твой услышать,
Вот что поведай ты мне, вот что ты мне объясни:
Чтут почему в отчизне твоей мирмидонца Пелея,
Чем фессалийцы близки жителям Икоса, вам?
Уши мои готовы для тех, кто захочет поведать.
Только я это сказал...
«Трижды блажен, хоть счастливцев подобных найдется немного,
Тех, кто от моря вдали жизнь провождает свою,
Я же веду свою жизнь, как нырок, среди волн...»

ЭПИНИКИЙ СОСИБИЮ

- 4 Было: неся сельдерей, с ним колесница пришла
В пору, как он из Эфиры вернулся, и конь асбистейский
Все еще слышит – скрипит ось колесницы его.
Словно сегодня то было, из уст у меня излетают
Те же слова, что тогда, в пору, как новость пришла:
«Бог, что живешь с двух сторон омытого морем прохода,
Род Сисифидов тебя издревле в клятвах зовет,
Там, где святой перешеек, у края земли Пелопидов –
Кромна с одной стороны, Лехий стоит на другой.
Строг, беспристрастен там суд коням быстроногим, ретивым,
И справедливость его золоту не обойти.
Золото! Это прекрасное зло для смертного люда,
Что создают муравьи...»

(Пропущено примерно 5 строк)

Переводы

Вот он в Немею спешит – и вновь сельдерей добавляет
Из Арголиды к тому, что из Пирены привез.
Чтоб Александра земля и все, кто живут по Кинифу,
Знали – Сосибий стяжал дважды победный венки:
В землях двух чад – Леархова брата родного, а также
В крае того, кто возрос, млекомиринским вспоен.
Так что сам Нил, несущий свои плододарные воды
Из году в год, на сие мог бы такое сказать:
«Да, мой питомец блестящую мне возвращает награду,
Так не бывало еще – приз он приносит двойной
С праздников тех погребальных и дарит родимому граду.
Я хоть велик, и исток вод моих никому не известен,
В этом одном я сравниться не мог с тех потоков теченьем,
Что перейти без труда женским лодыжкам легко
Белым, и даже ребенок своих не замочит коленей...»

(Пропущено около 8 строк)

...Ведь у Афины в священных местах хранятся сосуды –
Не для убранства, а в знак, что проходила борьба.
Мы не сробели тогда пред мужами и подали повод
Хору, что к храму Софы толпы веселые вел,
Сладостно грянув победную песнь – Архилоха творенье.
А при тебе, Птолемей, Лага потомок, впервой
В парном забеге стяжали победы мы...

(Пропущено около 13 строк)

«Дважды наш гость победил, и мы дочерям Евриномы
Статуй не ставим нагих в Герином храме теперь», –
Молвит – и сразу вознес певец свою стройную песню.
Вот что про этот обряд я услышал от других,
Сам же своими глазами я видел близ нильского устья,
Что посвятил он во храм, там, на Касийских берегах:
«С Кипра меня сидонский корабль торговый доставил».

(Пропущено около 13 строк)

Слава ему за победы, за то, что с народом он дружен,
Слава, что он бедняков не забывал никогда.
Это великая редкость в богатом – обычно мы видим:
Денег обилье у них мощно царит над умом.
50 Нет, не воздать мне хвалы, какой он, конечно, достоин,
Толпы людские, боюсь, в случае будут любом...

ЯМБЫ

КУБОК БАФИКЛА

Я – Гиппонакт! Внимайте! Я сейчас прибыл
Из мест, где ни за грош себе быка купишь.
Несу свой ямб, но не о том поют мои ямбы,
4 Как бился я с Бупалом, [с тем, что был скульптор].
.....
6 Пред стен святыней встаньте, где бывал старец,
Что нам панхейского придумал встарь Зевса,
8 В своих безбожных книжках начесал чуши.
.....
10 О Аполлон! А люди – что твои мухи,
Иль осы из гнезда, иль после жертв в Дельфах –
Роятся тучей. О Геката, ну – толпы!
И лысый запыхается, держа крепко –
Не то сорвут с естеств – потертый плащ старый.
Теперь молчанье! Запишите все мое слово:
Бафикл-аркадец – будет мой рассказ краток, –
А ты, любезный, не крути мне тут носом,
Я сам спешу, увы, – мне в Ахеронт скоро, –

- 20 Так вот: Бафикл-аркадец, тот, что жил прежде,
Счастливец был, имея все, о чем мы, люди,
А также боги, говорим, что жизнь – счастье.
Когда заснуть последним сном пришли сроки,
Бафикл наш, что прожил всю жизнь весьма честно,
К одру созвал детей, и сыновья встали
Вкруг ложа – ведь папашу ревматизм мучил.
.....
... Что с женами валяться им уже время.
С трудом поднявшись, опираясь на локоть,
Как будто на пиру собрался он выпить.
30 Сказал тогда аркадец, в потолок глядя.
.....
Потом сказал...
Я ухожу, о дети, вы, о мой якорь...
(Пропущено около 15 строк)
... Поплыл в Милет. Фалес победу одержал в этом,
Фалес, что и во всем другом был муж мудрый –
В небесную телегу он собрал звезды,
По коим финикийцы в море путь держат.
Преддунный наш, благоприятный день выбрав,
Нашел его – у Дидимея был старик в храме,
40 Чертил он на земле своим жезлом-палкой
Фигуру, что Евфорб фригийский придумал,
Кто в круге треугольник рисовать начал
Неправильный, кто первым стал учить в пищу
Не брать того, что дышит, – и ему вняли
Не все, конечно, – в ком злой дух, не внял вовсе.
Так вот, ему-то наш аркадец и молвит,
Достав из сумки весь из золота кубок:
«Родитель мой послал меня вручить это
Тому из вас семи, кто всех мудрей прочих.

50 Как первенства залог даю тебе кубок!»
А тот, чертя тихонько по земле палкой,
Другой рукой бородку почесав, молвил:
«Ну нет, подарка твоего я не стою,
А если хочешь выполнить отца волю,
Неси Бианту кубок...

(Пропущено около 20 стихов, из которых следующие 4 известны из других источников)

Солон его Хилону-мудрецу отдал...

.....
Фалесу той порой вернулся дар снова...

60 «Правителю нелейцев посвятил кубок
Фалес, кому сей дар был присужден дважды...»

.....
Едва завидят: «Алкмеон!» – ему кричат люди, –
«Беги, он нападает!» – так о нем скажут.
А соглядатай-корикеец уж стоит сзади,
Уж рот разинул, уж язык-то свой вынул,
Как пес, что пить собрался, и затем молвит...

* * *

БРАНХ

Гимны поют вам, божества, Фебу и Зевсу, праотцу Дидимы:
«Да не падет мор на стада четвероногих, хищный мор проклятый,
Юноша, ты, сердцем моим трижды любимый, отврати несчастье.
Тучный мой скот пусть без вреда травку зеленую мирно поедает.

.....
Отчий твой род к Дайту идет, матери предки кровные восходят
К тем, от кого ты приходишь прямо от Лапифа».

Переводы

Только ты, Феб, это сказал – он уж ликует от твоих подарков,
Место в лесу, где он тебя видел впервые, делает священным,
Ключ где двойной бьет из земли, крепит он в землю лавровые ветки.
Милостив будь, наш господин, ты, о Дельфиний, – имя таковое
Ставлю в зачин, с Делоса ведь ты в град Экусий прибыл на дельфине.

АНОНИМНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Прилетела ласточка,
Принесла погоду,
Добрые годы
Да на брюшке белом,
Да на спинке черной.
Выносите сладости
Из полного дома,
Да сыру кусок,
Да вина глоток.
10 Не откажется она
От пшеничной булки,
От бобовой каши.
С чем вернемся, что возьмем?
Дай хоть немного!
А не дашь, так не уйдем,
Прямо вместе с косяком
Двери утащим
Иль жену твою возьмем

20 Прямо из дома,
Она ростом-то мала –
Легче потащим.
Если дашь нам что-нибудь –
Хорошо отдаримся.
Отворяй-ка, отворяй
Ласточке двери!
Мы не старцы-старика –
Малые дети!

– Где мои розы? Где мои фиалки?
Где мой сочный сельдерей?
– Вот они, розы! Вот мои фиалки!
Вот он, сочный сельдерей!

Получай свою удачу!
Получай свое здоровье!
Вам дает его богиня,
Та, кого мы призывали.

ПОХОДНАЯ ПЕСНЬ

В бой, сыны достойных граждан,
Дети мужественной Спарты!
Крепко щит рукой сжимая,
Грозно копьями потрясши,
Жизней ваших не щадите
За отечество, за Спарту!

ЗАСТОЛЬНЫЕ ПЕСНИ

О Паллада, владычица Афина,
Тритогена! Правь градом и народом,
Охраняя от мора и смут,
Ранней смерти лихой, – ты и родитель твой.

Час венки надевать – пою Деметру,
Олимпийскую мать Богатства славаю,
Персефону с ней, Зевсову дочь.
Слава, богини, вам! Город блюдите сей.

Делос! Здесь родила Лето когда-то
Златокудрого Феба-Аполлона
С Артемидой, что ланей разит,
Девой-охотницей, властной над женами.

Пан! Хозяин Аркадии преславной!
О плясун, спутник Вакха, нимф шумливых!
Рассмейся, о Пан, улыбнись!
Песни веселый звук пусть усладит тебя!

Мы хотели того – мы победили.
Даровали бессмертные победу,
Чтя Пандросу, любезную Афине.

Было б можно проникнуть внутрь другого –
Грудь раскрыть и его увидеть мысли,
Все узнать и обратно закрыть,
Чтобы друзьями звать тех, в ком обмана нет.

Благо высшее смертному – здоровье,
А второе – пригожим уродиться,

Третье – честно богатством владеть,
А четвертое – молодость с друзьями!

Пока на суше – путь свой рассчитывай,
Коль ты моряк и дельный, и стоящий,
А вышел в море – тут уж надо
Мчаться туда, куда ветер дует.

Клешнею зажав змею,
Такое вымолвил рак:
«А другу надо быть прямее!
Не надо кривить душой!»

С веткой миртовой меч нести я стану,
Как Гармодий нес с Аристокитоном,
Умертвивши тирана вдвоем,
Равнозаконие граду Афинам дав.

О любимый Гармодий, ты не умер!
Говорят, ты на острове блаженных,
Где Ахилл быстроногий живет,
Отпрыск Тидея где, доблестный Диомед.

С веткой миртовой меч нести я стану,
Как Гармодий нес с Аристокитоном,
Ведь тирана Гиппарха они
Умертвили на празднестве в Афинах.

Ваша слава вовеки не померкнет,
О Гармодий, и ты, Аристейтон.
Вы тирана убили вдвоем,
Равнозаконие граду Афинам дав.

Переводы

Друг! Адмета завет знай хорошо – храбрых люби душой!
Трусов, друг, сторонись! Помни всегда – нет благородства в
них!

О Аякс, Теламонов сын, о копейщик, молва идет –
После Пелида сильнейшим был ты под Троей меж воинов.

Говорят, что Теламон первым был, Аякс вторым
Среди всех, кто на Трою шел, после Ахилла мощного.

О, если б стал я лирою кости слоновой – несли б меня
В хороводе вакхическом отроки превосходные.

Вот бы мне самородком стать золота чистейшего,
Вот бы носила меня тогда та жена, что душой чиста!

Пью – так пей, а люблю – тоже люби! Вместе возьмем венки!
Я шалею – шалей! В разуме я – в разум и ты войди.

Друг! Под камнем любим злой скорпион может запрятаться,
Ты смотри, берегись! Всякий обман с глаз наших прячется.

Зуб свинья вонзает в желудь – а уж сгрызть другой не прочь!
У меня девчонка – прелесть, но другую я – не прочь!

Свойство есть, что роднит между собой девку и банщика:
Всех в корыто одно – плох ли, хорош – всех одинаково.

Ну-ка, слуга, смотри не забудь, налей за Кедона,
Долг твой – за добрых мужей добрым мужам наливать.

Эх, Липсидрий – товарищей предатель!
Сколько ты погубил мужей прекрасных!
Сколько отпрысков славных семей!
Битва явила всем – дети отцам под стать.

Кто друзей никогда не предавал – стоит заслуженно
От богов и людей чести большой, – вот что я думаю.

Богатство велико мое – копье да меч,
Да добрый щит, удары отражающий.
Они мне и пашут, они мне и жнут
И мне вино из гроздьев дают сладкое,
За них я господином величаюсь.
А кто иметь не смеет ни копье, ни меч,
Ни добрый щит, удары отражающий,
Целуют, припав, колено мое

.....

Зовут царем великим и хозяином.

Юноши, вы, чей удел наследный – подвиги предков, дары
Харит!
Не чуждайтесь водить знакомства с добрыми в цвете юно-
сти!
Ведь среди городов Халкиды Эрос разымчивый с Муже-
ством
Равно сияют.

ГИМНЫ

ГИМНЫ БОГАМ

ДИОНИСУ

Расступитесь, расступитесь!
Богу место дайте!
Бог желает, явившись во всем своем блеске,
Пройти посредине!

* * *

Тебя, о Вакх, мы песнопеньем радуем,
Простой напев выводим переливчатый,
Веселый, новый, совершенно девственный,
Никем еще не петьи прежде, ранее,
Нетронутый, чистейший начинаем гимн.

Приди, о Дионис-герой,
В элейский храм священный!
Приди во храм с Харитами,
Ворвавшись бычьей поступью,

Гимны

Бык досточтимый,
Бык досточтимый!

* * *

И там луга бессмертные, цветистые,
И рощи, тени полные, дают приют
Прелестным хороведам дев вакхических...

* * *

Кто пляской хороводной сердце радует...

* * *

Для Ор он – любимец желаннейший,
Для смертных – покой от трудов...

* * *

Бог благодетельный, детище чистой
Матери, древле от Кадма родившейся,
В граде Фивах многосчастном.

* * *

10   Все сюда, сюда спешите,
      Все сюда, сюда смотрите!
      Эта дева – кто она?
      [Бога] нежно обняла.

Переводы

МОЙРАМ

Внемлите, о Мойры!
При троне Зевеса
Ближе всех богов восседаете вы!
Алмантовыми челноками
Ткете вы, сплетаете
Непреложные, неизбежные
Помыслы всех стремлений!

10 Айса, Клофо и Лакесис!
Дивнолокотные дочери Ночи!
Вы, богини небес и недр,
Всех приводящие в трепет, –
Нашим внемлите молениям.
Вы, всеустрашающие!
О, ниспошлите нам
Розоволонную Благозаконность,
С нею сестер пышнотронных –
Мир венценосный и Справедливость.
20 О, дайте граду
Изгладить из памяти
Печаль о несчастье!

МАТЕРИ БОГОВ

.....
О богини, с вышины
Появитесь предо мной!
Станем вместе величать
Песнопеньем Мать богов.

Гимны

Как пошла она бродить
По лощинам, по горам,
[Сквозь терновые кусты,]
Раня плоть и рвя волосы,
С помутившимся умом.
10 Как взглянул владыка Зевс,
Как увидел Мать богов,
Бросил огненный перун –
И тимпаны подхватил,
Скалы мощные потряс –
И тимпаны подхватил.
– Воротись к богам, о Мать,
Не скитайся по горам!
Да не будет ярый лев,
Да не будет волк седой...
20 – Я к богам не ворочусь,
Если доли не возьму, –
Половину всех небес,
Половину всей земли
И от моря третью часть,
Вот тогда вернусь к богам.
– Слава мощной госпоже,
Матери Олимпа!

ПАНУ

Я тебя пою, о Пан,
Нимфагет, наяд любимец,
Ты – краса золотого хора,
Господин болталивой Музы!
Легким шагом в тень пещеры

Переводы

- Пан заходит и оттуда
Разливает в стройной песне
Он божественные чары
На сиринге звонкогласой,
10 Благозвучный и прекрасный,
С белокурой бородою.
Звуки песни долетают
И до звездного Олимпа,
И до сонма олимпийцев,
Муз бессмертных услаждая.
Вся земля и глубь морская
Благодать твою впитали,
Ты грядешь, всему опора,
О, из, Пан, Пан!

ВСЕМ БОГАМ

... Зевса величайшего...
... плясуна Бромия...

Зовите Асклепия высокоискусного
И близнецов Диоскуров
И почтенных Харит, и славных Муз,
И благосклонных Мойр,
Гелия неутомимого, и полную Селену,
И все созвездия, небо венчающие.
Слава всем вам, бессмертным богам, пребывающим присно,
Слава, богини, и вам, блюдите храм Эпидавра
В добром порядке, да элины полнят его многолюдно
Свято победоносные,
В счастье, в благодати.

Гимны

ДРУГИМ БОГАМ

Муза златотронная! Гимн пропой нам,
Что пришел из края прекрасных женщин,
С Теоса земли! Спой его нам сладко,
Славный, почтенный!

ТИХЕ

О Тиха!
Ты – начало и конец всего для смертных!
Ты воссела на трон премудрости,
Ты делам людским назначаешь цену,
От тебя больше блага, чем зла,
И вокруг золотых твоих крыл
Прелесть сияет.
Все, что дано твоими весами, – к полному счастью!
В беде – ты ведаешь путь из безысходности,
Во мраке – ведешь, как яркий светоч,
О полезнейшая из божеств!

АРТЕМИДЕ

О Артемида! В сердце проникло мне
Желанье гимн, приятный тебе, соткать...

.....
...Другая, золотом сияя,
Держа в руках крембалы меднощекие...

Тут начинало и течь, и струиться,
Как из источника чистая влага,

Переводы

Млеко густое у маток всех.
Быстро наполнились млеком кувшины,
Скоро и амфоры не было в доме,
Каменной бочки, подойника, мехов,
Что до краев не наполнились млеком.

ИЗ ДРУГИХ ХОРОВЫХ ЖАНРОВ

[Но трудно доискаться,]
Кто вышел первым на свет из людей.
Или в Беотии Алалкоменей
При водах озера Копайдского,
Или куреты идейские, поросль богов, иль корибанты фригийские
Первыми были, кого
Солнце узрело возросшими, словно деревья.
Быть может, первой Аркадия
Породила Пеласга,
Кто старше самой Луны,
Иль элевсинская пашня Рарийская –
Жителя своего Дисавла,
Или Лемнос –
Дивных чад своих Кабиров
С их заповедными таинствами,
Или Пеллена –
Флегрейского Алкионея,
Старейшего из гигантов?
Ливийцы же сказывают,
Будто среди их выжженных равнин
Явился на свет перворожденным Иарбант
От услады Зевесовых чресл.

Гимны

В жизни людской безнадежной
Самая редкость – не яркое золото,
Не алмаз, не носилки работы серебряной –
Так полагают, кому это взоры слепит, –
И не просторы земельных наделов,
Нивы, родящие пышно
Нивы, тяжелые от урожая – его-то уж хватит!
Самая редкость –
Единые мысли у добрых людей.

[Превратилась Гекуба] в собаку с ярым взором,
И медный вой,
Из пасти ее старой исторгавшийся,
Слыхала Ида,
Слыхал волной омытый Тенедос,
Слыхали скалы Фракии, излюбленные ветром.

– Что ты! Не губи, молю, нас с тобой обоих!
Встань, пока он не пришел на беду большую
И тебе, и бедной, мне! Белый день забрезжил!
Неужель не видишь ты света за окошком?

ОРФИЧЕСКИЕ ГИМНЫ

К МУСЕЮ

НА ПОЛЬЗУ И ВО БЛАГО ТЕБЕ, ДРУГ!

Вот послушай, Мусей, молитву при действиях священных
Силы великой – тебе она более всех подобает.
Царь Зевес и Земля, и небесное чистое пламя
Солнца с Луной, и бесчисленных созвездий святое свечение!
5 Ты, Посейдон, черновласый держатель Земли! Персефона!
Ты, о Деметра святая, плодами обильная пышно!
Также и ты, Артемида, о ты, стрелометная дева,
С Фебом, что в Дельфах святых обитает! О ты, что имеешь
Высшую честь у блаженных богов – Дионис-хороводник!
10 Духом могучий Арес и Гефестова сила святая!
Пеннорожденная, ты, кто жребий дарует преславный!
Также и ты, о подземный владыка, державнейший демон!
Геба с Илифией, вы! Ты, Гераклова сила благая!
Ты, Справедливость, и ты, Благочестье – оплот величайший!
15 Всех вас зову – и нимф знаменитых, и славного Пана,
Геру цветущую, Зевса, эгидодержавца, супругу,
Милую я Мнемосину и Муз призываю священных,
Девять числом, и Харит, и Ор я зову вместе с Годом,
Кличу Лето пышнокудрую я и богиню Диону,
20 Кличу куретов, носящих доспех, корибантов, кабиров,
Кличу Спасителей высших, Зевесовых чад неистленных,
Кличу Идейских богов и вестника воли бессмертных,
Гермия, кличу Фемиду, блюдущую жертвы у смертных,
Ночь всестаринную я призываю и День светоносный,
25 Веру и Дику зову, беспорочную мать Законов,
Рею и Крона зову и в пеплосе черном Тефию,

Гимны

И Океана великого, и дочерей Океана,
Я и владычную силу Эона зову, и Атланта,
Вечное Время зову и Стикса священную воду,
30 Ласковых кличу богов, а с ними и Промысел добрый,
Демонов кличу благих для людей и гибельных смертным,
Демонов кличу небесных, земных, и воздушных, и водных,
С ними подземных и тех, кто в огне пребывает горящем,
Кличу Семелу и Вакха со всей его шумною свитой,
35 Кличу Ино, Левкотею, подателя благ Палемона,
Нику, чье сладостно имя, и с ней Адрастею-царицу,
Кличу, Асклепий, тебя, о владыка, смягчающий боли,
Кличу Палладу, зовущую в бой, призываю все ветры,
Грома раскаты и Стороны света зову я четыре.
40 Кличу и Мать бессмертных, и Аттиса кличу, и Мена,
Кличу Уранию я и Адониса кличу святого,
Кличу Начало и кличу Предел – он всего нам важнее,
Все вы явитесь теперь благосклонно, с отрадой на сердце
К жертвенным действиям священным, к сему возлиянью честному.

І. К ГЕКАТЕ

Я придорожную славлю Гекату пустых перекрестков,
Сущую в море, на суше и в небе, в шафранном наряде,
Ту, примогильную, славлю, что буйствует с душами мертвых,
Ту нелюдимку Персею, что ланьей гордится упряжкой,
5 Буйную славлю царицу ночную со свитой собачьей.
Не опоясана, с рыком звериным, на вид неподступна,
О Тавропола, о ты, что ключами от целого мира
Мощно владеешь, кормилица юношей, нимфа-вождиня,
Горных жилища высот, безбрачная – я умоляю,
10 Вняв моленью, гряди на таинства чистые наши
С лаской к тому волопасу, что вечно душою приветен!

II. ПРОФИРЕЕ (фимиам, стиракта)¹

Внемли, богиня почтенная, демон об имени светлом,
В родах помощница, радостно видеть тебя роженицам,
Жен ты спасенье, одна лишь ты любишь, о добрая, деток,
Быстрые роды неся, являешься там, где страданье.
5 Ты, Профирея, о добрая ключница, пестовать любишь,
Радостно домам людским тебе посылать процветание,
Рвущая пояс, невидима ты, но дела твои зримы.
Ты сострадаешь родящим, коль роды легки – веселишься.
Ты, Илифия, снимаешь страдание в миг тяжелейший,
10 Только тебя, облегченье душе, и зовут роженицы,
Только в тебе забывают страдания болей родильных.
О Артемида, Илифия, о Профирея честная!
Внемли, блаженная, роды пошли и пребудь на подмоге,
Будь мне спасеньем, раз все упасать ты на свет уродилась!

III. НОЧИ (фимиам, головни)

Буду я Ночь воспевать, что людей родила и бессмертных,
Ночь – начало всего, назовем ее также Кипридой.
Внемли, блаженная, в звездных лучах, в сиянии синем!
Внемли! Отрадны тебе тишина и сон безмятежный,
5 Ты, о веселая, добрая, праздники любишь ночные,
Мать сновидений, ты гонишь заботы и отдых приносишь.
Все тебя любят, дарящую сон, колесницы хозяйку,
Свет твой таинствен, и ты по природе, богиня, двусуща –
То под землей пребываешь, то снова восходишь на небо.
10 Кругом бредя, ты играешь, гонясь за живущими в небе,
Либо, коней подгоняя, к подземным богам устремляешь
Бег их и светишь в Аиде опять, ведь тобой управляет

¹ Имеются в виду ароматные травы и смолы, которые воскурялись при жертвоприношениях.

Гимны

Строгий Ананки закон, что всегда и для всех неизбежен.
Ныне, блаженная, всем вожденная Ночь, – умоляю,
15 Внемли с охотой словам к тебе обращенной молитвы,
Мне благосклонно явись, разогнав мои страхи ночные!

IV. УРАНУ (фимиам, ладан)

О всеродитель Уран, некрушимая часть мироздания,
Старший в роду, и начало всего и всему завершенье!
Куполом ты над землей, о миродержавец, простерся,
Дом всеблаженных богов. Ты все обтекаешь дозором
5 В круговращенье своем, о страж и земли и эфира,
В сердце твоём – бесконечный закон неизбывной природы,
Ты, голубой, адамантово твердый, изменчивый видом,
Всеми играешь цветами, о Крона родитель всезрячий,
Высший из демонов! Мне, о блаженный, внемли, умоляю!
10 Вновь посвященного миста по жизни веди беспорочной.

V. ЭФИРУ (фимиам, шафран)

О высочайшая кровля, вместилище силы Зевеса,
О некрушимый, опора для звезд, для Луны и для Солнца!
Ты, огнедышащий, всеукротитель, ты – искра живого!
Вышний эфир, из основ мироздания ты – наилучший!
5 Великолепный, исполненный света и блеска созвездий!
Я, призывая, молю – пребудь безмятежным и ясным!

VI. ПРОТОГОНУ (фимиам, смирна)

Я Протогона двусущего кличу, бродягу эфира,
Что из яйца появился, красуясь золотыми крылами,
С ревом бычачьим, начало и корень блаженных и смертных,
5 Семя честное, священными жертвами чтимое часто,
Эрикепайон, таинственный, неизречимый, блестящий,
С громом и свистом летящий, чей взор разгоняет потемки
Всюду, куда понесут его быстрые крылья по миру.
Ярко блистающий, свет приносящий – отсюда Фанетом
Я величаю его, владыкой Приапом, Антавгом.
10 Семенем полный, блаженный, премудрый, – явись же, ликуя,
К оргиофантам на таинство их, что и ярко, и свято!

VII. ЗВЕЗДАМ (фимиам, ароматы)

Звезд небесных свеченье священное я вызываю,
Благосвятыми словами я кличу сих демонов чистых.
Звезды небесные! Чада любимые Ночи всечерной!
5 Вы, кто, кружась, обтекаете мир огненной волною,
Вы, кто, сияя и вечно горя, все и вся породили,
Вы – сопричастницы Мойр, указатели всяческой доли,
Вы направляете смертных людей по божественным тропам,
Вам пояса семикратные зримы, воздушным скитальцам,
10 Вы и небесные, вы и земные, вам нет истощенья,
Пеплос Ночи непроглядный вы сделали взору доступным,
Блеском осыпав своим, о дарящие время веселью.
К благосвященному действию трудов многомудрых явитесь,
Вы, кто на путь наставляет, ведущий к деяниям славным!

VIII. ГЕЛИОСУ (фемииам, манна с ладаном)

Внемли, блаженный, всезрящий, имущий всевечное око,
Светоч небесный, о Гиперион, о титан златояркий,
Неутомимый, себя породивший, отрада живущим!
Ты на востоке – родитель Зари, а на западе – Ночи,
5 Ор ты единственныйводишь, кружа на своей колеснице.
Ты, о летящий со свистом, сияющий огненным ликом,
О колесничий, гонящий коней по извечному кругу,
Благочестивых ко благам ведешь, нечестивым же – враг ты.
О златолирник, твой бег водворяет гармонию в мире,
10 Дел указатель благих, о юноша, Ор воспитатель,
Миродержатель, свирельник, бегущий огонь, кругоходец,
О плодоносный, дарующий жизнь, о Пэан пестровидный,
Года отец, незапятнанный, Зевс бессмертный и пылкий,
Ясный, сияющий всем! Ты – мир обходящее око!
15 И на закате сияешь ты дивно своими лучами!
О справедливый, о влаголюбивый, владыка вселенной!
Верности страж, вовеки всевышний, для всех ты подмога.
Око самой справедливости, жизни ты свет, о возникший!
Ты, подгоня свистящим бичом колесницы четверку,
20 Внемли мольбе, просияй для мистов приятною жизнью!

IX. К СЕЛЕНЕ (фимиам, ароматы)

Внемли, богиня, царица Селена, дарящая светом!
С рожками бычьими Месяц, бродящий в ночи небожитель!
В факелах шествий ночных, о Луна, благозвездная дева,
То ты полнеешь, то таешь, и женщина ты, и мужчина,
5 О конелюбица, о плодоносная, мать ты году,
Грустное ночи светило, блестящая, вся из электра,

Переводы

Ты, о бессонная, ты, о всезрящая, в звездном уборе,
В радость тебе – тишина и счастье благого удела,
Прелестью блещешь, носящая рожки, ночи украшенье,
10 В пеплосе тонком ты кружишь, всемудрая звездная дева,
Ныне, блаженная, добрая, в свете своем благозвездном,
В полном сиянье явись, храня неофитов, о дева!

Х. ПРИРОДЕ (фимиам, ароматы)

Ты, о Природа, богиня всемать, всеумелица-мать!
Ты, о небесная, старшая, ты, о владетельный демон,
Всех укрощая, сама никому не подвластна, ты – кормчий!
Ты всесиятельна, всепочитаема, демон всевышний,
5 Неистребимая, ты благородство мужам сообщаешь,
О первородная, древняя, с опытом многим, ночная,
О светоносная, неудержимая, ты, о святая,
Кружишься в пляске, но стопы твои танцуют бесшумно,
Ты – устроитель богов, всему ты конец бесконечный,
10 Общая всем, ты одна лишь из всех ни к чему не причастна,
Самоотец, не имущий отца, ты быстра и отрадна,
В дивном цветении все ты сплетаешь искусно, с любовью,
Ты, о вождиня, о дева всепестунья, жизни носитель,
Самодостаточна, ты и Харита, Пейто ты и Дика,
15 Ты на земле, под землей, в небесах и на море владычишь,
Горечь для всех недостойных, тебе же послушным – услада,
О вседаритель заботливый, о всецарица, всемудрость,
Все ты растишь, ты все утучняешь и в срок разрешаешь,
Мать и отец ты всему, всему ты кормилица, нянька,
20 Роды твои, о блаженная, скоры, плоды преобильны,
Многосемянная, все ты умеешь, ваятель владычный,
Демон державный, о скромная, все ты в движенье приводишь,

Гимны

Мудрая, с опытом многим, вращаешь ты вихрем извечным
Быстрый поток, всетекучая, в формах чужих пребываешь,
25 Благопрестольная, что суждено, завершаешь одна ты,
О скиптродержлица вышняя, тяжело гремящая громом,
Всеукротитель, не знающий страха, судьба роковая,
Огнедыханна, бессмертная жизнь и промысел вечный,
Ты во всем, и все сотворила на свете одна ты.
30 Ныне, богиня, молю – со счастливыми Орами вместе
К нам приведи и здоровье, и мир, и всему умноженье!

ХІ. ПАНУ (фимиам, смеси)

Пана пастушьего мощного кличу – он все в этом мире –
Небо и море, бессмертный огонь и земля всецарица,
Все это – Пан, ибо все это пановы части и члены.
5 Ор сопрестольник, гряди, о блаженный прыгун, крутобежец,
О козлоногий вакхант, исполненный божьего рвенья,
Резвая песня твоя сообщает гармонию миру,
Вождь привидений и призраков, ужас для смертных, подзвездный,
В радость тебе – козопас у ручья или пастырь со стадом,
Видящий зорко, охотник, друг Эхо, ты с нимфами пляшешь,
10 Всепородитель, раститель всего, многославнейший демон,
Миродержавец, Пэан плодоносный, светящий, пещерный,
Тяжкогневаливый, ты истинный Зевс, венчанный рогами,
Это ведь ты равнину земли незыблемой сделал,
Ты отгеснил неустанного моря тяжелую влагу,
15 Землю вращая в волнах Океана кружением вечным,
Воздух питающий – ты, что жить позволяет живому,
И невесомого пламени ты и краса, и основа –
С легкостью все несовместное сходится волей твоею,
Промысел твой, коль захочешь, природу всего переменит,

20   Смертный ли род человеческий, иль мир, беспредельно широкий.
Ныне, вакхант вдохновенный, блаженный, гряди к возлияньям
Благосвященным и добрую жизни кончину пошли нам,
Панова страха стрекало прогнав за пределы земные!

ХII. ГЕРАКЛУ (фимиам, ладан)

Духом огромный Геракл, титан многосильный, могучий,
С крепкими дланями, непобедимый, вершитель деяний,
Видом изменчивый, года отец, благомысленный, вечный,
Неизречимый, свирепый, молимый людьми неустанно,
5   Сердцем всесильный, великая крепость, стрелец, прорицатель,
Всепородитель, всеядец, всевышний, всеобщий заступник,
Неукрощенное племя чудовищ для смертных смирил ты,
К миру стремясь драгоценному, миру – растителю юных,
Перворожденные стрелы твои, как молнии, блещут,
10   Лучшая поросль Земли, самородный и неутомимый,
Славный Пэан, вокруг чьей головы – и ночь, и денница!
Подвигов ты двенадцать пронес от востока на запад,
Ты, о бессмертный, незыблемый, опытный и бесконечный.
Ныне, блаженный, гряди и, ветвью в руке помавая,
15   Нас от болезней избавь, отведи заблуждения злые!
Кер вредоносных пернатые стрелы твои да изгонят!

ХIII. КРОНОСУ (фимиам, стиракта)

Пышущий пламенем отче мужей и богов всеблаженных,
В мыслях изменчивый, ты, о Титан незапятнанный, мощный!
Все истребляя, ты снова растишь, умножая, и держишь
Несокрушимые цепи всего бесконечного мира.

Гимны

5 Крон-всеродитель всевечный, вещатель коварных глаголов,
Отпрыск богини Земли и звездами полного Неба,
Младших родитель богов, о Реи супруг, Промыслитель,
Родоначальник, живущий в любом уголке мироздания,
Хитролукавый умом! Услышь умоляющий голос,
10 Жизни счастливой пошли, о благой, благою кончину!

XIV. РЕЕ (фимиам, ароматы)

Рея-владычица, ты многовидного дщерь Протогона!
Лев-быкобоец впряжен в святую твою колесницу,
Звонкая медью, ты любишь неистовства в громе тимпанов,
Матерь Зевеса, владыки Олимпа, эгидодержавца.
5 Видом светла и всечтима, блаженная Крона супруга,
Любы тебе среди гор завыванья ужасные смертных,
Рея воинственно шумная, с мощной душой, всецарица,
Ты первородица, лгунья, спасаешь и все очищаешь,
Матерь единая вышних богов и смертного люда,
10 Ведь от тебя – и просторы земли, и высокое небо,
Ветер и море, о воздуховидная, легкая в беге!
Ныне, богиня, гряди во спасенье с душой незлобивой,
Мир принеси нам и с ним – благое стяжанье богатства,
Прочь за пределы земли и Кер отгоняя, и горе!

XV. ЗЕВСУ (фимиам, стиракта)

О многочтимый Зевес, о Зевес не губимый вовеки,
Ты нам – свидетель, ты – наш избавитель, ты – наши молитвы!
С помощью, царь наш, твоей головы на свет появились
Матерь богиня земля и гор вознесенные кручи.

Переводы

5 Море и прочее все, что под небом широким воздвиглось.
О скиптродержец Кронид, низвергатель, могучий душою,
Всепородитель, начало всего и всему завершенье!
Недр сотрясатель, ты все насаждаешь, растишь, очищаешь,
Зевс всетворящий, хозяин перуна, и грома, и молний,
10 Мне, многовидный, внемли, подай беспорочное здравье,
Мир, что для нас – божество, и славу богатства честного!

XVI. ГЕРЕ (фимиам, ароматы)

Гера воздушная, в складках одежд темно-синих богиня!
О всецарица блаженная, Зевса делящая ложе!
Шлешь дуновенья, живящие душу, достойным и добрым,
Мать дождей, пестунья ветров, ты все порождаешь.
5 Нет нигде ничего, чье рожденье тебе непричастно,
В тучу святую сокрывшись, ты все меж собой сопрягаешь,
Властвуешь всем ты одна, над всеми, богиня, владычишь,
Жизни поток потрясая воздушным пронзительным вихрем.
Ныне, блаженная, многоименная, ты, всецарица,
10 К нам, о богиня, гряди с сияющим ласково ликом!

XVII. ПОСЕЙДОНУ (фимиам, смирна)

О черновласый держатель земли Посейдон, внемли мне!
Конник, держащий в руках трезубец, из меди отлитый,
Ты, обитатель глубин сокровенных широкого моря,
Понтовладыка, что тяжкими мощно грохочет валами!
5 О колебатель земли, что, вздымая могучие волны,
Гонишь четверку коней в колеснице, о ты, дивноокий,
С плеском взрываешь соленую гладь в бесчисленных брызгах,

Гимны

10 Мира треть получил ты в удел – глубокое море,
Тешишься, демон владыка, средь волн со зверями морскими,
Корни земные хранишь, блюдешь кораблей продвиженье.
Нам же подай честное богатство, и мир, и здоровье!

XVIII. К ПЛУТОНУ

5 Духом великий, о ты, обитатель подземного дома
В Тартара мрачных лугах, лишенных сияния света,
Зевс Хтонийский, прими, скиптродержец, с охотой жертвы,
Ты, о Плутон! От всей земли ты ключами владеешь,
Смертному роду даришь урожаи в богатые годы.
Третью мироздания удел твой – земля, вседарящая почва,
Недра бессмертных богов, подпора крепчайшая смертных.
Ты свой трон утвердил среди области вечного мрака,
10 Средь необъятных просторов лишённого воздуха ада,
Чёрного близ Ахеронта, держащего корни земные.
Многоприимный, ты смертью над смертными властвуешь мощно,
О Евбулей! Ты прекрасное чадо священной Деметры
В жены похитил, схватив на лугу, и понес через море
Вдаль на четверке коней прямо в Аттику, в край Элевсинский:
15 Есть там пещера – врата её путь открывают к Аиду.
Ты, о единый судья деяний и явных, и тайных!
О вседержитель, о самый священный, о блещущий славой,
В радость тебе – благочестное дело вершения таинств!
О, призываю, гряди с благосклонным веселием к мистам!

XIX. ЗЕВСУ КЕРАВНУ (фимиа, стиракта)

Отче Зевес, ты хлещешь грохочущий мир, озаря
Вспышками молний его во всевышних пределах эфира,
Гроном божественным ты потрясаешь престол всеблаженных,
Огненный молнии столб среди туч всеплошных возжигаешь,
5 Мечешь дожди, и смерчи, и удары могучего грома,
Бурные молнии льешь, всепалаящие, силы ужасной,
Словно потоки огня, и низкими тучами кроешь
Войско нахохленных птиц, перепуганных, полных смятенья.
Молнии чистой стрела возникает средь грома внезапно,
10 Непобедимо сквозь вихри с безмерным проносится свистом,
Неодолимая, неотвратимая, страшная в гневе
Острая неба стрела слетает в пронзительной вспышке,
Море окрест озарив, – и трепещут и суша, и воды,
Звери к земле припадают, как грохот ушей их коснется,
15 Вспышки же слепят глаза порою, как в глубях эфира
С ревом грохочет гроза, и, неба хитон разрывая,
Ты, о Зевес, посылаешь с небес перун свой слепящий.
Ныне, блаженный, молю – на пучины и горные выси
Лучше свой гнев обрати, а уж нам твоя ведома сила!
20 Наше приняв возлиянье, пошли утешение сердцу,
Жизнь со спокойной душой, с Гигиеей владычицей вместе
Мир ниспошли, многотимого бога, что пестует юных!
Дай нашей жизни цвести, благородными мыслями полнясь!

XX. ЗЕВСУ АСТРАПЕЮ (фимиа, манна с ладаном)

Кличу великого, чистого, яркого, слышного всюду!
Туч темноту освещая, грохочет он в огненном блеске,
Светочем молний горя, пробегает по небу раскатом,

Гимны

5 Тяжкий во гневе, вселяющий ужас, святой, необорный
Молниевежец Зевес всеродитель, о царь величайший,
Сладкую жизни кончину с собой принеси благосклонно!

XXI. ТУЧАМ (фимиам, смирна)

5 Тучи воздушные, странницы неба, кормилицы восходов,
О дождеродицы, носит вас по миру ветров дыханье,
Влажнодорожные, полные грома и пламени молний!
Ваши воздушные складки таят ужасающий грохот,
5 Кажется, войско напало, когда раздирает вас ветер.
Ныне молю вас, о росные, ветром душистым повеяв,
Влагу – плодов пропитанье – на мать нашу землю пошлите!

XXII. ТЕФИИ (фимиам, манна с ладаном)

Я совоокою Тетис зову, Океана супругу,
В пеплосе синем царицу, что легкие волны колеблет,
Сладостновеющим ветром дыша на приморскую землю.
5 Ты крушишь о прибрежные скалы валы-исполины
И, усмирив, посылаешь на берег спокойно и мягко.
Ты кораблями красуешься, ты, о пестунья чудовищ,
Влажнодорожная мать Киприды и туч мраковидных,
Матерь нимф ключевых и речных, изобильных водою,
Ныне внемли мне, молю, многотимая, будь благосклонна,
10 Помощью будь и пошли кораблю попутные ветры!

XXIII. НЕРЕЮ (фимиам, смирна)

Корни моря блюдущий, живущий в сияющей сини,
Ты, кто гордится прекрасным потомством – ведь в волнах резвятся
Все пятьдесят твоих дочерей, о Нерей многославный!
Ты – предел земли, дно моря, всего ты начало,
5 Ты и Део священный престол теснишь, заключая
Мощные ветры, тобою гонимые, в глубях ущелий.
Внемли! От землетрясений храни, умоляю, и мистам
Счастье и мир ниспошли и здоровье с целящею дланью!

XXIV. НЕРЕИДАМ (фимиам, ароматы)

О цветоокие, чистые нимфы морского Нерея!
Влажнодорожные, хором веселым резвитесь в глубинах,
Девы числом пятьдесят, в волнах вы ликуете буйно,
Мчитесь вы на колесницах, красуясь упряжкой тритонов,
5 Или на спинах чудовищ морских, произросших средь моря,
Или ныряете в самую глубь тритонийской пучины,
Влажной дороги бегуньи, танцовщицы, кружите в пляске,
Моря бродяги, дельфины, вы плещетесь в синем сиянье,
О, умоляю вас, многое счастье вы мистам пошлите!
10 Первыми справили вы обряд посвятительных таинств
Благосвященному Вакху и Ферсефонее пречистой,
С вами же вместе – и царь Аполлон, и мать Каллиопа.

XXV. ПРОТЕЮ (фимиам, стиракта)

Ныне Протея зову, что ключами от моря владеет.
Перворожденный! Явивший основы всей нашей природы,

Гимны

Ты вещество изменяешь священное в множестве видов,
О многотимый, премудрый, о знающий все в настоящем,
5   Равно и прошлое все, и то, что свершится в грядущем,
      Всем обладая, меняешься сам и все изменяешь!
      Ты лишь один из бессмертных, что снежный Олимп населяют,
      Кто облетает и небо, и море, и шири земные.
      Ведь порождение всего – в Протее уже предлежало.
10   Отче, гряди с попечением добрым к творящим обряды!
      Дай по делам нашей жизни счастливой благую кончину!

XXVI. ГЕЕ (фимиами и все семена, кроме бобов и ароматных)

Гайя-богиня, о мать блаженных и смертного люда,
О всекормящая, о всецарящая, всепогубитель,
Ты, о всеильная, ты плодоносная, Орами блещешь
Ты – основа бессмертного мира, всепестрая дева.
5   О плодovitая, роды твои – урожай многовидный,
      С грудью высокой, почтенная, вечная, с долей счастливой,
      Сладко дышащая зелень отрадна тебе, многоцветной,
      Любишь дожди ты, а космос, искусник всехитрый, светила
      Вертит вокруг тебя вечно текущим могучим потоком.
10   Ныне, богиня блаженная, с радостью множь урожай!
      Будь благосклонна во всякое время, нам счастье даруя!

XXVII. МАТЕРИ БОГОВ (всевозможные ароматы)

О богочтимая, о всекормилица, мать бессмертных,
Мощная силой богиня, явись, госпожа, по молитве!
Ныне впряги в колесницу свою со стремительным лётном
Львов-быкобойцев, о ты, скиптродержщица оси небесной!

Переводы

- 5 Трон твой – среди мироздания, великая, – вот и владеешь
Всею землей, и смертных даришь ты благим пропитаньем,
Ты породила на свет и богов, и род человеческий,
Власть твоя вечна над всеми морями и реками всеми,
Гестией кличут тебя, называют даящей богатства,
10 Любо тебе осчастливливать смертных превсяческим благом.
Ныне к обряду гряди, о царица, что любишь тимпаны,
Страстью разящая, Неба дитя и Крона супруга,
Всеукротитель, фригиянка, старшая, жизни пестунья,
Шествуй приветливо к нам, усладись почитанием нашим!

XXVIII ГЕРМЕСУ (фимиам, ладан)

- Слушай меня, о Гермес, сын Майи, о вестник Зевеса!
Сердце имущий весильное, ты, состязаний блюститель,
Смертных владыка, со множеством замыслов, Аргоубийца!
5 О мужелюбец, в крылатых сандалиях, слов прорицатель,
В радость тебе и борьба, и обман, и коварство, о хитрый,
О толкователь всего, беззаботный, о выгод даритель,
Ты, безупречный, и мира защиту в руках своих держишь,
О Корикиец, пособник, пестры твои хитрые речи,
В деле помощник, о друг для людей в безвыходных бедах,
10 Ты – языка величайшая сила, столь чтимая в людях,
Внемли и жизни моей благое пошли окончанье –
Быть на ногах, в наслажденьях ума и в памяти твердой!

XXIX. ГИМН ПЕРСЕФОНЕ

О, гряди, Ферсефона, рожденная Зевсом великим,
Единородная, жертвы прими благосклонно, богиня!
Ты, жизнетворная, мудрая, ты, о супруга Плутона,
Ты под путями земными владеешь вратами Аида,
5 Ветка святая Деметры, в прелестных кудрях Праксидика,
Ты Евменид породила, подземного царства царица,
Дева, рожденная Зевсовым семенем неизречимым,
Мать Евбулея, чей образ изменчив, гремящего страшно,
Сверстница Ор светоносная, в блеске красы несказанной,
10 О вседержущая дева, плодами обильная щедро,
Смертным одна ты желанна, рогатая, в блеске прекрасном.
Вешней порою на радость тебе дуновения с луга,
Тело святое твое указуют зеленые всходы,
Осенью вновь похищаема ты для брачного ложа,
15 Ты одна – и жизнь, и смерть для людей многобедных,
Ферсефона – всегда ты «несешь» и всегда «убиваешь».
Внемли, блаженная, из-под земли урожай посылая,
Дай процветание в мире, здоровье с целящею дланью,
Благополучную жизнь, что под тяжкую старость приходит
20 В царство твое, о царица, к Плутону, чья благодна сила.

XXX. ДИОНИСУ (фимиам, стиракта)

Я Диониса зову, оглашенного криками «эйа»!
Перворожденный и триждырожденный, двусущий владыка,
Неизреченный, неистовый, тайный, двухвидный, двурогий,
В пышном плюще, быколикий, «эвой» восклицаящий, бурный,
5 Мяса вкуситель кровавого, чистый, трехлетний, увитый
Лозами, полными гроздьев, – тебя Ферсефоны с Зевесом

Переводы

Неизреченное ложе, о бог Евбулей, породило.
Вместе с пестуньями, что опоясаны дивно, внемли же
Гласу молитвы моей и повей, беспорочный и сладкий,
10 Ты, о блаженный, ко мне благосклонное сердце имея!

XXXI. ГИМН КУРЕТАМ

О прыгуны куреты, что в воинской пляске кружатся,
С топотом дико скача, издавая ликующе крики!
Лира – не вам, нарушители лада с летящей стопою,
Оруженосные стражи, косметоры, яркие славой!
5 Матери буйной в горах вы и свита и оргиофанты!
О, благосклонно явитесь по слову, что вас прославляет,
С лаской к тому волопасу, что вечно душою приветен!

XXXII. АФИНЕ (фимиам, ароматы)

Единородное чадо великого Зевса, Паллада,
Ты, о богиня блаженная, славная, мощная духом,
К бою зовущая, ты изречима и неизреченна,
Дивная, любишь пещеры и грозные держишь вершины
5 Гор, отдающихся эхом, и любишь лесные ущелья,
Ты, бранелюбица, в души людей исступленья вдыхаешь,
Дева, обвыкшая в битвах, чудовищно страшная духом.
Горгоубийца, о дева-боец, твой гнев ужасает,
Мать многосчастная всяких искусств, ненавистница ложа,
10 Бурная – бич негодяев, порядочным – мысль и решенье,
Ты и жена, и мужнина, о мысль, о родящая войны,
Переливаешься ты, о змея, в исступлении божьем,
Славная, гонишь коней, истребитель флегрейских гигантов,

Гимны

15 О Тритогеия, демон победный, от зол избавитель,
О совоокая, изобретатель ремесел, царица,
Молят тебя днем и ночью, всегда, до последнего часа.
Ныне услышь и меня, подари же мне мир многосчастный,
Дай мне счастливые дни и добрую меру здоровья!

XXXIII. НИКЕ (фимиам, манна)

5 Нику, желанную смертным, зову, благодатную силой,
Ту, что одна отрешает людей от борьбы и умеет
Буйный мятежный порыв в нелегком сраженьи с врагами,
В войнах, сулящих трофеи, унять, и к кому обернется –
Тем и дарует победа свою сладчайшую славу.
Все в твоей власти, о Ника, – и слава в любом состязанье,
Светлая, полная всяческих благ, причитается Нике.
Ты, о блаженная, ты, о желанная, светлая взором,
Вечно являйся, достойно верша лишь достойное дело!

XXXIV. АПОЛЛОНУ (фимиам, манна)

5 Феб Ликорей, гряди, о блаженный, Пэан святочтимый,
Мемфиса житель, податель богатств, златолирник, спаситель,
Тития свергший, оратай, титан, засеватель, Пифиец,
Гриней, Сминфей, о вещей Дельфиец, пифоноубийца,
Бог светоносный, неистовый, отрок преславный, прекрасный,
О Мусaget, о плясун хороводный, стрелец-дальновержец,
О Дидимей, издалека разящий, о Бакхий, о Локсий,

Переводы

Делоса царь, всезрящи твои светоносные очи,
Златокудрявый, вещатель грядущего чистых глаголов,
10 Я умоляю тебя за людей, – о, внимли благосклонно!
Все перед взором простерлось твоим – и эфир бесконечный,
И под эфиром земля, наделенная долей счастливой,
Зримы тебе и сквозь мрак звездами расцветенной ночи,
В полной тиши ее, корни земли и мира пределы,
15 Сердце заботит твое и начало, и всеокончанье.
О всецветущий, ведь ты кифарой своей полнозвучной
Ладишь вселенскую ось, то до верхней струны поднимаясь,
То опускаясь до нижней струны, то ладом дорийским
Строя небесную ось, – и все, что на свете живого,
20 Ладишь, гармонию влив во вселенскую участь для смертных,
Поровну ты разделяешь, смешав и зиму, и лето:
Верхние струны – зиме, а нижние – лету вверяя,
Лад же дорийский – для сладкого цвета весны оставляешь.
Вот почему у людей именуешься ты, о владыка,
25 Паном, богом двурогим, вздымающим бури свирелью,
Ведь у тебя – печать от всего, что есть в мирозданье, –
Мистов мольбам, о блаженный, внимли и храни их, спасая!

XXXV. ЛЕТО (фимиам, смирна)

В пеплосе черном Лето, породившая двойню богиня!
О Коантида, могучая духом, молимая всеми,
Ты, кто Зевесово семя благим обратила потомством,
Феба на свет породив с Артемидою, лучницей славной –
5 Дочь на Ортигии ты родила, а на Делосе – сына.
Внимли, богиня-владычица, милость 'имея на сердце!
К жертве всебожьей гряди, принося завершенья благое!

XXXVI. АРТЕМИДЕ (фимиам, манна)

Многоименная Зевсова дочь, внемли, о царица!
О титанида, Бромия, великая лучница дева,
Светоч несущая, явная всем, богиня Диктина,
Муки родильной не зная, несущая в родах подмогу,
5 Поясоснятица, страстью ты жалишь, охотишься с псами,
Быстрая в беге, забот разрешитель, ты бодрствовать любишь,
Ночью бродя, стреловержица, встреча с тобою – к удаче,
Статная, мужу подобна, даруешь недолгие роды,
Демон, что смертных потомство людей и растит, и питает!
10 Ты амвросийная, ты и подземная, звероубийца,
Горных хозяйка дубрав, оленей разишь, о честная,
Ты госпожа, всецарица, всегда в неизменном цветенье.
Псов ты, лесная, хранишь, кидониянка, светлая видом.
Ныне, богиня, гряди, о любезная, встречей благая,
15 К мистам ко всем благосклонна, щедра земными плодами!
Милый нам мир приведи с Гигиеей прекраснокудрявой,
Горе и злые болезни прогнав за далекие горы!

XXXVII. ТИТАНАМ (фимиам, ладан)

О Титаны, о чада прекрасные Геи с Ураном,
Наших отцов прародители, вы, кто под толщей земною
В Тартара доме, во глубях подземных теперь поселились,
Вы, о исток и начало всего, что смерти подвластно, –
5 Многострадальных существ, наземных, морских и пернатых,
Ибо от вас происходит все то, что рождается в мире.
Вас умоляю – от нас отдалите вы гнев вредоносный,
Ежели нашему дому пошлют его мертвые предки.

XXXVIII. КУРЕТАМ (фимиам, ладан)

Звучные медью куреты, владельцы доспехов Арея!
Вы, многосчастные, сущие в небе, на суше и в море,
Животворящие духи, святые спасители мира!
Вы, обретаясь в святой Самофракии, смертных храните,
5 Тех, что по морю блуждают, от них отгоняя опасность.
Первыми вы учредили меж смертных свершение таинств,
Вы, о куреты бессмертные, вы, кто в доспехах Арея,
И Океан вы блюдете, и море, и даже деревья.
Звонко гремя, по земле вы проходите легкой ступою
10 В блеске слепящем доспехов – и в страхе уносятся звери
В пору, как движетесь вы, – и грохот до неба доходит,
Пыль же от поступи вашей, как черная туча, клубится,
И покрывается почва при шествии вашем цветами.
Вы, божества-пестуны, но вы и губители также,
15 Долго ли в гневе на смертных вы жизни их будете рушить,
Долго ли будете жечь и самих их, и все достоянье?
Стон воздымает великий глубокопучинное море,
Рушатся с корнем на землю деревья о кронах высоких,
Шум возводя к небесам при падении веток и листьев.
20 О корибанты, куреты, владыки, чья благостна сила,
Самофракии властители, отроки вышнего Зевса!
Душ пестуны, невидимки, вовеки живущие духи,
Вас близнецами небесными боги зовут на Олимпе,
Благоуханны, ясны, о спасители добрые наши!
25 О пестуны, плодоносные, нам, о владыки, повейте!

XXXIX. КОРИБАНТУ (фимиам, ладан)

Вечной земли царя величайшего я призываю,
Я корибанта зову, воителя с долей счастливой,
Взор на кого невозможно поднять, ночного курета,
Кто избавляет от ужасов тяжких, от призраков жутких.
5 Бродит один корибант, двусущий, изменчивый видом,
Кровью залитый, когда двое братьев его погубили,
Тот, кто по воле Део сменил свое тело святое,
Вид принимая чудовищный страшного черного змея.
Гласу внимли моему, о блаженный, не гневайся тяжко,
10 Грешную душу избавь от снедающих страхом видений!

XL. ДЕМЕТРЕ ЭЛЕВСИНСКОЙ (фимиам, стиракта)

Внемли, Део, богиня-всематерь, почтеннейший демон,
Юность растящая, счастье дарящая ты, о Деметра,
Ты наделяешь, богиня, богатством, питаешь колосья,
Мир, всецарящая, любишь, трудам многохлопотным рада,
5 И семена ты хранишь, и зеленые всходы, и жатву,
В кучи ссыпашь зерно, Элевсинской долины жилица.
Смертного люда кормилица, всем ты мила и желанна,
Пахарю первая ты быков запряженных вручила,
Смертным желая подать отрадное в жизни обилье,
10 Ты, сотрапезница Бромия, славная, все утучняешь,
Факелоносная, чистая, серп тебе летний – отрада.
Ты, о подземная, явная всем, ты ко всем милосердна,
Детолобивая, добрая мать, растящая юность,
Ты запрягла колесницу – вся упряжь ее змеевидна,
15 Вакховы буйные пляски твой трон окружают, ликую,
Единокладная, о многоплодная, о всецарица,

Переводы

Ты, о цветочная, чистая, разная в обликах многих,
Ныне гряди, о блаженная, летними полнясь плодами,
Мир к нам веди, приведи желанное благозаконье,
20 Славный достаток и с ними всему господина – здоровье!

ХLI. МАТЕРИ АНТЕЕ (фимиам, ароматы)

Внемли, богиня, царица Антея, почтенная мать
Всех – и бессмертных блаженных богов, и смертного люда,
Ты, кто некогда в муках бродила, ища и терзаясь,
Лишь в Элевсинской долине поста обрета разрешение.
5 Ты и к Аиду пришла, к блистательной Ферсефоне,
Сопровождало тебя Дисавлово чадо святое,
Что донесло до тебя известье о Зевсовом ложе.
Ты родила Евбулея, богиня, средь мук человеческих,
Ныне молю, многотимая наша богиня, царица,
10 К мисту, что свято тебя почитает, явись благосклонно!

ХLII. МИСЕ (фимиам, стиракта)

Я Фесмофора зову Диониса, носителя жезла,
Семя известное всем, Евбулея об имени славном,
С ним несказанную Мису зову, святую царицу.
Муж и жена, двуприродный Иакх, разрешающий узы,
5 Тешишься ль ты в Элевсине, во храме своем благовонном,
С матерью ль таинства правишь теперь во Фригийских пределах,
Нежишься ль ты с Кифереей прекрасновенчанной на Кипре
Или сверкаешь сейчас в полях огненосных, священных
Вместе с Исидой, что черное носит, преславной богиней,
10 Возле потока Египта средь нянек и прочих служанок.
Ныне гряди, благосклонно благие труды завершая!

XLIII ОРАМ (фимиам, ароматы)

Оры, о дочери богини Фемиды и Зевса владыки!
Вы, Евномия и Дика с Эйреной, счастливые много!
Вешние и луговые, святые, в цветах бесконечных,
Благоухаете, пестрые, вы ароматом цветочным,
5 Ходите кругом, прелестные ликом и юные вечно,
Соткан из множества разных цветов ваш пеплос росистый.
Вы с Персефоной святой играете вместе в ту пору,
Как возвращают богиню на свет Хариты и Мойры,
Пляску ведя круговую свою, на радость Зевесу,
10 Равно и матери, щедро плоды приносящей богине.
О, явитесь же к тем, кто впервые на таинствах наших!
В должное время даруйте плодам уродиться на славу!

XLIV. СЕМЕЛЕ (фимиам, стиракта)

Кличу я Кадмову дочь, всецарицу, прекрасную видом,
Кличу Семелу я пышнокудрявую, с грудью высокой,
Многовеселого мать Диониса, носителя тирса,
Ту, что познала великие роды среди огненных вспышек
5 Молний потока, рождая от Зевса, метателя молний.
Почести смертные ей воздают наряду с Персефоной
Достопочтенной, трехлетие каждое празднуя праздник
В честь появления на свет Диониса, способного к жизни,
Трапезой благосвятой и чистым обрядом мистерий.
10 Ныне, Кадмида, богиня, владычица, я умоляю, –
К нам призывая тебя, – будь к мистам вовек благосклонна!

XLV. ГИМН ДИОНИСУ БАССАРЕЮ ТРИТЕРИКУ

О Дионис быколикий, блаженный, в огне порожденный,
Вакх Бассарей, гряди, многотимый, гряди, многославный;
В радость тебе и кровь, и мечи, и святые менады,
Ты на Олимпе почишь, о Вакх вдохновенный, гремющий.
5 Тирс твой подобен копью, о гневный, у всех ты в почете –
Чтут тебя боги и люди, что ширь населяют земную.
Ныне гряди, о плясун, о блаженный, всеобщая радость!

XLVI. ЛИКНИТУ (фимиам с манной)

Этой молитвой зову Диониса Священной Корзины,
Доброго Вакха-нисейца, желанного, в пышном цветенье,
Детище милое нимф и венчанной светло Афродиты.
Пляшущей поступью ты сотрясаешь лесные дубравы,
5 С нимфами вместе ликуя, безумием сладким объятый,
Ты отведен был к святой Персефоне по воле Зевеса,
Ею был вскормлен, возвращен любимым для сонма бессмертных.
Ныне явись, о блаженный, принять эти милые жертвы!

XLVII. ПЕРИКИОНИЮ (фимиам, ароматы)

Перикиония Вакха, дарителя зелья хмельного,
Я призываю, того, кто, вращаясь средь домов Кадмейских,
Всюду могучим рывком всколыхнул потрясенную землю
В пору, как огненный свет с громовыми раскатами вихрем
5 Землю кругом обошел, – и опали оковы и путы.
Вакх, о блаженный, явись, и умом взвеселившись, и сердцем!

XLVIII. САБАЗИЮ (фимиам, ароматы)

Отче Сабазий, внемли, сын Крона, о демон преславный!
Ты Диониса, шумливого Вакха, ты Эйрафиота
Вынул на свет из бедра, дабы он, посвященный, явился
С Гиптой прекрасноланитной на Тмол, священный и славный,
5 Ныне, Фригийский владыка, всецарственный, ты, о блаженный,
К мистам гряди благосклонно, гряди как оплот и подмога!

XLIX. ГИПТЕ (фимиам, стиракта)

Гипту, кормилицу Вакха, кричащую «эйа», я кличу,
Ту, что, ликуя, Сабазия чистого таинства правит,
Пляшет в ночных хороводах широкогремящего Вакха.
Где б ни была, ты услышь меня, мать земная, царица,
5 То ли во Фригии ты, где владеешь Идейской горою,
Тмол ли тебя веселит, привольный для плясок лидийских, –
С радостным ликом святым, о явись на таинства наши!

L. ЛИСИЮ ЛЕНЕЮ

Сын Зевеса блаженный, внемли мне, о Вакх виноградный,
Отпрыск о двух матерях, многочтимое семя святое,
Много великих имущий имен, о бог-разрешитель,
Чистая, тайнорожденная поросль блаженных, кормилец,
5 Вакх в ликующих криках «эвой», плодов умножитель,
Недр потрясатель, о гроздьев давитель, могучая сила!
Видом изменчивый бог, о лекарство людское от скорби!
Ты, о священный цветок, не терпящая горя отрада
Смертного люда, о всеотпуститель краснокудрявый,

Переводы

- 10 С тирсом бушующий Бромий, Эвой, разрешитель вседобрый!
Всюду, где хочешь, являешься ты – среди людей и бессмертных,
О плодоносный и сладкий, явись же и к таинствам нашим!

LI. НИМФАМ (фимиам, ароматы)

- Дщери отца Океана, владыки великих чудовищ,
Нимфы, живущие в глубях земли под влажной дорогой!
Скрыты убежища ваши, о Вакха пестуны земные!
Вы, преблагие, растите плоды, луговые, святые!
- 5 Тропы извилисты ваши, пещеры и гроты вам любы,
Вы, ключевые, бегуны бродячие, с поступью легкой,
В каплях росы и в цветах, то видны вы, то вновь невидимки,
Горных жилицы лощин, вы танцуете с Паном на склонах,
Яркие звезды, течете по скалам, поющие звонко.
- 10 Девы полей, и ручьев, лесные и горные девы,
Вы, благовонные, в белых одеждах, с дыханием нежным,
Вы, о пастушы, подруги зверью, вы богаты плодами.
Нежным, вам любя прохлада, все кормите, все вы растите,
Гамадриады, игруны, бродящие влажной дорогой,
- 15 Вы, о нисеянки буйные, вы, кто дарит исцеленье,
Вешние, радость несущие смертным с Деметрой и Вакхом,
Ныне грядите к священному действию, ликуя душою!
В пору, как всходят посевы, пролейте здоровье на всходы!

LII. ТРИТЕРИКУ (фимиам, ароматы)

Вакх, призывают тебя, о неистовый, в прозвищах многих,
О быкорогий, Леней, огнеродный Нисей, разрешитель,
Ты, кто в бедре произрос, Ликнит, предводитель обрядов,
В митре ночной, Евбулей, тирсодержец, что огонь выдыхает,

Гимны

- 5   Неизречимый, оргийный, Зевесова тайная поросль,
Триждырожденный, о Эрикепайон, о ты, первородный,
Божий и сын, и отец, скиптродержец, толпы предводитель,
В плясках и песнях неистовый, шествий веселых вожатый,
10   Празднуешь ты средь пестуний вакхический праздник трехлетний,
Недр разыматель, о двух матерях, возжигающий пламя,
Ты, о бродящий в горах, рогатый и в шкуре оленьей,
В гроздьях Пэан тирсоносец, вникающий в самое сердце,
Плющелюбив, многодеуствен, о ты, Бассарей устроитель,
К мистам, блаженный, гряди, всегда благосклонности полный!

LIII. АМФИЕТУ

(все благовония, кроме ладана, и возлияние молоком)

- Я Диониса подземного кличу, зову Амфиета,
Бодрствует он с прекраснокудрявыми нимфами вместе,
Спит же близ Ферсефонеи, в ее священном чертоге,
Время трехлетнее Вакхово, время святое покоя.
5   Минут три года – и вновь поднимаешь веселые толпы,
Ты возвращаешься в гимнах – кормилицы вместе с тобою,
Дивно они подпоясаны, кружат, «эвой» выкликая,
В круговороте времен годовых. Теперь же, блаженный,
Зеленью пышный, плодами обильный, о Вакх роганосный,
10   К нашим всебожьим обрядам явись с сияющим ликом,
В пышном богатстве плодов изобильных и благосвященных!

LIV. СИЛЕНУ, САТИРУ (фимиам, манна)

О, внимли мне, почтеннейший Вакхов пестун и кормилец!
Доблестнейший из селенов, средь всех бессмертных прославлен,

Равно средь смертных людей во время трехлетнего срока,
Ты уважаем и свят, предводитель пастушеских празднеств,
5 Бодрствуешь – вместе с тобой в поясах прекрасных пестуны,
Ты – предводитель наяд и вакханок, носительниц тирса,
К таинствам всех богов гряди же с сатирами вместе
Звероподобными, клич издавая в честь Вакха-владыки,
Вместе с вакханками к таинствам чистым Ленейским гряди же,
10 Таинство действия ночного, священного, делаая явным,
Тирса любитель, кричащий «эвой», усмиритель вакхантов!

LV. АФРОДИТЕ

О Афродита Урания, многовоспетая в гимнах,
Морерожденная, с вечной улыбкой, о мать богиня!
Празднества любви ночные тебе, полуночнице славной,
Мать Ананки, плетущая хитрости, всесопрягатель,
5 Три мироздания части ты в тесном сплотила союзе,
Ты, на земле породившая все и в небе высокою,
Также и в глубях морских, – о почтенная, с Вакхом ты рядом,
Свадьбы любя, посылаешь ты браки, о мать Эротов,
С радостью к ложу склоняешь, о тайная, даришь улады,
10 Хоть не видна ты, но явна. Прекрасная, славного рода,
Свадебных пиршеств богиня, о волчья, богов повелитель,
Жизнедарящая, о мужелюбица, род продлеваешь,
О вожденная, узами смертных незримо связуешь,
Равно и племя зверей, любви вызывая влеченье,
15 Кипророжденная, божьего рода, бываешь повсюду, –
Ты на Олимпе, богиня царица, сияешь красою,
Или в уделе сирийском своем, ароматами полным,
Иль золотая твоя колесница в равнинах Египта
Путь к омовению держит, дарящему многие жизни,

Гимны

- 20 Или над гладью морской ты летишь в лебединой повозке,
С радостью видя чудовищ морских хороводные пляски,
Или у Дия в земле синеглазые нимфы фиады
Тешат, богиня, тебя на отмелях пляскою легкой,
Иль пребываешь, царица, на Кипре – твоя колыбель он,
25 Там незамужние девы-невесты тебя ежегодно
Гимном святым прославляют с бессмертным Адонисом чистым.
Где б ни была ты – гряди, о богиня, твой вид столь отраден!
С чистой душой призываю тебя и святыми словами!

LVI. АДОНИСУ (фимиам, ароматы)

- Демон прекрасный, почтенный, услышь, как тебя призываю!
В возрасте самом желанном, ты любишь бродить одиноко,
В нежных прекрасных кудрях, о ты, Евбулей многовидный,
Всезнаменитый питатель всего, и отрок и дева,
5 Вечно цветущий Адонис – в году, затухая, сияешь,
Рост посылаешь всему, двурогий, оплаканный, милый,
Блещущий дивной красой, длиннокудрый любитель охоты,
Сладкая ветка Киприды, прельстительный отпрыск Эрота!
О, порожденный от ложа прекрасной собой Персефоны!
10 В Тартаре мрачном обитель имел ты когда-то, но после
Вновь на высоты Олимпа вознес плодоносное тело.
Ныне же к мистам гряди, плодами земли награждая!

LVII. ГЕРМЕСУ АТОНИЧЕСКОМУ (фимиам, стиракта)

Ты, что живешь у путей роковых безвозвратных Кокита,
Ты, что души умерших низводишь под своды земные,
Гермий, о сын хороводного Вакха и девы Пафосской,

Переводы

Той Афродиты, чьи очи в изогнутых дивно ресницах!
5 Ты в Персефоны пределах священных имеешь обитель,
Душам, чья участь жалка, под землю ты служишь вожатым
В пору, когда для людей их час роковой наступает.
Жезлом священным чаруя, ты в сон погружаешь живущих,
Вновь пробуждаешь потом – Персефона тебе даровала
10 Честь провожать под широкие Тартара своды умерших
Души несчастные, им указуя дорогу в Аиде.
Мистам, блаженный, пошли средь трудов всеблагую кончину!

LVIII. ЭРОТУ (фимиам, ароматы)

Кличу великого, чистого, милого бога Эрота!
Меткий, крылатый стрелок, огневой, летучий, проворный.
Ты и людьми, забавляясь, играешь, и даже богами,
Хитрый затейник, двусущий, имущий ключи, что отверзнут
5 Равно и недра, и море, небесный эфир, дуновенья
Ветров, – их Рея, родившая все, выпасает для смертных, –
Все, что и Тартар широкий хранит, и шумливое море.
Все это – дом твой, Эрот, и всем этим ты управляешь.
Ныне, блаженный, гряди же на помыслы чистые мистов,
10 Все побужденья дурные, ненужные, прочь отсылая!

LIX. МОЙРАМ (фимиам, ароматы)

О беспредельные Мойры, о чада любимые Ночи!
Вам, о имущие много имен, я молюсь, о жилицы
Области мрачного моря, где теплые волны ночные
Полным ключом пробиваются в гроте из дивного камня.
5 К области смертных слетаете вы, над землей беспредельной

Гимны

- Мчитесь к кровавому роду людскому со тщетной надеждой,
В тонких багряных своих плащаницах выходите в поле
Смертных судеб – а там колесницу свою всеземную
Гонит тщеславие вечно, и мчится она постоянно
10 Мимо меты, что поставил уклад, упованье, тревога,
Издревле данный закон или власть беспредельно благая.
Мойра одна эту жизнь наблюдает – из вышних блаженных,
Снежный Олимп населяющих, – боле никто, кроме ока
Зевса, что всесовершенно, – и все, что у нас происходит,
15 Ведают Мойра и всепостигающий разум Зевеса.
Ныне грядите ко мне, о воздушные, с кроткой душой!
Дщери благого отца – о Лахесис, Клото и Атропа!
Неотвратимые, неумолимые, вы, о ночные,
О вседарящие, о избавители смертных в несчастьях,
20 Мойры, внимайте мольбам – священным моим возлияньям,
К мистам грядите, забвение тягот неся благосклонно!

LX. ХАРИТАМ (фимиам, стиракта)

- Светлые славой Хариты, великие именем дщери
Зевса и в складках глубоких одежд Евриномы – внимайте,
О, многосчастные, Талия и Евфросина с Аглаей!
Радостней матери вы – прелестны, добры и священны!
5 Вечно подвижные, вечно цветущие, смертным желанны,
Радости жизни без вас ничто породить не способно –
Солнца ли быстрый поток, луны ли сиянье, успех ли
Доблести, мудрости ль дело, свершенье ль благое отваги,
Жизни надежной стезя иль юности нежные годы,
10 Счастья податели – вы, о дарящие радостью светлой!
Будьте к молящим добры и явитесь, им счастье даруя!

LXI. ГИМН НЕМЕСИДЕ

Кличу царицу великую я, Немесиду богиню!
Многоплеменных людей наблюдаешь, всезрящая, жизни,
В радость одной лишь, почтенной, тебе справедливые речи,
Ведая стыд, ненавидишь нетвердое, хитрое слово,
5 Смертный люд, налагатель ярма, пред тобою трепещет,
Мысли людей заботят тебя, от тебя не сокрыться
В общем потоке речей душе, возмнившей чрезмерно –
Все ты увидишь и все ты услышишь, и все ты рассудишь!
Смертных судить – тебе, о демон из всех величайший!
10 Ныне явись, о блаженная, мистам помощницей вечной,
Образ их мыслям даруя благой, устрани, о святая,
Злобу, греховность и спесь в переметных и скачущих мыслях!

LXII. ДИКЕ (фиммиам, ладан)

Око всевидящей Дики пою, сияющей видом,
Дики, что, сидя близ трона священного Зевса-владыки,
С высей небес наблюдает людей многовидное племя,
Должным карает судом нечестивцев, закон преступивших,
5 Все беззаконное к правде ведет, блюдя справедливость,
Зримо ей все, что незримо питается мыслями злыми,
Ведомо все, что желают свершить нечестивые люди.
Дика, единственно ты, напав, воздаешь по заслугам,
Враг всем поpratелям прав и друг для всех справедливых.
10 Ныне, богиня, по праву ценя наши чистые мысли,
Дай, чтоб шли в нашей жизни лишь дни, что ниспосланы свыше!

LXIII. ДИКЕОСИНЕ (фимиам, ладан)

О, справедливая к смертным, для всех – многосчастлива, желанна,
С радостью праведным людям всегда воздаешь по заслугам,
О справедливость, всечтимая, с долей счастливой богиня!
Ты непорочную совесть всегда направляешь, как должно,
5 Чистыми мыслями, ты же при этом разишь беспощадно
Всех, кто к тебе под ярмо не идет, кто умом переметен,
Всех, кто с пути уклонился, ты хлещешь бичом преогромным,
Миролюбивая, милая всем, ты любишь веселье,
Чужды тебе мятежи, ты склонна к устойчивой жизни,
10 Все чрезмерное ты ненавидишь, а равенство любишь,
Цель благородную доблести мудрость в тебе полагает.
Внемли, богиня, караешь ты зло по заслугам у смертных,
Пусть всегда равномерно текут благородные жизни
Смертных людей, что в пищу имеют плоды полевые,
15 Равно – живого всего, что держит, собой обнимая,
Матерь богиня Земля и Зевс соленого моря.

LXIV. ГИМН НОМУ

Кличу небесный Закон – владыку бессмертных и смертных!
Звезд разместитель святой, он строгой печатью разметил
Землю и берег морской. Возмущениям чуждый, блюдет он
Неколебимо основы природы посредством законов,
5 Их с высот привнося, по небу великому ходит,
Прочь отгоняя со свистом с пути ничтожную зависть.
Он устраивает и смертным достойную жизни кончину,
Ибо владеет один он браздами правления жизнью,
В мыслях, единственно верных, с пути не свернет он вовеки,
10 И, многоопытный, древний, хранит по законам живущих,

Переводы

Оберегая от бед, незаконным же – тяжкая кара!
О многотимый, блаженный, податель богатств, всежеланный,
Память даруй о себе, о вседобрый, с душой благосклонной!

LXV. АРЕСУ (фимиам, ладан)

О некрушимый, о духом огромный, о силой великий
Демон, оружия любитель, кого победить невозможно,
Смертных людей истребитель и стен городских сокрушитель,
В громе доспехов, владыка Арей, обогранный убийством,
5 В месиве боя ужасный, ликуешь от пролитой крови,
Грубый, лишь меч и копье для распрей тебе вожделенны,
Дикую злобу уйми и труд отложи душегубный!
Лучше согласно кивни на желанье Киприды, сменяя
Подвиг оружия на шутки Лиеня, на дело Деметры,
10 Мира, что счастьем дарит и пестует юность, возглавляя!

LXVI. ГЕФЕСТУ (фимиам, манна с ладаном)

Духом могучий Гефест, многомогущий огонь безустанный!
В пламени ярких лучей горящий и греющий демон!
О светоносный, о дланью могучий, о вечный искусник,
5 Часть мироздания, его элемент беспорочный, работник,
Всепоглотитель, о всеукротитель, всевышний, всевечный,
Солнце, эфир и Луна, и звезды, и свет безущербный –
Все это части Гефеста, что так себя смертным являют,
Всюду твой дом – и город любой, и племя любое.
Ты и в телах обитаешь людских, многосчастный, могучий.
10 Внемли, блаженный, тебя призываю к честным возлияньям,
К радостным нашим делам всегда приходи, благосклонный!

О, прекрати же огня безустанного дикую ярость,
Ты, кто жаром своим естество выжигает из тела!

LXVII АСКЛЕПИЮ (фимиам, манна)

О исцелитель всеобщий Асклепий, Пэан-всевадыка!
Ты ворожишь над людскими болезнями, полными муки,
Ты, облегченье дарящий, могучий, несущий здоровье,
Ты прекращаешь болезни, и смерть ты и Кер прогоняешь,
5 Отрок цветущий, от зол защищаешь и счастье приносишь,
Феб-Аполлон твой отец, о мощный, блистательный славой,
Ты, ненавистник болезней, Гигии супруг беспорочный.
Добрый конец подари нашей жизни, спаситель блаженный!

LXVIII ГИГИЕЕ (фимиам, манна)

Внемли, желанная, милая, в полном цвету, всецарица!
О Гигиея, о мать всего, о дарящая счастье!
Все от тебя погибают болезни у смертного люда,
Радостно дом процветает любой твоею заботой,
5 Пышно ремесла цветут – весь мир тебя любит, царица,
Только Аид-душегубец к тебе отвращенье питает.
Полная жара, о званная всеми, отрада для смертных,
Если же нету тебя, то все для людей бесполезно:
Плутос – Богатство, кующее счастье, – нисколько не сладок,
10 Муж без тебя превращается в старца, недужного тяжко,
Ибо одна ты владычишь над всем и над всеми, царица!
Ныне же к мистам гряди, о богиня, помощницей вечной,
Прочь отгоняя тяжелых болезней злосчастные муки!

LXIX. ЭРИНИЯМ (фимиам, стиракта и манна)

Вы, о богини всечитимые, звездные, в грома раскатах!
О Тисифона! О ты, Аллекто! О богиня Мегера!
Вы, потаенные, вы, о ночные, живете сокрыто,
Возле потока священного Стикса в глубокой пещере,
5 Вечно витаєте вы над преступными мыслями смертных,
Дико ликуете, о непреклонные, при злодеяньях,
Страшные, мощные, в шкурах звериных, терзаете тяжко;
Жуткие девы подземного Ада, ваш облик изменчив,
О невидимки туманные, быстрые в беге, как мысли,
10 Вечные судьи, очами самой Справедливости-Дики
Смертных вы вечно блюдете во всех племенах неисчетных!
Ныне о вы, змеекудрые, вы, многовидные Мойры,
Славой меня наградите беззлобной и праведной жизни!

LXX. ЕВМЕНИДАМ (фимиам, ароматы)

О Евмениды, внимлите, почтенные, с помыслом добрым,
Чистые дочери Хтонийского Зевса, великого бога,
И Персефоны, прельстительной девы прекраснокудрявой!
Вы наблюдаете жизнь нечестивого люда всечасно,
5 Вмиг к преступлениям летите, неся нечестивым отмщенье.
Вы, о владычицы черные, молнии мечете взором,
Плоть истребляющий блеск источает очей ваших светоч,
О самодержицы, мрачные, страшные, с видом отвратным,
Грозные, бродите ночью с бичом, разымающим члены,
10 О змеекудрые девы, полночицы, страшные взору!
Вас призываю! Грядите к питающим чистые мысли!

LXXI. МЕЛИНОЕ (фимиам, ароматы)

Я Мелиною зову, облаченную в пеплос шафранный,
Нимфу подземного царства – ее от священного ложа
Зевса на свет родила Ферсефона у глубей Кокита, –
Ту, что с Плутоном обманным путем сошлась, расколовшись
5 Надвое кожей двутелой, – то замысел был Ферсефоны.
Ты, Мелиноя, как призрак туманный, морочишь и манишь
Смертных, являясь их взорам в бесчисленном множестве видов,
То ты вполне различима, а то затемняешься мраком,
То возникаешь с одной стороны, то с другой, среди ночи.
10 Ныне молю, о богиня, царица подземного царства,
Жала страстей от души отгони за пределы земные,
Мисгам же лик свой священный яви благосклонно и кротко!

LXXII. ТЮХЕ (фимиам, ладан)

Тюхе, сюда! Призываю тебя, всеблагая, молитвой!
Кроткая, встреча с тобой – к стяжанию богатств изобильных,
О Артемида, вождиня почтенная, кровь Евбулея,
Ты родилась от него – и тягаться с тобой невозможно,
5 О примогильная, всюду бродящая, всюду воспета
Ты у людей, ведь в тебе многопестрая жизнь человечья!
Это ведь ты наделяешь людей многосчастливым богатством,
Это ведь ты, коли в гневе, и злую нужду посылаешь.
Ныне, богиня, молю – появись, благосклонная сердцем,
10 Жизни пошли изобилье, наполни счастливым богатством!

LXXIII. ДЕМОНУ (фимиам, ладан)

Демона я, предводителя, страх наводящего, кличу,
Дия Милихия, демона – жизни дарителя смертным,
Зевса великого, всепородителя, многоскитальца,
Мстителя зла, всецаря, дарящего щедро богатством!
5 Всякий дом, куда он ни вступит, цветет изобильем,
И от него же дома несчастливцев хиреют и чахнут.
Счастья и горя ключи у тебя ведь, блаженный, хранятся.
Ныне, святой, отгони далеко многостонные скорби,
Все, что ни есть на земле несущего в жизнь разрушенье!
10 Нам уготовь для сладостной жизни благую кончину!

LXXIV. ЛЕВКОТЕЕ (фимиам, ароматы)

О Левкотея Кадмида, зову тебя, демон почтенный!
Силой благую пестунью зову Диониса, о внимли!
Ты, о владычица, правишь глубокой пучиной морскою,
Волны – услада твоя, о спасенье великое смертных,
5 В дланях твоих – неустойчивый ход кораблей-моробегцев,
Горькую гибель в волнах от людей ты одна отгоняешь,
К тонущим ты, о спаситель и друг, на подмогу приходишь.
Ныне, царица, богиня, храни, я тебя умоляю,
Промыслом добрым своим корабли наши с палубой крепкой!
10 Мистам, пустившимся в море, да веет твой ветер попутный!

LXXV. ПАЛЕМОНУ (фимиам, манна)

Ты, кто возрос с Дионисом, водителем хоров веселых,
Ты, обитатель священного моря просторов соленых!
К благосвященным обрядам явись, Палемон благосклонный,

Гимны

Кличу тебя, о явись, веселящийся, с ликом цветущим,
5 Юный, и мистов вовеки храни на земле и на море!
Зимней порою всегда ты для тех, кто блуждает по хлябям,
Помощь один подаешь, о спаситель, своим появлением
Тяжесть свирепую волн, разгулявшихся в море, смирять.

LXXVI. МУЗАМ (фимиам, ладан)

Дщери Зевеса могучегремящего и Мнемосины,
О Пиэриды, блестящие славой, почтенные Музы!
Смертного раз посетив – ему вы всего вожденней!
5 Вы, о пестуны души, направляете к истине разум,
Властвуя, твердо ведете вы ум с его мощью благою,
Вы, кто священные таинства смертному люду открыли,
Клио, Евтерпа и Талия, вы – Эрато с Мельпоменой,
Ты – Каллиопа, Урания – ты, и ты – Терпсихора,
И Полигимния – с матерью и Евномией священной.
10 Многообразные, чистые, к мистам явитесь, богини,
Рвенью даруя святое и милое песен богатство!

LXXVII. МНЕМОСИНЕ (фимиам, ладан)

Я Мнемосину зову, делившую ложе с Зевесом,
Кличу владычицу, муз породившую звонкоголосых,
Память ее не подвластна забвенью, губящему разум,
Держит с душой съединенным она весь ум человека,
5 Множит тем самым великую силу благую рассудка.
Ты, о сладчайшая, бодрая вечно, способная тотчас
В памяти вызвать у нас, что когда-либо в душу запало,
Не преступив ничего, ты ум пробуждаешь во всяком.

10 Ныне, блаженная, память у мистов буди об обряде
Благосвященном, богиня, забывчивость прочь отгоняя!

LXXVIII. ЭОС (фимиам, манна)

Внемли, богиня, для смертных ведущая день светоносный,
Ярко горящая Эос, что мир обогряет румянцем!
Светлого ты предвещаешь Титана, великого бога,
Путь непроглядный ночи направляешь в подземные глуби,
5 Прочь ее, мрачную, шлешь, когда востекаешь на небо.
Ты – проводница в делах, глава в человеческой жизни,
Ты – отрада для смертных: никто избегать не стремится
Вышнего ока Зари при ее появлении в небе, –
Нет, но когда ты сладостный сон от вежд прогоняешь,
10 Рад человеческий род, и рады народы животных,
Рады пернатые птицы и все население моря,
Ибо живущим на свете даруешь ты поприще жизни.
Ныне же в мистах умножь горение света святого!

LXXIX. ФЕМИДЕ (фимиам, ладан)

Дочь благого отца, Урана священное чадо
Кличу, Фемиду бутоноочитую, Геину поросль,
Первой она указала для смертных священный оракул
В Дельфах в глубоком ущелье, даря от богов предсказанья.
5 Царствуя в землях пифийских, в краю, где равнина Пифона,
Это она научила давать предсказания Феба.
В блеске красы, многочтимая всюду, бродящая ночью,
Первая ты священные таинства смертным открыла,
Славя ночами вакхическим криком «эвой» властелина.

- 10   Ведь от тебя – почитанье бессмертных и действия святые.
Ныне, блаженная, с добрым советом гряди, веселяся,
К чистым мистериям благосвященных обрядов, о дева!

LXXX. БОРЕЮ (фимиам, ладан)

- Движущий толщи воздушные мира своим дуновеньем,
О ледящий Борей, явись же из Фракии снежной,
Влажнородожного неба разбей неподвижность сплошную!
Дунув на тучи, развей и прочь разгони дождеродиц,
5   Ясной погодой даря, дабы радостным взором с эфира
Солнца лучи засветили земле, и сияя, и грея!

LXXXI. ЗЕФИРУ (фимиам, ладан)

Морерожденные дочери Зефира, воздушные ауры,
В ласковом шепоте, сладко дыша, приносящие отдых,
Вешние и луговые, отрадные гавани всякой,
Радостный ход вы даете судам дуновением легким!
О, благосклонно грядите сюда, беспорочные! Вейте,
О легкокрылые, воздуховидные, о невидимки!

LXXXII. НОТУ (фимиам, ладан)

- Влажной дорогой летя, порывисто, быстро, скачками,
Крыльев стремительный взмах то туда, то сюда устремляя,
С тучами мокрыми вместе гряди, о дождей породитель,
Житель воздушный! Тебе от Зевеса даровано право –
5   Слать дождеродные тучи на землю с ненастного неба –

Переводы

Вот мы и молим, блаженный, тебя – на мать нашу землю
Дождь плодородный послать, приняв приношение наше!

LXXXIII. ОКЕАНУ (фимиам, ароматы)

Кличу отца Океана. О ты, негубимый вовеки!
Ты, породитель бессмертных богов и смертного люда!
Круг ты земной омываешь, собою его ограничив,
Все от тебя происходят моря и глубокие реки,
5 Влага святая подземных ключей и ручьи – от тебя же.
О многосчастный, блаженный, внемли, о богов очищение!
Ты, о земли желанный предел, небосвода начало,
Влажнодорожный, являйся же к мистам всегда благосклонно.

LXXXIV. ГЕСТИИ (фимиам, ароматы)

Гестия, о благовластного Кроноса дочь, царица! –
Ты, чей дом – средь огня величайшего, сущего вечно!
К таинствам чистым своим допусти этих мистов и сделай
Вечно цветущими, полными святости, счастья, веселья!
5 Дом всеблаженных богов, опора могучая смертных,
Зеленотравная, в образах многих, желанная всеми,
Вечная, с ясной улыбкой, прими эти жертвы охотно,
Счастьем повея на меня и здоровьем с целящею дланью!

LXXXV ГИПНОСУ (фимиам с маком)

Гипнос, владыка блаженных богов и смертного люда,
Равно и живности всей, что просторы земли населяет!

Гимны

Ты, кто единственный властен над всеми, ко всем ты приходишь,
Ковы твои не из меди окутают всякое тело!
5 О, прекратитель забот, от невзгод избавляющий сладко,
Всякому горю несущий святое свое утешенье,
Страх перед смертью спасительно ты от души удаляешь,
Единокровный ведь брат ты и Лете, и Танату-смерти,
О, умоляю, гряди и сладостью смутной окутай,
10 Мистов храня благосклонно для дел их, угодных бессмертным!

LXXXVI. ОНЕЙРУ (фимиам, ароматы)

Вещий Сон, тебя, о блаженный, на крыльях простертых,
Кличу, о вестник грядущего, лучший оракул для смертных!
Ты, среди сладкого сна в тишине прилетая безмолвно,
Сам пробуждаешь умы, обращаясь к душе человека,
5 Сам насылаешь сквозь сон решенье и волю блаженных,
Душам безмолвным безмолвно являя, что ждет их в грядущем.
Людам, чей ум благородный влечет их к угодному вышним,
Тем, чьи решенья всегда направлены к большему благу,
Будет всегда предсказанье, как этого блага добиться,
10 Дабы по жизни они с отрадой прошли, наслаждаясь.
Зло же от них отвратится – и это сам бог научает,
Как успокоить гневливых владык смягчающей жертвой –
Ведь и конец несравненно отрадней у них, благочестных.
Людам же злым и дурным грядущего к ним неизбежно
15 Ты не покажешь во сне, в преступлениях ты не подсказчик,
Дабы они не нашли избавленья от муки грядущей.
Я же молю, о блаженный, являть мне богов замышленья,
Дабы всегда приближал ты меня к решениям верным,
Да и в другом никогда ничего не пророчествуй злого!

LXXXVII. ТАНАТУ (фимиам, манна)

Внемли, держащий правленья бразды над смертными всеми,
Коими издали правишь, давая священное время
Каждому, ибо твой сон сокрушает и душу, и тело,
Узы, природой сплетенные прочно, лишь ты разрешаешь,
5 Сон насылая великий, вседолгий, что вечность продлится,
Общий для всех, но к иным он приходит порой не как должно,
Слишком поспешно, и юную жизнь прерывает в расцвете.
Все обретает в тебе предел, предназначенный свыше,
Только тебя одного не упросишь, ничем не умолишь,
10 Я же к тебе обращаю, блаженный, молитву и жертву:
Дни моей жизни продлив, надели меня даром почетным –
Старость почтенную дай, наилучшую в людях награду!

ГИМНЫ ПРОКЛА

I. ГИМН К СОЛНЦУ

Мысленного огня властелин, о Титан златобразный,
Царь светодатец, внемли, о владетель ключа от затвора
Животворящей криницы, о ты, кто гармонию свыше
Льешь на миры матерьяльные вниз богатейшим потоком!
5 Трон твой превыше эфира, он в центре всего мирозданья,
Самое сердце вселенной – твой круг светоносный, отколе
Промысел твой, пробуждая умы, наполняет пространство.
Вечное пламя твое окружили, как пояс, планеты,
Свой хоровод без конца и без усталы водят веками,
10 Вниз посылая на землю частицы, что жизнь порождают.
Кружите по небу вы, неуклонно назад возвращаясь,

Гимны

Следуя вам, по порядку и Оры сменяют друг друга.
Смокли раскаты стихий изначальных в их сшибке взаимной
В пору, как неизречимый родитель явил тебя миру,
15 Даже и хор несгибаемых Мойр пред тобой отступает,
Стоит тебе пожелать – и, тебе угождая, изменят
Нить неизбежной судьбы, столь силен ты, и столь ты державен.
Только от вашей цепи, со стези вашей богопослушной
Явится царственный Феб с божественной песнью кифары –
20 Тотчас улягутся бурные волны людского смятенья.
В блеске твоём, отвращающем зло и дарующем ласку,
Вырос Пэан и свое ему благо добавил – здоровье,
Всеисцеляющей полня гармонией космос широкий.
В песнях тебя прославляют отцом Диониса великим,
25 Аттисом также эвойным в чащобах лесных величают,
Нежным Адонисом в гимнах тебя прославляют иные.
Быстрый твой бич устрашает и демонов, к людям золотворных,
Диких губителей, что насылают на бедные души
Порчу, чтоб души людские средь шума житейской пучины
30 Страждали вечно под бременем тела, любя это иго,
Отчий чертог позабыв, сияющий в высях небесных.
Демон счастливый, венчанный огнем, из богов наилучший,
Всепогодителя-бога подобие, душ возводитель,
Внемли! Очисти меня навсегда и от всех заблуждений,
35 К слезной мольбе преклонись, избавь от позорящих пятен,
Прочь от страданий сокрой и смягчи быстрозоркое око
Дики-богини, что взором своим проникает повсюду!
Зло отвращающей будь нам подмогой надежной вовеки!
Свет многосчастный, священный душе моей вечно являя,
40 Мрак разгони ядовитый, ужасный, губительный смертным,
Телу же бодрость пошли и дар наилучший – здоровье,
Дай мне и добрую славу стяжать по обычаю предков –
Муз пышнокудрых, прекрасных почтить дарами достойно!

45 Прочное счастье пошли, коль мое благочестие любо!
Если захочешь, то дай, о владыка, – ведь с легкостью можешь
Все, что желаешь, свершить, – беспредельно могучий и властный!
Если же звезд веретена в своем круговом обращенье
Нити какого несчастья несут – о будь мне защитой!
Сам это зло отврати ударом своим всемогущим!

II. ГИМН К АФРОДИТЕ

Гимн посвящаем цепи многославной Рожденной из пены,
Славим источник великий и царственный, миру явивший
Всех Эротов бессмертных, крылатых, что мысленным жалом
Стрел своих души разят, без промаха их посылая,
5 С тем, чтобы души, приняв острие возвышающей страсти,
Тотчас зажглись увидеть озаренный чертог материнский.
Стрелы иные пускают Эроты по воле отцовской,
Чей отвращающий зло божественный промысел – множить
Мир бесконечный рождением новых людских поколений,
10 К радостям жизни земной зажигают такие Эроты.
Есть среди Эротов и те, что жен наблюдают замужних
Разные жизни пути неустанно, чтоб в смертном народе
Вечно рождалось бессмертное племя мужей-страстотерпцев.
Все они делают дело родящей любовь Кифереи.
15 Слух твой поистине все и везде уловляет, богиня,
Небо ли ты обнимаешь великое, где, по преданью,
Стала душою ты мира божественной, вечноживущей,
Иль пребываешь в эфире, где семь кругов обращенья
Вашей цепи соблюдают вовек некрушимые силы,
20 Слух и ко мне преклони, мой жизненный путь многотрудный
Сделай прямым справедливыми стрелами мне, о царица!
Всех недостойных страстей уйми леденящую силу!

III. ГИМН К МУЗАМ

Свет воспевает, подъемлющий смертных горе, воспевает
Девять дочерей великого Зевса прекрасноголосых!
Души людей, кои жизнь, полонивши, ввергает в глубины,
Могут они избавлять от скорбей, землеродным присуших,
5 Силою чистого таинства ум пробуждающей книги
Учат спешить поскорей пролететь чрез глубокую Лету,
След обретя, что к звезде соименной ведет – ведь когда-то
Там они сбились с пути и упали на берег рождений
В жажде безумной испробовать жребий вещественной жизни.
10 Ныне, богини, молю – уймите порыв мой тревожный!
Полными смысла рассказами мудрых меня опьяните!
Да не сбивает с пути меня род человеков безбожный,
С дивной, священной стези, сияющей, полной плодами!
Музы, молю – из толпы многогрешного рода людского
15 Вечно влеките к священному свету скиталицу-душу!
Пусть тяжелит ее мед ваших сот, укрепляющий разум,
Душу, чья слава в одном – в чарующем ум благоречье.

IV. ОБЩИЙ ГИМН КО ВСЕМ БОГАМ

Вы, кто священной премудрости держит кормило, о боги!
Вы возжигаете в душах людских возвышающий пламень,
Дабы, покинув обители мрака, они устремились
Квысям бессмертных, очистившись таинством гимнов священных.
5 Слух преклоните, спасители! Ваши священные книги
Чистый излили мне свет, разогнавший туман непроглядный,
Дабы познал я вполне человека и высшего бога.
Да не погубит меня злокозненный демон, сокрывши
Прочь от чертогов блаженных навек, за током Летейским!

Переводы

- 10 Да не закинет обратно в ужасные волны рождений
Душу мою, что доле не хочет по жизни скитаться,
Чья-нибудь страшная кара да вновь ее с жизнью не свяжет!
Боги, водители мудрости светлой, молю вас, внемлите!
Мне, кто душою стремится к стезе, пролегающей свыше,
15 Боги, явите священных словес обряды и действия!

V. ГИМН К ЛИКИЙСКОЙ АФРОДИТЕ

- Гимн посвящаем Ликийской владычице Курафродите.
Некогда нашей отчизне явилась она на подмогу,
Зло отвортив, и наши вожди, благодарностью полнясь,
В граде воздвигли священный кумир по внушению свыше.
5 Знаменовал он тот мысленный брак, Гименей многоумный,
Что Афродиту Небесную свел с огнеродным Гефестом,
И Олимпийской богиню они нарекли, ведь нередко
Смерти стрелу мужегубную прочь отгоняла богиня,
Зря добродетель людскую. А брак сей, плодами богатый,
10 Пышную поросль пустил – блестящее мыслью потомство,
И наступило повсюду спокойствие мирное в жизни.
Ныне молю, о царица, прими величанье, как жертву!
Я ведь и сам, как и ты, ликийцем являюсь по крови,
Душу мою вознеси к красоте от уродства земного,
15 Да избежит она злостного жала постыдных порывов!

VI. ГЕКАТЕ И ЯНУСУ

- Радуйся, мать богов многославная, с добрым потомством!
Радуйся, ты, о Геката преддверная, мощная силой!
Радуйся сам Иан прародитель, Зевес негубимый!
Радуйся, вышний Зевес! О, даруйте мне полную блага
5 Светлую жизни тропу и злые недуги гоните
Прочь от тела, а душу к себе привлеките, очистив
Ум пробуждающим действием от страстных земных искушений!
О, умоляю, подайте мне руку, стезю укажите
Богоизбранную мне, я желаю того! Да узреть мне
10 Свет драгоценный, рождений же черного зла да избежать!
О, умоляю, подайте мне руку, повеите мне ветром,
Что в благочестия гавань доставит страдавшего много.
Радуйся, мать богов многославная, с добрым потомством!
Радуйся ты, о Геката преддверная, мощная силой!
15 Радуйся сам Иан прародитель, о Зевс высочайший!

VII. К МНОГОМУДРОЙ АФИНЕ

- Внемли, дитя Эгиоха-Зевеса, что в свет появилась
От высочайшей цепи, от источника отчего! Внемли!
Мощного дочь отца, многосильная, с мужеским духом,
О щитоносица в шлеме золотом, Тритогена Паллада!
5 Внемли и гимн мой прими с благосклонным, владычица, сердцем!
Слово мое да не будет напрасным, не дай его ветрам!
Ты, кто отверзла врата для премудрости, к богу ведущей,
Кто укротила гигантов земных богоборное племя,
Ты, кто избегла желаний зажженного страстью Гефеста,
10 Пояс девический свой алмазный ты сохранила,
Ты, что смогла уберечь уцелевшее сердце владыки

Вакха, на части разъятого силой титанов, и скрыла
В глуби эфира его, и родителю после вручила,
Дабы по замыслу неизреченному отчому новый
15 В мир снизошел Дионис, порожденный отцом от Семелы.
Ты, кто рожденных от страсти всезрящей богини Гекаты
Всех укротила, секирой срубая их главы под корень,
Ты добродетелей силу благую возвысила в смертных,
Жизнь им украсила многоуменьем искусств и ремесел,
20 Силой творящей ума наделила ты души людские!
Ты, что Акрополь имеешь по жребию, холм неприступный,
Символ твоей принадлежности к высшей цепи, о царица,
Землю – пестунью мужей и мать для книг – возлюбивши,
Ты, поборовши святое желанье отцовского брата,
25 Имя свое даровала земле и ум благородный,
Вот отчего, как память о споре богов, пребывает
Там, у подножья холма, в назиданье потомкам – олива,
Ты возрастила ее, когда Посейдонова воля
На Кекропидов обрушила вал многошумного моря,
30 Хлынул могучий поток, на пути своем все затопляя.
Ты, о богиня, чей лик излучает святое сиянье,
Внемли и дай мне, скитальцу, счастливую тихую гавань,
О, даруй душе моей благосвященных сказаний
Чистый свет и премудрость, любовь и любовь таковую,
35 Я умоляю, вдохни, дабы силой ее воспарила
К отчому дому душа, на Олимп от земного предела.
Если же я и подвластен ошибкам, как в жизни бывает,
Ведаю сам, что терзают меня прегрешенья, проступки,
Все, что не должно свершать, но свершаю, душой неразумный,
40 Смилуйся, кроткая духом, не дай мне, простертому в прахе,
Стать для недугов готовой добычей, о смертных спасенье!
Я ведь молю об одном – дабы был, о богиня, твоим я!
Членам ослабшим даруй нерушимую крепость здоровья,

Гимны

Прочь отгони плотоядных болезней печальное племя,
45 Я умоляю, царица, своей амвросической дланью,
О, прекрати непосильные муки страданий ужасных,
В море житейском пловцу, пошли мне спокойные ветры,
Брак и потомство, известность, богатство, отрады веселий,
Гибким умом одари, пошли в испытаниях стойкость,
50 Дар убеждения, шутки друзей, почет у сограждан.
Внемли, о, внемли, царица, молю бесконечной мольбою –
В трудный мой час, да слух преклонишь ты ко мне благосклонно!

ГИМНЫ СИНЕЗИЯ

ГИМН I (III)

О душа моя,
о, настрой себя
к песнопениям,
полным святости,
5 ты уйми слепней
матерьяльности,
ополчи мой ум
пылом ревностным,
и сплетем венец
10 мы царю богов –
сей бескровный дар –
приношенье слов.
О Творец миров,
я пою Тебя
15 и средь волн морских,

Переводы

и на острове,
на материке,
в городах пою,
и в горах пою,
20 и в полях пою –
и везде, куда
ни ступлю стопой,
я пою Тебя,
о, Творец миров.
25 Мне приносит ночь
гимн к тебе, Господь,
возношу к Тебе
я дневную песнь,
и поутру встав,
30 и в вечерний час
я Тебе несущу
песнопения.
Мне свидетели –
звезд седых лучи,
35 и луна в ночи,
и Владыка Сам
чистых звезд святых.
Мне свидетелем –
Солнце вышнее,
40 повелитель душ
незапятнанных,
Я стремлю свой путь
в Твой святой чертог,
и несут меня
45 ноги легкие,
прочь от вещного
устремляясь

Гимны

к лону вышнего,
в Твой святой чертог,
50 с ликованием
я иду к Тебе.
Вот пришел с мольбой
на святой порог,
к совершению
55 действ таинственных,
вот с мольбой моей
я достиг вершин
многославных гор.
60 Вот в долине я
среди безмолвных мест –
это Ливии
область южная.
И безбожный дух
не сквернит ее,
65 и следа в ней нет
суеты людской,
там душа моя
от страстей чиста,
замирает здесь
70 вожделение,
утихает боль,
утихает стон,
утихает гнев,
раздражение –
75 все, что мучает
жалкий смертный род –
там душа моя
с чистым помыслом
языком честным

80   вознесет Тебе
          надлежащий гимн.
          О, замри, земля!
          О, замри, эфир!
          Ты, о море, стой,
85   ты, о воздух, стой!
          Не кольшись, ветер,
          не шуми, о вихрь!
          Не греми, о ключ,
          не плещи, река!
90   Не звени, капель
          тока скального!
          Глуби космоса,
          свой уймите гул
          в час вершенья служб
95   гимнопения!
          В глубь земли ползи,
          о змеиный род,
          будь сокрыт землей
          и крылатый змей,
100   демон вещного,
          привидений друг,
          ты, туман души,
          что скликаешь псов,
          слыша глас молитв.
105   Отче светлый наш,
          отгони, молю,
          душегубных псов
          от молитв моих,
          от души моей,
110   и от дел моих,
          и от жизни всей!

Гимны

Приношение
моего ума
доверяю я
115   многочтимейшим
        тем служителям,
        полным мудрости,
        переносчикам
        гимнов сих святых.
120   Вот влечет меня
        к отправной черте
        пресвятых словес,
        вот звучит в уме
        откровенья глас.
125   Отче, смилуйся,
        Боже, смилуйся,
        коль коснусь Тебя,
        как не следует,
        на недолжный лад.
130   Чей могучий взор,
        чей премудрый взор,
        отразив Тебя,
        не потупится?
        И богам нельзя
135   на твои огни
        взор стремить в упор.
        И когда летит
        ум с высот Твоих –
        он становится
140   ласков к ближнему,
        устремляется
        к недоступному
        в жажде свет узреть

145 в глубях пропасти,
тем путем пройти,
где дороги нет,
там, где взор влечет
красота идей
первозданная.
150 И оттуда ум,
света взяв цветы
в песнопения,
прекращает вмиг
все метания,
155 отдавая вновь
все свое Тебе.
Есть ли что-нибудь
не Твое, о Царь?
Сам себе Отец,
160 Отче всех отцов,
сам отца не знав,
всем ты Праотец,
Сам себе ты Сын,
Ты – первейшее,
165 одного Одно,
Семя сущего,
центр всего и вся,
первозданный Ум,
Корень всех миров
170 первосозданных,
всюду вечный Свет,
Ум всеистинный,
Кладезь мудрости,
Ум, пронизанный
175 светом собственным,

Гимны

око Сам Себе,
господин грозы,
вечности Отец,
вечна жизнь Твоя,
180 выше всех богов,
выше всех умов,
все в руке Твоей,
умородный Ум,
всех богов проток,
185 что вдыхает жизнь,
воскормитель душ,
кладезь кладезей,
всех начал исток,
корень всех корней.
190 Всех единств – Одно,
чисел всех число,
ты Одно – число,
постигаем Ты
силой разума,
195 Сущий до него,
Ты Одно и Все,
ты Одно во Всем,
Сущий до всего,
Семя ты всему,
200 корень и побег,
жизни сок умам,
и жена, и муж.
Ум, что принят был
в эти таинства,
205 обходя кругом
в пляске пропасти
неизречные,

повторяет вновь
все одно и то ж:
210 Ты и сам рожден,
и Рождающий,
Ты и светоч наш,
и горящий свет,
Ты и явное,
215 Ты и тайное,
Ты – в лучах своих
сокровенный Свет,
Ты – Одно и Все,
Ты – Одно в себе,
220 Ты – Одно чрез Все.
Ты излил вовне
несказанное,
породив собой –
Сына Ты родил,
225 Мудрость чистую,
всетворящую,
весь излит, пребыл
неделим, делясь
в родах собственных.
230 Славься Ты, Един,
славься, Тройственный,
Ты – «Одно» и «Три»,
«Три» Ты и «Одно»,
даже мысленно
235 неделимое –
то, что есть в Тебе
разделенного.

ГИМН IV (VI)

Из ключа святого самопорожденья,
За пределами единств неизреченных,
Бог бессмертный, ты, о сын преславный Бога,
Ты единственный, одним Отцом рожденный,
5 Для Тебя – венок цветов премудрых гимнов!
Из неведомого Сына в свет явили
Роды воли Отчей, слову не подвластной,
И плодом сих Отчих родов оказался
Ум, сияющий в середине мирозданья –
10 В сем ключе Он пребывает, изливаясь,
Луч красы, премудрость промысла Отцова,
Ты, кого благоволил родить Отец твой,
О блистательно таинственное семя
Твоего Отца, ведь – Ты миров начало!
15 Ты от умственных ведешь к телесным формам,
Это Ты премудро движешь круг небесный,
Стадо звезд на небе вечно выпасая!
Хоры ангелов в Твоей, владыка, власти,
Под Твоим началом – демонов фаланги!
20 Тленный мир обходишь плясом хороводным,
Неделимый дух земному уделяя.
То, что ключ исторг, Ты вновь соединяешь,
Отразив от смертных смерти неизбежность.
Будь же милостив принять гирлянду гимнов!
25 Гимнопевцу же пошли удел спокойный,
Усмири водовороты жизни бурной,
Матерьяльности губительные волны!
От души гони недуги и от тела!
Вожделений укроти напор злотворный!
30 Защити от нищеты и от богатства,

Переводы

А в трудах моих – да слышу голос свыше!
Славу добрую открой мне средь народов,
Одари ласкоречивым убеждением!
35 Дабы ум вкушал досуги жизни мирной,
Дабы сам я не стонал в земных заботах,
Но из русл Твоих, что к высям воздымают,
Ум кропил я и питал, рождая мудрость.

ГИМН V (II)

Вновь светает, снова – Эос,
Снова день пролил сиянье
После мрака ночи черной,
Снова пой, душа, ликуя,
5 Богу утренние гимны!
Он зажег сиянье Эос,
Он украсил ночь звездами,
Сим вселенским хороводом.
Понт бурливый – матерьяльность
10 Всю – эфир собой окутал,
Там светя цветком горящим,
Где преславная Селена
Ослабляет свет по краю.
Над восьмым круговращеньем
15 Звездоносного потока
Есть иной поток – беззвездный,
Что движением возвратным
Небо вглубь влечет и в пляске
Ум великий обтекает,
20 Ум, что высь Владыки мира
Кроет светлыми крылами.

Гимны

Дальше – высшее молчанье,
Всеблаженное, покрыло
Неделимое деленье,
25 То, что мысленным вершится
С постигаемым умами.
Ключ один – единый корень
Просиял тройным сияньем –
Ибо где Отцова бездна, –
30 Там и Сын его преславный,
Порожденье его сердца,
Мирозидущая мудрость,
С ними вместе – свет единый
Воссиял Святого Духа.
35 Ключ один, единый Корень,
Щедро благ излил богатство
Вместе с Отпрыском сверхсущим,
Жизнетворчеством кипящим.
В удивительном сиянье
40 Предстают блаженных сути,
А за ними – хор вселенский
Высших сил владык бессмертных,
Тех, что умственною песнью
Породителей вседобрых –
45 Пели Эйдос-Первосемя.
Дальше – ангельское войско
Тех, кто старости не знает,
Породителей вседобрых –
То они на Ум взирают,
50 Красоты исток впивая,
То, блюдя вращенье сферы,
Правят космоса глубины
И с высот своих влекутся

Переводы

55 К матерьяльности пределам,
Там, гнездясь, родит природа
Миру демонские толпы,
Что хитры и многошумны,
Там рождаются и герои,
Там, рождаясь, дух нисходит,
60 Растворяясь над землею,
Оживлять земные судьбы
Многохитрых форм и видов.
Все в Твоей державной власти!
Для всего Ты в мире Корень
65 В настоящем и в минувшем,
И в грядущем, и в возможном!
Ты Отец, но ты и Матерь,
Ты жена и муж при этом,
Ты и голос, и молчанье,
70 Породитель Ты природы,
Вечность Вечности, Владыка!
Должно голос мне возвысить:
Славься, славься, Корень мира,
Славься, жизни Средоточье,
75 Ты – «одно» бессмертных чисел,
Произведших властелинов,
Славься, славься, славься, славься!
Богу – слава подобает!
Слух ко мне склони безгневно,
80 Внемли хорам гимнопенья,
Свет премудрости открой мне,
Одари честным довольством
Жизни мирной, безмятежной!
Прогони нужду с порога
85 И земных богатств несчастье!

Гимны

Отврати от тела хвори
И страстей напор бесчинный,
От меня гони подальше
Ум гнетущие заботы,
90 Дабы разум мой крылатый
Зло к земле не пригнетало!
И о том, что породил Ты,
Стану петь, и в пляс пущусь я
Невесомыми стопами
95 В действиях всенеизречимых.

ГИМН VII (VIII)

На дорийский лад на струнах,
Что скрепляет слоновою костью,
Запою я звучный напев
В честь твою, бессмертный, святой,
5 Многославнейший девы Сын!
Ты мне жизнь сохрани мою
И безбедной сделай, о Царь!
И закрыт будет вход скорбям
Пусть в нее и ночью и днем!
10 Ты мой дух огнем озари,
Что течет из Ключа Ума,
Членам тела силу даруй,
Сделай славным усердный труд.
Мои юные годы храни,
15 Дай мне радостно жизнь прожить
И достигнуть преклонных лет,
Пусть и мудрость растет во мне,
И здоровье тела мне дай!

Переводы

20 Брату стражем будь моему:
Ты его, о бессмертный, мне
Невредимым вернул, хотя
Прикасался уже стопой
Он к порогу подземных врат.
Мое горе, мой тяжкий стон,
25 Мои слезы и горькую скорбь,
Сердце жегшую мне, Ты смягчил,
Ты умершему жизнь вернул,
Снизойдя, как Отец, к рабу,
О сестре я Тебя молю,
30 О чете двоеродных чад!
Весь, молю, Гесихидов дом
Ты Своей десницей покрой!
Ну а мне сохрани, о Царь,
Ты сопутницу брачных уз,
35 Без болезней, без горя, без бед,
В одномыслии и в любви.
Ни лукавства, ни скрытых тайн
Пусть не знает жена моя,
Пусть хранит наш брачный покой
40 Незапятнанным и святым,
Пусть в него не войдет соблазн!
А когда со свободной души
Цепи жизни земной спадут,
То избавь от тяжелых мук
45 И не ввергни в гибель ее!
Разреши ей в сонме святых
Воспевать священную песнь.
И величье Отца Твоего,
О блаженный, и силу Твою
50 Воспою в новом гимне я,

Гимны

Тебе новую песнь сложу.
И опять пусть строй зазвучит
Непорочной кифары моей!

ГИМН IX (I)

Моя звонкая форминга!
После песенки теосской
И лесбосского напева
Для торжественного гимна
5 Зазвучи дорийским ладом!
Не о девушках прелестных
С их улыбкой сладострастной,
Не о юношах цветущих,
Чья краса чарует очи,
10 Нет, рожденная от Бога
Мудрость чистая, святая
Побуждает к песне Божьей
Натянуть кифары струны
И бежать от сладких бедствий,
15 От земной любовной страсти.
Да, чего же стоят доблесть,
Красота, богатство, слава,
Царских почестей соблазны
По сравненью с благочестьем?
20 Пусть один – отважный всадник,
А другой – стрелок из лука,
Пусть иного тешат кудри,
Копит кучи золотые,
Пусть иного тешат кудри.
25 Что текут волной на плечи,

Переводы

А иной воспет повсюду –
Всех друзей и всех подружек
Он пленяет красотой.
Мне ж хотелось бы достигнуть
30 Жизни тихой и безвестной.
Пусть безвестна будет людям.
Пусть лишь Бог о ней узнает!
Пусть меня научит Мудрость
С ней прожить молодые годы,
35 С нею вместе встретить старость,
С ней владеть своим достатком.
Но и встречу с нищетою
Мудрость терпит и с улыбкой
Переносит горечь жизни,
40 Лишь бы столько мне осталось,
Чтобы в хижине я скрыться
Мог от зависти соседей
И нужда б меня не гнула
Низкой черною заботой.
45 Я услышал песнь цикады,
Пьющей утренние росы,
И мои запели струны
Необычным звуком – будто
Налетело вдохновенье.
50 Что же, в сердце возникая,
Порождает песню Божью?
Тот, кто Сам себе Начало,
Управитель и Родитель,
Нерожденный, Совершенный,
55 Восседает Бог Предвечный,
Облечен бессмертной славой.
Он – Единство в Единенье

Гимны

И первичная Монада.
Простоту в многообразье
60 Ты, связуя, порождаешь
Сверхъестественным рождением;
И она, приняв начало,
Через образ первозаданный
Разлита непостижимо.
65 Мощью тройственной владеет
Сверхвещественный Источник,
Красотою чад увенчан,
Что, родясь из средоточья,
Средоточье обтекают.
70 Замолчи, моя форминга,
Замолчи! Дерзать не смеешь
Разглашать святые тайны!
То, что выше, скрой в молчанье,
Воспевай пути земные,
75 Ибо разуму подвластен
Только мир разумной мысли,
Здесь начало лишь благое
Человеческого духа,
Неделимого деленья.
80 В вещество низвергнут разум,
Порождение бессмертных,
Сил божественных потомок.
Невелик он – но родился
Он от них, единый, цельный,
85 Цельный, в цельности разлит он.
Глубь небесную вращая,
Страж он видимого мира.
Он присутствует повсюду,
Проявляясь в видах разных,

Переводы

- 90 Он ведет круги созвездий,
Сонмом ангелов он правит,
Он же связью равновесной
Укрепил земное тело.
Разум в тягостном забвеньи
- 95 От родителей оторван,
Погружен в слепое горе,
Созерцает тьму земную.
Сам он – бог, но близок смертным.
И сияет некий светоч
- 100 Даже всем очам сомкнутым,
Даже тех, кто пал так низко,
Сила вновь возносит к небу.
И они из волн житейских
Выплывают беспечально,
- 105 Вновь идут святой дорогой,
Входят в царский дом Отцовский.
Тот блажен, кто мог избежать
Вещества нападок жадных
И, взлетев, порывом легким
- 110 Прямо к Богу путь направить.
Тот блажен, кого от бедствий
И трудов земных и горьких
От испытанных страданий
Разум к тем привел вершинам,
- 115 Где сияет светоч божий.
Нелегко отдать все сердце,
Вознести его высоко
На крылах любви небесной.
Но в порыв души разумной
- 120 Съедини свои стремленья –
И Родитель твой тотчас же

Гимны

- 125   Руку помощи протянет.
              Вспыхнет луч перед тобою,
              Озарит твою тропинку,
              Область разума откроет,
              Красоты Первоначало.
              И теперь, душа, испивши
              Из источника благого,
              Обратись к Отцу с мольбою,
130   Воспари скорей, не медли,
              А земле оставь земное.
              И с Отцом сливаясь, станешь
              Богом в Боге ты, ликуя.

ФЛАВИЙ АРРИАН

ИНДИЯ

Глава 1

С внешней стороны реки Инд, к западу от нее и до реки Кофен, лежат земли, которые населяют атакены и ассамены; это племена индийские, но по сравнению с обитателями внутренней стороны Инда они отличаются тем, что меньше ростом, не так отважны и цвет кожи имеют не такой темный, как у большинства индийцев. Когда-то они были поданными ассирийцев, потом – мидийцев, от них в свою очередь перешли в подчинение к персам и платили со своей земли сыну Камбиза Киру дань, какую он им назначал. Что касается нисейцев, то племя это не индийское и составилось оно из пришедших в Индию вместе с Дионисом – быть может, из Эллинов, потерявших пригодность к службе во время войн, которые вел Дионис с индийцами, быть может, и из туземцев, которых, по их желанию, Дионис поселил вместе с эллинами. Дионис назвал эту землю Нисейской в честь своей кормилицы Нисы и город тоже назвал Нисой. Гора, возвышающаяся рядом с Нисой – в ее подножии и расположен город, – носит название Мерос (бедро), и связано это с об-

стоятельствами рождения Диониса. Впрочем, все это о Дионисе уже рассказали поэты, и я предоставляю сие повествование им, красно-речивым и сведущим, у эллинов или у варваров. У ассакенов есть город Массака, весьма крупный, и это – главный город в Ассакии. Есть там и другой город, Певкелаитис, тоже большой, недалеко от Инда. Вот таковы обитаемые края от реки Инд к западу до Кофена.

Глава 2

Я буду называть индийской землей области, что лежат к востоку от Инда, а их население – индийцами. Северная граница индийской земли – горный кряж Тавр. И хотя в том краю ее так уже не называют, но начинается эта горная цепь от моря со стороны Памфилии, Ликии и Киликии и тянется к восточному морю, разрезая всю Азию. В разных местах эти горы называют поразному – где Парапамис, где Эмод, в других местах – Имай и, возможно, есть и разные другие названия. Македонцы же, участвовавшие в походе Александра, назвали ее Кавказом, но не скифским, а другим, чтобы шла молва, будто Александр прибыл на противоположную от Кавказа сторону. С запада землю индийцев вплоть до самого великого моря ограничивает река Инд, впадающая в море, разделившись на два устья, отстоящие друг от друга на значительное расстояние, а вовсе не так, как пять устьев Истра, близких друг к другу, скорее, подобно Нилу, образующему Египетскую дельту, и река Инд образует в индийской земле дельту не меньшую, чем Египетская, – она на индийском языке называется Патала. С юго-запада и с юга границу индийской земли образует само великое море. Области к югу от ПATALы и устья Инда посетили с Александром македонцы и многие эллины. Однако на восток Александр не продвинулся далее реки Гифасиса. Весьма немногие авторы составили описания местности, прилегающей к реке Гангу и ее устьям, а также Палимботры – самого большого у индийцев города на Ганге.

Для меня же наиболее надежным источником будет Эратосфен Киренский, поскольку Эратосфен позаботился о карте. Он сообщает, что от гор Тавра, где находятся истоки Инда, до устья его в великом море протяженность реки 1300 стадий, что и образует одну из сторон индийской земли. Противоположную боковую сторону он считает от этих гор до восточного моря, и она не равна первой, но выдается огромным мысом в глубь моря, примерно на 3000 стадий. С востока, по его данным, эта сторона индийской земли тянется на 16000 стадий. Так он определяет ширину индийской земли. Длину ее с запада на восток до города Палимботры он сообщает, измеряя ее в схенах, поскольку это был царский путь, равный 10000 стадий. Противоположная же сторона пока столь же точно не измерена, но в сообщениях, которые он приводит, говорится, что она составляет вместе с мысом, вдающимся в море, около 10000 стадий. Общая длина Индии составляет, таким образом, 20000 стадий. Ктесий Книдский сообщает, что индийская земля равна всей Азии, что само по себе еще ни о чем не говорит; мало значит и сообщение Онесикрита, что это – третья часть всей земли. Неарх говорит, что потратил четыре месяца пути, чтобы пересечь равнину индийской земли. Мегасфен сообщает, что ширина земли индийцев с востока на запад такова, какой другие полагают ее длину, – он считает, что это по меньшей мере 16000 стадий. Расстояние же с севера на юг он называет длиной и полагает, что оно составляет по меньшей мере 22300 стадий. Нигде в Азии нет такого количества рек, как в индийской земле. Самые крупные из них – Ганг и Инд, от которого и произошло название страны. Обе эти реки больше египетского Нила и скифского Истра, даже если те слить воедино. Я же полагаю, что и Акесин больше Истра и Нила в том месте, где после впадения в него Гидаспа, Гидраота и Гифасиса он вливается в Инд, имеющий здесь ширину в 30 стадий. И возможно, в Индии протекают и многие другие, еще бóльшие реки.

Глава 4

Относительно всего, что находится по ту сторону Гифасиса, я не могу полагаться на достоверные сообщения, потому что Александр дальше него не пошел. О том же, что из двух величайших рек – Инда и Ганга – Ганг намного больше, писали Мегасфен и все другие авторы, которые оставили упоминания о Ганге. Уже при своем истоке из ключей он велик, затем принимает в свои воды реки Каин, Эраннобоас и Коссоан – все они судоходны; далее реки Сон, Ситтокатис и Соломатис, которые также судоходны, далее реки Кондохат, Самб, Магон, Агоранис и Омалис. В него же впадает большая река Комминас, а также Какутис и Андоматис, который течет сюда из области индийского племени мадиандинов. Есть там и река Амистис возле города Катадупа, и Оксиматис в области племен, называемых пазалами. Река Эрренесис впадает в Ганг в области, где живет индийское племя матов. Мегасфен сообщает, что эти реки не меньше Меандра в тех местах, где он судоходен. Ширина же Ганга в самых узких местах около 100 стадий. Во многих местах он образует заводи, и тогда противоположного берега вообще не видно, если он низкий и на нем не выдаются холмы.

Такова же и река Инд. Гидраот же, вобрав в себя воды Гифасиса в краю астрибов, воды Сарангиса – у кекаев и воды Сидра – у астекевов, впадает в Акесин в области камбистолов. Гидасп же, протекая по земле Сидраков, приняв в себя воды Синара у ариспов, тоже впадает в Акесин. Акесин же впадает в Инд в пределах маллов. Большая река Тутап тоже впадает в Акесин, который, наполняясь от вод всех этих рек, но сохраняя все же собственное название, впадает в Инд. Кофен же впадает в Инд в области Певкелаитиса после того, как в него вливаются Маламант, Соаст и Гаройя. Кроме того, в Инд впадают не очень протяженные в своем течении реки Парен и Сапарн. Река Соан протекает по гористой земле абиссареев и, не имея ни одного притока, впадает в Инд. Мегасфен сообщает, что многие из

Переводы

этих рек судоходны. Не следует сомневаться в том, что Инд и Ганг полноводнее Истра и Нила. Мы не знаем ни одной реки, которая впадала бы в Нил, но, напротив, воду его отводят по каналам для орошения Египта. Истр же невелик у истоков; правда, в него впадает много рек, но все они по величине нисколько не равны индийским рекам, впадающим в Инд и Ганг, ведь лишь немногие из них судоходны, например, Эн и Сав, которые я видел своими глазами. Эн смешивает свои воды с Истром у границ Реция и Норика, а Сав – в земле пеонов. Местность, где реки сливаются, называется Таврун. Если кто-то знает и другие впадающие в Истр судоходные реки, то он знает таких весьма мало.

Глава 5

Если кто-нибудь захочет объяснять причину существования такого множества больших рек в Индии – дело его; я же со своей стороны сообщу и об этом только то, что сам слышал. В самом деле, Мегасфен приводит много других названий рек, впадающих в южное и восточное море за пределами Инда и Ганга, и сообщает, что в Индии существует всего 58 рек, и все они судоходны. Мне кажется, что Мегасфен прошел лишь небольшую часть индийской земли, но больше, чем воины Александра, сына Филиппа. Он сообщает, что виделся с Сандракоттом, величайшим царем индийцев, еще более великим, нежели царь Пор. Этот самый Мегасфен говорит, что индийцы не ведут ни с кем войн и другие не нападают на Индию, и даже египтянин Сесострис, который покорил большую часть Азии и продвинул свои войска до самой Европы, повернул отсюда домой; не напал на индийцев и скиф Идантирс, который, двинувшись походом из Скифии, покорил многие племена в Азии и даже победоносно добрался до египетской земли; ассириянка Семирамида имела намерение послать войско против индийцев, однако скончалась, не осуществив этих планов. Единственным, кто вы-

ступил походом на индийцев, был Александр. Многие сообщают также, что до Александра на индийцев ходил Дионис и покорил их, а некоторые, весьма немногочисленные, говорят то же о Геракле. Важными свидетельствами похода Диониса являются и город Ниса, и гора Мерос, и плющ, который на ней произрастает, и то обстоятельство, что сами индийцы выступают в бой под звуки кимвалов и тимпанов, и пестрая их одежда, такая же, как у дионисийских вакхантов. О Геракле же свидетельств совсем немного. Что касается истории об Аорнской скале, которой овладел Александр, в то время как Геракл был не в силах взять ее, то это, мне кажется, хвастовство македонян, наподобие того, что они назвали Кавказом гору Парапамис, которая никакого отношения к Кавказу не имеет. Они также говорили, что некая пещера, находящаяся в горах Парапамиса, и есть пещера титана Прометея, в которой он был подвешен за похищение огня. Когда же в земле сибов, индийского племени, македонцы увидели, что сибы одеты в шкуры, то решили, что они это восприняли после похода Геракла, к тому же они и дубины носят, и быков своих клеймят знаком палицы – это македонцы считали свидетельством о палице Геракла. Если же это верно, то сам Геракл – не фиванский, а какой-то другой – возможно, ти риец, египтянин или другой великий царь из областей, соседних с индийской землей.

Глава 6

Возможно то, что собираюсь привести из свидетельств некоторых других авторов об индийцах за Гифасисом, покажется не внушающим доверия, однако участникам похода Александра до Гифасиса полностью отказывать в доверии не следует. Ведь и Мегафен говорит то же самое, а именно что есть еще индийская река, называется она Сила, и течет она из ключа с тем же названием через землю силов, и отсюда происходят и ее название, и название ключа.

Переводы

Вода в ней такова, что ничто на ней не держится, не находится на поверхности и не плавает, ибо все идет ко дну. Вода эта как бы лишена плотности и совершенно подобна воздуху. Летом в индийской земле идут дожди, особенно в горах Парапамис, Эмод, Имай, откуда стекают большие и мутные реки. Летом дожди идут и над долиной Инда, и многие поля затопляются. Войско Александра бросилось бежать прочь от реки Акесина в середине лета, когда воды ее вышли из берегов и хлынули на равнину. Подобное явление может подтвердить, что разлив Нила происходит, когда летом в горах Эфиопии идут дожди, и поэтому Нил наполняется, выходит из берегов и заливают египетскую землю. Ведь в это время года он тоже мутный, чего не было бы, если бы вода поднималась от таяния снега или ежегодных ветров, дующих летней порой; впрочем, горы в Эфиопии и не могут быть покрыты снегом – такая сильная там стоит жара. Так что вполне можно сравнить это с дождями в Индии, поскольку и в других отношениях индийская земля имеет сходство с Эфиопией – так, например, индийские реки, подобно Нилу в Эфиопии и Египте, несут в себе крокодилов; есть в них и другие рыбы и чудовища, живущие также и в Ниле, кроме гиппопотамов. Онесикрит, правда, сообщает, что и они водятся в индийских реках. Типы людей в Индии и Эфиопии тоже не столь сильно различаются. Особенно на юге индийцы больше похожи на эфиопов: они черны, волосы у них черные, только носы у них другие, и они не столь курчавы, а те, кто живет севернее, весьма похожи на египтян по телосложению.

Глава 7

Мегасфен насчитывает в Индии всего 118 народностей. Со своей стороны я с ним согласен в том, что в Индии существует множество племен, но я не могу считать это число точным, ибо как он мог узнать это, ведь он обошел лишь небольшую часть страны, да и племена там между собой не общаются. В древности индийцы были ко-

чевниками, а не земледельцами, как и скифы, которые кочуют, странствуя по всей Скифии в своих повозках, а в городах не селятся и не чтут святилища богов. Так же и индийцы – у них не было городов и святилищ, сооруженных в честь богов, одевались они в шкуры убитых животных, а питались древесной корой. Такие деревья называются на индийском языке тала, и на них растут, словно клубки шерсти, плоды, похожие на те, что растут на верхушках финиковых пальм. До прихода Диониса в землю индийцев они также питались добытыми на охоте животными, которых ели сырыми. Когда же в этот край пришел Дионис, он стал правителем индийцев, основал города, дал им законы и, так же как и эллинов, одарил вином, научил их засеять землю и вручил семена. Таким образом, все это произошло не потому, что здесь проехал Триптолем, когда Деметра послала его засеять всю землю, но некий – кем бы он ни был – Дионис, придя в индийскую землю еще до Триптолема, вручил населению семена культурных растений. Он также первый научил их запрягать в плуг быков и обратил многих индийцев в земледельцев из кочевников, он же обучил их пользоваться военными доспехами. Научил он их и богов почитать, а более всех – самого себя, ударяя в кимвалы и тимпаны; показал им и сатиловскую пляску, которую у эллинов называют кордаком. Он показал индийцам, как нужно в честь бога отращивать длинные волосы и носить тюрбаны, научил натираться благовониями. Так что еще во время похода Александра индийцы выступали в битву под гром тимпанов и кимвалов.

Глава 8

Когда Дионис собрался покинуть индийскую землю, все там устроив и приведя в порядок, он оставил после себя царем одного из наиболее ревностных вакхантов, товарища своего Спатембу. После его кончины царская власть по наследству перешла к его сыну Будию. Таким образом, отец процарствовал над индийцами

52 года, а сын его – 20 лет, оставив царскую власть своему сыну Крадеве. С этих пор царская власть и передается обычно по наследству в роду от отца к сыну. Если царский род пресекается, то царем избирается тот, которого индийцы сочтут наиболее достойным. Есть предание, что тот Геракл, который пришел в Индию, считался индийцами рожденным у них. Особенно этот Геракл почитаем у индийского племени сурасенов, которое владеет двумя городами – Меторой и Клейсборой. Через их землю еще протекает судоходная река Иоманес. Мегасфен сообщает, что этот Геракл одевался подобно Гераклу фиванскому, по рассказам самих индийцев. Он произвел на свет в индийской земле многочисленное мужское потомство – ведь и этот Геракл вступал в брак со многими женщинами, – а вот дочь он родил всего одну. Имя этой девочки было Пандея, и Геракл тем же именем назвал землю, где она родилась и которую он оставил ей в управление. От отца Пандея получила 500 слонов, 4000 лошадей и 130000 пехотинцев. Некоторые индийцы сообщают о Геракле еще и вот что – он, обойдя всю сушу и море, очищая все от зла, отыскал в море новый вид женского украшения, который и теперь является ценным товаром, и все купцы стремятся привезти его из индийской земли. Наиболее богатые из эллинов, а ныне из римлян охотно покупают эти морские «маргариты», как это называется на языке индийцев. Ведь Геракл, так как ему понравилась эта драгоценность, со всего моря собрал маргариты в Индию для украшений своей дочери. И Мегасфен сообщает, что эти раковины выуживают сетями и что они в море обычно роятся словно пчелы, и есть у них, как и у пчел, свои царь и царица. И если кому-то посчастливится найти царя, тот с легкостью захватит и весь рой маргаритов, а если царь ускользнет, то не поймать и остальных. Когда раковина поймана, нужно подождать, пока сгниет мякоть, и тогда костячком пользуются как украшением. У индийцев маргариты ценятся втрое дороже золота, которое также добывается в индийской земле.

Глава 9

В той стране, где царствовала дочь Геракла, женщины выходят замуж, когда им исполняется семь лет, а мужчины доживают самое большее до сорока. По этому поводу существует у индийцев такое предание: Геракл, поскольку у него дочь родилась поздно, зная, что кончина его уже близка, и не имея никого, кто был бы достоин его дочери, сам соединился с ней, когда ей было семь лет, чтобы оставить от себя и нее потомство, которое царствовало бы над индийцами. Так его дочь стала способной к браку в этом возрасте. А потом уже все из рода Пандеи, кто царствовал, имели то же почетное право, что и Геракл. Однако, на мой взгляд, если Геракл был способен делать те удивительные вещи, которые он совершал, то вполне вероятно, что он мог бы продлить свою жизнь, чтобы соединиться с дочерью, когда она была бы в возрасте для этого. Однако если же то, что говорят о брачном возрасте девочек в этих краях, верно, то, мне кажется, это вполне соотносится с сообщением о том, что мужчины там умирают самое большее сорокалетними. Стало быть, поскольку у них старость, а за ней и смерть наступают быстрее, то сообразно с окончанием жизни и расцвет ее должен наступать скорее. Таким образом, в тридцать лет человек у них уже старик, в двадцать лет он уже выходит из молодого возраста, а самый расцвет юности приходится лет на пятнадцать. Вот и выходит по такому расчету, что семь лет – брачный возраст для женщин. Ведь в этой стране и плоды поспевают быстрее, чем где бы то ни было в другом месте, и портятся тоже быстрее, как о том писал сам Мегасфен.

Со времен Диониса и до Сандракотта индийцы насчитывают 153 царя, лет же – 6042, и за этот период они были свободными всего трижды... один раз – 300 лет, другой – 120. Индийцы говорят, что Дионис был раньше Геракла на 15 поколений, и более никто не вторгался в индийскую землю с войной, даже Кир, сын Камбиза, хотя он дошел до скифов и вообще больше всех других владык Азии

Переводы

любил вмешиваться в чужие дела. Александр же покорил силой оружия все те народности, до которых дошел; и он покорил бы всех, если бы его войско того пожелало. Со своей стороны, индийцы с их чувством справедливости никогда ни на кого не ходили войной.

Глава 10

Рассказывают, что индийцы не ставят своим умершим надгробных памятников, но увековечивают память о доблестях выдающихся мужей в посвящаемых им песнях. Невозможно точно указать число индийских городов – столь они многочисленны. Города, расположенные на берегах рек и моря, они строят из леса, поскольку постройки из кирпича вследствие осадков, а также разливающихся при наводнениях рек недолговечны. Те же, кто селится на возвышенных или гористых местах, к тому же лишенных растительности, строят дома из кирпича и глины. У индийцев самый большой город, называемый Палимботра, находится в земле прасиев, при слиянии рек Эраннобоаса и Ганга. Ганг – это самая большая река, а Эраннобоас – третья по величине индийская река, в этом месте больше, чем где-либо, но все же она меньше Ганга, когда вливает в него свои воды. Мегасфен еще сообщает, что протяженность этого города с каждой стороны, там, где она более всего, 80 стадий, а ширина – 15. Город окружен рвом шириной в 6 плетров и глубиной в 30 локтей, стена, окружающая его, имеет 570 башен, а ворот у него 64. Самое же главное в индийской земле то, что все индийцы свободны, и нет ни одного, кто был бы рабом. В этом отношении они весьма сходны с лакедемонянами. Однако у лакедемонян есть рабы, ими являются илоты, и они выполняют все рабские обязанности, а у индийцев вообще нет рабов, тем более ни одного раба индийца.

Глава 11

Все индийцы разделяются на семь разрядов. Первый, самый малочисленный и почтенный, составляют мудрецы-софисты. Им нет необходимости ни физически работать, ни нести какие-либо общественные повинности. И вообще на них нет никакой другой обязанности, кроме совершения жертвоприношений богам за всю общину индийцев. Если кто-то приносит частную жертву, кто-нибудь из софистов руководит обрядом при этом, иначе боги не примут священнодействия. Только софисты у индийцев сведущи в мантике, и давать предсказания разрешается только им одним. Предсказания их относятся в основном к погоде, к тому, не случится ли какого бедствия. Относительно же частных дел они предсказаний не дают, ибо полагают, что предсказание не должно опускаться до мелких и недостойных дел. Если же какой-нибудь предсказатель трижды ошибется, ему не причиняют никакого зла, но он должен в дальнейшем хранить молчание, и нельзя того, кто осужден молчать, заставить издать хотя бы звук. Эти софисты всю жизнь ходят голыми, зимой – на открытом солнцу месте, летом же, когда солнце сильно печет, – на лугах и низинах под большими деревьями, которые дают тень, как сообщает Неарх, на 5 плетров кругом, так что целая толпа может укрыться в их тени – так велики эти деревья. Питаются они плодами и корой деревьев, потому что кора их сладка и питательна, как финики. Второй разряд индийцев – земледельцы – самый многочисленный. У них нет оружия, и военная служба – не их забота. Их дело – обрабатывать землю, и они должны платить подать царям или независимым городам. Если же между индийцами вспыхивает война, то закон не позволяет захватывать их земли и делить их, так что воюющие стороны убивают друг друга, а рядом с ними земледельцы спокойно пашут либо жнут, либо сажают деревья, либо собирают урожай. Третий разряд – пастухи, овчары и волопасы. Они не живут в городах и селах, обитают в горах, кочуя с места на место, и платят подать со своих стад. Они также охотятся по всей стране на птиц и диких животных.

Четвертый разряд – ремесленники и торговцы. Они несут общественную повинность и платят налог со своих занятий – все, кроме тех, кто изготавливает оружие, эти еще и сами получают плату из казны. Сюда же относятся корабельщики и корабельщики, плавающие по рекам. Пятый разряд – это воины, по численности вторые после земледельцев. Их жизнь полна большой свободы и легкости. Единственное их занятие – упражнения в военном деле. Оружие для них делают другие, другие предоставляют им коней, им прислуживают в лагере, ухаживают за их лошадьми, чистят оружие, водят их слонов, украшают их колесницы и правят ими. А сами воины, если случается война, – бьются, а в мирное время предаются досугу. Им поступает плата из казны в таком размере, что они еще могут содержать и других весьма щедро. Шестой разряд называется надсмотрщиками. Они наблюдают за всем, что происходит в стране и в городах, и все сообщают царю там, где у индийцев правят цари, и властям – там, где существует самоуправление. Им запрещается давать ложные известия, и вообще ни один индиец никогда не был грешен во лжи. Седьмой разряд – те, кто вместе с царем или властями в самоуправляющихся городах решают дела. Числом они меньше всех, но выдаются своей справедливостью и мудростью. Из их числа назначаются начальники и управители казны, стратеги, навархи, интенданты и распорядители земледельческих работ. Брать жен из других разрядов запрещает закон, например, земледельцу – жениться на женщине из разряда ремесленников и наоборот. Нельзя также заниматься двумя делами или менять один род занятий на другой, так что нельзя земледельцу стать пастухом, а пастуху – ремесленником. Любому индийцу разрешено только становиться мудрецом, выходя из своего разряда, потому что жизнь софиста далеко не приятна и полна всяческих лишений.

Глава 13

Охотятся индийцы на тех же зверей, что и эллины, однако не существует ничего подобного их охоте на слона, поскольку и само это животное не имеет ничего общего со всеми остальными зверями. Итак, индийцы выбирают ровное место на самом солнцепеке и окапывают ровом такую площадку, на которой мог бы уместиться большой военный лагерь. Ров они делают шириной в пять оргий, глубиной – в четыре. Вырытую из рва землю насыпают по краям рва, как две стены, и с внешней стороны за насыпью выкапывают для себя убежище, оставляя щель, через которую туда попадает свет и которая позволяет следить за зверем, когда его теснят и гонят в ограду. В загоне помещают трех или четырех особенно хорошо прирученных самок и оставляют единственный проход в загон, перекинув через ров мост, и закидывают его землей и травой, чтобы он был незаметен и звери не почуяли ловушку. Сами охотники держатся поодаль, спрятавшись в убежищах на насыпи. Дикае слоны в течение дня не приближаются к домашним, а ночью они бродят повсюду и пасутся стадом, следуя за самым крупным и сильным слоном, как коровы за быком. Когда, приблизившись к загону, они слышат голоса находящихся там самок и чуют их запах, от чего приходят в возбуждение, они бегом устремляются к огражденному месту. Они бегают вокруг насыпи, пока не наткнутся на мост, и по нему проникают в загон. Тут же, увидев, что дикие слоны проникли в загон, одни люди поскорее убирают мост, а другие торопятся в ближайшую деревню сообщить, что слоны попались. При этом известии жители деревни садятся на самых сильных и наиболее умных домашних слонов и направляют их к загону, а пригнав, не сразу отправляют биться с дикими, но выжидают, пока дикие слоны ослабнут от голода и жажды. Когда охотники сочтут, что дикие слоны уже достаточно ослабли, они гонят своих через мост в загон, а там сначала домашние слоны

Переводы

бьются с пойманными, а потом дикие, сломленные страхом и голодом, покоряются домашним. Тогда люди спешиваются и связывают ноги диким слонам, оставшимся в живых, после чего приказывают домашним наносить им удары, пока те, обессилев, не упадут. Когда слоны вновь поднимаются на ноги, на них набрасывают веревку, а охотники взбираются на тех животных, что еще лежат. Чтобы слон не сбросил веревку и вообще не вел себя буйно, на шее делают круговой надрез шкуры, и в рану засовывают петлю, чтобы голова и шея не вертелись – ведь если животное в порыве ярости станет вращать головой, колодка, впившись, будет натирать ему рану. Итак, неподвижность их успокаивает, они смиряются со своим поражением и ходят, привязанные к домашним слонам.

Глава 14

Слишком молодых животных, равно как и тех, кто выказал слишком буйный нрав, отпускают на волю. Захваченных же слонов приводят в деревню и дают им сначала поесть свежей травы и зеленого тростника; они же от страха не хотят есть, и тогда индийцы окружают их и начинают бить в кимвалы и тимпаны и петь песни, чтобы успокоить животных. Ведь слон умен, как никто из зверей. Бывало, что во время сражения слоны поднимали своего убитого седока и сами относили в могилу или защищали собой простертых на земле, или сражались за павших. Был и такой случай, когда один слон в припадке ярости убил хозяина, а потом сам умер от раскаяния и горя. А я собственными глазами видел, как слон ударял в кимвал, а другие слоны плясали. Два кимвала были привязаны к передним ногам слона, и еще один кимвал слон держал хоботом и поочередно и в такт ударял им о кимвалы на ногах, а другие слоны, став в круг, танцевали, – они ходили и то поднимали передние ноги, то сгибали их в ритме, который

задавал им слон, бьющий в кимвал. Спариваются слоны весной, как быки и лошади, когда у самок начинает издавать запах открывшееся (на висках) отверстие. Слонихи носят детенышей во чреве, если они мелкие – 16 месяцев, а крупных – вынашивают до 18. Детеныш единственный, как и у лошадей, и мать выкармливает его молоком до 8 лет. Продолжительность жизни у слонов более 200 лет, но многие из-за болезней не живут столько. Когда у слонов болят глаза, помогает промывание коровьим молоком, при других болезнях – красное вино, а к ранам хорошо привязывать куски жареной свинины. Вот какие у индийцев лекарства для слонов.

Глава 15

Тигры, как полагают индийцы, намного сильнее слонов. Неарх сообщает, что видел тигровую шкуру, но самого тигра не видел. Индийцы рассказывают, что тигры из тех, что покрупнее, величиной с лошадь, а сила их и быстрота вообще ни с чем не сравнимы. Ведь тигры нападают и на слонов и, прыгнув им на голову, душат их без особых усилий. Известные же нам звери, которых мы считаем тиграми, на самом деле – шакалы, полосатые и самые крупные из них. Что же касается муравьев, то Неарх сообщает, что не видел ничего из того, что встречается в описании их жизни у других авторов, но видел много раз шкуры этих муравьев, принесенные в македонский лагерь. Мегасфен со своей стороны рассказывает, как нечто совершенно достоверное, что эти муравьи откапывают золото не ради него самого, но потому, что роют землю, так сказать, по своей природе, чтобы сделать себе норы – совершенно так же, как и наши маленькие муравьи тоже взрыхляют землю. Индийские же муравьи, которые ростом с лисицу, и землю роют сообразно своей величине. Земля же золотоносна, вот и добывается у индийцев из земли золото.

Однако Мегасфен излагает известное ему понаслышке, и у меня нет ничего более достоверного, что можно было бы к этому добавить, поэтому я охотно опустил бы рассказ о муравьях. Что касается попугаев, то Неарх говорит как о каком-то чуде, что они водятся в Индии и умеют говорить человеческим голосом. Я со своей стороны, повидав своими глазами эту птицу и зная, что и многим другим она прекрасно известна, не стану говорить о других диковинных вещах, вроде того, какого роста обезьяны, или что в Индии водятся красивые обезьяны, или как они охотятся, потому что все, что я сказал бы, и так общеизвестно, кроме, пожалуй, того, что обезьяны бывают красивыми. Неарх сообщает, что индийцы охотятся на змей, узорчатых и быстрых, достигающих в длину 16 локтей, как, например, змей, пойманный, по его словам, Пифоном, сыном Антигена. Сами же индийцы рассказывают, что змеи бывают и гораздо больше. Эллинские врачеватели не смогли изобрести никакого средства от укуса индийских змей, но сами индийцы умеют лечить пострадавших. Неарх добавляет здесь, что Александр собрал вокруг себя всех индийцев, кто достиг наибольшей мудрости в лечебном деле, и возвестил своему войску, что всякий, кого укусила змея, должен идти к царскому шатру. Там же были врачеватели от других поражений и болезней. Впрочем, в Индии болезней не очень много, потому что климат там благоприятен. Если же случается что-либо серьезное, жители прибегают к помощи софистов, и те – не без помощи божества – излечивают все, что только можно излечить.

Глава 16

Одежду индийцы носят льняную, как сообщает Неарх; этот лен снимают с деревьев, о которых я уже упоминал. Их лен по сравнению с любым другим кажется самым светлым, а может быть, это только ка-

жется из-за того, что сами индийцы темнокожие. Одеваются они в хитон ниже колен, а на плечи набрасывают накидку, которой прикрывают и голову. Носят индийцы и серьги из слоновой кости, но не все, а только те, кто очень богат. Неарх сообщает еще, что индийцы раскрашивают себе бороды самым различным образом – одни как можно белее, другие – в темный цвет, встречаются также пурпурные, багряные и даже зеленые бороды. Летом у индийцев над важными особами держат зонтики. Обувь там носят изготовленную из белой кожи, и она замечательна – необыкновенная подошва пестро изукрашена и очень высока, чтобы человек казался выше ростом. Вооружение у индийцев бывает разных видов. Пехотинцы имеют такой лук, который по величине равен росту самого стрелка. Чтобы выстрелить, лук этот ставят на землю и придерживают левой ногой, а тетиву отводят далеко за себя; стрела же чуть меньше трех локтей, и ничто не может отразить удар стрелы, пущенной индийским стрелком, – ни самый крупный щит, ни панцирь, ни какое иное защитное средство. В левой руке они сжимают щиты из бычьей шкуры, которые в ширину уже человеческого тела, а в длину – почти с него. У некоторых вместо луков метательные копья, зато все они носят при себе мечи, широкие и не меньше трех локтей в длину. Когда доводится схватиться врукопашную, что вообще у индийцев не часто случается, они, чтобы удар вышел посильнее, наносят его, держа меч обеими руками. У всадников при себе по два метательных копья, которые называются «савния», и щит, который поменьше, чем у пехотинцев. Кони у них неоседланные и взнузданные не как у эллинов и кельтов – в пасти лошади с краю продет ремень бычьей кожи, и к нему приделано острие из меди, железа или слоновой кости – у богачей. А во рту у лошади железный стержень, и к нему приделаны поводья. Когда натягивают поводья, этот стержень обуздывает лошадь, острие жалит ее и заставляет слушаться.

Телом индийцы сухощавы, рослы и легки весом, как никто другой из людей. Ездят они на верблюдах, конях и ослах, а самые богатые – на слонах. Выезд на слоне у индийцев считается царским. Затем считается очень почетной четверка коней, и на третьем месте – верблюды. Один конь указывает на невысокое звание. Женщины у индийцев вообще весьма скромные, не могут поддасться соблазну ни за какие блага, но если предлагают слона, то женщина принимает его и отдается дарителю. Сойтись с женщиной ради слона у индийцев не считается позором, но признается почетом для женщины удостоиться слона за свою красоту. При вступлении в брак индийцы ничего не платят и не получают. Когда девицы достигают брачного возраста, отцы выводят их на всеобщее обозрение и предлагают в награду победителю в беге или кулачном бою, или явившему какое-либо иное доказательство мужества. Индийцы питаются хлебом и обрабатывают землю, конечно, кроме тех, кто живет в горах – эти питаются мясом диких животных. Я полагаю, что достаточно рассказал об Индии из того, что сообщили два знаменитых мужа, Неарх и Мегасфен. Поскольку цель моего сочинения – не повествование об обычаях индийцев, а рассказ о походе Александра из Индии в Персию, то сего отступления, я думаю, будет довольно.

СОФОКЛ. ФРАГМЕНТЫ

НИОБА

50 (441a)

- Аполлон
4 Ты видишь: там, в дому, одна в испуге
Укрыться ищет меж ларцов и бочек?
Она одна сумела ускользнуть –
Срази ее стрелой, пока не скрылась!
Хор
О, горе, горе ей!
Участью дети разнились недолго –
10 Юные девы и отроки-братья –
Все это будет к большому несчастью.

ИНАХ

54 (269a)

- Хор
29 Но молча прочь уходит...
Со взором помраченным...

Переводы

- Пока еще не знаю ужаса...
Инах
Ужасно – как же нет! – а он...
И в доме пир честной...
А он, взяв деву за руку...
Идет по дому, быстро удаляясь...
Но нос меж тем и все лицо у девушки
Коровий облик обретают...
Коровья голова растет...
И шея на плечах...
40 Копыта на ногах...
И об пол бьет...
Жена, как львица...
Сидит...
Такое вот...
А гость...
Хор
46 О, нету слов!
50 ... Невероятно это...
Увы, земля богов...
В толк не возьму...
А полный ядов...
Цветок нездешний, чужеземный...
Он то, что вид менять способно...
Хор
- 55 (269с).
- 16 О, много-многомудрый,
Кто средь давно умерших
Под шапкою Аида
В подземной тьме крошечной
20 Твое промолвил имя.

Софокл. Фрагменты

Гермес

Вестник Зевсовых любовей и великий скороход.

Полухорие 1

Стук такой, что это, видно, появляется Гермес.

Полухорие 2

Ты назвал того, кто ныне ноги к нам сюда принес.

Горе новое прогнал ты прежде, чем успел моргнуть.

Хор

Увы! Зришь ли ты?

Стой, где стоишь,

Безумие – слушать сие.

Ведь ты, Зевс, речам

29 Не веришь таким.

ФЕСЕЙ

159 (730 с, 8–21).

Я не хотел, я вовсе неискусен,

Да и не должно говорить мне – пусть

10 И прежде мне не раз уже случалось

Своей рукою зло уничтожать.

Но я решился [выйти] на него:

Он будет прежде схвачен...

Чтоб никогда...

И дань такую – юношей и дев...

... и кормящая Земля

У круч истмийских...

И Кроммион приморский...

Злотворного воздвигший кабана,

20 Которого убил я. И Скирона,

Которого убил я, [свергнув] в море...

Переводы

СКИРОСЦЫ

265 (555b, 3–20)

- 3 Я призываю...
Да знает пусть...
И гавань...
Чтобы ни враг любой...
Ни всякий, кто...
С мольбою обращаюсь...
Давайте поразмыслим...
10 Пусть так. И что...
Теперь все это...
На кораблях ахейских и...
Которых, ради осторожности...
Мы отплываем из обоих...
И к мужу Халкодонту...
Живущему близ круч...
Здесь плаванье привычно нам...
Привел нас и отправил тот...
И был бы далеко уже от сей земли.
20 А вот теперь из-за задержки...

АЯКС ЛОКРИЙСКИЙ

284 (10 с, 2–6).

Какой Дриантов отпрыск, о ахейцы,
В поход пошел под Трою...
Кто смел замыслить умысел безбожный?
Не Салмонею ли вновь восстал из мертвых,
Что бычьей шкурой громыхал, как Зевс?..

Софокл. Фрагменты

ФАМИР

352(245).

Всецело, с головой охвачен я безумьем
Музыкальным от лиры и ладов Фамира,
Что их творит искусней всех

ДИОН ХРИСОСТОМ

РЕЧЬ 21

О КРАСОТЕ

1. **Дион.** Какой высокий и красивый юноша! И он красив той старинной красотой, которую теперь не увидишь; ее можно встретить только в самых древних статуях, выставленных в Олимпии. Произведения более поздних времен постепенно становятся все слабее, отчасти в этом повинны ваятели, в основном же сам предмет изображения – менее благородный.

Собеседник. Ничего странного, что, по твоим словам, красивые люди со временем переводятся, ведь то же самое происходит с некоторыми растениями и животными, как это было со львами в Европе. Ведь их больше нет, хотя раньше они водились и в Македонии, и в других местах. Вот так же иссякает красота и в людях.

2. **Дион.** Только мужская красота, любезнейший, а женская равным образом расцветает. Теперь, если в кои века и родится красивый мужчина, то для большинства он еще менее заметен, чем хорошая лошадь для погонщика мулов. А если кто-то и проявит к нему вни-

мание, то нагло и с нечистыми намерениями. Вследствие этого я считаю, даже эти редкие красивые люди исчезают, становятся незаметными. Ведь красота расцветает от преклонения и почитания, как добродетель от похвал.

Но, оставленная без внимания, не привлекающая ничьи или притягивающая только низменные взгляды, красота тускнеет и меркнет, как со временем тускнеют и меркнут зеркала.

Собеседник. Так не следует ли и нам, подобно тому, как это часто делали афиняне, назвать наши дни, когда нет красивых людей, временем безвластия красоты?

3. **Дион.** Клянусь Зевсом, да, но только не по персидским понятиям о красоте. Никто из эллинов не придерживается их взглядов, а если один такой и найдется, то это только из числа тридцати.

Разве ты не знаешь одного из тиранов, Крития, который в мужчинах считал наиболее красивым женственность, а в женщинах обратное? Видимо, не даром афиняне выбрали его законодателем, чтобы он внес изменения в старые законы, от которых Критий, в свою очередь, ничего не оставил

Собеседник. Допустим. Однако что же считали красивым персы?

4. **Дион.** Ну, разве это непонятно, раз они красавцев делали евнухами для большей красоты.

Вот насколько выше они ценили женскую красоту, впрочем, подобно почти всем варварам, которые так же, как животные, понимают любовные отношения одним-единственным образом. Как, по преданию, Дедал, чтобы обмануть быка, натянул коровью шкуру на деревянную раму, так и они пытаются придать мужчинам женственный облик, не представляя, как иначе можно любить. Может быть, причина этого в (5) персидском воспитании, когда мальчики долго воспитываются у матерей и старших евнухов, причем и дети и подростки совершенно не общаются со своими сверстниками и не видят друг друга обнаженными в гимназиях и палестрах. Вот от-

сюда, я думаю, и происходит то, что они соединяются с матерями, подобно тому как уже взрослые, но еще следующие за своими матками жеребята иногда пытаются взбрыкивать. (б) Влияние подобного воспитания показывает и такой пример. Лошадь, конечно, намного красивее осла, но ослы от природы не стремятся к кобылам, за исключением тех, кто был вскормлен лошадиным молоком, и то же самое происходит с жеребцами, которых выкормили ослицы. У людей же, особенно с неограниченной властью, это выливается во что-то противоестественное.

Всем нам известно, что Нерон не только оскотил своего возлюбленного, но даже переименовал его женским именем своей возлюбленной, на которой он, пылая страстью, женился, ради чего на глазах у всех посадил в тюрьму свою прежнюю жену, с которой состоял в браке при вступлении на престол

7. Собеседник. Как же звали ту женщину, чье имя получил евнух?

Дион. Что тебе до этого? Во всяком случае не Родогуна. Так вот, этот евнух носил волосы на пробор, на прогулках его сопровождали служанки, он одевался по-женски и был вынужден делать многое другое в таком роде. Наконец, Нерон предложил великие почести и бесчисленное количество денег тому, кто сделает этого евнуха женой.

Собеседник. Ну и что же, кто-нибудь это пообещал?

8. Дион. Как не пообещать, когда столько предлагают? Или ты не знаешь, каково могущество дающего? Ведь всегда и везде, когда нужно назначить правителя, выбирают самого богатого в надежде, что из него можно будет извлечь побольше денег, при этом совершенно не думая, что этот человек собой представляет, даже если он собирается после прихода к власти перерезать вообще всех, включая и тех самых, которые брали деньги, и захочет лишить их всего, что у них есть.

9. Нерон же в этом отношении намного превзошел всех. Ему никто ни в чем не смел противоречить, равно как считать его приказы невозможными для выполнения.

Так, если бы, например, он приказал кому-нибудь летать, то ему даже это было бы обещано, и тогда Нерон содержал бы этого человека при своем дворе так, словно он и в самом деле будет летать.

Это был единственный в своем роде человек, никогда не жалевший ни своих, ни чужих денег.

Но погубила его все-таки эта нечестивая связь с евнухом. Ведь этот евнух, рассерженный на него, рассказал о намерениях Нерона его свите, (10) и те, отступившись от него, постарались всеми средствами от Нерона отделаться. Как было дело, правда, и по сей день еще неясно. Что же касается всего остального, то ничто другое не помешало бы ему быть у власти и дальше, судя по тому, что еще сейчас все хотели бы, чтобы он был жив

Очень многие так полагают, что хотя Нерон и умер, но умер не раз и навсегда, а время от времени оживает для тех, кто усиленно о нем думает.

Собеседник. Ты всегда находишь повод для насмешек над поступками людей, вот и сейчас ты, можно сказать, из ничего извлекаешь свою любимую тему.

А спросить, о чем я хотел, ты мне не даешь.

11. **Дион.** Может быть, ты смотришь на меня свысока и считаешь, что я болтаю вздор, если я говорю не о Кире и Алкивиаде, как и по сей день наши мудрецы, а вспоминаю Нерона и с ним события более поздние и менее достойные. Причина этого в том, что я не очень люблю трагических поэтов и вовсе не стремлюсь им подражать. Я знаю, что в трагедиях не пристало говорить о своих современниках, а нужно вести речь о событиях давно минувших, да и то не вполне достоверных. В старые времена никто не стеснялся назвать своего современника (12) письменно или устно, теперь же по любому поводу поминают древних. А для чего они это делают, я могу тебе сказать, но только ты уже не говори, что я все время несу чепуху, хотя, может быть, этого и недостает.

Ты когда-нибудь обращал внимание на книгопродавцев?

Собеседник. Почему ты меня об этом спрашиваешь?

Дион. Потому что они, зная спрос на древние книги, написанные лучше и на более крепком папирусе, берут самые скверные современные книжонки, зарывают их в зерно, чтобы они по цвету стали похожи на старинные, и затем, потрепав их хорошенько, выдают за древние книги.

Однако о чем ты давеча все хотел спросить меня?

13. **Собеседник.** Я хотел спросить о том юноше, кто он и чей сын, потому что я никогда никем не был так потрясен. По виду он еще мальчик лет шестнадцати-семнадцатью, но ростом не ниже мужчины, а целомудрие его таково, что заставляет всякого, кто к нему приближается, тотчас почувствовать благоговение. Смотреть же в его лицо дольше, чем он смотрит на тебя, пока случайно не отвернется, невозможно. Надо быть просто бестыжим или совсем каменным, чтобы смотреть на него во все глаза. Напротив, приходится опускать взгляд и отворачиваться. И меня больше всего удивляет именно то, что красота, сочетающаяся с целомудрием, заставляет даже самых бесстыдных людей отводить глаза и чувствовать почтение.

14. **Дион.** Ты, наверное, замечал, что происходит в воде?

Собеседник. Что же?

Дион. Когда солнце стоит над головой, вода отражает его совершенно прямо. Ты, может быть, видел на стенах подвижный и пляшущий свет. Но это не настоящий, излучающий свет, а отражение блеска, который придают волнам солнечные лучи. Так и истинное целомудрие при встрече с людьми отражается в них, и поэтому кажется, что созерцающие его испытывают благоговение, но потом, когда люди удаляются прочь, к ним возвращается прежнее.

Собеседник. Кажется, учитель гимнастики был также взволнован и потрясен, как и я.

15. **Дион.** Значит, ты удивишься еще больше, когда узнаешь, что этот прекрасный юноша – ничей сын.

Собеседник. Что ты имеешь в виду, говоря «ничей»?

Дион. То же, что и ты, когда спрашиваешь: «Чей»? Я думаю, ты спрашиваешь, чей он сын.

Собеседник. Так он спартанец?

Дион. Это могло бы быть так, если бы при такой же, как у него, осанке и мужественности они обладали бы тем же мягким дружелюбным нравом, а не были бы дики и жестоки, как порождения земли.

По телосложению, однако, его неплохо было бы сравнить с беотийцем, скорее чем со спартанцем и афинянином, но в том, что он грек до мозга костей, не приходится сомневаться.

16. Собеседник. Но разве не одинакова красота у разных народов, или ты считаешь, что среди варваров не было красивых людей?

Дион. Не думаешь ли ты, что красота, как и общий облик, бывает эллинского и варварского типа, так же как различаются их язык и обычай одеваться? Или, может быть, ты думаешь что Ахилл и Гектор были красивы одинаково?

Собеседник. А разве поэт рассказывает не только о храбрости Гектора?

Дион. Конечно, в том месте, где Гектор поджигает корабли – только о храбрости, ведь, я думаю, здесь не следовало упоминать о его красоте. Но убитый и обнаженный Гектор вызвал восхищение у видевших его красоту ахейцев. Об этом поэт говорит так:

*И с изумленьем смотрели на рост и на образ прекрасный
Гектора.*

17. Ведь раньше, я думаю, было недосуг разглядеть его точно. О Гекторе Гомер делает и другие замечания, более подробные, чем о любом другом красивом муже, ведь поэт говорит, что у него была прекрасная голова, совершенно черные волосы и гибкое тело... О наружности Ахилла Гомер нигде особо не говорит, упоминая только, что его волосы были белокуры, упоминает и кудри Евфорба и Патрокла и говорит, что эти юноши умерли во цвете сил. О прочих кра-

сивых мужах и женах он говорит очень мало. Однако все они были красивы совершенно по-разному, так что ни Александр, ни Троил, ни Евфорб не походили на Менелая, Патрокла и Нирея, так же как на них не были похожи варвары – египтянин Сесострис, эфиоп Мемнон, Ниний, Еврипил и Пелопс.

РЕЧЬ 51

К ДИОДОРУ

1. Меня крайне удивляет, друзья, когда кто-то, не одобряя и не любя какого-нибудь человека, тем не менее, встав, хвалит его в своей речи, а порой впадает при этом в длинный энкомий, составленный с излишней тщательностью. Ведь у такого человека на совести наиболее постыдные свойства: трусость, ничтожество души и самое последнее дело – раболепство, не зря же говорится у древних: «Молвил ты рабское слово».

2. В самом деле, ну кто, как не раб, тот человек, который при стольких достойных мужах делает не то, что думает, и поступает так не по простоте, а по расчету и умыслу, когда восхищается и льстит тому, кого терпеть не может. О таком человеке это еще мягко сказано!

Право же, то, что у нас все хвалят всех, общеизвестно. Я очень за вас рад и считаю вас очень счастливыми, если мы все до такой степени всех любим, ведь одно вытекает из другого.

Впрочем, я хотел бы слышать и на агоре, и в других собраниях столько же похвальных речей, сколько приходится выслушивать в совете и экклесии. У нас же в зависимости от места, где произносятся речи, говорят то одно, то другое, и мы, как учащиеся в школах, будем защищать противоположные точки зрения.

Поэтому, если чужеземец посетит народное собрание, то ему покажется, будто наш город населяют герои и мудрецы, а если он попадает на агору, то в этом случае нет нужды говорить о том, за кого он нас примет, – так как мы и сами это знаем.

3. «Что же, – скажет кто-нибудь, ты выдвигаешь обвинение произносящим хвалебные речи?»

Вовсе нет, клянусь Зевсом, я только хочу, чтобы, насколько это возможно, мы были бы приверженными добру и человеческими не только здесь, но также всюду и всегда...

Итак, я вижу, что вы уже настолько полно похвалили этого человека, что и добавить больше нечего. Однако следует произнести похвальное слово и в вашу честь, ибо я считаю, что вы намного отличаетесь от всех других народов.

Я не стал бы этого говорить, если бы в самом деле не считал так. Ведь все прочие смотрят только туда, откуда ждут выгоды, и расточают похвалы только тем, кто им что-то дает или способен дать, тогда как вы считаете большим делом даже просто готовность или желание дать. Я не говорю, что этот человек не делал для вас ничего хорошего, ибо он делал, но я подчеркиваю, что для вас достаточно уже одного его желания.

Далее, другие принимают с одобрением даже самое незначительное дело – я имею в виду денежные затраты, тогда как вы считаете гораздо более ценным приносить пользу городу и проявлять свое благосмыслие к нему, чем понести для города трату.

У других большинство ненавидит тех, кто пытается их вразумлять, хотя бы это делалось только на словах; тех же, кто их ублажает лестью, они выслушивают удивительно благосклонно.

У вас же, напротив, может снискать особую любовь тот, кто со всей откровенностью указывает на ошибки и стремится вас образумить.

5. Кому не полюбится такой город и такое государство, где присуждаемые почести больше, чем стремление их приобрести, где

большую любовь снискивают те, кто наставляет на благомыслие, чем те, кто произносит льстивые речи, где граждане предпочитают, чтобы их наставляли и вразумляли, нежели ублажали и баловали?

Кто же может не поражаться на вас и не считать счастливым того, кого вы сочли достойным стоять у власти над вами?

6. Но я вижу, что от этого человека у вас требуются огромные усилия. Ведь когда весь город и весь народ добровольно вверяют ему себя для наставления, когда он является блюстителем общественных нравов, когда ему предоставляют высший суд над благоразумием и добропорядочностью каждого гражданина, разве не требуются величайшие усилия, чтобы оказаться достойным вашего доверия? Подумать только, ведь никогда никто из древних, и вообще никто из замечательных людей всех времен не достигал такого почета у своих сограждан.

7. Вот, например, знаменитый Перикл, который, как мы знаем, снискав высшую славу в процветающем городе афинян, достиг должности стратега. Ведь его все-таки не сочли достойным быть у власти на все дальнейшее время. Сократ, напротив, не учреждал казну, не возводил общественные здания, но всячески стремился вразумить граждан, чтобы они были хорошими, и хотел, насколько это в его силах, сделать лучше тех, кто заблуждается. И современники не вынесли его по своему невежеству.

8. Насколько же мы, которые позволяем себя воспитывать и даже требуем этого, если есть охотник этим заняться, насколько же мы совершеннее тех людей, которых это возмущало, и они не только не воздавали таким людям почестей, но убивали их, как афиняне Сократа. Стало быть, какой еще лучший энкомий можно произнести в его и вашу честь?

Вы же, когда почувствовали, что он делает более совершенными юношей и эфэбов, тотчас решили, что он и вас может сделать лучшими. И, право же, необходимость в воспитании и образовании су-

ществует не только у эфебов, но это нужно и взрослым, и всему городу. Так же, как если бы какой-нибудь врач вообразил, будто дети и подростки нуждаются в лечении, а взрослые – нет.

9. И разве не удивительна щедрость вашего города в почестях? Ведь какой знак отличия вам не предоставили с готовностью? Изображения? Статуи? Посольства к городам и самодержцу? Разве не почитал вас весь город, разве не высказывал вам каждый, со своей стороны, уважение? Кто же может быть недоволен, получая так много? Кто не готов, со своей стороны, сделать все, что в его силах?

Стало быть, и я, думаю, произнес такой энкомий, на какой только способен. Ведь ясно, что энкомий в честь ценителей и почитателей какого-нибудь человека есть тем самым лучшая похвала ему самому.

РЕЧЬ 53

О ГОМЕРЕ

1. Демокрит о Гомере говорил так:

«Наделенный божественным даром Гомер создал целый мир из отдельных стихов», ибо, не обладая божественной и превышающей человеческие силы природой, невозможно создать такие прекрасные и мудрые поэмы.

Об этом писали многие, одни прославляли поэта, выделяя некоторое из сказанного им, другие объясняли смысл отдельных мест, и это были не только Аристарх и Кратет, но и многие другие, кого в более позднее время называли грамматиками, а прежде – критиками.

И сам Аристотель, с которого, считается, началась и критика, и грамматика, во многих диалогах рассуждает о Гомере, весьма им восхищаясь и высоко его ценя. Об этом писал и Гераклид Понтийский.

2. Еще раньше их Платон при каждом удобном случае упоминал о Гомере, восторгаясь его прелестью и очарованием, но подчас упрекая его за его басни и рассказы о богах, вредные для людей, в которых Гомер рассказывал о хитростях и кознях богов друг против друга, о прелюбодеяниях, брани и соперничестве среди них .

Вот почему Платон и не уделяет Гомеру места в своем граде и государстве, которое, он полагал, будет основано на мудрости, чтобы те, кого он назначал стражами и вождями, в детстве не знали таких вещей о богах и не слышали мрачных рассказов об Аиде, дабы это не сделало их слабыми в битве и перед лицом смерти и чтобы они не уподобились жеребьям, которых трудно объезжать, если они с самого начала боятся того, что, по сути дела, нестрашно

3. Существует и другое учение, более полное, более пространное и нелегкое для толкования, рассматривающее, в ошибках ли Гомера здесь дело или, может быть, он доносил до людей нечто естественное, переданное, по тогдашнему обыкновению, в виде мифа. В этом трудно быть судьей, так же как нелегко, я думаю, рассудить двух своих друзей, которые препираются друг с другом, будучи оба достойными людьми.

4. Философ Зенон тоже писал об «Илиаде», «Одиссее» и «Маргите», он считал, что эту последнюю поэму Гомер написал в юности, пробуя свои силы в поэзии.

5. Зенон ничего не отрицает у Гомера, но изучает и указывает, где у него правда, а где предание, чтобы Гомер не казался противоречащим сам себе в тех местах, где у него есть несоответствия

Исследование о том, что в этих поэмах вымышлено, а что правдиво, ранее провел Антисфен, но он не довел свое дело до конца, тогда как Зенон сделал это подробно и полностью. На эту же тему писал Персей, ученик Зенона, и многие другие.

Платон, упрекая Гомера, о чем я уже говорил, вместе с тем признавал и такую чудодейственную силу его произведений, как способность

изобразить любую вещь и воспроизвести любой естественный звук – шум реки, голос ветра и волн, и поэтому Платон достаточно иронично приказывает увенчать поэта шерстяной повязкой и помазать миром, а затем отсылает его прочь. Точно так же поступают женщины с ласточками.

6. К тому же Платон, нападая на чародейство Гомера, весьма изумляется этому мужу. Ведь просто так, без вдохновения Аполлона и Муз, невозможно было создать произведение, сильное, высокое и блестящее до такой степени, что его уже столько лет повторяют не только те, кто говорит на одном с Гомером языке и наречии, но и многие варвары. Ведь в поэмах Гомера сведущи, кроме тех, кто владеет греческим помимо родного, и людей смешанного происхождения, также и многие другие, не знающие греческого, иные из которых обитают весьма далеко. Ведь, говорят, даже среди индийцев поют поэмы Гомера, переложив их на свой язык и лад.

7. Стало быть, индийцы, которым невидимы многие наши звезды – ведь рассказывают, что Медведицы никогда не показываются над ними, – тем не менее знают о страданиях Приама, о плачах и воплях Гекубы и Андромахи, о мужестве Ахилла и Гектора.

Вот на что способно мусическое искусство одного человека! И мне кажется, что своей силой Гомер (8) превзошел и сирен, и Орфея. Ведь разве заколдовывать камни, растения и диких зверей – это не то же самое, что подчинить себе варваров, для которых чужды сами звуки эллинской речи, которые не знают ни языка, ни событий, о которых говорится, но поддаются очарованию просто, я думаю, одной кифары.

Я полагаю, что многие еще более непросвещенные варвары слышали имя Гомера, хотя они даже не имеют точного представления ни о чем из того, что Гомер изображает, будь то зверь, растение или что-то другое.

9. Впрочем, жизнь этого мужа заслуживает похвалы еще больше, чем его произведения. Ведь жил он в бедности, странствуя и добы-

вая своими поэмами ровно столько, сколько нужно на пропитание, что говорит о его замечательном мужестве и возвышенном образе мыслей; при этом он нигде не писал своего имени и не упоминал его в поэмах, тогда как остальные, все, кто только считал себя хоть сколько-нибудь способным к поэзии или прозе, ставили свои имена и в начале, и (10) в конце своих произведений, как это делали и Гекатей, и Геродот, и Фукидид, который не только один раз в начале и раз в конце, а многократно, приступая к описанию каждой зимы и лета, свидетельствовал, что это написал Фукидид

Гомер же был до такой степени свободен от всего этого и велик, что порой не помнилось, что поэмы написаны им, а казалось, что они созданы оракулом богов, прозвучавшим некогда из тайных и недоступных глубин.

11. Поскольку все, что написано Гомером, благотворно и полезно, то если бы кто-нибудь взялся рассмотреть все, что сказано у Гомера о добродетели и пороке, перед ним встала бы огромная задача.

Однако все-таки можно сказать вкратце, какими, по мнению Гомера, должны быть цари. Так, хваля царя, он говорил о нем «разумом равный Зевесу», а хороших царей он называл «питомцами Зевса». О Миносе, справедливость которого снискала величайшую славу среди эллинов, Гомер говорил, что он – ученик и собеседник Зевса, самый первый и великий царь из всех, которому Зевс, признавая только его одного, передал искусство царской власти, так что все добрые цари должны управлять, глядя на Миноса, и стремиться уподобиться в этом деле богам, насколько это возможно для смертных.

12. Каким именно образом Зевс осуществлял свою царскую власть, Гомер показывает по-разному, в частности, вкратце он изображает его силу и разум, постоянно называя Зевса отцом богов и людей. Стало быть, царское правление должно быть отеческим и попечительным на основе благосклонности и дружбы; стоять во главе и властвовать должно не иначе, как только любя и покровительствуя, так что Зевс не зря называется отцом богов и людей.

РЕЧЬ 55

О ГОМЕРЕ И СОКРАТЕ

1. **Собеседник.** Раз уж ты объявляешь себя хвалителем Сократа и в речах восхищаешься этим мужем, значит, ты должен мне сказать, какой мудрец был его учителем. Ведь ваятель Фидий был учеником Гигия, живописец Полигнот и его брат были учениками своего отца Аглаофонта, а Ферекид был учителем Пифагора, который в свою очередь был учителем Эмпедокла и других. И о других знаменитых людях мы можем сказать, у кого они учились, прежде чем стать достойными упоминания, за исключением, правда, Гераклита Эфесского и Гесиода Аскрийского. Ведь Гесиод говорил, что принял от Муз свои произведения вместе с веткой лавра, когда пас на Геликоне стадо, чтобы таким образом сбить нас с толку, если мы вздумаем искать его учителя.

2. Гераклит же и того лучше утверждал, что сам открыл природу всего сущего и был мудрецом сам по себе.

Что же касается Гомера, то, как и в остальном, что с ним связано, и этот вопрос неясен эллинам.

Сократ же, будучи ребенком, как мы слышали, обучался ремеслу своего отца. О том же, кто был его наставником в мудрости, столь благотворной и прекрасной, не откажи рассказать нам ты.

3. **Дион.** Но я полагаю, что для многих, во всяком случае для тех, кто хорошо изучал и того и другого автора, ясно, что Сократ стал истинным учеником Гомера, а вовсе не Архелая, как считают некоторые.

Собеседник. Но как же можно говорить, что тот человек, который даже не жил в одно время с Гомером, не то что когда-либо его видел, все-таки впоследствии стал его учеником?

Дион. Ну и что в этом такого? Ведь во время Гомера мог жить какой-нибудь человек, который ничего не слышал о поэмах Гомера

или если и слышал, то не обращал на них внимания. Можно назвать его учеником Гомера?

Собеседник. Никоим образом.

4. **Дион.** Значит, можно называть учеником Гомера того, кто хотя и не жил с ним в одно время и не видел его, но стал близким ему по образу мыслей? Или ты не можешь назвать человека чьим-либо последователем, если они не были современниками?

Собеседник. Я могу.

Дион. Стало быть, если этот человек последователь, то тем самым он будет и учеником.

Ведь последователь, конечно, хорошо знает того человека, кому он следует, и, подражая его делам и словам, он старается казаться похожим на него. А это как раз то же самое, что делает ученик, ведь он перенимает мастерство, внимательно глядя на учителя и подражая ему. С другой стороны, просто видеться и общаться еще вовсе не значит учиться.

Ведь многие люди видят флейтиста, находятся с ним рядом, слушают его каждый день, но они и дунуть в трубу не смогут, пока не станут обучаться у него игре и не приложат к этому старания.

Если же тебе режет слух, когда Сократа называют учеником Гомера, а не просто последователем, то для меня здесь нет разницы.

6. **Собеседник.** Это мне кажется не менее странным, чем другое. Ведь Гомер был поэтом, не имеющим равных, а Сократ – философ.

Дион. Допустим. Однако, рассуждая так, ты и Архилоха не назовешь последователем Гомера, раз он во всех своих сочинениях пользовался не его размером, а в основном другими; не назовешь ты и Стесихора, поскольку Гомер был эпическим, а Стесихор мелическим поэтом.

7. **Собеседник.** Нет, назову, ведь все эллины считают, что Стесихор был последователем Гомера и что он весьма сходен с ним в поэтическом искусстве. Но по каким же признакам тебе Сократ кажется похожим на Гомера?

Дион. Первое и самое главное – по характеру. Ведь ни тот, ни другой не были кичливы и дерзки, как невежественные софисты. Гомер не сообщает ни откуда он родом, ни кто его родители, ни как его зовут. Напротив, если бы это зависело только от него, мы бы так и не узнали имя того, кто написал «Илиаду» и «Одиссею».

8. Что касается Сократа, то хотя ему и удалось скрыть свою родину из-за величия и славы Афин, которые стояли во главе Греции в то время, однако он никогда о себе не говорил много и не притязал ни на какую мудрость, хотя был получен оракул Аполлона о том, что он является мудрейшим среди эллинов и варваров. Наконец, Сократ не оставил после себя ничего написанного и в этом отношении превзошел Гомера. Ведь подобно тому, как имя Гомера мы знаем, потому что слышали от других, так мы знаем и слова Сократа, которые завещали нам другие. Вот насколько сдержанными и скромными были оба эти мужа.

9. Далее, и Гомер и Сократ равным образом презирали погоню за имуществом. Один в стихах, другой в прозе, они рассуждали о том, что выше их: о добродетели и пороке, о заблуждении и исправлении; о правде и лжи, о том, что большинство имеет только мнимое знание, тогда как мудрые обладают знанием истинным.

Также они сходны в том, что были наделены необыкновенной способностью к уподоблениям и сравнениям.

Собеседник. Вот уж странно, что ты считаешь возможным соотносить огонь, ветер, море, орлов, быков, львов и все другое, что есть в сравнениях Гомера, которыми он украсил свое произведение, с горшечниками и сапожниками Сократа.

10. **Дион.** Да, я счел это возможным, мой дорогой, раз уж мы сравниваем лису Архилоха со львами и леопардами Гомера и говорим, что она ничуть или самую малость хуже.

Но ведь возможно, что ты не одобряешь и те из гомеровских сравнений, в которых упоминаются скворцы, галки, саранча, горящие головни, пепел, горох или где он изображает людей, веющих

зерно, и ты считаешь, что (11) у Гомера эти сравнения самые неудачные. Ты восхищаешься только львами, орлами, Сциллой и киклопами, которыми он прельщал лишь самых глупых людей, так же как кормилицы, которые рассказывают детям о Ламии

Подобно тому как Гомер с помощью мифов и историй старался наставлять людей, которых воспитывать крайне трудно, так же и Сократ часто прибегал к этому приему, порой говоря серьезно, порой притворяясь, что шутит, но все для того, чтобы это пошло людям на пользу, и возможно, что здесь он приходил к столкновению с излагателями мифов и историками.

12. И в самом деле, не зря он представляет произносящими речи Горгия, Пола, Фрасимаха, Продика, Менона, Евтифрона, Анита, Алкивиада, Лахета, хотя можно было не называть имен. Но он знал, что именно таким образом можно принести наибольшую пользу слушателям, если речи будут подходить тем, кто их произносит, а люди – речам, ведь иначе понимать большинству нелегко, кроме философов и образованных людей. Большинство же думает, что это говорилось попусту, сбивало с толку и было вздором.

13. Сократ же, когда выводил хвастливого человека, то тем самым говорил о хвастовстве, когда изображал бесстыдного и гнусного – о бесстыдстве и гнусности, когда же он представлял неблагодарного и гневливого – тем самым отвращал от неблагодарности и вспыльчивости. И так же на примерах других людей, подверженных страстям и порокам, он показывает, какова суть этих страстей и пороков гораздо более ясно, нежели 14 когда он говорил о них просто, без примеров. Мне кажется, что это качество он перенял от Гомера. Ведь Гомер, когда рассказывает о том, как Долон страстно мечтал о конях Ахилла, как, будучи в состоянии убежать от врагов, он остановился, потому что рядом с ним в землю вонзилось копье и быстрая уже была ему бесполезна, как он трясся от ужаса и лязгал зубами, как сказал врагам не только то, что они у него спрашивали,

но и то, что было никому неизвестно, ведь он рассказал о фракийских конях и о Ресе, когда еще никто не знал, что он прибыл. Гомер говорит обо всем этом с предельной ясностью, и не кажется ли тебе, что тем самым он рассуждает о трусости и тщеславии?

15. Когда он рассказывает о Пандаре, как тот нарушил клятвы в надежде на дары от Александра, сына Приама, и, пустив стрелу, все же не убил Менелая, хотя и считался хорошим стрелком, как, нарушив клятву, он сделал троянцев менее сильными духом в войне, поскольку они постоянно помнили о клятвопреступлении:

*...нарушивши клятвы святые,
Мы вероломно воюем; за то и добра никакого
Нам, я уверен, не выйдет...*

16. и какой смертью он умер в скором времени, когда ему отрезали язык, прежде чем Александр сказал ему хоть слово благодарности – не кажется ли тебе, что Гомер, рассказывая об этом с такой тщательностью, говорит тем самым о подкупности, нечестии и вообще безрассудстве? Пандар проклинает свои стрелы и грозитя ломать и сжечь их, словно эти стрелы наводят на него ужас.

17. Гомер говорит об Азии Гиртакиде, что он один не подчинился, когда военачальник приказал оставить коней за пределами рва:

*Азий на бурных конях устремлялся к судам мореходным,
Муж безрассудный! Ему не избежать от грозного рока;
Нет, колесницей и конями он величаяся, гордый,
Вспять от Ахейских судов не воротится к Трое холмистой...*

18. Азий въезжает на такое неудобное место, среди стен, рва и кораблей, где и пеших-то хватали враги, и таким образом большинство их было перерезано, когда была предпринята небольшая вылазка.

Но Азий, возбужденный гордостью за своих коней и красивую колесницу, думал проехать через стену и был готов, бросившись в море, сражаться с колесницы.

Не кажется ли, что здесь Гомер говорил о неповиновении и кичливости?

19. С другой стороны, он противопоставляет этому Полидаманта, который повелевал соблюдать осторожность и не переходить рва, указывая при этом на опасность такого предприятия и на полученные предзнаменования, 15 поскольку он знал, что иначе никто не послушается его слов и разве что с помощью предзнаменования ему скорее удастся убедить Гектора. Или, например, Гомер изображает Нестора, который кладет конец гневу бранящихся Ахилла и Агамемнона и ясно предсказывает им то, что может произойти из-за их ссоры, а впоследствии Нестор упрекает Агамемнона в том, что он не прав, и вынуждает его упрашивать Ахилла. Или Гомер представляет Одиссея, исправляющего ошибку Агамемнона, который, желая испытать, как войско переносит затяжную войну, чуть было не склонил его к бегству

Таким образом, не кажется ли, что во всех этих случаях Гомер высказывает свои мысли о благоразумии, о военном искусстве и искусстве прорицания, а кроме того, об умении сообразовываться с обстоятельствами и о неспособности их учитывать?

20. Что же касается «Одиссеи», то здесь, оставив все остальное в стороне, я упомяну только об одном Антиное, ибо его Гомер изображает как самого хвастливого и необузданного из женихов.

В начале Антиной относится к Одиссею с презрением, потому что он одет в лохмотья, в то время как сам Антиной в богатых одеждах пьет из золотых кубков, которые ему не принадлежат, и роскошно пирует не на отцовских хлебах, а будучи прихлебателем в доме, где отсутствует хозяин. Он говорит о своей любви к Пенелопе, а сам сожительствоет с рабынями Одиссея и во всем прочем ведет себя необузданно.

21. Под конец он пытается натянуть лук, будучи неумелым лучником, к тому же руки его так ослабли в роскоши, что он был не в силах

натянуть тетиву, пока кто-то не смазал ее туком. И это на глазах Одиссея и в присутствии своей возлюбленной, при стольких людях Антиной был не в состоянии натянуть лук и понять, каким образом Телемах ставит топоры

Однако у Гомера он умирает не выбранной наудачу смертью, а именно пораженный в горло, а не в другое место, подобно тому, как не случайно Пандар умер с отсеченным языком.

Ведь если иногда кто-то и претерпевал подобное случайно, однако в основном можно сказать, что такие-то люди должны умереть, пораженные в живот, другие – в срамные части, а третьи – в рот.

22. Стало быть, Гомер говорит это все не случайно? Сократ точно так же пользуется своими речами и примерами и, говоря с Анитом, упоминает кожевников и сапожников; с Лисиклом агнцев и овечьи шкуры, с Ликоном – судей и ложные доносы, с фессалийцем Менонном – влюбленных и возлюбленных

Однако Сократ приводит и другие примеры, называя своих друзей и говоря о дружбе в связи с Лисием или говоря о благоразумии по поводу Хармида.

СОННИК МАГА АСТРАМПСИХА

В византийской литературе онейрокритика представлена в значительном числе рукописей, авторство которых, по понятным причинам, обычно фиктивно или анонимно. Сонники Псевдо-Даниила и императора Мануила II – прозаические, а сонники, приписываемые патриарху Никифору и патриарху Герману – версифицированные; они написаны византийским двенадцатисложником. Один из версифицированных сборников приписывается магу Астрампсиху, жившему, по сообщению Диогена Лаэртца (I, 2), в Персии ещё до завоеваний Александра Великого. Суда сообщает, что Астрампсих – автор трактата о лечении ослов. Сохранился целый ряд приписываемых Астрампсиху сочинений – о геомантии, о значении драгоценных камней в астрологии, сборник оракулов, любовные заклинания. Рукописная традиция сонника Астрампсиха весьма своеобразна. Первое издание Астрампсиха было опубликовано в 1599г. Наш перевод сделан по изданию Rigaultius, N. (ed.). *Artemidori Daldiani et Achmetis Sereimei F. Oneirokritika: Astrampsychi et Nicephori versus etiam oneirokritiki: Nicolai Rigaultii ad Artemidorum notae*. Lutetiae 1603. К сожалению, новейшее издание Brodersen, K. *Astrampsychos: Das Pythagoras Orakel und über magische Steine, über Traumdeutung, Liebesbindezauber*. Darmstadt, 2006, осталось нам недоступным.

Альфа

- 1 Идти по углям – это к вражьи́м происка́м.
- 2 Пчелу поймать – в надежде разувериться.
- 3 Леня двигаться – в дороге ждут несчастья.
- 4 Душа выиграла – знай, что на чужбине жить.
- 5 Смотреть на звёзды – к самому прекрасному.

Бета

- 6 Идти по черепице – избежать потерь.
- 7 Быков увидеть – к делу нехорошему.
- 8 Есть виноград – жди ливня с наводнением.
- 9 Во сне раскаты грома – речи ангелов.
- 10 Есть фиги – означает речи вздорные,

Гамма

- 11 А молоко – к спокойным обстоятельствам.
- 12 Пролить его – расстроить вражьи замыслы.
- 13 Во сне смеяться – будут неприятности.
- 14 Себя увидеть старцем – это к почестям.
- 15 Себя увидеть голым – к обнищанию.

Дельта

- 16 Зловоние – считай, что к неприятностям.

Эпсилон

- 17 Тебе кадят – так знай, что это – горький сон.
- 18 Грязь означает, что душа нечистая.
- 19 С врагом застолье значит – примирение.
- 20 Обнять, кого ты любишь – к пользе всяческой.
- 21 В собрании стоишь – жди обвинения.

Переводы

Дзета

22 Коль пояс развязался – быстро путь пройдёшь.

Эта

23 Приснился гвоздь – страшишь укола вражьего.

Тэта

24 Улыбчивое море снится к счастью.

25 Во сне скончаться – это к неприятностям.

26 Поел латука – жди болезнь телесную.

Иота

27 Заплыть в болото – к умопомрачению.

28 Да, не к добру нам кони снятся чёрные,

29 А белые – всегда виденье ангелов.

Каппа

30 Летать во сне – прекрасно, к делу доброму.

31 Барыш приснится – жди подвоха хитрого.

32 Коль сокола поймал – что хочешь, сбудется,

33 А плач во сне – всегда к великой радости.

34 Сломалась палка – дело плохо кончится.

35 Держать ключи – к единству и согласию,

36 А держишь прут – готовься к обвинениям.

37 Попал в навоз – получишь наказания.

38 Сорваться с высоты – сулит несчастье.

39 Собачий лай являет вражьи происки.

Лямбда

40 Себя увидеть в яме – не к добру оно.

41 Во сне болтаешь – сон твой точно сбудется.

42 Львов видеть – означает бой с противником.

- 43 Ко благу, если снится тело белое.
44 Носить одежды белые – прекраснейше!
45 А волчья пасть – к речам бессодержательным.

Мю

- 46 А выхваченный меч живописует бой.
47 Обнять родную мать – вот это добрый сон!
48 Приснилась мышь – и наяву появится,

Ню

- 49 Коровы пали – будут годы голода.
50 Увидел мёртвых – дело смертью кончится.
51 Веретено держать – всегда к несчастьям.
52 Плыть по морю – к тревогам и опасностям,
53 Но днём по морю плыть – всегда хороший сон.

Кси

- 54 Засохшие деревья значат труд пустой.

Омикрон

- 55 Увидеть жемчуг – слёзы лить обильные.
56 Пролитое вино – конец страданиям,
57 А мутное вино – жди неприятностей.
58 Вино пить вместе с кем-то – к ссорам яростным,
59 А тело мыть – от всех забот избавиться.
60 Карабкаться на гору – к затруднениям.
61 Елей приснится – бед избегнешь всяческих.
62 Змею попать – от вражьих жал избавиться.

Пи

- 63 Совокупленья значат муки долгие.
- 64 Оковы на ногах – к большой опасности.
- 65 Во сне голубок видеть – к неприятностям.
- 66 На камень сел – твои надежды верные.
- 67 Сверкающий родник – нет в сердце горестей!
- 68 Мыть ноги – значит, от забот избавиться.
- 69 Большие стопы означают горести.
- 70 Отрезанные ноги – в путь нельзя идти.
- 71 Жар в теле – это верный знак бесчестия.
- 72 Бегущий жеребёнок снится к тайному.

Сигма

- 73 Загар – весьма нехорошо для мальчиков.
- 74 Носить одежду чёрную – не к доброму.
- 75 Быть в пурпуре – болезнь приносит долгую,
- 76 Быть в красном – предвещает подвиг доблестный.
- 77 Надеть наряд царя – надежды сбудутся.
- 78 Пытаться воробья схватить – к несчастью.
- 79 За столб держаться – жди от Бога милости.
- 80 Сломался меч – погибель неприятелю.
- 81 Осинный рой являет вражды происки.

Тау

- 82 Усесться на стене – к удаче всяческой.
- 83 Бежать во сне – удачу верной делает.
- 84 Стричь волосы – ведёт к упадку дел твоих,
- 85 А выпадают волосы – к опасности.
- 86 Есть сладкое – изведать горе горькое.
- 87 Во сне ослепнуть – сон наисчастливейший!

Ипсилон

- 88 Родник из-под земли – тебе враги грозят.
- 89 Прозрачная вода – ко благу всякому,
- 90 Пьёшь воду с мутью – будут неприятности.

Фи

- 91 Приснился заяц: путь держать – к несчастью.
- 92 Объятыя, поцелуи – к войнам длительным.
- 93 Морской прибой – порядок дел нарушится.
- 94 Маяк приснился – все дела устроятся.

Хи

- 95 Мыть руки – значит, от забот избавиться.
- 96 С руки взлетает сокол – потеряешь власть.
- 97 Хитон порвался – прочь, заботы тяжкие!
- 98 Слетает снег во сне – несёт вражду тебе.
- 99 Взял золото – желанья не исполнятся.
- 100 Разлив реки – врагов злорадство кончится.

Омега

- 101 Есть яйца, в руки брать их – к огорчениям.

ФИЛОСТРАТ СТАРШИЙ

КАРТИНЫ

6. Аррихион

На этой картине ты оказываешься на олимпийских играх, на самом лучшем их состязании – это панкратий у мужчин. Изображено, как награждают венком Аррихиона – победа, за которую он только что отдал свою жизнь. Его увенчивает сам Гелланодик – его по праву можно назвать «судьёй эллинов» – он действует, блюдя истину, и при этом изображён именно таким, каким бывает судья.

Место действия – ровная горная долина вдоль течения Алфея, воды которого так легки, что это – единственная река, что, впадая в море, течёт по его поверхности. По берегам пышно растут дикие маслины, прекрасные, светлозелёные, кудрявые, как сельдерей. Но пейзаж и многое другое мы станем рассматривать потом, а сейчас лучше смотреть на подвиг Аррихиона, пока ещё не всё кончено. Такое впечатление, что он не просто одолел своего соперника, но покориł всё огромное собрание эллинов – зрители кричат, вскочив с сидений, машут руками, одеждой, подпрыгивают, тормозят сосе-

дей, в шутку затевая борьбу. Поразительное зрелище всех приводит в волнение – кто же столь бесчувствен, чтобы сдержать крик и не прославлять атлета! На его счету уже есть две победы в Олимпии, но теперь происходит нечто большее – сейчас на глазах у всех его душа, ещё в пыли поединка, отправляется в край блаженных – такова цена этой победы. И не нужно думать, что это несчастный случай – такую победу судила ему величайшая мудрость свыше.

Так что же такое эта борьба? Панкратиасты, мой мальчик, сделали это состязание столь же опасным, как и настоящий бой. Биться приходится до крови. Приходится стремиться охватить соперника спереди, чтобы самому оказаться наверху, нужно резкими приёмами нападать, давить, ставить подножки, выворачивать руки, наносить удары, наскокивать. Всё это допускает панкратион, а вот кусаться и царапаться нельзя. Впрочем, лакедемоняне разрешают и это, полагая, готовя себя к настоящим битвам. Элейцы в Олимпии этого не позволяют, зато высоко ценят умение задушить противника.

Вот поэтому соперник Аррихиона, охватив его поперёк корпуса, решил его задушить и упёр локоть ему в горло, чтобы пресечь дыхание. Он сдавил его пах бёдрами, крепко охватив концами ног оба его подколенка, и стал его душить. Смерть подступала к Аррихиону, как сон, угашая его сознание, но противник недостаточно напрягал свои ноги, и Аррихион сумел отклонить левую ногу, вывернуться, освободив подколенок, и так прижал его пах, что тот не мог больше противодействовать. Тогда, навалившись всей силой на левую сторону и держа край ноги подколенком, Аррихион мощным рывком вывернул ему лодыжку. Душа, выходя из тела, сделала его неспособным двигаться, но придала страшную тяжесть его телу, навалившемуся на противника.

Картина изображает, как душитель, сам похожий на мертвеца, делает рукой знак, что сдаётся. Аррихион же изображён победителем – лицо его цветёт румянцем, со лба стекает чистый пот, и он улыбается, как улыбаются живые, когда чувствуют свою победу.

Переводы

Перевод выполнен по изданию Philostrati Minoris imagines et Callistrati descriptions. Bibl. Teubner. Lipsiae, 1903.

О панкратии см.: Paulys RE, 36 Halbband, Zweites Drittel, S. 619–625 (J. Jüthner)

Т.Б. Гвоздева. Олимпийские игры в памятниках античной литературы. М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2012. – 400 с., стр. 167–169, 182.

Филострат (Старший и Младший) Картины. Каллистрат. Описание статуй. Перевод, введение и примечания С.П. Кондратьева. Томск, Изд-во «Водолей», 1996. – 192с.

ТРИФИОДОР. «ВЗЯТИЕ ИЛИОНА» – ПАМЯТНИК ПОЗДНЕГО ГРЕЧЕСКОГО ЭПОСА

О.В. Смыка

Имя Трифиодора и фрагменты его поэмы «Взятие Илиона» известны русскому читателю благодаря замечательному изданию, предпринятому коллективом сектора античной литературы Института мировой литературы имени Горького². Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек, автор перевода почти всех фрагментов поэтических текстов в этом издании, перевела и фрагменты поэмы Трифиодора: стихи 1–50 (вступление), 305–327, 342–351, 358–359, 365–472, 487–513 (троянский конь, стенания Кассандры).

Мы публикуем первый полный перевод этой поэмы.

О Трифиодоре известно очень мало. Указания на время его жизни Свида не дает, он только перечисляет его сочинения³. Временные рамки его жизни современные исследователи устанавливают, ана-

---

² Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V веков. М., Наука, 1964, 400с. Ответственный редактор – М.Е. Грабарь-Пассек.

³ У Свида читаем [Т 1111 Adler]: «Трифидор, египтянин, грамматик и сочинитель эпоса, написал поэмы «Марафониака», «Взятие Илиона». «О Гипподамии», липограмматическую «Одиссею». Существует еще поэма об испытаниях Одиссея и о том, что говорят о нем мифы, а также другое.»

лизируя его тексты в соотношении с другими дошедшими памятниками. Публикация оксиринхского папируса Р. Оху. 41.2946 в семидесятые годы, содержащего 301–402 строки «Взятия Илиона», датированная третьим или ранним четвертым веком нашей эры, позволила исследователям Трифиодора отнести его к III веку (см. издания Livrea, Gerlaud и Dubelzig).

Ядро содержания поэмы, описывающей ужас последней ночи гибнущей Трои – песнь Демодока в VIII песне «Одиссеи».

Поздней античной литературе в последнее время исследователи стали уделять гораздо большее внимание. Возросло число работ, посвященных авторам этого периода. Так, Трифиодору посвящены четыре новых издания, лексикон и много статей и монографий. Укажем только монографию L. Miguélez-Cavero (2013), *Triphiodorus, The Sack of Troy: A General Introduction and a Commentary*, Berlin, содержащую обширную библиографию, и издания M. Campbell (1985), *Lexicon in Triphiodorum*, Hildesheim; F. J. Cuartero Iborra (1988), *Trifiodor, La Presa de Troia*, Barcelona; U. Dubielzig (1996), *Triphiodor, Die Einnahme Iliens*, Tübingen; B. Gerlaud (1982), *Triphiodore, La Prise d'Ilion*, Paris; E. Livrea (1982), *Triphiodorus, Ilii excidium*, Leipzig.

Перевод выполнен по изданию Hesiodi Carmina: Apollonii Argonautica; Musaei Carmen de Herone et Leandro; Coluthi Raptus Helenae; Quinti posthomerica; Tryphiodori Excidium Ilii; Tzetzae Antehomerica, etc. / Graece et Latine cum indicibus nominum et rerum edidit F.S. Lehrs; Asii, Pisandri, Panyasidis, Choerili, Antimachi fragmenta cum commentariis aliorum et suis adjecit Fridericus Dübner. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1840 и сверен по изданию A. W. Mair.

ТРИФИОДОР РАЗРУШЕНИЕ ИЛИОНА

Поздний исход многотрудной войны и хитрость – засаду, –
Конное дело Аргивской Афины, – воспой, Каллиопа,
Долгий рассказ опустив, – сейчас я объят нетерпением!
Быстрым словом своим разреши старинную распрю
5 Древлерожденных мужей, что ее разрешали войною!
Вот и десятый уж круг годовой обращаться пустился,
А над троянцами и над данайцами все простиралась
Демон войны Энио – ненасытная кровью старуха.
Копья устали разить, мечи от резни затупились,
10 Панцирей грохот затих – истончились они постепенно,
Слабли, рвались витые крепленья ремней шитоносных,
Щит же не мог уже боле выдерживать копий удары,
Гнутые луки ломались, а стрелы текли из колчанов.
Кони бродили понуро от яслей пустых в отдаленьи,
15 Жалобно ржали, напрасно зовя по упряжке соседа
Или возницу любимого, павшего за смертью в битве.
Мертвый Пелид poleg уже рядом с товарищем мертвым,
Нестор уже Антилоха оплакал, любимого сына,
Самоубийственной раной Аякс свое мощное тело
20 Ранил и гибельный меч обагрил испуганную кровью.
Но и троянцы, скорбя о поруганном Гектора теле,
Не об одних лишь согражданах горе свое горевали –
Жалобным плачем они отзывались на горькие слезы
Многоязычных друзей – чужеземцев, союзниках в битвах.
25 Все они вместе оплакали смерть Сарпедона – ликийца,
Мать его, гордая Зевсовым ложем, послала под Трою,
Пал он, сраженный Патрокла копьем, и по смерти героя
Отчий Эфир на землю излил кровавые слезы.

Рес фракийцам на горе злым сном смежил свои очи
30 Ночью коварной, а Эос – Денница, скорбя по потере
Мемнона, сына, сокрывшись от взоров в небесную тучу,
Свет умыкнула дневной, и все погрузилось в потемки.
Жены с берегов Фермодонта, реки, любезной Арею,
Кто не по-женски себе несозревшую грудь отсекает,
35 Горько скорбели о Пентесилее, воинственной деве,
Что в хороводе войны, чужеземцев вовлекшей немало,
Девичьей дланью рассеяла тучи мужей, оттеснила
Их к прибрежным судам, и Ахиллу лишь было под силу
Деву сразить, и доспехи совлечь и свершить погребенье.
40 Троя же, град многозданный, стояла пока нерушимо.
Высились башни, и стены незыблемо в землю вращали.
Время тянули ахейцы бесславно, – Афина старалась
Их на последний подвигнуть рывок, но богиня, которой
Устали нет никогда, – лишь вотще напрягалась до пота.
45 Так бы и шло, если б вещей Гелен не пришел к ним из Трои.
Наглости он уступил похитителя жен Деифоба, –
Как бы желая утешить в беде Менелая – страдальца,
Он возвестил долгожданную гибель своей же отчизне.
Вняв прорицанью Гелена, гнетомого ревностью тяжелой,
50 Сразу воспряли ахейцы покончить с войной затяжною.
Тут, покинув обильный прекрасными девами Скирос,
Сын Ахиллеса явился, дитя Деидамии славной,
Лик благородный его еще первым пушком не покрылся,
Мужеством был он в отца, хоть летами для воина юный.
55 Даже Афина священный кумир свой данайцам вручила,
Тот, что погибель врагам, а своим – величайшая помощь.
Вот по советам богини помощник Эпей изготовил
Трое на гибель коня изваянье громадных размеров.
Лес для работы рубили, а после несли на равнину
60 С Иды самой, откуда Ферекл уже брал его прежде,

Строя корабль Александру – начало всех бед и несчастий.
Мастер коня сотворил, меж широких боков приспособив
Чрево настолько пространное, что по размеру не меньше
Было оно, чем корабль, и вмещало, конечно, не меньше.
65 Мастер приделал и шею коню над полою грудью,
В темную гриву его вкропил он золота блески,
Пышная грива волной стекала с изогнутой шеи,
Лента из конских волос держала ее на макушке.
Вставил в глазницы Эпей и глаза из камней драгоценных, –
70 Взял он берилл голубой, аметист с кровавым оттенком,
И при смещеньи глаза двойным заблестали отливом,
Очи из синих камней были будто бы кровью налиты.
Белые зубы коню умелец в челюсти вставил,
Словно хотели уже закусить удила эти зубы!
75 В пасти огромной коня скрыл мастер такие отверстия,
Чтоб выпускали дыхания тех, кто запрячется в чреве, –
Свежий живительный воздух втекал через конские ноздри.
Уши прямые коню на макушке приладил умело, –
Звуки трубы уловить всегда они были готовы.
80 Сзади приделал он гибкий хребет, поясницу и спину,
И с ягодицами гладкими бедра, сопрягши, приладил.
Хвост же пушистый коня концом по земле волочился,
Вниз по нему бахрома, как лоза, опускалась витая,
К пегим коленям и стройные ноги мастер приделал,
85 Ноги, что бег обратить в полет, вот только без крыльев,
Были способны, да их нужда держала на месте.
Не был тот конь неподкован – легко поднимал он копыта,
Были покрыты они черепаховым панцирем ярким,
Чуть лишь касаясь земли могучею медной подковой.
90 Сделал искусную лестницу мастер и дверь на запоре,
Сбоку пристроил ее, потайную – она пропускала
Внутрь и наружу засадный отряд славноконных ахейцев.

Лестницу ту размотать и обратно смотать было можно,
Это был путь и спуститься, и снова наверх устремиться,
95 Ремни на морде коня и на шее лоснящейся тоже
Были увиты красивой гирляндой цветов разноцветных,
И украшали узду, что конем повелительно правит,
Гнутых колец завитки, – сплав меди и кости слоновой.
Вот наконец, над огромным конем завершилась работа.
100 В поножь с приделанным к ней колесом обувает умелец
Каждую ногу коня, – теперь он будет послушен
Тем, кто потащит его, – а иначе и с места не стронуть.
Так и сиял этот конь красотой, вселяющей ужас,
Мощный, огромный, его несомненно, – и всем так казалось, –
105 Будь он живым, тотчас же угнал бы Арес – конелюбец.
Конь был высокой стеной обнесен, чтоб ахейские мужи,
Видя его, преждевременно хитрость раскрыть не сумели,
Той порой на Микенский корабль Агамемнона тихо
Все цари собрались на совет, покинувши войско,
110 Выйдя из бурной толпы возбужденно шумевших народов.
Вдруг в обличьи некого вестника с голосом зычным
Пред Одиссеем Афина сама советчицей встала,
Речь напитала ему источающим сладость нектаром.
Он же, вращая в уме все то, что богиня внушила,
115 Так и стоял поначалу, безмозглому мужу подобясь,
Выпучив очи и взор неподвижный вперяя под ноги.
Вдруг, ощутив наступленье родин бессмертного слова,
Грянул он дивно, и речь полилась, как будто разверзся
С высей источник могучий потоком текущего меда,
120 Рек он: «О, други! Готова уже западня потайная!
Руки людские и разум Афины ее сотворили.
Вы, кто особо на мощь своих дланей надеяться смеет,
Кто выдается умом, в ком бьется отважное сердце,
Ныне – за мной! Негоже нам, здесь пребывая годами,

- 125 Муки терпеть без конца, поджидая бессмысленно старость.
Лучше, покуда живем, дерзнуть на великое дело
Или погибнуть, – и в смерти спастись от позора бесславья!
Боле у нас, чем у наших врагов, на победу надежды –
Если припомните вы и гнездо, и страшного змея,
130 Вспомните пышный платан, и птенцов, и бедную птицу,
Ту, что погибла с несчастными нежными детками вместе, –
Все, что вещал нам и старец Калхас в своих прорицаньях,
Вам ведь пришелец Гелен давал вдохновенный оракул, –
Все одно к одному – близка уже наша победа.
135 Вот отчего говорю: повинуйтесь! И с твердой душою
Смело во чрево коня поспешим! Пускай же трояне
Сами несчастье свое выбирают, несут себе в город
И принимают с весельем и лаской свою же погибель.
Наши теперь пускай отрешат корабли от причалов,
140 Пусть поджигают шатры и палатки на нашей стоянке,
Пусть покидают теперь побережье пустынное Трои
И отплывают все вместе, как будто домой направляясь.
Так и плывите, покуда с удобного, видного места
Вам, что сберетесь все вместе на бреге, отсюда ближайшем,
145 Знак к возвращенью не даст в ночи пылающий светоч.
Тут нерешительность – прочь! Сильней налегайте на весла!
Тут – все страхи долой, что на слабую душу людскую
Темные ночи низводят, и ужас, и трепет вселяя.
Честь отчизны да станет первейшею доблестью вашей!
150 Славу свою да никто не уронит! Пускай же получит
Всяк по заслугам своим и награду за бранное дело!»
Рек и совет распустил. И по слову его устремился
Неоптолем боговидный вперед, – он самый был первый
Будто бы конь молодой, что на поле росистое рвется,
155 Гордо красуясь нарядной, недавно прилаженной сбруей,
Опережая удары хлыста и окрик возницы.

- Следом за ним пошел Диомед, потомок Тидея,
В сердце дивясь, что точно таким Ахиллес был когда-то.
С ними пошел Кланипп, чья мать – Комето, дочь Тидея,
160 С Эгиалеем она сочеталась супружеством кратким,
Сына родив щитоносцу, чей век оказался недолгим.
Вышел и сам Менелай. Вела его дикая жажда
В схватку вступить с Деифобом – засела в нем ярость жестоко,
Рвался сыскать он того, кто брак вторично ограбил.
165 С ним – и Локрский Аякс, стремительный сын Оилея,
Он хоть и скор, да разумен умом и до женщин не падок
Так, чтоб закон забывать. Аякс позвал и другого –
Критского Идомея, – царя, уже полуседого.
Нестора сын Фрасимед пошел с ними вместе, могучий,
170 Также и Тевкр, Теламоном рожденный, стрелок-дальновержец,
Вышел и отпрыск Адмета, Эвмел, богатый конями,
После него заспешил и Калхас, прорицатель бессмертных.
Он-то в душе уже знал, что окончены тяжкие муки,
Вступят теперь, наконец, ахейские всадники в Трою.
175 Нет, не остались тогда в стороне от этого дела
Эвемонид Эврипил с Леонтеем добрым, – на помощь
Также пришли Акамант с Демофооном, дети Тезея,
И Антикал Ортигид – его потом со слезами
Похоронили ахейцы – ведь прямо в коне он скончался,
180 Мегес и Пенелей с Антифатом, исполненным силы,
Ифидамас и Эвридамас из Пелия рода,
С лучником Амфидамасом. Последним же вместе с друзьями
Блещущий мыслью Эпей к своему направлялся творенью.
Вот, наконец, восславивши дочь совоокую Зевса,
185 Все поспешили к коню. Афина же им подмешала
В завтрак амвросию, пищу богов, дабы все подкрепились
И не ослабли колени у них от сосущего глада –
В чреве коня, притаясь, весь день просидеть предстояло.

Так же, как если, когда налетевшие темные тучи
190 Воздух морозом сгустят, и снег всю землю покроет,
После же таять начнет и сплошным разольется потоком, –
Тут в горах со скал и с шумом, и с брызгами мчатся
Вниз стремительно целые реки, и горные звери,
Шум их заслыша, спешат поскорее укрыться подальше,
195 И по берлогам, по логовам прячутся все, затаившись,
Тихо за горными кряжами в скалах, и ждут терпеливо,
Чтобы поток миновал, и терпят, несчастные, муку, –
Так и ахейцы, забившись в точеное конское чрево,
Ждали теперь, и тяжкие муки сломить не могли их.
200 Обремененное чрево коня Одиссей запирает
В твердой надежде, что хитрость осталась никем не раскрытой.
Сам в голове у коня помещается как наблюдатель,
В оба глядит из засады, невидимый, что там, снаружи.
Слугам своим Агамемнон велит, чтобы, заступы взявши,
205 Срыли ограду из камня, служившую стройке заслоном, –
Мыслил Атрид – чтобы конь, как он есть, без всяких прикритий,
Издали людям сиял, красою своей привлекая,
Вот и сравнивали ограду с землей по цареву приказу.
Солнце меж тем уступало за ним поспешающей ночи,
210 Запад горел по вершинам, а понизу мрак расстирался.
Вот послышался вестников клич, возвещавший народу
Время спускать корабли, чьи реи прилажены ладно,
В море глубокое плыть, обрубив у причалов канаты.
Вот и сосновые факелы взяли, огонь запалили
215 И подожгли всю ограду стоянки, поставленной славно.
После, взойдя на свои корабли, от Ротейского берега
В гавань напротив пошли, к Тенедосу, венчанному дивно,
Синюю гладь бороздя Афамантовой дочери Геллы.
Возле же Трои лишь Синон остался, потомок Эсима,
220 Хитрый герой, – себя самого он нарочно изранил,

Дабы троянцев верней обманула военная хитрость.
Так, промышляя зверей, что по горным чащобам блуждают,
Ловчие крепят силок многопетельный, колья вбивая,
Сделают, – и отойдут, но один остается в засаде,
225 Спрячется, и при сетях сторожит появление зверя,
Ветви густые кустов надежно его закрывают,
Так вот и Синон, себе нанеся добровольные раны,
Там выжидал, замышляя жестокую гибель для Трои.
Кровь же из деланных ран по спине изливалась потоком,
230 Пламя пожара всю ночь напролет у шатров бушевало,
Мощно клубясь, воздымались стремительно дымные вихри,
Во исполнение воли Гефеста, чей грохот ужасен.
Огненной бури напор и Гера сама раздувала,
Матерь бессмертного пламени, свет приносящая людям.
235 Стало светать, и тогда до троянцев и жен илионских
Вмиг долетает молва многогласная, им возвещая
Бегство врагов, и дым от пожара его подтверждает.
Тотчас троянцы спешат разрешить от запоров ворота,
Все, – кто верхом, кто пешком, устремились потоком на поле,
240 В сердце сомненье тая, уж не хитрость ли это ахейцев.
Старцы, почтенные в городе, те, что совет составляют,
Мулов проворных запрягши в повозки, выходят из Трои
Вместе с Приамом царем, и объяла их странная легкость,
Их, что пеклись о потомках, пока пощаженных Аресом,
245 Словно блестнула надежда, что старость их будет свободной, –
Впрочем, недолгую радость судила им Зевсова воля.
Видят трояне коня неживого, блестящей работы,
Диву даются, его окружают, и шум поднимают, –
Словно крикливые галки орла-силача увидали.
250 Прежде всего зародились у них недобрые мысли
В душах, истерзанных тяжко войной, тяжелой и горькой.
Кто предлагает коня, врагов ненавистных творенье,

- Сбросить немедля с высокой горы, да в глубокую пропасть:
Кто предлагает рубить его в щепки тотчас топорами.
- 255 Были и те, кто, пленившись искусством прекрасной работы,
В дар предлагали богам принести коня боевого, –
Пусть об аргивской войне на память потомкам стоял бы.
Так совещались они, как вдруг человек появился
На поле, еле влача изнуренное ранами тело, –
- 260 Исполосован он был бичами свистящими, видно.
Свежие раны страдальца мучительно кровью сочились,
Прямо к Приаму он шел, и у ног его наземь простерся.
Жестом просящего тронул колени почтенного старца,
И, умоляя, такое изрек ему хитрое слово:
- 265 «О, если сжалишься ты, Дарданид-скиптродержец, над мужем,
Спутником бывшим ахейцев, а ныне – защитником Трои,
Если спасешь его, знай – ахейцам он враг наизлейший!
Глянь, как богов не боясь, меня изувечили страшно!
И ни за что, ни про что. Таковы уж их злость и жестокость!
- 270 У Эакида Ахилла они отобрали награду,
За неприступной водой Филоктета оставили, бросив,
И самого Паламеда по зависти злой погубили.
Ну, а со мной сотворили они, подлецы, нечестивцы,
Это за то, что с ними бежать не желал я с дружиной.
- 275 Злоба их ум помрачила – с меня посрывали одежды,
Стали меня бичевать беззаконно, всю кожу содрали,
После же здесь, на чужом берегу, был один я оставлен.
Старец блаженный! Во имя Зевеса, оплота молящих!
Вот уж злорадствовать будут ахейцы, когда ты допустишь
- 280 Мне пропадать, кто с мольбой простер свои руки к троянцам!
Я же для вас для всех надежною буду подмогой,
Да не внушит вам боязни аргивской войны возвращенье!»
Рек, и отвечивал старец ему ободряющим словом:
«Гость наш! Ведь ты средь троянцев! Страшиться не следует боле!

- 285 Наглых обид от ахейцев теперь навсегда ты избегнул!
Будешь нам другом всегда, и скучать по отчизне не станешь!
Дом свой богатый с тоскою тебе вспоминать не придется.
Ныне и мне ты поведай, – сей конь, что за дивное диво,
Чудище странное это? Открой же мне имя и род свой
290 И расскажи, из какой же земли приплыл ты под Трою».
Тут, осмелев, многохитрый герой ему отвечает:
«Все расскажу я тебе, – ведь и сам я того же желаю.
Аргос – мой город родной, и Синоном я называюсь.
Эсим – вот имя, что носит почтенный седой мой родитель.
295 Конь сей Эпеем сработан – старинное было реченье:
Если оставите вы коня стоять на равнине, –
Грекам тогда суждено захватить оружием Трою,
Если же примете вы как кумир его в храме Афины,
Будет война бесполезна ахейцам, – они разбегутся.
300 Так поспешите коня, что сбруей украшен златою,
Крепче веревкой вязать и в крепость влеките скорее!
Будет вести нас Афина сама, защитница града,
Сей искусный подарок к себе принять поспешая.»
Молвил. Приам повелед, чтобы Синону дали одежду –
305 Хлен и хитон. А троянцы канатом коня обвязали,
Также ремнями из кожи бычачей скрепили надежно
И повлекли на быстрых колесах его по равнине.
Шел начиненный героями конь, перед ним раздавался
Песни веселый напев и флейт, и форминги беспечной.
310 Бедные смертные! Сколь неразумно их жалкое племя!
Мрак непроглядный грядущее им застигает, – и часто
Радость питают они, хоть гибель кругом обступила.
Так и троянцы, веселой шумливой толпой, распевая,
В город по собственной воле с почетом вели свою гибель.
315 Было им всем невдомек, что бескрайнее горе их ждало.
Срезав с речных берегов росистых цветов, увенчали,

В славный венок их сплетя, своего погубителя шею.
Страшно земля застонала, треща под чудовищным весом
Медных колес, и послышался резкий, пронзительный скрежет, –
320 Это при треньи о них визжали железные оси.
Крепкий канат затрещал, напряглись витые веревки,
Пыль взметнулась с земли, дымясь густыми клубами, –
И потащили коня. Тут шум поднялся несказанный –
Ида, и с нею дубы – обиталище нимф, зашумели,
325 Стоном и Ксанф отозвался, волной окружающий город,
Вторя, гудел Симоент, и от Зевса пророческим громом
С неба труба протрубила, возврат войны возвещая.
Конь продвигался вперед, а путь был нелегким и долгим, –
Местность неровной была, ее перерезали речки,
330 Он же легко был влеком к алтарям, Арею угодным,
Мощно красуясь, – богиня Афина своими руками
Гладкие ребра его обхватила, коня продвигала.
Стало быть, двигался он напрямик, как стрела, – не догонишь,
Резвым ходом своим троянцев вперед подгоняя.
335 Вот, наконец, подошел он вплотную к воротам дарданским,
Но не впускают ворота коня – для него они низки.
В сей же миг поднимает врата, давая дорогу,
Гера сама, а бог Посейдон на башенных высях
Грозно трезубцем потряс – и створки ворот распахнулись.
340 Стали стекаться по граду к коню отовсюду троянки,
Девы – невесты и те, кто изведал Илифию, жены.
В пляске они, распевая, кружились вокруг изваянья,
Стали они расстилать под конем деревянным цветочный
Нежный ковер из роз, душистой исполненный влаги.
345 Сняли другие с себя свои пурпурные ленты,
Те, что носили под грудью, – коню сплели украшенья.
Пифос огромный откупорив, стала одна из троянок
Землю кропить вокруг коня, и ее напитала душистым

- Дивным вином, – к нему золотой шафран был подмешан.
350 Женских звон голосов мешался с мужскими басами,
Дети галдели, и ахали старцы, и шум воздымался,
Словно ряды журавлей, перелетных гостей океана,
Слуг зимы самой, поднялись в небеса, и в полете
Пляску бродяжью свою завели, и наполнился воздух
355 Песней, приход возвестившей поры, ненавистной селянам.
Так и троянцы шумели, ведя суматошной толпою
В кремль через город коня, чье чрево наполнилось тяжко.
Вещая дочь Приама, гонимая богом Кассандра
В женских покоях сидеть не могла, – сорвавши запоры,
360 Ринулась вон, как телица, которую гонит и гонит
Овода жало, что вечно коров и быков истязает;
Стадо не видя свое, пастуху не послушная боле,
Свежей не ищет травы, но, язвима острою раной,
Рвется она из загона, – вот так же пророчицу-деву
365 Вещий дар, как бодец, подстрекал. И душа содрогалась,
Словно священный лавр, сотрясаемый манием бога.
Рев, то ли рык ее, град огласил – позабыла Кассандра
И про родителей, и про подруг, и про девичью скромность,
Так во Фракийском лесу напев Дионисовой флейты
370 Сладостный мигом пронзает насквозь фракиянки душу,
Чует она божество, и глазами безумно блуждая,
Скинув убор с головы, ее темным плющом увивает.
Так и Кассандра, взлетев высоко умом окрыленным,
Впала в неистовство, в грудь себя била, волосы вырывала,
375 И предрекла, наконец, исступления полное слово:
«Что вы, безумцы, ведете коня себе на погибель!
Разума, бедные, вы лишены, что спешите приблизить
Нашу последнюю ночь, поражение и сон беспробудный!
Эта толпа – строй врагов, а не шествие с песней веселой!
380 Вот они, вот они роды, что снились несчастной Гекубе!

Вот он, кончается год, к окончанию войны предрешенный!
Это – засада, и мощные воины здесь затаились,
Их изведет на свет в боевых блестящих доспехах
Конь сей огромный под темным покровом ночи непроглядной,
385 Выпрыгнут все они вниз, и бой возгорится последний.
Женская помощь не будет нужна при муках родильных,
Что разрешатся мужами – Илифией будет при этом
Та сама, кто, его сотворив, на свет и явила!
Это она закричит, разрешив его полое чрево, –
390 Станет его повитухой крушащая грады Афина!
Вижу: меж башен уже расплескалось пурпурное море
Проливой крови, и волны убийств по нему пробегают!
Вижу я: цепи ложатся на нежные женские руки!
В чреве сего коня истребительный пламень таится!
395 Горе и мне, и горе тебе, о город мой отчий,
Станешь ты пеплом сплошным – погибает творенье бессмертных,
Гибнет, что крепко поставлено было при Лаомедонте!
Мать и отец, я рыдаю о вас! Ведь я уже знаю,
Что вас обоих постигнет, – отец, ты жалко простертый,
400 Близ алтаря Оградного Зевса великого ляжешь!
Матерь детей наилучших, а ты человеческий облик
С горя по детям утратишь – собакою сделают боги.
О Поликсена прекрасная! Скоро тебя я оплачу!
Скоро ты мертвой падешь недалеко от отчего града!
405 Быть бы убитой и мне, как тебя я оплакивать стану!
Что мне за радость от жизни, коль ждет самое меня вскоре
Смерть еще жалче твоей, и чужая земля меня примет, –
Вот что готовит моя госпожа и мне, и владыке,
Вот что возьмет Агамемнон в награду за все свои муки.
410 О, поскорей образумьтесь, поймите, что вас ожидает!
Други, рассейте обмана туман, умы помрачивший!
Полое тело коня разрубите скорей топорами!

- Жгите его! Да сгинут злодеи, что там затаились!
Пусть же данайцев постигнет тоска и великое горе!
- 415 Вот уж тогда – сама вам скажу, – пляшите, пируйте,
Полните чаши и празднуйте милую нашу свободу!»
Смолкла. Никто ей не внял. Аполлонова воля вершилась –
Правду вещала она, да словам ее не было веры.
- 420 Строго ответил родитель, возвысив свой голос во гневе:
«Что, злопророчица! Вновь обуял тебя демон недобрый!
Наглая муха собачья! Твой лай никого не удержит!
Все еще ум поврежден твой, как бешенством, этим недугом,
Все не насытишься ты беснованьем своим злоречивым!
Нет, преисполнена зависти к нашим пирам и веселью,
- 425 Ты появилась сюда, когда нам ниспослал, наконец-то,
Зевс Кронид избавления день, и отплыли ахейцы.
Копий не мечет никто, не натянуты более луки,
Блеска не видно мечей, и стрелы молчат, а не свищут!
Пляска и музыка, медом дышащая, здесь, а не распря!
- 430 Мать не рыдает о сыне, супруга не плачет о муже
Мертвом, – на битву его проводив, она стала вдовою, –
Дева Афина, защитница града, коня принимает!
Ты же посмела, негодная, вырвавшись дерзко из дома,
Всякую ложь прорицать и буйствовать в диком безумстве!
- 435 Только стараешься, град оскверняя священный, напрасно!
Вон убирайся! А мы предадимся пирам и веселью!
Страха уже не осталось теперь под стенами Трои!
Более нет ни малейшей нужды нам в твоих прорицаньях!»
Рек и велел увести в покои глубинные дома
- 440 Дочь безумную прочь – и деве пришлось покориться
Воле отца, и Кассандра, упав на девичье ложе,
Ведаю участь свою, зарыдала, ведь вещие очи
Явственно зрели огонь, пожиривший родимые стены.
Прочие жители Трои коня между тем провожают

- 445 В храм Афины – защитницы града, и там водружают
На постаменте резном, возжигают священные жертвы
На алтарях, – но вотще! Отвергнуты их гекатомбы.
После уселись за пир, и буйство пошло, умножая
Крепость хмельного вина, что и так-то мужей расслабляло.
- 450 Город в бесчувствие впал, упившись, и все опустело.
Стража в ничтожном числе при вратах городских оставалась,
Солнце меж тем закатилось, и вот над Троей высокой
Ночь роковая нависла, несущая городу гибель.
Тут Аргивской Елене сама Афродита явилась
- 455 В дивном уборе. Богиня премудрая, хитрость затея,
К ней обратилась, и так, убеждая ее, говорила:
«Милая! Муж Менелай твой тебя призывает, владыка,
Скрыт он в коне деревянном с вождями ахейскими вкупе,
Ждут они часа в засаде твой отомстить испытанья.
- 460 Шествуй же к ним! А старец Приам да тебя не заботит!
И о троянцах забудь, и забудь о самом Деифобе!
Я возвращаю тебе Менелая, страдавшего много!»
Смолкла и тотчас исчезла. С душой, замороженной словом,
Брачный покой благовонный Елена тогда оставляет,
- 465 Следом – супруг Деифоб. И дивились идущей по граду
Пышноодежные жены – троянки, ее созерцая.
Вот достигла Елена высокого храма Афины,
Внутрь вступила, и там коня-исполина узрела.
Трижды Елена обходит коня, и, пытая героев,
- 470 Голосом нежным прекрасноволосых их жен называет.
Рвутся сердца у бойцов, тяжело участилось дыханье,
Молча терзаются мукой, невольные слезы скрывая.
Стон издает Менелай, заслышав свою Тиндариду,
Плачет потомок Тидея – жену Эгилею он вспомнил,
- 475 Боль Одиссея пронзила, когда позвала Пенелопа.
Словно копьё, Лаодамии имя сразило Антикала,

Был он один, кто не в силах сдержаться, хотел ей ответить,
Но Одиссей могучей рукой закрывает мгновенно
Рот его, было отверстый, и тем заставляет умолкнуть.
480 Крепко держал Одиссей в объятиях нерасторжимых,
Затрепетал и забился Антикл под могучей рукою,
Сияясь избегнуть несущего страшную гибель молчанья –
Тщетно. Уже и дыхание жизни его оставляет.
Слезы беззвучно лия, мужи ахейцы Антикла
485 В бедренной полости емкой конева бедра положили,
Теплым накрыли плащом его холодевшее тело.
Заворожила бы, верно, Елена и прочих ахейцев,
Но появилась в эфире Афина-Паллада пред нею,
С грозным лицом увела ее прочь от любимого храма,
490 Зрима Елене одной, и гневное бросила слово:
«Жалкая! Где же предел! Куда тебя гонит порочность,
Жажда все нового ложа и хитрые ковы Киприды?
Ты и не вспомнишь о первом супруге, не жаль тебе вовсе
Дочь Гермioniу! Доколе ты будешь радеть о троянцах?
495 Шествуй домой! Подымайся в покой, что в дому наиверхний,
Факел приветный зажги и встречай корабли и ахейцев!»
Смолкла и чары обманные прочь от Елены прогнала.
Сами домой ее ноги несли. А тою порою
Кончили пляски свои до упаду троянцы, и крепкий
500 Сон их сморил, и форминги умолкли, и флейта упала
Прямо в кратер, утомясь. Опрокинулись винные чаши
В сонных руках, и вино потихоньку стекало на землю.
В город вошла Тишина, эта верная спутница Ночи.
Даже собаки затихли, и в мертвом, глубоком молчаньи
505 Город побоища ждал, напоенного воплем и стоном.
Зевс, войны казначей, на весы свои полагает
Гибель троянцам – а чашу ахейцев колеблет едва лишь.
Вот тогда, наконец, Аполлон Илион покидает,

Шествует в храм свой ликийский, скорбя о стенах великих.
510 Тотчас же Синон возжег сигнальное яркое пламя,
Там на кургане Ахилла, аргивянам знак подавая.
Ночь напролет и Елена сама из верхних покоев
Для земляков золотистый сосновый огонь выставяла.
Словно луна, что наполнившись белым огнем светоносным,
515 Ликом своим золотит небеса, разливая сиянье,
Нет, не тою порой, как ее заостряются рожки,
Месяцем новорожденным во тьме густоты непроглядной,
Но погодя, округлившись, и очи наполнив сияньем,
Властно она призывает лучи отраженные солнца, –
520 Этой подобясь луне, в окне Ферапнейская нимфа
Правила луч путеводный, и пламя ей длань озаряло.
Знак условный завидя, ахейцы поспешно пускают
В путь корабли, направляясь обратно все той же дорогой.
Всяк мореход поспешал, не терпелось любому скорее
525 Тяжкой войны затяжной обрести, наконец, завершенье, –
Каждый моряк одновременно был и воителем храбрым.
Все торопили друг друга, и флот, ускоряя движенье,
Слушаясь силы порывистых ветров, стремительно гнавших
При Посейдона содействе, пришел, наконец, к Илиону,
530 Двинулась первой пехота, а конницу сзади держали –
Кони могли бы троянский народ разбудить своим ржаньем.
Тут же из гладкого чрева коня устремились наружу
В полных доспехах цари – словно пчелы дупло покидали
Мощного дуба, в котором гнезвился их улей просторный,
535 Воск ароматный творя, – умельцы роем из дуба
Прочь улетев и разлившись, кружат над пологой долиной,
Острыми жалами мучают всех, кто попался навстречу, –
Так и данайцы, отверзши засовы дверей потайные,
В яростном натиске мигом напали на жителей Трои –
540 Спали они по домам, и еще не успели проснуться, –

Медная смерть окутала их ужасными снами.
В кровь погрузилась земля, и вопль бесконечный воздвигся,
Кинулись в бегство троянцы, и стон поднялся несказанный,
Дрогнула Трои святыня под бременем павших. Данайцы
545 Всюду носились, как ярые львы, и свежие трупы –
Смерти недавней добыча запрудили улицы Трои.
Жены троянки, из верхних покоев побоище видя,
В жажде свободы желанной спешили мужьям оробевшим
Шеи свои добровольно подставить под меч смертоносный.
550 Матери бились в рыданиях, и, ласточкам легким подобны,
Чад закрывали собой; жениха побуждает невеста,
Полного трепета, к смерти – и вскоре сама погибает,
В плен не желая идти – разъярила захватчика дева, –
Он убивает ее, хоть сам он желал бы иного –
555 Деву же общее ложе с ее нареченным приемлет.
Многие жены, во чреве нося нерожденных младенцев,
Сияются их извести поскорей в преждевременных родах,
Дух испускают с малютками вместе в мученьях безмерных.
Ночь напролет, клопоча, бушует по граду, как буря,
560 Тяжкие пеня валы многостонного бурного боя,
Демон войны Энио, опьяненная чистой кровью,
Вместе со свитой, – то вьется Вражда, в небеса упираясь,
В бой подстрекая ахейцев, а вот, хоть и поздно, явился
Сам убийца Арес, принося данайцам Победу,
565 Ту, что решает войну, и свою переметную Помощь.
Крикнула тут Совоокая с высей Акрополя Дева,
Щит Зевеса, Эгиду, потрясши. Затем содрогнулся
Весь Эфир – это Гера спешила. Вот гул прокатился
Тяжкий – то землю сотряс Посейдона могучий трезубец.
570 Ужас напал на Аида – вскочил он с подземного трона
В страхе, что Зевс, распалившись безмерно неистовым гневом,
Весь человеческий род низвести прикажет Гермесу.

После смешалось все, обратившись в сплошное убийство.
Всех, кто пытался бежать, убивали при Скейских воротах,
575 Ставши в засаду. Троянец, проснувшись, кидался к оружию, –
Тут же его настигало копье и во мрак повергало.
Чей-либо гость, ночевавший в доме в затемненных покоях,
Голос возвысив, своих призывал, как мнилось, хозяев, –
О, несчастливец! Не чаял никак он при встрече недоброй
580 Вражий гостинец принять. А некто поднялся на крышу –
Что там, взглянуть, – но сраженный копьем, ничего не уви-
дел.
Были и те, кто, вином на беду переполнивши душу,
Шум заслышав, вскочили, и кинулись в страхе спускаться,
Не разбирая пути, позабыв, где и лестница в доме,
585 Падали сверху, затылки круша, позвонки разбивая.
Шеи ломали свои и вино изрыгали при этом.
Больше всего ж полегло отбивавшихся сомкнутым строем, –
Все на месте одном. А многие с башен кидались
В смертном прыжке в Аид, от вражьей погони спасаясь.
590 Были однако – их было немного, но все ж они были, –
В узкие щели, как воры, забившись, старались сокрыться,
Жизнь норовили спасти, когда погибала отчизна,
Люди, носимые в гуще побоища, словно в тумане,
Не беглецам – мертвецам уподобясь, один на другого
595 Падали, рухнув, – и град не вмещал уже хлещущей крови,
Трупами полнился город, мужей же – терял, сиротою.
Не было места пощаде, и демон бессонный Смятенья
Бешеным щелкал бичом – беззаконные эти удары
Гнали ахейцев совсем уже страх пред богами отринуть,
600 Чистые их алтари в крови обагрить нечестиво.
Старцев жалчайших, о чести забыв, они умерщвляют,
Те, обнимая колена убийц, о пощаде молили –
Головы им отсекали седые – в мольбе распростертым.

Малых детей от сосцов материнских они отрывали –
605 Крошки безвинно расплату несли за отцов прегрешенья,
И молоко материнскую грудь отягчало напрасно –
Некому было впивать, – и оно истекало впустую.
Птицы и псы, отовсюду сбежавшись, шныряли по граду,
По небу и на земле сообща пировать собирались,
610 Черную кровь выпивая, вкушали ужасную пищу,
Смертью дышали их крики, и бешеный лай поднимался
С воем над трупами павших, и псы, жестокие твари,
Бывших хозяев своих уже защищать не старались.
Вот ворвались Одиссей с Менелаем прекрасноволосым
615 В дом самого Деифоба, чей ум помрачен женолюбьем.
Словно свирепые волки, которые зимней порою
Вместе задравши отару овец, что была без присмотра,
Хмуρο уходят, избавив теперь пастухов от работы,
Так и они – отойдя от одной нескончаемой сечи
620 В новую кинулись – встречных разили; из верхних покоев
Дома в них камни метали и жгучие стрелы пускали –
Головы смелые им защищали надежные шлемы,
Крепкие; оба героя, прикрывшись большими щитами,
В дом, наконец, ворвались, и всех, кто навстречу попался,
625 Всех уложил Одиссей, словно хищник пугливых оленей.
Сам же Атрид Менелай, погнавшись, схватил Деифоба,
Полного страха, и чрево мечом рассек посредине, –
Печень и скользкие с нею кишки появились наружу,
Пал Деифоб, забыв об искусстве своем колесничьем,
630 А за Атридом пошла добытая с бою супруга
В трепете – то она радость питала, что кончились муки,
То оплывал ее стыд, и впервые, столь поздно, отчизна,
Словно сон, ей на память пришла, и вздохнула Елена.
Старца Приама царя, согбенного горем, сражает
635 При алтаре Оградного Зевса потомок Эака

Неоптолем, милосердье отцово отринув, к молениям
Глух, не уважил седин, что Пелеевым равными были, –
Тех седин, что Ахилл пощадил, столь тяжкий во гневе, –
В ярости он обезглавил Приама смертельным ударом.
640 Жалкий! Неведомо было ему, что его ожидало
При алтаре Аполлона-правдивца погибнуть в грядущем
После, когда его, как врага священного храма,
Муж-дельфиец убьет, ножом священным зарезав.
Вопль Андромаха исторгла, узрев своими глазами,
645 Как Одиссева длань низвергает с башенной выси
Вниз в смертельном броске малютку Астианакса.
Быстрый Аякс Оилид обесчестил деву Кассандру,
Что обнимала колени кумира пречистой Афины,
И не простила насилья Афина, помощница прежде,
650 Гневом на всех воспылав за грех одного Оилида.
Сжалась, спасла Афродита Энея с отцом его вместе,
Их, похитив, она унесла к Авзонейским пределам,
Вдаль от Трои родной – богов вершилася воля,
Зевсом одобрена, дабы вовеки была нерушима
655 Мощь Афродиты детей и потомков, любезной Арею.
Поросль и всю родню Антенора, подобного богу,
Гостеприимного старца, Атрид пощадил Агамемнон,
Тем благодарность воздав за обильный стол и за ласку,
С коими принят бывал Теано, его доброй супругой.
660 О, Лаодика – бедняжка! Тебя близ отчих пределов,
Щедро объяття раскрыв, земля, разверзшись, прияла,
И не Тезид Акамант, и никто иной из ахейцев
В плен не увел как добычу тебя – умерла ты в отчизне!
Все, что вершилось той ночью в чудовищном месиве боя,
665 Ни разобрать, ни подробно воспеть для меня невозможно –
Музам лишь это под силу, – а я лишь до этих пределов,
Словно коня до меты на ристанье, гоню свою песню.

Вот, наконец, на востоке, на самом краю Океана
Мало-помалу светать начинало – то конница Эос,
670 Ночь стирая убийств, белила огромное небо.
Грекам победная гордость сердца через край заливала,
Все продолжали они по городу рыскать, – искали,
Кто уцелел, притаился, избегнув беды всенародной.
Словно смертельную сетью окутаны были троянцы –
675 Гибли, как рыбы, что в неводе бьются на бреге приморском,
Все украшенья высоких палат выносили данайцы,
Вон приношенья из храмов несли, а в домах опустелых
Грабили ценное все, к кораблям тащили, и женщин
Пленниц, добычу войны, с детьми уводили насильно.
680 Стены кольцом огненным, истребляющим град, окружили,
С пламенем, вспыхнувшим мигом, слилось Посейдоново дело.
Троя, пылая, справляла любимым сынам погребенье.
Взор устремив на пожар, дотла пожирающий город,
Ксанф зарыдал, и от слез его струи солеными стали,
685 Но уступил он Гефесту-огню, перед Герой робея.
Вот Поликсену заклали аргивяне в жертву Ахиллу,
Гнев Эакида смягчая, на холме могильном героя.
После по жребию женщин троянских они разобрали,
Золото и серебро поделили, и все погрузивши
690 В емкие трюмы судов, по широкому морю поплыли
Прочь от троянского берега, с войною покончив, ахейцы.

ПАМЯТНИК ПОЗДНЕГО ЭПОСА – ПОЭМА КОЛЛУФА «ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ»

О. В. Смыка

О Коллуфе мы знаем очень мало. На русском языке опубликованы фрагменты поэмы «Похищение Елены» (стихи 69–192) в переводе М. Е. Грабарь-Пассек⁴.

Свида сообщает (к1951): Коллуф ликополит⁵, фиванец, эпический поэт, который жил при императоре Анастасии⁶. Написал поэму Калидоника в шести книгах, энкомии в стихах, а также поэму «Персика».

Весьма примечательно, что Свида не упоминает «Похищение Елены». Рукопись этой поэмы, вместе с неизвестной ранее поэмой Квинта Смирнского «После Гомера»⁷, обнаружил в 1430 году Виссарион Никейский в одном из монастырей близ Гедрунта (город в Калабрии, ныне – Отранто). Вместе с другими бесценными наход-

⁴ Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V веков, М., Наука, 1964, 400 с. Ответственный редактор – М. Е. Грабарь-Пассек.

⁵ Ликополис, эллинизированный город на западном берегу Нила в Фиваиде, области Египта, примерно в 100 км к северу от Панополиса, родного города Нонна (IV–V вв. н.э.). Ликополис – также родина философа Плотина (205–270 гг.).

⁶ Флавий Анастасий I, в 491–518 гг. – император Восточной Римской империи.

⁷ Квинт Смирнский. После Гомера / пер.: А. П. Большаков, Институт востоковедения РАН, Университет Дмитрия Пожарского, Квинт Смирнский. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 321 с.

ками, он завещал свою многотомную библиотеку Венеции. Так возникла библиотека Св. Марка; на входной двери этого здания до сих пор сохранился портрет Виссариона («Памятники византийской литературы IX–XIV веков, М., Наука, 1969, с. 315).

Научный интерес к поздним авторам был долгое время весьма незначителен. К концу XX века ситуация изменилась. Появились новые фундаментальные научные издания и специальные работы, трактующие основные проблемы, связанные с памятником. Мы укажем на две наиболее новые работы, затрагивающие основные проблемы исследования поэмы⁸.

Считается, что авторы этого времени в Верхнем Египте находились под влиянием реформы гекзаметра, произведенной Нонном Панополитанским, автором огромной гекзаметрической поэмы в 48 песен «Деяния Диониса»⁹. «Египетский поэт осуществил важную реформу гекзаметра, сводящуюся к следующим пунктам: 1) исключение стиховых ходов, затруднявших восприятие размера при том состоянии живого греческого языка, которое существовало к этому времени; 2) учет наряду с музыкальным также и тонического ударения; 3) тенденция к унификации цезуры и к педантической гладкости стиха, оправданная тем, что гекзаметр окончательно затвердел в своей академичности и музейности (начиная с VI в. традиционный эпос постепенно оставит гекзаметр и перейдет на ямбы). Гекзаметр Нонна – это попытка найти компромисс между традиционной школьной просодией и живой речью на путях усложнения правил версификации». (С. С. Аверинцев. История всемирной литературы в девяти томах, том 2, М., «Наука», 1984, С. 344).

⁸ *Cadau C. Studies in Colluthus' Abduction of Helen*, Brill, Leiden – Boston, 2015; *Orestis Karavas. Triphiodorus' The Sack of Troy and Colluthus' The Rape of Helen: A Sequel and a Prequel from Late Antiquity* в издании *Brill's Companion to Prequels, Sequels, and Retellings of Classical Epic (Brill's Companions to Classical Reception)* by Robert Simms (Ed.) Brill, Leiden-Boston, 2018, pp. 52–70.

⁹ *Нонн Панополитанский. Деяния Диониса* / Пер. Ю. А. Голубца. Вступ. ст. А. В. Захаровой. – СПб.: Алетейя, 1997. – 596 с.

На протяжении многих веков Гомер был для своих читателей всесторонним учебником жизни, а для поэтов – неподражаемым образцом и источником вдохновения, вызывая у некоторых авторов желание восполнить текстуально отсутствующие у Гомера линии. Исследователь Karavas, пользуясь современной терминологией, называет поэму Коллуфа *prequel*, а поэму Трифиодора «Взятие Илиона» – *sequel*. Однако существует и произведение, которое последовательно излагает троянские события, ориентируясь на стилистику Гомера, это – сочинение византийского полигистора, поэта, прозаика и филолога Иоанна Цецы в трех частях: До Гомера, По Гомеру и После Гомера (1676 гекзаметрических стихов), в которой чувствуется сильное влияние не древних, а более поздних авторов – Трифиодора, Квинта Смирнского, Диктиса и даже Иоанна Малалы.

Современные издания

Hopkinson N. Greek Poetry of the Imperial Period. An Anthology, Cambridge: CUP, 1994

Livrea E. Colluto. Il ratto di Elena. Introduzione, testo critico, traduzione e commento. Bologna: Pàtron, 1968,

Mair A. W. Oppian, Colluthus, Tryphiodorus, London – NY: Loeb (1928)

Orsini P. Colluthus 'L'enlèvement d'Hélène, Paris: Les Belles Lettres (1972)

Schönberger O. Kolluthos, Raub der Helena. Griechisch-Deutsch. Einl., Text, Übers, und Anmerkungen. Würzburg: Königshausen & Neumann (1993)

Перевод выполнен по изданию Hesiodi Carmina: Apollonii Argonautica; Musaei Carmen de Herone et Leandro; Coluthi Raptus Helenae; Quinti post-homerica; Tryphiodori Excidium Ilii; Tzetzae Antehomerica, etc. / Graece et Latine cum indicibus nominum et rerum

Переводы

edidit F.S. Lehrs; Asii, Pisandri, Panyasidis, Choerili, Antimachi fragmenta cum commentariis aliorum et suis adjecit Fridericus Dübner. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1840 и сверен по изданию A. W Mair.

Библиография

- 1) Cadau C. Studies in Colluthus' Abduction of Helen, Brill, Leiden – Boston, 2015.
- 2) Orestis Karavas. Triphiodorus' The Sack of Troy and Colluthus' The Rape of Helen: A Sequel and a Prequel from Late Antiquity в издании Brill's Companion to Prequels, Sequels, and Retellings of Classical Epic (Brill's Companions to Classical Reception) by Robert Simms (Ed.) Brill, Leiden-Boston, 2018, pp. 52–70.
- 3) Памятники византийской литературы IV–IX веков – М.: Наука, 1968. – 350 с.
- 4) Памятники византийской литературы IX–XIV веков; М.: Наука, 1969 – 464 с.
- 5) История всемирной литературы в девяти томах, том 2, М.: «Наука», 1984.

КОЛЛУФ

ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ

Нимфы Троядские, дочери, рожденные Ксанфом потоком,
Вы, кто порой, побросав на отчем бреге песчаном
Ленты из пышных кудрей и свои игрушки святые,
Вместе с толпой устремляетесь в пляске кружиться идейской –
5 Милость явите, поведайте мне о суде овцепаса!
Вы мне скажите, зачем это он от горных потоков
К морю сошел и отправился плыть, не имея привычки
К делу морскому, и что за нужда была в плавании этом,
Зло породившем такое, что море и твердь содрогнулись –
10 Вот что пастух сотворил! И что за старинная распря,
В коей судьей овцепаса призвали бессмертные боги?
Что был за суд? И откуда же имя нимфы Аргивской
Сведал пастух – довелось вам увидеть своими очами
В пору, когда вы явились на склоны трехглавой Фалекры,
15 Как восседал Парис на своем престоле пастушьем,
Видели вы и победу царицы Харит Афродиты.
Вот как оно началось – средь высей гор Гемонийских
Брачный звучал Гименей, и славил он свадьбу Пелея,
А Ганимед виночерпием был по велению Зевса.
20 Все семейство богов торопилось честью прославить
Брак родной сестры Амфитриты белолокотной –
Зевс ниспустился с Олимпа, из моря исшел Посейдаон,
А с Мелиссента пришел, с благовонных высот Геликона,
Бог Аполлон – хор Муз за собою он вел сладкогласных, –
25 Локоны дивные золотом вокруг лика его отливали.
Трогал Зефир эти пышные кудри, не знавшие стрижки,

Следом и Гера спешила, сестра громовержца Зевеса,
И не замедлила в рощу кентавра Хирона явиться
Даже сама Афродита, царица гармонии брачной,
30 С нею Пейто, и брачный венец чело ее красил,
Шла, неся колчан Эротов, стрелков неустанных.
Вот и Афина пришла, и щит, и меч свой оставив,
Брак Пелея почтить, сама незнакомая с браком,
И Артемида–охотница тоже явила почтение,
35 Дочь титаниды Латоны, родная сестра Аполлона,
Словно в Гефестов чертог, уже без меча и без шлема,
Входит железный Арес, отбросив копьё боевое,
Панцирь совлеки и щит свой крепкий огромный оставив,
В пляс он пустился, смеясь. Одну лишь распря Эриду
40 Без приглашенья оставил Пелей и Хирон не уважил.
Словно телица, что прочь от прекрасного травами луга
Мчит, обезумев, и мечется в чаще лесной одиноко –
Овод, мучитель коровий, изжалил ее кровожадно –
Так и Эрида металась, гонимая завистью тяжкой,
45 Как бы испортить богам торжество, норовила измыслить.
То она вскочит, то снова на трон свой из камня садится,
То колотить по широкому лону земли начинает –
Что ей острые скалы! Она пылает отверзнуть
Мрачные бездны недр, из подземных пропастей вызвать
50 Племя могучих титанов и с их подмогою свергнуть
Трон небесный Зевеса, что с высей царствует властно.
Молнии кинулась было схватить, оглашенная громом,
Да пред Гефестом она, необорная, все ж уступила
Силе огня негасимой того, кто правит железом.
55 Вот пришло ей на ум в свой щит тяжкозвучный ударить
Чтоб на пиру все в испуге вскочили при звуках ужасных –
Да воздержаться пришлось и от этого замысла злого –
Пред щитовержцем железным Ареем она оробела.

60 Тут золотые плоды Гесперид вспоминает Эрида,
Яблоко, – вот что послужит раздору войны! Наконец-то
План подходящий посеять жестокою распрю придуман.
Яблоко, семя грядущей войны, в руках повертела
И запустила в пирующих. Впрямь всколыхнулись богини.
65 Гера – супруга, чья гордость делить Зевесово ложе,
Встала, дивясь, и себе это яблоко взять пожелала,
Но и Киприда, рожденная всех победить красотой,
Длань простирает – ведь яблоко – плод, посвященный Эроту.
Гера стоит на своем, уступить не желает Афина.
Зевс же, увидев, что спорят богини, к себе призывает
70 Сына Гермеса, послушного воле его, и вещает:
«Сын мой, у Ксанфа потоков, текущих в подножии Иды,
Можно услышать пастушью игру Приамида – Париса,
Сей прекрасный овчар пасет на горах свое стадо, –
Яблоко выдай ему, да будет судьей богиням,
75 Пусть разбирает их ликов круги и густые ресницы!
Та, кого выберет он, да получит сей плод превосходный,
Славу красавицы первой и все украшенья Эротов».
Вот что Кронион-отец свершить поручает Гермесу.
Тот же, послушный велению великой отеческой воли,
80 В путь отправляет богинь и заботливо их провожает.
Каждая жаждет красу свою выгодней, ярче представить.
Хитрая эта Киприда накидку спустила пониже,
Вынув заколки, душистые кудри свои распустила,
Нити вплетя золотые, и златом себя увенчала.
85 К детям – Эротам она с такой обращается речью:
«Близится тяжба, о детки! Уж вы порадейте за маму.
Ныне красоты лица суду подвергнуты будут.
Все-таки страшно, кому это яблоко пастырь присудит?
Гера, ведь все говорят, Харит священная мать,
90 Даже державу и скипетр хранит она, всем то известно.

И называют царицей войны постоянно Афины,
Я же Киприда, одна из богов слаба – не владею
Властью царей. Ни Арея копья, ни стрел не ношу я.
Впрочем, чего мне бояться напрасно? Ведь вместо оружия,
95 Вместо меча и копья – сладчайшие жала Эротов,
Пояс волшебный при мне, чудодейственный, лук и стрекало,
Пояс, и если я страсти стрелу из него испускаю,
Жены столь часто страдают от ран моих, пусть не смертельных». —
Так розоперстая молвит Киприда, спеша за Гермесом.
100 Матери милой услышав приказ, малютки-Эроты
Вслед за родимой пустились, готовые встать на защиту.
Вот и достигли они горы Идейской вершины, –
Там, внизу, под отрогами кряжей крутых и скалистых
Юный Парис стада выпасал, достоянье отцово,
105 На берегах, разделенных стремительно мчавшим потоком,
Пас на одном он стадо быков, пересчитанных точно,
А на другом берегу – большую овечью отару.
С плеч по спине свисая, до бедер ему доходила
Шкура горной козы. А у ног был посох положен
110 С загнутым краем, пастуший, которым быков погоняют.
Он у пещеры на месте привычном сидел и негромко
Звонкий напев выводил на свирели простой тростниковой,
Часто за песней своей и быков, и овец забывал он.
Флейта играла, звучала, и стройные звуки лилися,
115 И как прекрасный обычай пастуший велит, посвящал он
Милую песню свою и богу Гермесу, и Пану,
Лай собачий умолк, и в стаде быки не мычали,
Лишь носимая ветром, по дальним горам отзывалась
Нимфа Эхо, что первая голос подать не умеет.
120 Сочной насытись травой, подогнув неспешные ноги,
Тяжеловесы–быки отдохнуть опускались на землю.
Звонко играет Парис, как вдруг вдалеке примечает:

Сам провожатый Гермес под кровом высокого древа!
В страхе вскочив, убегает Парис от божьего взора,
125 Бросив под дубом свою тростниковую звонкую флейту.
Песнь оборвалась его, что столь недолго звучала,
Бог Гермес обратился к нему, дрожащему в страхе:
«Брось-ка подойник, и стадо твое да тебя не заботит,
Ныне ты – судия самим богиням бессмертным,
130 Ныне реши, чей лик превосходит других красотой –
Та, что затмит остальных, сей плод от тебя да примет».
Рек. И Парис, устремив на богинь несмелые взоры,
Робко пытался сравнить их красу. И все оглядел он –
Яркие светочи глаз и шею в затейливых бусах,
135 Золотом блещущих, он оглядел, и убранство прически,
Пятки и те осмотрел, и даже ступни и подошвы.
Он не успел огласить приговор, как богиня Афина,
За руку тронув его, улыбаясь, сказала Парису:
«Слушай меня, Приамид! Оставь ты супругу Зевеса!
140 Незачем думать тебе и о спален царице Киприде,
Мне воздай хвалу – Афине, помощнице в силе!
Ты, говорят, царишь и град охраняешь троянский –
Ну, так по воле моей ты спасителем города станешь.
Даже сама Энио нипочем тебе гневная будет.
145 Мне будь послушен, и я научу и войне, и отваге».
Так говорила Афина премудрая, но понапрасну.
Взгляд исподлобья метнув, белорукая Гера сказала:
«Если меня отличишь, и яблоком я завладею,
Быть тебе, Парис, владыкой Азии полным.
150 Что тебе в этой войне? На что властителю храбрость?
Храбрый и трус одинаково служат приказам владыки.
Слуги Афины отнюдь не всегда среди граждан знатнейших,
Кто Энио почитает, в могилу нисходит до срока».
Властью такой соблазняла его первотронная Гера.

- 155 В воздух взметнув легчайшего платья глубокие складки,
Лоно свое без тени стыда обнажила Киприда,
Нежной рукой распустив Эротов сладчайшие узы,
Стан свой открыла вполне, не смущаясь сосцов наготою,
Сладко она пастуху улыбнулась. И он улыбнулся,
- 160 Весь в ее власти уже, и сказала ему Афродита:
«Мне предпочтенье отдай, и о войнах забудь поскорее,
Выбери нашу красу, и Азию бросив, и скиптры.
Да, я не знаю войны, но к лицу ли щит Афродите?
Более женам пристало сияньем красы выделяться,
- 165 Дам я не силу в бою, а прелестную видом супругу,
Вместо престола тебя возведу я на ложе Елены,
Лакедемон узрит тебя женихом после Трои...»
Речь не закончила даже – Парис уже яблоко отдал,
Плод – награду красе во владение, пеннорожденной.
- 170 Яблоко в руки схватив, Афродита с издевкой сказала
Мужеподобной Афине и Гере, задеть их желая:
«Что, уступили победу, вояки бывалые, все же?
Я красоту обожала, со мною она и пребудет!
Матерь Ареева, все говорят, породила ты в муках
- 175 Хор Харит прекрасноволосых – но что ж они ныне
Кинули дружно тебя, ни одна не явилась на помощь?
Что же Арей не помог, твой Арей с копьем необорным,
Ты и царица, но где же твой щит, что тебя прикрывает?
Где был огонь Гефеста, что пламень рождает дыханьем?
- 180 Как же и ты Атритона Афина, однако, тщеславна!
Ты, что в медное платье свое закутала тело!
Ты ведь не браком зачата и мать тебя не рожала,
Страшный железа удар тебя, словно корень железный,
Вывел на свет из отцовой главы, а не женские роды,
- 185 Ты ведь брака бежишь, стремишься лишь к делу Ареса,
Ты не училась гармонии, слитость сердец тебе чужда.

Разве не ведала ты, что бессильны такие Афины
Вроде тебя, чья утеха одна: это славные войны,
Те, о ком не поймешь, мужчины они или жены».
190 Вот что надменно Киприда рекла, оскорбляя Афины,
Так получила победу, несущую городу гибель,
Геру изгнав и Афины сумев раздосадовать страшно.
А злосчастный Парис, снедаемый пылом любовным,
Страстным влечением к той, кого еще в жизни не видел,
195 Стал мужей собирать, умелых в делах Атритоны,
В лес их повел, и они дубы могучие Иды,
Стали рубить, и Ферекл многоопытный был их начальник,
Он – злоначальник всех бед, безумству царя потакая,
Медным своим топором суда мастерил Александру.
200 В этот же день корабли, как задумано, были готовы,
Даже Афине самой таких не измыслить, не сделать!
Так Парис променял Идейские выси на море,
Часто, пристав к берегам, Афродиту он жертвами славил,
Брачных помощницу дел, а богиня его провожала.
205 Вот по широкого моря хребту подошли к Геллеспонту,
Тут было знаменье им грядущих бедствий ужасных –
Черная буря на них тогда внезапно напала,
Темные в молниях тучи кругом небеса обложили,
Воздух сгустился в туман и ливневый дождь проливался,
210 Море, штормя, волновалось – они ж налегали на весла.
Так удалялись они от земли Дардана и Троса,
Вот прошли, миновав, мимо устья болот Исмариды.
Вскоре им показался за кряжем Пангеи Фракийской
Холм могильный Филлиды, что преданно мужа любила,
215 Видели также дорогу-скиталицу торную снова,
Где раздавались твои, Филлида, печальные стоны.
Все ты, бедняжка, ждала, когда невредимым вернется
Демофоонт твой домой из пределов народа Афины

- Вот уже видимы им Гемонийцев тучные земли.
220 Вот узрели они и земли градов Ахейских,
Фтии, пестуньи мужей и Микен широкодорожных,
Далее плыть довелось близ болотистых мест Эриманфа
И наконец – прекрасными женами славную Спарту,
Град любимый Атрида, узрели на берегу Эвроты.
225 Близ по соседству прекрасно построенный город Ферей
В сени горного леса, дивясь, увидали пришельцы.
Стало быть, плаванье в Спарту для них оказалось недолгим,
Даже устать не пришлось от шума веселых плесков,
Двинув корабль в залив с красиво изогнутым берегом,
230 Те, кто обучен, канатом корабль прикрепили к причалу,
Сам же Парис в потоке реки совершил омовенье,
В водах студеной ее, стекавших со снежной вершины,
Двинулся в путь, и в чужие следы наступать он старался,
Чтобы прекрасные ноги его не запачкались пылью.
235 Шел не спеша, чтобы ветер ему не испортил прическу.
Жителей гостеприимных вокруг возвышались хоромы,
Рядом с домами и храмы, что городу блеск сообщают.
К храму приблизился он и в нем с изумленьем увидел
Местной Афины кумир, отлитый из чистого золота,
240 Далее он миновал Амиклейского дом Гиакинфа –
Тот, что особо любим был у Аполлона Карнея –
Как-то видали его Амиклейцы в игре с Аполлоном –
Все подивились, не верилось, что не богиня Латона
Свету явила его, приняв поцелуй Зевеса.
245 Все же сберечь его бог не сумел от соперника-ветра.
Слезы царя осушить желая, земля породила
Дивный цветок Аполлону, стараясь бога утешить,
Дивный цветок, что погибшему отроку был соименным.
Вот у порога Атридова дома Парис очутился,
250 Встал перед ним, красотой небывалой, чудесной сияя,

- Даже Тиона такого красавца родить не сумела.
Ты уж прости, Дионис, хоть ты и Зевесова поросль,
Был он прекрасен и лик его так красотой и лучился.
Гостеприимного дома засов отодвинув, Елена,
255 Тотчас навстречу ему идет через внутренний дворик,
Видит Париса она, что стоит у ворот, ожидая,
Сразу его приглашает, ведет под крышу жилища.
Из серебра новейшей работы дает ему кресло,
Сесть приглашает его – а сама наглядеться не может.
260 То ей приходит на ум, что он – сын нимфы Киприды,
Бог восходящих на ложе, но это она отвергает.
Он не Эрот – это точно – при нем нет ни стрел, ни колчана.
Значит, конечно, – решает она, на красу его глядя,
Бог виноградной лозы перед ней с блистающим взором –
265 Только тогда почему в кудрях его пышных, прекрасных,
Свежих гроздьев не видно и шея плющом не увита?
И наконец, изумленье смиря, обратилась Елена:
«Гость! Поведай, откуда ведешь ты род свой прекрасный,
Ясно весьма, что своей красотой царю ты подобен,
270 Мне же твой род незнаком среди прочих кланов Аргивских,
Не из песчаного Пилоса ты, Нелея владенья –
Знаю я там Антилоха, твое же лицо незнакомо,
И не из милой ты Фтии, пестуньи мужей богатырских –
Девкалионов род беспорочный весь мне известен –
275 Всех до единого знаю я в славном роду Эакидов,
И Теламона я знаю, и знаю красавца Пелея,
Знаю характер Патрокла и пыл боевой Ахиллеса,» –
Так обходительно молвила нимфа, возжегшись к Парису.
Мягкою речью он ей отвечал, начав издалека:
280 «Если когда-нибудь слышала ты, что во Фригии дальней
Троя стоит – Посейдон с Аполлоном ей ставили башни,
Если когда-нибудь слышала ты о царе богатейшем,

Правящем в Трое, что род плодovitый ведет от Кронида,
Знай, что горжусь и я принадлежностью к этому роду,
285 Знай, жена, – многозлатного сын я любезный Приама,
Я Дарданид, а мой предок Дардан происходит от Зевса,
Тот Дардан, кому, опустившись с высей Олимпа,
Часто служили за плату, при том, что были бессмертны, –
Сам Посейдон с Аполлоном, Олимпа бессмертные боги,
290 Отчий наш град окружили стеною, вовек нерушимой.
Сам я, царица, богинь судия! Небожительниц тяжбу
Мне довелось разрешить и выбрать ту, кто прекрасней,
Я предпочел красоту и блеск и прелесть Киприды –
Мне, как достойную плату за труд судейский, богиня
295 Нимфу желанную, лучшую в мире, отдать посулила,
Ту, что Еленой зовут, родную сестру Афродиты.
Ради нее и решил я в пучины морские пуститься,
Стало быть, раз Киферея велит – сочетаемся браком!
Если ж отвергнешь меня – оскорбишь и меня, и Киприду.
300 Я умолкаю. Тебя ль мне учить, ты ведь ведаешь столько!
Раз уж у вас, у аргивян, такие рождаются жены!
Слабые члены свои укрепили они упражненьем,
Видом подобны мужам, и уж будто не женщины вовсе».
Молвил Парис, она же, потупив прелестные очи,
305 Долго в смятении души ответ ему дать не решалась,
Вот, наконец, потрясенная, все же Елена сказала:
«Верно ли, гость, что отчизны твоей самое основанье
Строили сам Посейдон с Аполлоном в старинное время?
Как бы хотелось и мне на бессмертные эти творенья
310 Глянуть, и луг повидать, игру Аполлона слыхавший,
Там побывать, где в проеме ворот городских богозданных
Часто ходил Аполлон за стадом быков резвоногих!
Ну, я согласна. Из Спарты теперь вези меня в Трою!
Еду с тобой, раз велит Киферея, владычица браков!

- 315 Пред Менелаем ничуть не дрожу, раз ждет меня Троя.
Знаешь, ведь сам Менелай не особенно храброго рода».
Вот как прекраснородыжная нимфа в союз сей вступила.
Той же дорогой, что солнце, и ночь появилась на небе.
Ночь – избавленье от мук, до зари даруя свободу,
- 320 Створки двойные открыв, выпускает рой сновидений.
Там и правдивые сны – убор их – блестящие рожки,
В них являются людям богов неложные речи,
Там и ложные сны, что питают тщету и обманы.
Тою порой пришелец Парис уводит Елену,
- 325 Дом Менелая покинув приветный, на палубу судна.
Гордостью весь переполнен, обещанный груз Кифереи,
Груз, суливший войну, возведя, поспешил к Илиону.
Вот Эригена взошла, и ветер с Гермионы сдувает,
В спальню ворвавшись, ее покрывало. И девочка в слезы,
- 330 Стала она кричать, к себе призывая служанок,
Плача пронзительно, так сквозь рыданья она говорила:
«Где моя мама? Куда она делась? Меня позабыла!
Вечером дом запирала она в моей спальне и вместе
Рядом на ложе одном уснули спокойно мы обе!»
- 335 Плача, она говорила, а с нею и прочие дети,
Тут и народ отовсюду собрался, топтался у двери,
Женщины стали пытаться унять Гермионины слезы:
«Детка, не надо, не плачь, ушла твоя мама – ну что же,
Скоро вернется она! А ты вот от слез заболеешь.
- 340 Разве не видишь? И щечки от слез у тебя похудеют,
Глаз острота притупляется даже у плачущих часто!»
Вскоре уже Гермиона пошла к хороводу подружек,
Вдруг она сбилась с пути, постояла на месте в досаде, –
Вдруг она видит, что горная нимфа пред ней появилась,
- 345 Вышла на луг, и уселась в росистую пышную траву.
Видно она, испував свое тело в отцовских потоках,

Шла, но замешкалась здесь, на берегу потока Эврота.
К ней обратилась тогда Гермiona, заплакавши горько:
«Знает гора, и потоки реки – они знают дорогу
350 К розе, на луг. И зачем это женщины все говорили?
Звезды ложатся спать и ночь в пещере проводят,
Звезды рождаются вновь, но она никогда не вернется,
Мать моя! Где ты? Скажи, на какой ты горе обитаешь?
Может быть, дикие звери в скитаньи тебя растерзали?
355 Нет, не трогают звери потомков великого Зевса!
Может быть, ты с колесницы упала на спину во прахе,
Где-то лежит твоё тело вдали меж дубов одиноких?
Я же бродила по чаще густой тенистого леса,
Все осмотрела, под низкие ветви деревьев глядела, –
360 Тело твоё не нашла – не могу я на лес обижаться!
Может, плавала ты и на дно, утонув, опустилась,
Скрыл тебя плодородный Эврот под влажным теченьем?
Но ведь и в реках, и даже в морской соленой пучине
Нимфы Наяды живут, и всегда они женщин спасают!» –
365 Так говорила, стеная, и вдруг склонила головку,
Сон налетел на нее, тот сон, что Смерти товарищ.
Сну досталось в удел со Смертью общее дело,
Службу такую же он отправляет, как брат его старший,
Вот отчего и слетает Сон на скорбные очи
370 Жен, снедаемых горем, нередко, когда они плачут.
Видя обманчивый сон, Гермiona и впрямь полагала,
Будто бы мать перед ней, и радостный вопль испустила
Девочка, вся в изумленьи, хоть только что наполнилась скорбью:
«Только вчера я рыдала, что ты от меня убежала,
375 Спящую бросив меня на твоём, родительском ложе.
Горы я все обошла! По каким не ходила дорогам!»
Голос в ответ подавая, сказала тогда Тиндарида:
«Бедная детка! Меня не вини в ужасных страданьях!

Муж, что вчера приходил, меня обманом похитил».
380 Молвила. Та, вскочив, пред собой не увидев родимой,
Стала рыдать еще пуще, и громко вопя, причитала:
«Птицы небесные, вы, о прекрасное племя пернатых!
Мчите на Крит, к Менелаю, скажите домой воротиться!
Некий муж вероломный вчера к нам в Спарту явился
385 И похитил у нас всю радость нашего дома!»
Так в слезах, к небесам обращаясь, дитя говорило,
Тщилась мать обрести, бесплодно повсюду скитаясь.
Вот для брака, по воле прекраснокудрявой Киприды,
Через города Киконов и Геллы пролив Этолийский
390 В порт Дарданский жених свою привозит невесту,
Тут с Акрополя высей пришелицу видит Кассандра,
Пышные волосы рвет, на себе разрывает одежду,
Троя же высокозданная, сняв на воротах запоры,
Первопричину гибели в стены к себе принимает.

Примечания

- 1 Ксанф – река в Троаде.
4 Ида – гора в Троаде.
5 Овцепас – Парис.
12 Нимфа Аргивская – Елена.
14 Фалекра – вершина на Иде.
23 Мелиссент – легендарный царь области горы Геликон.
28 Кентавр Хирон обитал в пещере на Пелионе.
30 Пейто – божество любовных уговоров, спутница Афродиты
(Павсаний I. 22. 3).
59 Эрида – богиня раздора, дочь Ночи (Гесиод, Теогония, 225).
60 Яблоко – символ любви, и бросание яблока было
равносильно объяснению в любви.
82 Киприда – Афродита.

Переводы

- 119 Эхо – нимфа, безответно влюбленная в Пана.
139 Сын Приама – Парис.
144 Энио – богиня военной ярости (Гом. Ил. V. 592).
169 Пеннорожденная – Афродита.
175 Хариты обычно считаются дочерьми Зевса и Эвриномы (Гесиод, Теогония, 907). В именах их родителей существуют варианты. Здесь их мать – Гера.
182 Афина вышла на свет из головы Зевса, который проглотил ее мать, богиню Метиду, а Гефест или Прометей ударили его по голове.
195 Атритона – Афина.
197 Ферекл – строитель кораблей для Париса.
201 Афина, покровительница кораблестроения, воздержалась от помощи Парису.
212 Место во Фракии между Маронеей и Стримой (Геродот, VII.109).
214 Филлида – дочь царя Фракии. Когда сын Тезея Демофоонт возвращался из Трои в Афины, он на ней женился. Затем он уехал в Афины, но не вернулся.
247 Прекрасный юноша Гиакинф погиб, и из его крови вырос удивительный цветок (Овид. Мет. XIII.394).
328 Гермiona – дочь Елены и Менелая.

«ПИСЬМО ИЗ НЕСКОЛЬКИХ СЛОГОВ В ЯМБИЧЕСКОМ РАЗМЕРЕ»

(К. Манасси. Обзор истории, 4908)

О. В. Смыка

Александру Васильевичу Подосинову ко дню рождения!

Константин Манасси – византийский придворный поэт XII в. Лишь немногие факты многообразной деятельности Константина Манасси – а это были придворные обязанности, преподавание, сочинительство, – могут быть датированы, да и то в основном приблизительно. Известно, что он, ещё достаточно молодым, оказался в числе интеллектуалов, составлявших салон севастократориссы Ирины, куда входили и Феодор Продром, и Иоанн Цец, и что Манасси был её учителем. По поручению севастократориссы Ирины он написал своё самое знаменитое сочинение – стихотворную Хронику от сотворения мира до правления Никифора III Вотаниата. Поэма составляет 6733 политических стиха.

«Хроника» Манасси была любимым чтением его современников, была переложена в прозе на народный язык и вызвала подражания. Вероятно, в Тырнове был осуществлен перевод «Хроники» Манасси на среднеболгарский язык в прозе, но, несомненно, со стихотворного оригинала. Этот перевод очень точен и отражает небывалое богатство

поэтического языка оригинала, особенностью которого являются многочисленные новые лексемы, образованные как по модели гомеровских сложных слов, так и представляющие специфику образного языка Манасси. Исследователь среднеболгарского перевода Вейнгарт подсчитал, что в среднеболгарском переводе 868 сложных слов, и больше половины из них не зафиксировано словарями.

Среднеболгарский перевод «Хроники» оказал огромное влияние на развитие древнерусской литературы. Почти весь корпус «Хроники» был включён в «Русский хронограф» 1512 года. Уже из «Русского хронографа» фрагменты «Хроники» попадают в состав других памятников – в Никоновскую летопись и в Лицевой свод. Так, в Лицевом своде оказывается «Повесть о создании и поплении Тройском», взятая из «Русского хронографа», и это при том, что Лицевой свод уже содержал перевод латинского романа Гвидо де Колумна о Троянской войне. Но, главное, что «Хронике» Манасси подражают писатели XVI в., а затем и авторы первой половины XVII в. Как пишет М. А. Салмина, ««Хроника» Константина Манасси, войдя в XVI в. в Русский хронограф, в значительной мере определила стиль и манеру русского хронографического повествования последующего времени и явилась образцом для оригинальных исторических произведений... Её стиль становится господствующим в русской хронографической литературе».

Мы хотим обратить внимание на весьма примечательный факт: в поэме, написанной политическим стихом, Манасси точно цитирует ямбы, которыми обмениваются преследуемые императором Феофилом Мефодий и иерусалимские братья Феофан и Феодор (см. о них Д. Е. Афиногенов. «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия, М., Индрик, 2003). По приказанию Феофила, мученикам-братьям были нанесены на лица некие ямбы, и после этой пытки братья стали называться Начертанными (граптами). Манасси в одной строке (4785) говорит об этом, называя написанное «ямбоплётством». Есть источники (Продолжатель Феофана, Житие Феодора), где полностью приводятся 12 ямбов, со-

«Письмо из нескольких слогов в ямбическом размере»

чинённых Феофилом. Манасси не устаивает цитирования строки графомана-мучителя, зато с великим почтением, с высокими похвальными эпитетами он приводит краткие письма братьев к Мефодию и его ответ им. Эта переписка мучеников-поэтов увековечена поэтом-хронографом. Вот эти строки:

4911 Живому мертвецу, но жизнь дарящему,
Кто, на земле живя, небес касается,
Закованному, пишут Начертанные.

Ответ Мефодия:

4915 Кто в книгу навсегда внесён небесную,
На чьём лице – печати добродетелей, –
Союзникам – тот, кто схоронен заживо.

«Русский Хронограф» также приводит в прозаическом переводе эти, написанные «амврикийскимъ числомъ» стихи Манасси, но, следуя принципу максимальной полноты изложения, «Хронограф» включает и оставленные Манасси без внимания пыточные стихи, запечатленные на лицах Начертанных братьев: «Всякому желающему притекати ко граду сему. Идѣже пречистѣи нозѣ сташа Божіа Слова на вѣставѣ вселенныа, явишася честному мѣсту сему сосуди лукавіи злобесовныа прельсти, тѣмже, много невѣріем содѣявше скверная и злая злочестивым мудрованіем, далече отогнашася яко отступници; ко граду же сему державному пришедше, не оставшася злаго буйства, тѣмже и написашася лица их яко злодѣем, осужаются и отгоняются и отсюду паки». (Гл. 165.)

В «Византийских легендах» читаем: «Что может быть лучше и удивительнее, чем уподобиться подвигом своему создателю? Ибо как Христос мой был бичеван, стоя пред лицом Пилата, так и его верные слуги радостно принимали удары за него и его икону. Когда

Переводы

палачи прекратили бичевание, император говорит святым: «Зачем вы пришли сюда, нечестивые?», – желая услышать от них: «Чтобы принять вашу веру». Но так как святые молчали, ничего не отвечая ему и глядя в землю, император сказал епарху: «Возьми этих нечестивцев, начертай на лицах их ямбы и передай обоим сыновьям Агари – пусть доставят их на родину». Рядом с императором стоял тот, у кого были эти ямбы, по имени Христокул; ему император велел вслух прочесть стихи, добавив такие слова: «Не беда, если стихи нехороши». Он сказал это, зная, что «подвижники Христовы в совершенстве постигли правила поэтики» и могут осмеять стихи. Кто-то из присутствующих, желая угодить императору, заметил: «Эти люди, владыка, и не заслуживают лучших ямбов». Вот что сказали и что свершили суесловы те. Мы же приведем эти ямбы и повторим их в своем повествовании, поскольку знаем, что от этого не может быть вреда. Их счетом двенадцать, и они были начертаны в Претории на лицах святых исповедников Феодора и Феофана в правление Феофила и гласили так:

Подобно людям, что хотят увидеть град,
В котором Слово Бог, вселенную творя,
Поставил некогда пречистые стопы,
Они пришли сюда в священные места,
Кощунства и хулы злокозненный сосуд,
Свершили много страшных и постыдных дел
Безбожномысленно, неверия полны.
Отступников изгнали из святой земли,
Но в граде царственном убежище найдя,
Не отступили от нечестья своего.
За то их осудил карающий закон:
Они – преступники с начертанным лицом».

(Византийские легенды, Л., Наука, 1972, стр. 126; перевод стихов Г. Г. Шмакова.)

Библиография

- 1) Constantini Manassis Breviarium historiae metricum / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1837.
- 2) Русский хронограф. Серия: Полное собрание русских летописей, Том 22. Издательство «Языки русской культуры», М., 2005 – 896 с.
- 3) Салмина М.А. Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа. – Труды Отдела Древнерусской Литературы 32 (1977), 279–287.
- 4) Среднеболгарский перевод «Хроники Константина Манассии в славянских литературах» / Ин-т лит. Болг. АН, Ин-т рус. лит. АН СССР (Пушкинский Дом); введ. Д. С. Лихачева; исслед. И. С. Дуйчева и М. А. Салминой; подгот. текстов М. А. Салминой; словоуказ. О. В. Творогова. – София: Изд-во БАН, 1988. – 489 с.
- 5) Афиногенов Д.Е. «Повесть о прощении императора Феофила» и торжество православия. М.: Индрик, 2004. 191 с.
- 6) Из «Хроники» Константина Манассии / Пер. О. В. Смыки // Труды кафедры древних языков МГУ. III. М., 2012. С. 228–246 [стихи 1–143, 2546–2554, 6722–6733].
- 7) Weingart Milo. 1890–1939 «Byzantské kroniky v literatue církevnoslovanské; pohléd a rozbor filologický» V Bratislav Filozofická fakulta University Komenského, 1922.
- 8) Византийские легенды, издание подготовила С. В. Полякова, Л., Наука, 1972 – 302 с.

НА ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ВО ДВОРЦЕ

НИКОЛАЙ КАЛЛИКА

Воздвиглись троны, книги распахнулись вдруг,
Уста могил раскрыли звуки трубные,
Животворит умерших дуновение,
Что выдыхают духи литургически,
И сонмы поклоняющихся ангелов,
Христос, Твоё являют нам пришествие.
Вот грозный Судия, вот трон немислимый,
Вселенский трон Судьи – и Суд вершит сам Бог –
Кого осудит только за деяния,
Кого-то – и за промахи и помыслы.
И вот я сам дрожу перед Судом Твоим,
О. Весовщик сердец, насквозь всё видящий!
Я в левый ряд поставлен, пламя жрёт меня,
Ай-ай, охвачен я рекою огненной,
Во мне – бессонный червь и кости ест мои,
Да, скипетр – дым, порфира – прах, не более,
Богатства все – ничто, венец – безделица,
Пусть это всё горит! Но есть спасение –

Николай Калликл. На второе пришествие во дворце

И если всё сгорает в наказание,
Я всё-таки спасусь, спасусь из пламени,
На это только глядя, свой вершите Суд!
Не глядя на меня и сан мой царственный,
И кару дайте в меру прегрешения,
Да буду я судим, как сам я суд вершил!
И мерою такой судите Вы меня.
То – Слово Бога, Слову должно веровать,
Вам это говорю, я это вам пишу,
Я, Алексей Комнин, царь над Авзонами.

22 сентября 2015 г.

ЧЕРНОВИКИ ПЕРЕВОДОВ

КАЛЛИМАХ И ХРИСОРОЯ

**Вступление к проэмию: как этот мир устроен:
Начнем рассказ: был человек, что испытал немало,
И страсть, и подвиг, был любим великою любовью**

5   Здесь, на земле, нет ничего, что горю не причастно –
В людских делах и действиях, во всем, что происходит,
Чем ни займись – политикой, землею иль торговлей,
Печаль и радость смешаны, растворены друг в друге.
Прекрасное и сладкое несет свои тревоги,
Бывает, прелесть и краса рождают огорченья,
10   А слава и величие, богатство, уваженье,
Разумность, прелесть, знания, блистательная смелость,
Любовь и привлекательность, достойная наружность –
Все, что должно, казалось бы, нести с собою счастье –
Таит опасность порождать завистливую злобу,
15   Что может умалить, сгубить, несет хулы возможность,
И может беды принести – вот где раздолье горю!
Ведь можно просто потерять все то, чем дорожим мы!
А страсть, коль ей ответа нет, терпенья не имеет,
И нет ей дела, так сказать, ни до чего на свете.
20   И, как любовь все вокруг себя отрадой милой полнит,
Так и разлука все кругом пропитывает горем.

Прочтя писание сие, стихи его познавши,
Ты впрямь узнаешь, каковы Эрота сласть и горечь,
Его природа такова – сливать блаженство с мукой.
25 И вот об этом-то теперь свой сказ и поведем мы.

Начало, продолжение и все, что было дальше

Жил царь на свете варварский, властитель пренадменный,
Хозяин множества богатств, больших земель владыка,
Гордец невыносимейший, всем видом неприступный.
30 Три сына было у него, пригожих и приятных.
Их красота и добрый нрав любовь к ним вызывали.
И все-то восхищало в них, а храбрость – наипаче.
Царь, видя, что его сыны равны по совершенству,
Равны и статью, и красотой, и силой благородной,
35 Любил всех одинаково отеческой любовью.
Хотел он видеть одного в наследственной короне,
Но и второму он желал такого же наследства,
И также сыну третьему хотел он всей душою
Отдать самодержавное страню управление.
40 Считал достойными их всех венца и царской власти.
Лишь одному он не желал дать явно предпочтенья,
А всем троим оставить власть над целым государством
Он не считал приемлемым, он знал, как бесполезно
Для смуты почву создавать, для бед и беспорядков.
45 И вот, воссев на царский трон, позвать сынов велел он,
И, всей душою их любя, сказал такое слово:
– О, чада, вы, краса души и плоть моя от плоти!
Желаю я сложить с себя венец, и власть, и славу,
И в ваши руки передать высокое наследство.
50 Любовь горячую я к вам единую питаю
И не могу решить, кому отдать мне предпочтенье,

Кого же первым мне назвать и свой венец доверить.
Однако не желаю я, чтоб правили вы вместе,
Ведь я хочу, чтоб мой венец и вся моя держава
55 Пребыли в мире навсегда, отныне и вовеки,
Совместное владение всегда рождает смуты.
Ведь как нельзя предмет любви иметь совместно с кем-то –
Так точно сообща нельзя владеть державной властью!
Вот деньги – тут их множество! Вот вам – берите войско,
60 Вот все, что будет надобно для подвигов великих –
Сокровище, оружие и снаряжение войску –
Берите все, что хочется, что нужно вам в походе.
Пусть тот из вас, кто выкажет особенную доблесть,
И ум свой полководческий, чутье свое и мудрость,
65 И совершит, что более всего царя достойно,
Чей подвиг водрузит трофей, что будет всех огромней,
Тому и передам я власть, вот тот царем и станет,
И я взамен себя его на царство увенчаю.
На речь царя его сыны никак возразили.
70 И не сказали ничего о царственном решении,
Но, попрощавшись поскорей, все трое в путь пустились,
В душе надежд исполнены, с огромною любовью,
Стремленьем полнясь к доблести, с веселым легким сердцем,
К тому же с войском слаженным, с достаточным обозом,
75 Прекрасно оснащенные, с оружием превосходным.

О том, как братья все втроем отправились в дорогу

Так совершали путь они, то гладко, то с препоной
(Мой стих, пожалуй, обойдет молчанием все это),
И забрели в конце концов в такую глушь и пустынь,
80 Где натолкнулись на скалу горы такой высокой,
Что уходила в облака она своей вершиной,

Глухая, мрачная гора внушала братьям ужас.
Тут стали братья размышлять, как быть и что же делать.
И старший брат тут говорит: «На гору нет подъема!»
85 Она настолько подняла свои вершины к небу,
Что достигают облаков ее деревьев кроны.
Давайте лучше прочь пойдем, покинем эту местность.
Поищем что-нибудь еще, пойдемте на равнину!»
Его послушал средний брат, немедля отвечает:
90 «С тобой согласен я вполне – покинем местность эту!
Кто сможет на гору взойти, в заоблачную кручу?
Скала совсем отвесная и лес растет до неба,
Как нам карабкаться туда с повозками, с обозом,
Как войско поведем туда, как поведем верблюдов –
95 А их бесчисленно – как туда, на эту высь забраться?
Ведь если б здесь, вблизи горы, на местности подобной
Имелись жители – они деревья бы рубили,
Дорогу б в гору провели – она была б видна нам,
А здесь не видно и следа какой-нибудь охоты.
100 Но нет. Не видно ничего, тут полное безлюдье!»
А третий: «Ваши все слова мужчины не достойны!
Нет, если даже я найду, пойдя туда, погибель,
Не отступлю перед горой – ее я не пугаюсь!
Коль победит меня скала, коль этих мест боюсь я,
105 Как войском мне командовать, какой свершу я подвиг?
Как я предстану пред отцом, в лицо ему взгляну я,
Как встретить взгляд его смогу, что трепет мне внушает,
Мне что же, нужно позабыть отцовские наказания,
Условия, что поставил нам, и поступил столь мудро! –
110 Мы что – дадим лишить себя и царства, и наследства
Скале какой-то неживой, и нас ни с чем оставить?
О наш отец, о царь отец, твои потомки – трусы!
Еще война не началась – они бегут от битвы!

- Ну что ж – другому передай свое самодержавье,
115 Кто не из рода твоего, и кто не твой по крови,
Другому – будь он хоть чужак, мил был бы муж душою!
А нас – гони, о царь отец, и не зови сынами!
Да, показали мы себя таким своим поступком,
Что мы – как женщины душой, боимся даже леса!
120 Стыжусь я воинов своих и полководцев верных,
Я перед ними осрамил отеческую доблесть!
А ты, великий царь отец, на беглецов взирая,
Бегущих прочь невесть куда, трепещущих, разбитых,
Как можешь власть им передать, и увенчать на царство?
125 Нет! Если это будет так, во мне не станет духа
Отца увидеть моего. Я род не опозорю!
Нет! Нынче я не погублю самодержавной власти
В порыве малодушия, по трусости сердечной!
Итак – войска мои, обоз, большое снаряжение,
130 Прекрасные, богатые, тяжелые по весу,
Что невозможно вверх внести – ведь круча неприступна –
Гора отвесная гладка, а лес стоит стеною,
Итак – начальников, войска, верблюдов, скот мой верный,
Все снаряжение, обоз, все, что в походе нужно,
135 Оставим здесь, и налегке на гору устремимся
Лишь при оружии, верхом попробуем подняться
На кручу страшную, как то мужчинам подобает».

О том, как третью речь они сочли из всех вернейшей

- 140 Два первых брата, после слов, что третий брат сказал им,
Стыд возымели, подались, сказали: «Так да будет!»
И тотчас войско все свое и весь обоз огромный –
Все, что несли они с собой, все слуги их и стражи,
И все сокровища казны, и все свои припасы –

- Все это двинулось назад, в обратный путь пустилось.
145 А братья начали подъем, карабкались упорно,
Старались – и в конце концов добрались до вершины.
С тех пор, как стали восходить – три месяца минуло.
Одновременно все втроем вершину покорили.
Глядят – а там так хорошо, и место так приятно,
150 Пред ними расстелился луг невиданно красивый,
Река струилась по нему с кристальной водою,
И покрывает луг ковер из роз и нежных лилий
И всевозможнейших цветов, что душу восхищают.
Тут братья распрягли коней, присели, отдохнули,
155 Коней пустили погостить на мягкий луг прекрасный,
И все дивились красоте невиданного места,
Потом в реке омылись все, и третий брат сказал им.

**Вот речь о новом замысле, что к старшим братьям молвил
Их третий, самый младший брат, что звался Каллимахом:**

- 160 «Да не сочтем, что здесь – предел для подвигов похода,
Что сможем мы сказать отцу о наших достижениях?
В чем подвиг – сидя на лугу цветами любоваться
И безмятежно созерцать лишь лилии и розы?
Для цели нашего пути и для отцовской воли,
165 И для стремления к венцу верховной царской власти
Нам бесполезны красота и прелести пейзажа».
Признав сей речи правоту, пришлось подняться братьям,
Пришлось покинуть им места, что столь приютны были,
И за оружие взяться вновь, и снова в путь пуститься.
170 И, наконец, пришли туда, где кручи и утесы,
Туда не только человек ни разу не являлся –
Туда и зверь не забредал, и птицы не летали.
Но братья продолжали путь по местности столь странной,

Вдруг видят: замок там стоит, огромный, необычный.
175 Невольный ужас он внушал, подъехали все трое –
А был он обителищем ужасного дракона.

А вот и описание драконового замка

Стена была высокая, снаружи золотая –
Из золота чистейшего – и так она сияла,
180 Что блеск ее превосходил лучей сиянье солнца,
А крыши зданий сделаны (и башен крыши тоже)
Из смеси золота, жемчуга и дорогих камней –
Вот сколь прекрасен замок был. А уж его ворота –
Великолепны и страшны, прекрасны и ужасны.
185 Их украшали золото и жемчуг благородный,
И камни драгоценные цены невероятной,
Узор их был продуманным, нисколько не случайным,
Рисунок – преизысканный и очень гармоничный,
А сторожили те врата, что были на запоре,
190 Живые змеи страшные, невысказанно большие,
Они совсем не знали сна, все замок сторожили,
И столь чудовища сии на вид ужасны были,
Что лишь взглянув, от страха вмиг погибнуть было можно.
Три брата, видя замок сей в его великолепии,
195 В глубоком изумлении стояли, поразившись
При виде блеска золота, сияния камней
И красоты построек всех, что в замке находились.
Стена была столь высока, что к ней не подступиться,
Вокруг же ни души людской, ни зверя никакого,
200 Ни птицы – даже воробья – ужаснейшее место.
Объехав замок сей кругом, искали входа братья,
Но только башни высились и в небо уходили.
Они дошли и до ворот, блистающих, богатых,

- И змей они увидели – и стражей испугались,
205 Но так понять и не смогли, что это был за город,
И кто же был хозяином блистательного замка.
Они чуть-чуть отъехали, подальше отступили,
Чтоб вмиг не стать добычею и пищей стражей замка,
Их видя, в ужасе от них, отпрянув, убежали.
- 210 **О чем шла речь в ответе их, о том, что надо делать,
Что говорил им Каллимах, что старший брат, что средний**
- Брат старший молвил: «По всему понятно – замок этот
Нельзя ни с бою силой взять, ни одолеть осадой.
Какая может быть война, как выступить в сраженье,
215 Когда твой враг не человек, а чудище природы?
Я вижу замок пред собой из жемчуга и золота,
Весь в драгоценнейших камнях, украшенный прекрасно,
Тут змеи, вижу, страшные, каких и не бывает,
Что неусыпно стерегут сей замок неприступный.
220 И понимаю я умом, что этого хозяин,
Дракон ужасный – людоед, он царь тут и владыка,
Подумайте как следует и, наконец, поймите –
Нельзя, чтоб победили нас и жемчуга, и золото,
Придется души нам отдать за эти побрякушки!
225 Пойдемте прочь от этих мест, поищем что другое!»
Послушав брата старшего, его услышав мненье,
Второй сказал: «И я бегу от этих змей подальше,
Схватиться с чудищем в бою нужда не заставляет,
То против правила войны и мудрости стратега».
- 230 **Упорно хочет третий брат противостать природе**
- Но третий брат не слушает, что старшие сказали,

Он говорит: «Пусть вижу смерть уже перед глазами,
И ясен риск, и сам Харон уже неподалеку,
.....

- 235 Я не оставлю, не уйду, я ни за что не брошу
Такую замка красоту, его такую прелесть.
Сиянье злата, блеск камней, сверкание лихнита,
Ведь если столько красоты в нем видится снаружи,
То что же там еще внутри, чем душу поразит он?
Нет, что ни ждет меня потом, и что бы ни случилось,
240 Я доступ к этому найду, что там внутри – увижу!
Ну что ж. Счастливый путь вам! Я один иду на подвиг,
Один снесу я все труды, чтоб чудом насладиться.
А если ждет меня беда и встречу я опасность,
И если смерть я там найду – то это жребий общий!
245 То будет значить: от меня удача отвернулась,
И унеслась куда-то прочь, навек меня оставив!»

Что старший брат ему в ответ промолвил в сокрушении:

- «Никто не знает, что ему предписано судьбою.
Ни предписания судьбы, ни колеса удачи
250 Никто не может обойти – и даже зря стараться.
Тебя же колесо судьбы сейчас несет и вертит,
И подкатилось оно почти к воротам смерти.
Зачем же самому идти в опасность таковую,
Зачем с природой воевать, зачем с природой биться?
255 Не жди побед, разгрома жди, а вслед за тем и смерти,
А не свернешь, и выступишь, и победишь, быть может –
Неясно, что получится, к чему твоя удача».

**И тут вручает старший брат в подарок Каллимаху
Свое волшебное кольцо, чудесное, золотое**

- 260 «Дарю тебе мое кольцо – прими его в подарок.

В минуту трудную оно утешит и поможет,
В беде ты вспомни про него – оно тебе послужит –
Ведь если в рот его возьмешь – то в тот же миг, немедля,
Ты будто крылья обретешь и от беды спасешься».
265 Тут братья крепко обнялись, со стоном зарыдали,
Ланиты расцарапали, и в грудь стучали скорбно,
И распрощались. Третий брат совсем один остался.

**Прощанье невеселое и горькая разлука,
Тоска по братьям сильная, страдание и горе**

270 А третий брат, уже один, кругом обходит крепость,
И видит – место есть одно, повыше, чем другие,
Туда копьё вгоняет он, чтоб стену перепрыгнуть.

**Вот что увидел Каллимах, когда проник за стену:
Теперь опишем дивный сад и замок небывалый**

275 Вот перепрыгнул стену он с отвагой беспримерной
И оказался во дворе диковинного замка.
И что же он увидел там! Неслыханное диво!
Какая прелесть, красота, услады и утехи!
Умом их все не охватить и счетом не исчислить,
280 И нет такого языка, что их хоть как опишет,
Как будто это райский сад, каким он сотворен был –
Плоды чудесные, цветы, дерев листва густая,
Все дышит прелестью такой, что слову не подвластно.
Сад источает аромат, и вид его чарует,
285 Недостает лишь одного – садовника не видно!
И вообще нет никого, кто б садом занимался,
И ни одной живой души здесь не было заметно.
Но что лишь в общих я чертах все говорю о саде,
Ведь лучше описать его подробно по порядку.

290   **Теперь я опишу бассейн весьма необычайный**

В середине сада дивного, изысканного парка,
Была купальня – как она была необычайна!
Изящная, плескаться в ней самим Харитам можно.
С чего начать описывать? Что первым мне поведать?
295   Как велика иль как светла? Какой блестит отделкой?
Как светом полнится она? Цветами изумляет?
Бассейна чашу окружал стеною лес растений,
И благовонные цветы к воде его склонялись.
Ведь мастер, строивший бассейн, хитро его задумал –
300   С большим умением сделал он на сложных дверцах окна,
Что открываться так могли приспособленьем хитрым,
Чтоб благовонная листва могла и внутрь проникнуть.
А вместо плит из мрамора цены невероятной,
Бассейн был сделан из стекла, прилаженного крепко,
305   Но необычнее всего еще другое было –
Творец-умелец смог придать стеклу такое свойство,
Что пар, идущий от воды, своим густым дыханьем
Не замутнял, не закрывал прозрачную поверхность,
Такое сделал он стекло – оно не замутнялось!
310   И даже облако паров лихнит не помрачало!
А если дверь приотворить, дверь, что ведет к бассейну,
Увидишь отражение такого же бассейна,
Покажется, что там другой такой же сад посажен,
Деревья с пышною листвою, обильные плодами,
315   И трудно будет различить, где сад, где отраженье.
А купол сделанный над ним весь золотой, в камнях,
Он был как крона дерева, но только золотая,
И мастер выложил на ней плоды из самоцветов.

Описание карниза

- И шел под куполом карниз, сработанный на диво,
320 Дивлюсь уменью мастеров и золота природе,
Что превратилось в виноград, рукам покорно умным,
Как дивно мастера резцу оно послушно стало.
А если взор не без труда переведешь пониже –
Другое чудо пред тобой, великая отрада –
325 Наполнен розовой водой бассейн – вода клокочет,
Бурлит и испускает пар, дымок своеобразный,
И этот пар вселяет дрожь и сердце потрясает,
Ведь струи розовой воды, что действуют столь сильно,
Там человечья голова из золота литого
330 Фонтаном исторгает, льет поток невероятный
Из уст как будто бы живых, вот сколь умело мастер
Дел золотых из головы фонтан устроил дивно.
Посмотришь – скажешь – голова ну прямо как живая.
Вот сколь умел был мастер тот, что с золотом работал –
335 Ведь так он золото отлил, что стало головою.

Описание дверей

А что за двери! Их декор причудливо сияет,
Древес индийских красота и мускус аравийский,
Что вкраплен тонко и хитро в древесную породу.
Для тех, кто ценит красоту – сердечная отрада!
.....

Описание занавеса

- 340 А на двери, что внутрь вела, в пространство той купальни,
Висела занавесь – она сюда столь подходила.

Переводы

Она была сплетением чудесных роз и лилий.
И взор не мог насытиться, на чудо наглядеться,
Но что тут тратить много слов, описывать подробно?
345 Взглянуть на это – и тогда все скорби позабудешь,
Ты снова радость обретешь, и все в тебе воскреснет!
Но вот что странно – ни следа присутствия людского,
И Каллимах не понимал, куда же делись люди,
И захотел он разузнать, хоть след найти какой-то,
350 Понять, что это, и себе в уме он говорил на это:
«Конечно, есть и человек, хозяин сей купальни».

Описание печи

Пошел искать он, где же печь – истопника искал он,
Ведь, несомненно, должен быть, кто грел в бассейне воду,
Ходил-ходил, искал-искал, но никого не встретил.
Но обнаружил, что огонь в печи горел спокойно,
355 Горел себе без помощи служителя какого,
И в топке было вместо дров из Индии алоэ.

Описание стола

А после дивной красоты купальни необычной,
И после множества других невиданных диковин,
Увидел он накрытый стол – изысканные яства,
360 О, что за роскошь! Что за блеск, какое изобилье!
Все, что там было, перечесть и слов-то мне не хватит,
Не описать всех тонкостей, не сосчитать достоинств,
Работы драгоценной стол, роскошная посуда,
Из золота чистейшего изящные приборы,
365 И драгоценна их была тончайшая работа!
Но среди этой красоты, средь роскоши безмерной

Нет ни одной живой души, нет тени человека!
Нет ни прислуги у стола, нет странников при входе,
Никто не служит, не несет роскошнейшие блюда,
370 И Каллимаху это все весьма казалось странным,
И со смущением в душе родилось беспокойство.

А вот рассказ о том, каким роскошным было ложе

Там, пораженный, видел он и ложе дорогое,
Покрыто тканью золотой, лихнитами расшито,
375 Так называется рубин особенного блеска.
И вновь дивился Каллимах, что ложе золотое,
Златым покрытое ковром, камнями расшито,
И сервировке золотой, и кушаний обилью –
Не понимая, почему здесь никого не видно,
380 Он говорил: «Откуда здесь такие горы золота,
И кто принес сюда, собрав, камней этих россыпь?
Здесь бесполезно это все, и никому не нужно!
Ведь золото и краса камней обычно людям служат!
Не понимаю это я, дрожу от изумленья
385 Среди безмерной красоты и полного безлюдья.
Владельца нет, и как взялось богатство – непонятно.
Мне странно это, я боюсь, – все вопреки природе,
И может быть, большое зло за этим всем таится».
Так говорил он про себя, питая беспокойство,
390 И говоря, меж тем присел на ложе дорогое,
Поел, насколько можно есть, когда душой встревожен,
Поднялся – и невдалеке он стол другой увидел,
Что по-другому был красив, с камнями другими,
На нем посуда из камней цены невероятной,
395 Всех видов чаши и ковши, с узорами, резные,
Умелой сделаны рукой из камня гиацинта.

Сосуды были для воды из яркого лихнита,
В них было ценное вино и всякие напитки –
Вот были чаши каковы – убор стола второго.

400 **Теперь расскажем мы о том немного поподробней**

И много дорогих камней, сияющих, прекрасных.
.....

Сей стол второй уставлен был сосудами такими –
В них было разное вино и всякие напитки,
405 Был в вазах белый снег и льда прозрачные кристаллы,
Что облегчение несут от яростного жара,
Но что я долго говорю про разные напитки?
Конечно, Каллимах устал от зноя по дороге,
Но злее жгло его огнем полнейшее безлюдье,
Он был один, совсем один в сем месте необычном,
410 Воды студеной он испил – немного полегчало,
Но все еще теснили грудь и страх, и беспокойство,
И угнетала пустота безлюдного пространства,
Но все ж заставил он себя пойти еще подалее,
И вновь предстали перед ним волшебные красоты.

415 **Расскажем здесь, как он пришел в драконово жилище**

Вот зал – он сплошь из золота! О, кто сказать способен,
Как он хорош! О, кто сочтет все то, что там красиво!
Та зала – красота сама, и всех Харит жилище.
Как рассказать, как описать, как выразить словами?
420 Сам зал – жемчужно-золотой, а потолок из злата,
Сверкает золото огнем и жемчугом мерцает,
Переливается огнем камней драгоценных,
Но он – как небо, сотворен с путями звезд бродячих,

Каллимах и Хрисороя

И я дивлюсь – ведь механизм, хитрейший и тончайший,
425 И небо это сотворил, и звезд пути отметил.
На необычном потолке, сплошь золотом покрытом,
Изображался Крон, и он держал руками небо,
На троне сидя высоко, в седирах белоснежных,
И Зевс там был изображен, он, светлый, шел по небу
430 Как царь, великий грозный царь, властитель всех народов,
Кому подвластны все цари, кто всех венцов хозяин.
Сияла также там звезда – то светоч Афродиты
В лучах слепящей красоты и прелести безмерной,
Ареса тоже рядом с ней изобразил умело,
435 И был престол – на нем сама Афина восседала,
Хариты также были там, что небом управляют,
Вокруг сияли и цвели бессчетные созвездья.

Печаль и ужас

Но что это! На потолке сумел создать художник
440 Другое небо – и оно конечно, было чудом!
Художник там изобразил живущего на небе
И бесподобность мастерства вселяла изумленье.
Но здесь, под небом золотым, страданье обитало,
Гнездилась горькая беда, мучительные стоны –
445 Как этот ужас описать, душой не содрогаясь?!
Как удержать потоки слез, рассказывая это?
Как не лишиться чувств, чтоб вмиг не разорвалось сердце?

За волосы подвешена, там девушка висела

Мне больно долго говорить: на потолке висела,
450 За волосы подвешена, одна, в пустынном зале –
О нет, теряю чувства я, рассудок я теряю –

На волосах она висит! Судьба, о что творишь ты!
За волосы подвешенная девушка! Смолкаю!
Молчу! Я с мертвою душой пишу сейчас об этом.
455 Да, всех Харит питомица – на волосах висела!
И третий, младший сын царя, краса самих Эротов,
Могучий, смелый, полный сил, бестрепетное сердце –
Как будто вмиг окаменел – совсем застыл на месте,
Не в силах двинуться, смотрел, не в силах шевелиться,
460 Ему казалось – перед ним какая-то картина –
Так красота лишает нас и речи, и сознания –
И пред красою сей жены, сей девушки, сей девы,
Пред столь великой красотой, столь прелестью великой,
Стоял, смотрел, утратив речь, душа его двоилась,
465 Окаменело он стоял – а сердце замирало –
Он потрясен был красотой и прелестью безмерной,
Стоял бездвижно и смотрел, а сердце разрывалось
И восхищеньем красотой, и болью сострадания.
Он смог всего лишь застонать в сердечном сокрушеньи.
470 И тут страдальчески она сквозь боль, перемогаясь,
Сквозь боли жгучие, язык напрягши, так сказала:

Ответ девицы юноше, исполненный страдания

Она сказала: «Человек, ты кто? Откуда прибыл?
Быть может, только призрак ты в обличье человека?
475 Умен ты, храбр – иль, может быть, ты глупый и трусливый?
Ты кто такой? Чего молчишь, стоишь и только смотришь?
Неужто занесла судьба тебя мне на погибель?
Так убивай меня скорей, ничуть не сожалея,
Ты видишь, на какое зло мое отдали тело,
480 И если, глядя на меня и впрямь ты сострадаешь,
.....

И если, наконец, Судьба сыта моею болью,
И всеми муками, всем злом, меня терзавшим долго,
Освободи меня скорей от всех моих мучений,
Я возблагодарю Судьбу – убей меня скорее!
485 Но если вдруг явился ты для моего спасенья?
О нет, того не может быть! О, не молчи, скажи же!
Но нет, такого слова нет, что было б утешеньем,
О, говори, ты видишь – я дышу уж через силу!
Ты – в логове драконовом, жилище людоеда,
490 Ты что, не слышишь этот гром и молнии не видишь?
Он подлетает! Что стоишь? Он здесь – беги сейчас же!
Дракон силен! Он – людоед! Скорей, скорее прямо!
Но если не найдет тебя, быть может, ты спасешься,
Вон видишь – чан из серебра, да вот стоит он, видишь?
495 Скорее прячься под него и там лежи тихонько,
Коль повезет – избежешь ты дракона злого чрева,
Скорей беги, скорей ложись, молчи – он подлетает!»
И вот послушен Каллимах совету бедной девы,
За волосы подвешенной на потолке из золота,
500 Помчался, мигом спрятался, под чан большой забрался.

Теперь о том, как в этот зал влетел дракон ужасный

Влетел дракон, исполненный нечеловечьей злобы.
Кто в твердом разуме и в ком есть сердце из железа,
Его железные мозги, бесчувственность тугая,
505 Опишет бешенство и раж бесчеловечной твари,
Жестокость каменную кто сказать в словах способен?
Дракон хватает гибкий прут – он был неподалеку –
И принимается хлестать подвешенную деву.
И хлещет с головы до ног, до окончаний пальцев,
510 И нарисованный Эрот, что был там на картине,

Эрот, в чьей власти покорять сердца жестокосердых,
Не в силах был остановить свирепого дракона,
Не мог смягчить и утратить жестокого злодея.
Ведь для огня Любви Дракон пребыл неуязвимым,
515 Дракону вовсе не страшны Эрота лук и стрелы.
Вот прекращает, наконец, мучитель истязанье.
Берет, бесчеловечный зверь, скамейку золотую,
И ставит под ноги ее избитой бедной деве.
Теперь она уже стоит, страдая так же тяжело,
520 Ведь ни на миг не отвязал он волосы несчастной.

Теперь посмотрим, как дракон красавицу накормит

Дает он хлеба ей кусок, уж меньше не бывает.
Затем из чаши дорогой из чистого смарагда
Дает испить глоток воды – один глоток, не больше –
525 Поистине еще один ужасный вид мученья –
И воду эту дева пьет, невысказанно страдая
От беспощадного битья, от страшного висенья,
Дракон скамейку из-под ног проворно убирает,
И снова мука – вновь висеть на волосах, страдая.

530 **Теперь послушай ты рассказ о том, как получалось,
Что все, что говорил дракон, немедля исполнялось.
Я это кратко расскажу, а ты дивись и слушай.**

В сем зале замечательном драконова жилища –
Точней сказать – в узилище терзаемой девицы,
535 Там, где ее, несчастную, мученьям предавали, –
Была кровать красивая, работы драгоценной,
На низких ножках та кровать стояла невысоко,
И камни дивной красоты то ложе украшали.

Каллимах и Хрисороя

И на кровати сей дракон, воссев, расположился,
540 И вмиг явился перед ним прекрасный стол накрытый,
И блюда пищи дорогой для глотки ненасытной.
Сожрал он много, и когда насытился как будто
(Но ничего не уделил подвешенной девице) –
То, отвалившись от стола, заснул дракон мертвецки.
545 Он столько выпил и сожрал, что захрапел и рухнул.

**Узнай теперь, как спал дракон, узнай, как был убит он
И погрузился в смертный сон – глубокий, беспробудный**

А Хрисороя, увидав, что сон сковал глубокий
Дракона крепко, наконец, и он совсем бесчувствен, –
550 Он столько выпил, столько съел, что захрапел и рухнул, –

Речь Хрисорои

Сказала юноше: «Ты что, совсем от страха умер?
Отбрось боязнь! Ты призови все мужество на помощь.
Иди сюда и не дрожи! Ты смог мои мученья
Увидев, выдержать и смог ты чудище увидеть.
555 Скорей сюда! Поторопись – срази злодея насмерть».
И, преодолевая страх, он вышел из укрытья,
А дева говорит: «Ну что? Ты долго трусить будешь?
Пришла пора – он спит, и ты убьешь его спокойно,
И тем немедленно спасешь и тело ты, и душу!
560 Меч при тебе – хватай его – и прямо в людоеда!
Срази того, кто погубил так много душ жестоко,
Убей того, кто убивал и тело мне, и душу!»
И он поднялся, вынул меч движеньем благородным,
И безошибочным рывком всадил его в дракона,
565 Со всей своею силою, всадил, как был способен.

Но зверь ужасный – хоть бы что, он даже не проснулся.
Со стоном дева бедная сказала Каллимаху:
«Бросай свой меч – иначе мы с тобой погибнем оба!
И ключ найди – он у него припрятан в изголовье,
570 Смотри – вон там стоит сундук, открой его скорее,
Увидишь там драконов меч, украшенный лихнитом,
Сумеешь ты его поднять, не задрожешь от страха,
Встав прочно, меч вонзи – и пополам разрубишь».

**И Каллимах хватает ключ, лежавший в изголовье,
575 Им открывает он ларец драконов потаенный**

Драконов вынимает меч, широкий, как лопата,
И разрубает пополам чудовище с размаху.
Тотчас освобождает он подвешенную деву,
От казни избавляет злой измученное тело,
580 Спасает от узилища, от горестных страданий,
Что мучили прекрасное, пленительное тело.

**Конец всех бед, конец всех зол прекрасной Хрисорой,
И Каллимаха–удальца, Эрото-Каллимаха**

Тут дева, плача, говорит, вопрос свой повторяя.
585 «Кто ты, скажи, и как сумел пробраться в пасть дракона?
Боюсь, ты призрак, что моя душа вообразила,
По прихоти моей судьбы, и снова ждут мученья.
Как верить, что Судьба моя сыта моим страданием?»

**Тут дева стала вопрошать про род его и племя,
590 И вот что деве Каллимах, ответствуя, поведал**

Он все сначала рассказал о предках, об отчизне,

И почему он в путь пошел, каков был путь в начале,
О расставании с братьями, и все, что дальше было.
В ответ ему хотелось знать и о семье девицы,
595 И род ее, и как росла, о родине и предках,
И как попала в страшный плен к ужасному дракону.

**Стал Каллимах расспрашивать в ответ у Хрисорои
О предках, роде и стране, о горьких злоключеньях**

Из глубины души она горчайше застонала,
600 И полилася слез река из глаз ее прекрасных:
«Зря вопрошаешь ты меня о горестной отчизне,
О горькой юности моей, и рок семейный горький.
Ты видишь – ныне я мертва, я жалкая добыча,
Одна из тех рабынь, кого купить за деньги можно.
605 А ты еще желаешь знать, где дом был у несчастной?
Довольно видеть – я мертва от мук, от истязаний,
Оставь меня – и я сама следы ударов смою,
Что нанесла мне без числа моя судьбина злая».
А Каллимах: «О нет! Я сам следы ударов смою,
610 Отныне я – покорный раб прекраснейшего тела!»
Но вновь заплакала она, и тяжело простонала,
Сказала: «Я всегда одна терпела все удары.
Одна все ужасы несла судьбы моей злосчастной».
Но он так остро разделял страдания девицы,
615 Так боль он чувствовал ее, так сокрушался сердцем,
При виде горестей ее душа его болела,
И, сокрушаясь, он ее утешить попытался.
«На то, сколь род прекрасен твой – указывает тело –
Род благороден и велик, прекрасен он и царствен,
620 Но я опять прошу тебя, прошу тебя я снова –
Хочу отчизну знать твою, знать, как ты возростала,

И как из царственной семьи, великой, благородной,
К Дракону вдруг попала ты, врагу людского рода».

Рассказ девицы о семье, о том, как возростала

- 625 И стала дева говорить, и плача, и страдая,
«Нагое тело пред собой, униженное, видишь,
Так принеси сначала мне просторные одежды!
Они висят вон там, внутри, хранимые надежно,
Их от родителей моих забрал дракон ужасный,
630 Затем отсюда убери издохшего дракона,
Хоть он и мертв, но вид его я выносить не в силах,
Зажги костер, сожги его, да обратится в пепел,
Тогда я расскажу тебе про род мой и отчизну,
Где дом родительский и где на свет я появилась».
- 635 Тут Каллимах на плечи взял скорей дракона тушу,
Все прочь унес и там свалил, и полетел, как птица,
Он к очагу, и взяв огня, сжег пагубу и мерзость.
Затем вернулся, и, открыв других покоев двери,
Нашел тончайший он хитон работы превосходной
- 640 И ей принес. Надев его, она опять воссела
И начала вести рассказ подробно, по порядку,
Про род, отчизну и страну, о том, как возростала,
И все другое – беды все и все Судьбы злодейства:
«Я благородной родилась, и доброй, и пригожей,
- 645 В семье властителей страны богатых, всем известных,
За красоту (о, где она!) дракон в меня влюбился
И захотел своей женой меня (о ужас!) сделать!
Сей унижительный союз, что естеству противен,
Он смог заставить заключить родителей несчастных,
- 650 Царя с царицей – и они на то согласие дали,
Питая непомерный страх пред чудищем ужасным.

Он отнял воду, что текла с горы у нас высокой,
Дракон же реку осушил, спалил своим дыханьем.
А протекала та река сквозь все отцово царство,
655 И вот она, моя судьба! Во всем бесчеловечна!
Из-за единственной реки, что царство орошало,
А зверь держал ее в плену – цари и согласились!
Ведь не было другой реки в родительских владеньях,
И оказалась вся вода теперь в распоряженьи
660 Дракона лютого, а он от злости был как пьяный.
Отец и мать сказали «да», но я не согласилась,
И пуще прежнего дракон явил себя драконом –
И живность всю в моей стране, и всех четвероногих
В себя втянул, в себя всосал, как воду из стакана,
665 И снова требует меня, и снова брака хочет...
Они же дочь не выдают и плача прочь уходят.
Совсем взъярился тут дракон во всю драконью силу.
И снова угрожает мне, и к браку понуждает.
И я отказываю вновь – а дальше будь, что будет,
670 И в страшном сне не буду я драконовой супругой.
И тут злодей сейчас же всех, от мала до велика –
Мужчин и женщин, стариков, детей, младенцев малых,
Хватает пастью, языком, и всех – в свою утробу.
Всех до единого пожрал, никто, никто не спасся.
675 Дошло и до моих родных, что жизнь мне подарили,
Высоких царственных особ – о горе, о злосчастье,
О наказанье! О Вина! Как жить и как дышать мне!
Он их пожрал и проглотил, сожрал их без остатка!
Осталась я совсем одна и всех надежд лишилась,
680 И только в том он проявил свою драконью милость,
Что он родителей сожрал от всех других отдельно,
И ни архонты, ни народ их гибель не видали.
О горе! Не разорвалась зловонная утроба,

- Не треснула, не лопнула, но все в себя вместила!
685 Как жить мне после смерти их, как вынести все это?
И тут хватает он меня, хватает против воли,
Но не покорна я ему, я все стерпела муки,
И издевательства его, стерпела истязанья,
Но победила все равно драконову свирепость,
690 Ведь я сумела сохранить нетронутое девство!»
Тут Каллимах промолвил ей: «Эрот – его ты видишь,
Он, нарисованный, сидит на светлом царском троне,
Эрот хранил тебя всегда и уберег счастливо,
Чтоб передать тебя в мои заботливые руки,
695 Тебя, во всей твоей красе и прелести цветущей,
Эрот–владыка сам во всем был для меня подмогой».
И дева говорит в ответ, слезами заливаясь:
«Ты видишь раны и рубцы от всех моих мучений,
.....
А я вот так же вижу то, что мне на горе будет!
700 Мне спряли нитку злой судьбы и участи печальной,
И снова злую нить прядет сейчас мое злочастье.
И, на беду, она в руках крылатой Афродиты.
Ну, а теперь оставь меня судьбу мою оплакать,
Знай, только зло и горе мне предначертала Участь,
705 О, не стремись же разделить, что мне судьба решила,
Моя злосчастная Судьба, разбойница, злодейка,
Она способна изменить природу человека,
И, человечье, может стать твое драконьим сердце –
И сердце сделает твое таким, как у дракона!
710 Оставь меня! Удар судьбы тогда смогу оплакать,
Я не могу остаться здесь, в земле тирана злого
Дракона мерзкого, хоть ты спалил его, конечно,
Где ты чудовище убил, как он убил столь многих.
Я умоляю – не желай со мною сочетаться,

- 715 Не попадай под страшный бич судьбы предначертаний.
Судьбу с моею не сплетай, беги моих несчастий,
Моя жестокая судьба сулит одни лишь беды,
И если свяжешься со мной – одно познаешь только –
720 Всегда во всем всю жизнь твою ты будешь несчастливым
И не увидишь никогда, как добрый день сияет». —
Так говорила, вся в слезах, рыдая горько-горько,
И стон глубокий заглушал порой ее рыданье,
Но понемногу скорбь ее, и плач и причитанья
725 Стихали под дыханием горячего Эрота.
Он потихоньку в плен забрал и ум, и душу девы,
И незаметно записал в рабы к Эроту сердце.
Бывает так, что красота в слезах еще заметней,
От счастья тая, Каллимах девицу обнимает,
Целует раны, синяки, и, утешая, молвит:
730 «Не говори, что ты мертва, останови рыданья,
Они и душат, и мертвят – воспрянь же поскорее!
Нельзя губить и угнетать столь сладостное тело,
И если проклинаешь ты судьбы предначертанье
Как злую мойрографему судьбы бесчеловечной,
735 То я могу лишь прославлять предписанную участь,
Она дала тебе спастись из пасти у дракона,
И сделала владелицей драконова богатства,
К тому ж в число твоих рабов она меня вписала,
И сердце отдала мое тебе и в плен, и в рабство». —
740 Вздохнув негромко, говорит в ответ ему девица:
«Узнай, что зла моя судьба – уже ничто на свете
Меня не сможет защитить, от бед моих избавить.
И даже ты изменишься – железным сердце станет,
745 Душа же будет – адамант, и камнем станет разум.
Ты видишь раны и рубцы истерзанного тела –
И скоро черствость всей душой твоею завладеет.

Переводы

Да, знаю участь я свою, судьбы жестокость знаю,
Она войну ведет со мной, сражается жестоко,
Я знаю, мне не победить, и я не осуждаю,
750 Что перемены и твое ждут царственное сердце,
Железным станет и оно, безжалостным, холодным!»
Но после таких речей пошли совсем другие,
В них мягкость слышалась уже и сладость звучала,
Я опушу подробности, ведя рассказ об этом,
755 Все это удлинит его – длинноты утомляют,
Итак, пропустим многое, уйдем от многословья.
А время шло, и позади уж было дней немало,
И выросло желанье в них душою стать единой.
Единым сердцем стать навек в союзе неразрывном
760 И клятвой нерушимою скрепить желанье страсти.
Их речи слышал царь Эрот. Ведь сам он был при этом,
И сам он принял клятвы их и договор составил,
И клятвам стал посредником как страж и как свидетель.
Тут всей природной красотой девица засияла –
765 Она избавилась совсем от тени злодраконства,
Нежнейшим ласкам предались влюбленные с отрадой –
Природа быстро учит им сердца влюбленных пылко,
И вот пошли они в бассейн и стали там плескаться,
И как чудесно было там, как сладостно, отрадно
770 Способны передать уста одной лишь Афродиты,
Рука же смертного, когда она калам сжимает,
Никак не в силах передать и описать их счастье.
Старался юноша смягчить следы ее побоев,
Ее и раны, и рубцы в нем вызывали нежность,
775 И поцелуи влажных уст дарили наслажденье,
И он не мог насытиться, все тешился он девой.

**А вот и клятвы верности – крепчайшей, нерушимой,
Эрот их принял царственный, страстей владыка мощный**

780 Любуясь девой, Каллимах пожал плоды блаженства,
Шепча слова сладчайшие всех сладких слов на свете,
И то, чем услаждались в бассейне молодые,
Их счастье несказанное – лишь Время наблюдало.

**Так с Хрисороэ Каллимах, прекрасный победитель,
Блаженным, чудным радостям в купальне предавался**

785 Там девушке прислуживать взялись Хариты сами,
Они плескались вместе с ней, свершая омовенье,
Какое восхищение – Эротовы Хариты!
Какой язык и чьи уста то выразить способны!
Их разглядеть, их сосчитать – кому это под силу!
790 Но если б вдруг и ты тогда в купальне очутился –
Ты б увидел еще одно приятнейшее чудо –
Купанье это делало тела еще прекрасней,
И благороднейшая плоть среди воды зеркальной,
В ней отражаясь, красоту и прелесть умножала.
795 Но вот выходят из воды, а там неподалеку
Для них готово на земле постеленное ложе.
Хоть вся вода в бассейне том казалась золотою,
Но что сравниться с красотой златого поля дивной,
Там ложе было постлано – но кто о том расскажет?
800 Кто растрезвонит, сколько там отрад и неги было!
Сколь много ложе видело утех и наслаждений,
Кто сможет точно сосчитать, подробно перечислить?
И так они – с царицей царь в своем дворце из золота
Спокойно зажили вдвоем и в радости, и в счастье.

805 **А вот и описание прекрасной Хрисорои**

Вся прелесть воплощенная, дыхание Эрота,
Услада несравнимая красы непревзойденной,
И обаяньем всех Харит она превосходила.
И гроздя пышные кудрей, сплетенные прелестно
810 Сияньем солнца золотым пленительно светились,
Струились полною рекой, блистающим потоком
Белее снега белого ее сверкало тело.
От блеска этой красоты глаза теряли зренье,
Казалось розою она, прекрасной белой розой,
815 А если взор поднимешь ты лицо ее увидеть –
То всколыхнется вся душа и сердце затрепещет,
Ты скажешь – эта девушка – ну просто Афродита,
Соединение всего, что ум красой считает.
Ну что тут долго говорить, ну что писать так много,
820 В словах стараться выразить всю красоту девицы?
Тут хватит слова одного – и все оно охватит!
Все женщины, что родились во время Хрисорои,
И те, кто раньше в мире был, и все, кто будут после,
Сравнимы с ней не боле, чем мартышка с Афродитой.
825 Немало времени прошло в объятьях и утехах,
В уединении своем они пробыли долго,
Но как-то вешним вечером они воспряли с ложа,
И посмотреть отправились, что окружало замок.

Рассказ мы поведем о том, что замок окружало

830 Глядят – а там течет река, на ней же островочек
Красивый, привлекательный, к себе манящий взоры.
И местность эта вся была мила чрезвычайно –
Цветами остров был покрыт, пестрел разнообразно,

835 Там были красные цветы такого точно цвета,
Как кровь из раны на ноге прекрасной Афродиты.
Дивилась пара красоте приятнейшего места
И наслаждалась, ведь зефир, что веял там отрадно,
Повсюду дивно разносил цветов благоуханье.
И, посещая остров сей хотя бы раз в неделю,
840 Они могли вернуть душе и радость, и веселье,

**Да злая мойрографема, неистовая Тюхе,
Пылая гневом яростным, свою свирепость тешит**

Все то, что сладостно дарит, и горечь нам приносит,
И ты об этом должен знать из нашего вступленья.
845 Послушай же дальнейшее – и станет все понятно.
Жил царь на свете – был тот царь велик и благороден,
Богатство неисчетное, бесчисленное войско,
Измерить, как морской песок, никто и не пытался,
И вот достиг тот царь уже цветущих лет расцвета,
850 И я не знаю, с кем сравнить владыку было б можно
По красоте его лица, по силе рук могучих,
Но был он холост, не женат, один, совсем свободен.
Среди страстей его – а в них он был неудержимым,
Одни охота, удалство, военные затеи
855 И к путешествиям любовь – он странствовал повсюду,
Чтоб видеть новые места – равнины, горы, реки,
Пещеры, скалы, города и эллинов творенья.
Охотно слушал он всегда того, кто мог поведать
О городах, где побывал, о чудесах, богатствах.
860 И царь рассказы те любил – и вот случайно или
По начертанию судьбы, по злomu совпадению,
На радость, на несчастье ли – я этого не знаю,
Но занесло его туда, где был драконов замок,
Что одиноко высился вдали жилья людского.

865 **И вот он в замке золотом, поднявшись, оказался**

А войско – первые ряды – неподалеку встало,
Разведчики и авангард, передовые части,
И все дивились, видя сей сверкавший ярко замок,
Как солнце яркое само, когда оно в зените.

870 Они немедленно царю послали донесение
«О, царь! Сюда! Увидишь здесь великое ты чудо».
И царь помчался в путь, пришел, когда же все увидел,
Впал в изумление и стоял, пока на расстояньи,
А после войску приказал поближе подтянуться,
875 Сказал им: «Здесь, велю я вам, расположите лагерь,
Ведь здесь и роща, и река, и пастбище большое,
И в этих зарослях густых вполне укрыться можно,
Чтоб заприметить чужаков, разбойников, пришельцев,
Всех тех, кто так же, как и мы, в округе рыскать будет».

880 **Недоброе сбывается, судьба ярится снова**

«Отправляюсь в замок я один – три всадника со мною,
Поближе к замку подберусь, насколько то возможно,
А если встречу я кого – порасспрошу подробно,
А если я подзадержусь на день или поболее,
885 На три-четыре дня – идти на поиски не надо,
А кто приказ нарушит мой, искать меня посмеет,
От моего меча умрет за это послушанье.
Но как пройдет четыре дня, а я не появился,
Тогда скачите поскорей, тогда меня ищите,
890 И силы приложите все, на кои вы способны».
Сказал – и в путь отправился, и к замку устремился.
Осталось войско – для него и места не хватало,
И под деревьями оно расположилось втайне.

Вот к золотому замку царь поближе подобрался –
895 Глядит – там рощица, и в ней с коня владыка сходит,
А день уж близился к концу, и солнце закатилось,
Уж небо охватила ночь, и лунный свет забрезжил.
Беззвучно знак он дал двоим на месте оставаться,
И взял всего лишь одного идти с собою вместе,
900 Чтоб замок обойти кругом – всю ночь во тьме ходили,
Но не слышали вокруг ни голосов, ни шума.
Так проходила ночь, и вот, совсем уже под утро,
Они увидели врата и страшных змей огромных,
Чьи недреманные глаза ворота сторожили,
905 И тотчас царь помчался прочь, объят великим страхом.
Добрался к всадникам двоим, им рассказал про ужас –
Каких чудовищ видел он на страже входа в замок.
Соратники дают совет – дождаться лучше завтра,
«Вдруг», – говорят они, – «пойдет хоть кто из замка!
910 Должны, конечно, люди быть в таком прекрасном замке,
И, может статься, что они на нас вполне похожи.
Но может, если там живут лишь чудища и звери,
Как те, которых видел ты у входа в этот замок,
И если нету ни души в том замке человеческой –
915 То это что-то страшное, противное природе.
«Пойдем посмотрим», – но они на месте оставались.
Вот наступил уж третий день, и солнце появилось,
Потом и полдень миновал, когда оно в зените,
И дело к вечеру пошло, к живительной прохладе,
920 Как видится – вне замка стен – красавица младая,
С осанкой благороднейшей, в блистательных одеждах,
Но не одна она была – о, не одна! С ней рядом
Был спутник, спутник вместе с ней – и шли они, обнявшись,
Хозяин замка, царь, а ей он – раб ее покорный.
925 Садовник сада сих Харит, красы ее хранитель,

- И собиратель всех плодов любви прекрасной девы.
Тут вмиг вошла в него любовь к красоте несравненной,
Теперь не жить и не дышать, коль деву не получит,
Один лишь взгляд на красоту чувствительную душу
930 Мгновенно может обратить в раба ее навеки.
Эрот его завоевал, ему покорны стали
Его рассудок, чувства, ум и дух его, и сердце,
И мощная его душа растаяла мгновенно,
И бездыханный он стоял, сраженный словно насмерть.
935 Когда же смог он, наконец, с трудом пошевелиться,
Уже стемнело, ночь сошла, луна явилась в небе,
Тогда со спутниками он опять вернулся к войску,
Но продолжал он пребывать в своем оцепенении.

Судьбы злосчастной горести им прочно овладели

- 940 Вот к войску прибывает царь, своих солдат увидел,
И войско снова обрело царя и самодержца,
Сопровождавшие царя, конечно, рассказали
Про дивный замок золотой, про силу укреплений,
Про драгоценности на всех строениях из золота,
945 И кто ворота стережет, конечно, рассказали,
Не умолчали и про то, что видели красотку,
И как нежна она была, целуя Каллимаха.

**Да, начертанье злой судьбы, беснующейся Тюхе,
И царь – увидя это все – уж не владел собою**

- 950 Царь был сражен и задрожал, и черный стал, как туча.
И тотчас он созвал совет, собравши командиров,
И приказал идти в поход, собрав в кулак все силы,
И замок сей завоевать, и привести царицу.

- Но все сочли, что замок взять наскоком невозможно –
955 Ведь стены башни – знали все – крепки сверх всякой меры,
Не сдастся замок ни за что, весь золотой, огромный,
И о победе помышлять, конечно, бесполезно.
И те, кто слышал, будто бы огромнейшие змеи
Ворота замка стерегли, такое говорили:
960 «Ну где же силу мы возьмем с чудовищами биться?
Ты объясни, владыка, нам, чего от нас ты хочешь?»
И он приказ им изъявил: «Скажите ваше мнение!»
И встал, чтоб дать царю ответ, один почтенный воин,
Из рода славного, в летах, и он царю ответил:
965 «Когда с тобой мы шли в поход, твой замок оставляя,
Из царства вышли твоего (и из своей отчизны),
Мы вовсе не готовились ни к битвам, ни к сраженьям,
И нет при нас оружия, и нету оснащенья,
В войне необходимого, для боя и сраженья,
970 И нет обоза нужного, и нету снаряженья.
Мы налегке пошли с тобой, как мы не раз ходили,
Когда хотел развлечься ты и совершить прогулку,
Мы шли с тобой, не ведая, куда ты направлялся,
Мы шли с тобою долго так, тебя сопровождая,
975 И оказались в месте сем, настолько необычном.
Но если хочешь воевать и затеваешь битву, –
Мы все в непонимании, за что сражаться надо.
Но если ты велишь, о царь, ну что ж, мы соберемся,
Пойдем в твой лагерь и возьмем тогда с собою войско,
980 Когда отдашь ты свой приказ, войну объявим замку.
Ну что ж – ищи союзников ты в областях соседних,
Готовь машины хитрые, и все такое сделай,
И выходи уже тогда войной на этот замок,
Круши его, дери его, бери его трофеи,
985 Ни звука ропота от нас ты в жизни не услышишь!»

- 990 **Предначертанье злой судьбы, беснующейся Тюхе, –
В бесчеловечности своей верши, что замышляла!**
- «За этот замок предстоит великое сражение,
Ты видишь, сколько золота здесь, камней с жемчугами!
И рать бессчетная его завоевать не сможет!»
И весь совет согласен был, лишь царь был не согласен.
- 995 **Печально царь пошел назад, – с душою помраченной,
В раздумьях горьких пребывал, и сердце сокрушалось**
- Но войско в радости ушло, все просто ликовали,
Что можно больше не дрожать пред змеями от страха
И скоро родину свою любимую увидеть.
- 1000 И только царь их продолжал питать большое горе.
«Уж лучше стал бы я,» – сказал – «чудовища добычей,
Я все равно не в силах жить без девушки прекрасной».
Но изменить хоть что-нибудь он был не в состоянии.
Зачем же я так затянул мое повествованье?
- 1005 Боюсь, что это утомит читателя изрядно.
Ну вот и прибыл наконец владыка восвояси,
Он спешился и говорит сопровождавшим людям:
«Теперь ступайте по домам, и в замках ваших спешно
Готовьтесь, чтобы вы могли взять замок неприступный!»
- 1010 Те, спешившись, земной поклон отдали, удалились,
Царь с окружением своим, со всем своим сенатом
Направился торжественно к себе, в свой царский замок.
В душе безумствовал поток, все ярко клокотало,
Кипело все, пылало все в великом нетерпении!
- 1015 Прошли три долгих дня, а он, один в своих покоях,
На ложе вниз лицом лежал, простершись неподвижно.
А царство между тем его, от края и до края,

- В движенье сильное пришло, кипя от беспокойства, –
Всех волновал приказ царя идти за замок биться,
1020 К большой войне готовиться, к походу и сраженью.
Готовить стали лошадей, чинили колесницы –
Старательно готовились, в волнении великом.
Сенат и все начальники трудились и старались,
Чтоб все приготовления успешно проводились,
1025 Но страсть царя безмерная заботила их тяжко.
А что же дальше? Все они собрались воедино,
И все к царю отправились и с речью обратились
Как можно осторожнее с приятными словами:
«О как бы было хорошо, когда б твой ум, о царь наш,
1030 Не погрузился целиком в любовные заботы!
Но раз уж то произошло, и хода нет обратно,
Давайте думать сообща о том, чего ты хочешь,
Как можно замок этот взять, и получить девицу.
Ведь неприступен замок сей – он под охраной змеев,
1035 Нам надо четко понимать, что это – дом драконов,
И страшных демонов приют, жилище сил ужасных,
И если б биться нам с людьми за замок предстояло,
Сомнений нет – твои войска стяжали бы победу.
Но вот с драконами война и с демонами битва
1040 Не может кончиться никак победой человека».
- Сказав все это, все они в молчанье погрузились
И про себя мечтали все – о хоть бы передумал,
Но царь упорствовал, свое решение не менял он,
1045 Предпочитая умереть до срока, поскорее,
Коль не удастся получить любовь девицы этой.
Но он придумал план другой – он войско собирает,
Проводит счет его и план рисует построений,
Готовит выступление, готовит и сраженье.

- 1050 Со всей державы он собрал, собрал на это дело,
Свою используя казну, огромные богатства,
Чтоб помогли они ему в таком прекрасном деле.
Но перед замком золотым, где змеи и драконы,
И высота огромных стен, в камнях драгоценных
1055 Остановилось войско – в этот бой никто не устремился,
Совет они покинули – еще до часа битвы.
Царь просто помертвел – его любовь дотла сжигала,
И чувства он почти терял, впадая в безнадежность,
От власти отрекался он, провал свой проклиная,
1060 Но я продолжу свой рассказ истории сей длинной,
И чтобы точно знали все читающие это,
Я опишу в моих стихах, все то, что там, случилось.

**О начертанье злой судьбы, о снова ярость Тюхе,
Ну, делай, что задумала, верней, что замышляла**

- 1065 Теперь рассказ у нас пойдет о старой злой колдунье.
Одна старуха вещая, что с демонами зналась,
И в магии умелая, стихии заклинала,
И знала астрологию – пришла царю на помощь.
Она берет волшебный жезл и во дворец приходит,
1070 В дверях стоял молодой слуга, прислуживал он в замке,
Она ему и говорит, свою внушая волю:
«Ступай к царю и от меня скажи, что я велела –
Заставь его меня принять – и ждет тебя награда.
И не от нищенки меня – награда будет царской,
1075 Скажи ему, дитя мое, что я, одна на свете,
Могу ему лекарство дать в его великой страсти».
«Что, правда, матушка моя? Ты говоришь, что можешь
Ему лекарство просто дать, лекарство, что поможет
И муки облегчит ему любви его безмерной?

- 1080 Ему никто не мог помочь из тех, кто может много.
Как может быть, что сможешь ты – ты ж говоришь, что можешь?
Ты, – вижу, матушка, бедна, ты – вижу – горемычна,
Жалка, потрепана судьбой – и говоришь такое?
Да ты мне просто принесешь большую неприятность!»
- 1085 Старуха говорит в ответ: «Оставь, дитя, все это,
Пусть я кажусь тебе сейчас убогою старухой,
Несчастною, как ты сказал, потрепанной судьбою,
Но я владею силою великой исцеленья,
И мне, о детка, исцелять нисколько не мешают
- 1090 Ни годы старости моей, ни жалкие лохмотья».
Слуга послушал и сказал – «О матушка, молю я,
Молю – благослови меня, и сохрани, родная,
Меня от порки, злых обид, мучительных побоев,
Ведь погубить меня тебе нисколько впрок не будет!»
- 1095 И тут впустил старуху в дверь – она проходит дальше.
А он вперед ее бежит, и, наконец, приходят
К покоям государевым, в его опочивальню.
Он вовсе не был неучтив, и встал в ногах тихонько,
Коснувшись деревянного кровати этой края,
- 1100 Его качнул и раз, и два, и в третий раз качнул он,
Но царь никак не ощутил движения кровати, –
Он слишком глубоко страдал, печали предаваясь,
И был рассудком погружен в бесчувственные глубины,
Но все ж от третьего толчка он все-таки очнулся,
- 1105 Открыл глаза, спросил себя – что это, что случилось,
И почему это, и что кровать его качнуло?
И видит – тут стоит слуга и говорит владыке:
«Одна жена – она стара – тебе тут обещает
Дать исцеленье от скорбей и прекратить страданья!»
- 1110 Царь тут же: «Где она? Сюда! Беги за ней скорее!»
И мальчик удаляется, скорей спешит к старухе,

Хватает за руку ее, к царю в покои тащит.
А тут и день к концу пришел, и вечер водворился.
Старуха входит, бьет поклон и говорит с улыбкой:

1115 **Вот как старуха речь вела, скорее – утешенье**

«Непобедимейший в бою, великий в бранном деле,
О ты, кто всем внушает страх, могучий самодержец,
И вот тебя сразил, скрутил один лишь взгляд Эрота,
Ну что же так горюешь ты, ну что ж ты, царь, рыдаешь,
1120 Зачем задумываешь ты от власти отречение,
Зачем же в смерти ищешь ты от муки избавленья
Лишь оттого, что взять нельзя красавицу в супруги,
Лишь оттого, что нет любви и страсти утоленья!
Но я – надежная раба твоей державной власти,
1125 Тебе я верно послужу, исполню я желанье,
И приведу к тебе я ту, к кому любовь питаешь,
И страсти пламя окроплю любовною росой,
И ты, горя в костре любви, получишь облегченье».
Царь оживает, услышав слова старухи этой –
1130 Влюбленным часто дарит жизнь оброненное слово,
Хоть нет большого смысла в нем, хоть брошено случайно.
И царь промолвил, наконец – «Когда ж, моя старушка?»

И вот старуха говорит тогда в ответ на это:

«Как только ты расскажешь мне подробно, что случилось,
1135 Все, что с тобой произошло, нисколько не лукавя,
То в скором времени тогда найдешь ты утешенье».
И принимается за сказ владыка царь подробно –
Как с войском выступил он в путь, зачем туда пустился,
Как оказались они в драконовом владенье,

- 1140 Как там увидели – кругом лежит, сияя, золото
И серебро, и блеск камней повсюду драгоценных,
И жемчуга кругом лежат – но замок неприступен –
Столь стены страшно высоки – осада бесполезна,
Как он остался у стены, и с ним из свиты трое –
1145 А войску отдан был приказ в сторонке оставаться, –
.....
И как не слышали они ни звуков, ни движенья,
И как увидели в дверях драконов неусыпных, –
А, кроме змеев, никакой там стражи не стояло,
Как жуткий страх на них напал и, мужество утратив,
1150 Они пустились поскорей к оставленному войску,
И то, как передумали, решив пытаться снова,
Но прежде стали выжидать, – три дня пережидали –
Но не случалось ничего, и было все как раньше.
Но вдруг – уж был вечерний час – увидели, что дама,
1155 Куртесса некая, пришла и за стеной гуляет!

**Вновь на великого царя напало омертвенье.
Да, злописание Судьбы, совсем взбесилась Тюхе.
Умеет выполнить она задуманные беды**

- Как до царя беда дошла – он помертвел внезапно,
1160 Как только это он сказал и замертво свалился,
По телу судороги шли и сердце разрывалось –
Старуха, глядя на него, решила – умирает.
К нему склонилась, видит – жив, приподняла повыше,
И держит голову ему, и взгляд в него вперяет,
1165 И заклинания над ним какие-то бормочет.
Вдруг обернулася назад движеньем конвульсивным
И гневно плюнула туда, и топнула ногою,
Так вредных демонов она, я думаю, пугала.

- И царь тогда пришел в себя, поднялся, сел на ложе.
1170 «Старушка милая, – сказал, – коль службу мне сослужишь,
Пусть матерью тебя зовут, меня же – твоим сыном!
Тебе поставлю во дворце я статую золотую,
Великой милостью почту, богатствами осыплю».
Но я продолжу дальше ткать свое повествованье
1175 «Увидел, я – красавица, возлюбленная дева,
С каким-то юношей нежна, она его целует,
Как я стерпел, о мать моя, я и сказать не в силах –
Лишился разом я всех чувств, и ум пропал, и разум,
Окаменел я, мать моя, и замер неподвижно,
1180 И только стоны издавал с рыданием порою.
Тут я соратникам своим подробно все поведал,
Все с ними вместе обсудил, – они совет мне дали
Идти и замок осадить, и деву взять в добычу.
Но я почел, что их совет вне разума и смысла,
1185 Еще никто и никогда со змеями не бился –
Ну, что тогда и обсуждать? Вернулись мы обратно
Созвать союзные войска, собрать для войска плату,
Орудья сделать, чтобы мы преодолели стены,
Чтобы тогда идти войной и взять нам этот замок
1190 Вот, матушка, и весь рассказ, я все тебе поведал,
Теперь нам предстоит поход, теперь нас ждет сраженье,
Я снова, мать, молю тебя – ну ты уж постарайся,
И сделай так, чтоб рисковал я не безрезультатно».
«Спокойно, царь, – она ему – оставь свои сомненья,
1195 За дело я теперь берусь, и ты не беспокойся!
Считай, что девушка твоя уже в твоих объятьях!»
А он: «Ах, матушка моя, когда же будет это?»

**Да, злописание судьбы, опять ярится Тюхе
И вновь осуществляет все, что злого нагадала**

- 1200 Она в ответ: «Три полных дня пройдет с того момента,
Как доберемся к замку мы ужасного дракона».
Царь разозлился – этот срок ему казался долгим,
Душа, где буйствовал Эрот, была во власти страсти,
.....
Но все же – хочешь или нет – не мог другого сделать.
- 1205 Ну, что же дальше было там, и как в конце все вышло?
Взяла старуха яблоко из золота литого –
Работы изумительной – его заколдовала,
И письменамагии, словами заклинаний
Вселила силу в яблоко ее исполнить волю –
- 1210 И было два заклатья на яблоке волшебном –
«Как только яблоком едва главы коснуться чьей-то –
Тотчас же мертвым он падет и станет бездыханным,
Но если к носу поднести и до него коснуться,
То мертвый тут же оживет от яблока золотого
- 1215 И снова в силах будет он ходить-бродить по свету».

**Старуха, кончив ворожить над яблоком волшебным,
Заговорила так с царем, советы подавая**

- Сказала: «Не хочу, чтоб ты все войско брал с собою,
Хочу, чтоб ты с собою взял сто человек, не больше,
- 1220 Теперь не время для войны, теперь моя работа,
Дела для старых рук моих, для хитрых их поделок».
И выступает царь в поход, конечно, со старухой,
И сотней воинов, каких старуха пожелала.
Три дня понадобились им до замка добираться,
- 1225 И показался, наконец, вдали драконов замок.

Переводы

- Добравшись к замку, спешились, и, говоря короче,
Оставив все подробности, они расположились
На том же месте, где они уже располагались.
О колдовских своих делах старуха не забыла –
1230 Ведь были демоны при ней, вели беседу с нею,
Не отходили ни на шаг, и пили с ней, и ели,
Пока все вместе делали свои приспособленья,
Готовили все способы, снаряды, заклинанья,
Чтоб Каллимаха погубить, чтоб из Драконокастра
1235 Мог царь с собою увести прекрасную девицу.
И очень скоро, скоро я открою вам все это.

**Да, зловещание судьбы, опять ярится Тюхе,
Исполнилось заклятие, и колдовство свершилось**

- Они пришли на место то, которым любовались,
1240 Когда смотрели на него, с отрадой созерцая.
Прелестный островок средь вод лежал неподалеку,
Столь живописен, столь хорош, очерченный прелестно,
Благоуханный, он зарос деревьями чудесно,
Его покрыл ковер цветов, дарящих наслажденье,
1245 И густо розы там росли, и ключ журчал студеный.
Старуха ворожкой своей сумела тайно вызнать,
Что в это место раз в семь дней приходит на прогулку
С прекрасной девой Каллимах, чтоб видом насладиться,
Вот здесь-то ведьма старая решила притаиться,
1250 И дело черное свое, что замышляла, кончить.

Вот, посмотри, вот подивись на козни злой старухи

Так что ж еще старуха та владыке приказала?
«Ты видишь место славное, смотри – оно прелестно,

- И так и манит островок хорошенький – ты видишь?
1255 Пойду сейчас и спрячусь там, и хитрость там устрою;
А вам повелеваю я, чтоб вы мне не мешали.
Вы только чутко слушайте – когда же свист издам я,
Тогда немедленно ко мне вы со всех ног бегите!»
Сказала, и немедленно – уж полночь наступила –
1260 Ушла и скрылась, спряталась, как то и обещала.

А вот и хитрость тайная, колдуньи злое дело

- «Я слышу, будто плачет кто, но кто и где – не знаю,
А вдруг дракон какой-нибудь здесь снова появился,
Вдруг снова стал разбойничать, людей терзать жестоко?
1265 Но здесь не видно и следа живого человека,
Кто в силах стену одолеть драконового замка,
Кто мог по воле по своей дойти сюда, забраться
На эту гору до небес, в немыслимые выси,
Где ни души, где пустота, где все – сплошная дикость?»
1270 **Недолго длилась тишина – вдруг вновь раздался голос,
Теперь уже он громче был, теперь еще тревожней**

- И мигом Каллимах вскочил – едва его услышав,
И время не дало ему грядущего избежать.
Но дева обняла его, прижалась и, заплакав,
1275 Сказала: «О мой золотой, постой, о Каллимах мой!
Вдруг у дракона есть отец, вдруг он сюда явился?
Вдруг затаился он, залег, чтобы напасть вернее? –
Останься здесь, побудь со мной, не выходи наружу!»
А он вскочил, ворвался в зал, меч выхватил, умчался,
1280 Лишь приказал воротам он немедленно открыться.

**Да, злописание судьбы, да, как она ярится!
Ну, делай, что задумала, и делай поскорее!**

Бежит на голос Каллимах и слышит свист ужасный,
И из густой из чащи вдруг дракон выходит страшный –
1285 Его хитрейшим колдовством старуха сотворила,
Старуха в пасти у него, вот-вот ее сожрет он.
Дракон на юношу глядит – тот смело наступает,
И гневно обнажает меч, чтоб зарубить дракона.
Дракон, старуху отпустив, идет на Каллимаха,
1290 Тот на него – взмахнул мечом и, с силою ударив,
Сейчас же голову отсек ужасному дракону.

Старуха, это увидав, кидается к герою,
«Спаситель мой, защитник мой!» – кричит, что было мочи,
1295 И землю, ног его следы, целует, припадая.
А девушка увидела, что Каллимах сразился
И под конец сумел срубить главу дракону смело,
И таз схватила золотой, – скорей бежит к бассейну,
Чтоб принести ему воды умыться после боя.
1300 А это все задумала проклятая старуха,
Чтоб замысел губительный скорей осуществился.

**О зловещание судьбы, о ярость злобной Тюхе,
Ну, делай, что задумала, и делай поскорее!**

Старуха злоковарная, злых демонов орудье,
1305 Подружка страшной молнии и мать родная грома,
У Сатаны послушница и бабка Нереидам,
Пособница и спутница любого злого дела,
Хватает, злыдня, яблоко, – а девушка не видит, –
«На, вот, попробуй яблочко» – кидает Каллимаху.

Каллимах и Хрисороя

- 1310 Берет он это яблоко, красе его дивится,
И лишь поднес его к лицу – как тотчас рухнул мертвым.
Злодейка тотчас издает ужасный свист зловещий,
И царь, заслышав этот свист, с приспешниками мигом
На знак условный поскакал – была в отряде сотня –
1315 И вот увидел, Каллимах лежит, простершись, мертвый
А дева бедная – без чувств, беспомощная вовсе,
И видит – ведьма в пляс пошла на радостях развратно.

- 1320 Тут царь уж время не терял, а в тот же миг скорее
Хватает девушку, потом хватает и старуху,
И мчится вскачь, во весь опор, в свое несется царство.
Я вновь расширю мой рассказ, и станет он длиннее,
1325 Иметь терпенье попрошу – пока остановиться,
И вскоре, что произошло, ты в точности узнаешь.

**Смерть Каллимаху яблоко старухи причинило,
Но от того же яблока и к жизни он вернулся**

- Вот мертвым Каллимах лежал, простершись, бездыханно,
1330 Уже лишился всяких чувств, свое утратил счастье.
О нем вдруг вспомнила Судьба – спасти его решила –
И к братьям понеслась его, о горе сообщила.
И вот приснилось им двоим во сне одно и то же –
Приснилась братьям женщина, вся в черном облаченьи,
1335 Лицо себе царапает и кудри вырывает.

**То начертание злой судьбы от злобы отказалось
И к счастью дело повело, даруя утешенье**

- И ударя в грудь себя, кричит она истошно:
«Вы, братья Каллимаховы! Скорей к нему бегите,
1340 Попал он в страшную беду! Скорей, он погибает!»
Увидев сон, услышав крик, проснулись мигом братья,
Проснулся первый, подскочил, и говорит второму:
«Я видел женщину, она, вся в черное одета,
Нещадно била в грудь себя, пронзительно кричала:
1345 «На помощь! Брат ваш Каллимах попал в беду большую!»»»

**Тут братья обсуждают сны свои про Каллимаха,
Горюют, ужасаются, помочь ему решают**

- И молвят: «Он попал в беду, с ним страшное несчастье,
Сейчас он близок к гибели, в опасности ужасной,
1350 Он в крайних обстоятельствах, в опасности смертельной,
Бежим, и братскую любовь к нему докажем делом,
Как братья, брата мы найдем, придем ему на помощь,
И все, что выпало ему, с ним вместе испытаем!
Готовы душу мы отдать, мы жизнь отдать готовы
1355 За нашу братскую любовь, за брата Каллимаха.
Так снарядимся, ведь поход не терпит промедленья,
Немедля выступаем в путь, идем в Драконокастрон».
И, выступив, они пошли по прежней той дороге,
И по пути между собой, кручинясь, говорили:
1360 «Ах, Каллимах, ах, братец наш, ах, как в беду попал ты?
Ну что же это за напасть, что за беда такая,
Ну кто посмел, и как сумел, кто воевал с тобою?
Ах, лишь бы только был ты жив, своих дождался братьев,
Вот, мы сейчас к тебе идем, идем к тебе на помощь,
1365 Спасем тебя или умрем – ведь братьям то и должно!
Ах, милый братец Каллимах, кругом тебя опасность,

- А ты сейчас совсем один, в опасности смертельной!
Со всех сторон и риск, и смерть, а братьев ты не видишь,
Сражаться надо, воевать с единственной надеждой,
1370 И бьешься мужественно ты, силен одной надеждой!
А вдруг он пал – о ужас, нет! – А вдруг его сразили?
Вдруг мертвым Каллимах лежит, врагом своим убитый?
Лежит, прекрасный богатырь, побед так много знавший,
А мы вот живы – и на нас вина, на малодушных! –
1375 Мы не сумели умереть, борясь за Каллимаха».
Всё в мыслях горестных таких, и скорбных восклицаньях,
Держали братья путь вперед, в сердцах терзаясь горем,
И вот узрели наконец они перед собою
Драконокастрон золотой и весь драконов город.
1380 Вот стену обошли кругом, испытывая ужас,
И стоны из груди рвались, и сердце изнывало.
Они пришли на островок, соседствовавший с замком,
И видят – там лежит их брат недвижно, бездыханно.

Да, злописание судьбы как будто отступило

- 1385 **И мягче сделалось оно – но на сейчас довольно**
- Здесь, возле брата сев, они свой скорбный плач воздвигли,
И первым начал говорить Никокл, с глубоким стоном
Он так сказал: «О Каллимах! О кто был твой противник?
Ты встретил гибель от меча – но только где же рана,
1390 Где кровь из раны – нет ее! – Но как тогда ты умер?
Ты от болезни встретил смерть? Но ты не похоронен!»
Второй, Ксантипп, блудя черед, свое промолвил слово:
«Ты умер, милый Каллимах, но братья твои живы,
И возле тела твоего мы плачем и рыдаем,
1395 Целуем тело мы твое, что чувствовать не может.
О, если бы услышал ты рыданий наших звуки,

Переводы

- То ты бы тоже зарыдал, заплакал вместе с нами!»
И братья, причитая так, и в скорбных излиньях,
Стеная, плача, наконец, его в объятья взяли
1400 И замолчали, замерев, как будто неживые,
Свои стенанья подавив, в молчании глубоком
Искать на теле принялись следы смертельной раны,
Следы ударов роковых, и брата обнажили
И под одеждою нашли вдруг яблоко, не рану.
1405 На нем же были письмена, и надпись та гласила:
«Лишь только яблоко сие до мертвого коснется,
Он тут же вновь в себя придет, и тут же вновь воскреснет».
Схватили братья яблоко и к носу приложили,
И тут же мертвый Каллимах восстал из мертвых дивно,
1410 И тут же ожил Каллимах, проворно сел, поднялся,
Увидел братьев пред собой, глядит в недоуменьи,
И сразу, как очнулся он, искать девицу начал
И вместе с братьями пошел, стеная горько, в город,
И стал везде искать ее, любимую, рыдая.
1415 Они: «Скажи, кого же ты зовешь, кого ты ищешь?»
И стало уж казаться им, что брат их помешался,
А Каллимах везде искал, все обегая, деву,
Не находя ее нигде, в отчаяньи кричал он.
Тут братья обняли его, и спрашивали снова,
1420 Надеясь что-то наконец разумное услышать,
И вот он братьям рассказал, что было, по порядку,
Как он тогда, совсем один, пришел в драконов замок,
Как роскошь там увидел он, бесценные богатства,
Как дева там под потолком на волосах висела,
1425 Нечеловечески ее дракон терзал и мучил,
Как он дракона умертвил и, подвиг сей свершивши,
Он предавался с девою сей усладам и утехам,
И как прекрасна, как нежна была сия девица,

- Что словом выразить нельзя, прекрасна, да и только!
- 1430 Но многохитрая одна старуха – сущий демон, –
Обманом, подлостью своей, подняв рыдания, крики
О помощи, его смогла завлечь за стену замка,
«А дальше – дальше умер я и ничего не знаю».
- 1435 **Окончил братьям свой рассказ о том, как это было,
И снова ищет деву он, и плача, и рыдая.**
- «О ты, всех жен земных краса, куда же ты исчезла?
Быть может, ты уж умерла – но как же ты погибла?
Не вижу тела твоего – конечно, очень горько
- 1440 Увидеть часть своей души во власти смерти лютой,
Но я бы рядом был с тобой, тебя бы мог оплакать,
К тебе с объятием припасть и, скорбно причитая,
Приникнуть с поцелуями. Как говорить могу я,
Уж лучше б умер я сейчас от нестерпимой боли –
- 1445 Но вот я жив и говорю слова горчайшей муки,
Рыдания разрывают грудь, и тяжело рвется сердце,
И слезы жгучие кипят и льются, словно реки,
Я ими полностью залит, купаюсь в горькой влаге,
Я, кто с тобой был погружен в бассейн утех отрадных,
- 1450 Теперь купаюсь снова я в купели слез горячих!
Эрот – то было – нам служил при наших омовеньях,
Теперь же мертвую тебя своей ласкаю речью!
Но что я медлю, что сижу, что время я теряю
А не бегу на поиски, найти тебя стараясь?
- 1455 Но только кажется, что я живу, что день я вижу –
Дыханья нет мне, жизни нет, и нет дневного света!»
И братьям Каллимах сказал: «Смотрите, вот он, замок,
Прекрасный, светлый, золотой, весь в жемчуге, каменьях,
Богатств источник и река всего, что только ценно, –

- 1460 Хотите там иметь свой дом? Идите, поселяйтесь,
Но если град не нужен вам – богатства забирайте,
Все камни, золото – и домой, в отчизну уносите!
Я вместе с вами не пойду, я здесь один останусь,
Я снова отправляюсь в путь, искать я деву стану».
- 1465 И распрощался с братьями, и в путь пошел, рыдая,
Терзала скорбь его, и он свой путь держал в стенаньях.
И так бродил по той стране, и всюду побывал он,
И свет ему не в радость был, и солнце не живило,
- 1470 Он говорил: «Я милый свет, я солнца свет утратил,
И буду век теперь во тьме, я буду век во мраке.
И разум мой теперь угас и сердце помрачилось».
Прошел он столько разных мест, ища свою подругу,
С рыданьем звал ее, по ней он причитал с тоскою,
- 1475 И скорбь и боль, и плач и стон ужасные звучали,
И невозможно сосчитать все жалобные крики,
Сколь много он обшарил гор, полей, и рек с ручьями,
И, наконец, уже не знал, куда еще податься,
Куда направить путь и где искать предмет желаний.
- 1480 И вот он шел невесть куда, шел просто наудачу,
Порою брел, порой бежал, кружил, терял надежду
Что повстречает хоть кого, кого он расспросил бы.

**Тут Тюхе прерывает путь бедняги Каллимаха
И худо к худшему идет, чтоб стать совсем ужасным**

- 1485 И был уже четвертый час, когда ему попался
Крестьянин некий – на земле работал он мотыгой,
И был весь в черное одет и наголо острижен.
К нему подходит Каллимах, приветствует любезно.
«Похоже,» – молвит про себя, – «коли судить по виду,

- 1490 Он тоже в горе и большом – он в черном и обритый». И как увидел черный цвет одежд как знак печали И стриженные волосы – тотчас приободрился, Решив, что если человек в печали и страданьи, Его сумеет он понять, раз он и сам горюет.
- 1495 Когда страдает человек, то если кто-то может Его несчастье разделить и горевать с ним вместе И так войти в его беду, что боль его почуют – То хоть немного боль души от этого уймется: «О друг, я вижу твой наряд, ты в трауре, я вижу,» –
- 1500 Так начал Каллимах привет, и так еще промолвил: «Похоже, горе у тебя, печаль тебя терзает!» А пахарь говорит ему: «Нисколько! Этот облик, И весь мой траурный наряд, и голова такая, Не от несчастья моего, не дело злой судьбины,
- 1505 А от одной шальной жены, что в черное оделась. И ведь не только я один ношу подобный траур, И гладко брита голова не у меня лишь только, Но ныне в наших городах, и замках, и в деревне, Весь наш бесчисленный народ, народ неисчислимый,
- 1510 По приказанью царскому переоделся в траур». **Тут получает Каллимах желанное известье
О Хрисорое золотой от пахаря-трудяги**
- «Невыносим иной наряд для тела сей царицы, И голод мы должны терпеть, и мяса есть нельзя нам.
- 1515 Есть слух – ту женщину нашли в драконовом владенье, Она дракониха сама, и дочь она дракона, Наш царь ее похитить смог, прибегнув к волхованьям И сложным хитростям – и вот к себе забрал в свой замок. Она же приказала всем, живущим в нашем царстве,
- 1520 Носить одежды черные и постоянный траур.

- Она искала, говорят, себе страну такую,
Чтоб все носили черное, все облачились в траур,
И вот, ты видишь – в черном все, от мала до велика,
Все, все с обритой головой, согласно повелению.
- 1525 А повелительница та во трауре всеобщем
Дворец свой держит – в черном все, блюдя ее указы».
И понимает Каллимах из этого рассказа
Все, что потом произошло, и все, что с ней случилось.
- Да, предписания злой судьбы. Да, снова злится Тюхе,
И снова злые замыслы приводит в исполнение**
- Тут, распрощавшись с пахарем, наш Каллимах помчался
Со всей возможной скоростью, бежал, что было силы,
С душою обмирающей, страдая несказанно,
И все, кто встретился ему, попался по дороге,
- 1535 Все были бриты наголо, кого бы он не видел.
Тут снова стал он спрашивать, откуда этот траур,
В ответ опять выслушивал все то, что слышал раньше:
«Наш царь привез добытую в драконьем замке деву,
Дракониху, и сделалась она дворца хозяйкой,
- 1540 И был приказ драконихи, чтоб все оделись в траур.
О небо, как же терпишь ты, не падая на землю!
Земля! Как не развернешься, ее ты не поглотить,
Ту самую, что ввергла нас в ужасное несчастье!»
Услышав это, Каллимах слегка приободрился,
- 1545 И кровь его согрелась, и побежал он к замку,
Но до него добраться он никак не мог мгновенно,
И злился, и бесился он, что так теряет время,
И был готов уж проклинать природу человека,
Что сотворился род людской без крыльев для полета.
- 1550 Ведь потерял он перстень свой, когда упал и умер,

- А этот перстень дар имел, он силой чудотворной
Мог дивно крылья придавать природе человеческой.
Три вещи Каллимах имел чудесных, сверхобычных –
Тот перстень, что потерян был тогда, когда он умер –
1555 Кто этот перстень надевал, умел летать, как птица.
Затем – блистательнейший шлем, в камнях драгоценных,
Его нашел он среди богатств в драконовом владении.
Он силой обладал такой: он мог любую рану,
Любой ушиб, любой ущерб, любое поражение
1560 Невероятно исцелить, лишь им укрыть больного.
А третьим было яблоко – старуха им владела –
Оно убить могло, оно и к жизни возвращало.

**Но отклонились мы слегка от нашей главной цели,
Вернемся лучше поскорей мы к нашему рассказу!**

- 1565 Так, Каллимах бежал вперед, все силы напрягая,
И добежал он до дворца, и снова он увидел,
Что здесь повсюду траур был и черные одежды,
И все, кого он повстречал, обреты поголовно.
А он, как путешественник, носил другое платье,
1570 И так добрался до дворца, и сел, как путник скромный.
Он встретил женщину – она была в одежде черной,
И с ней вступил он в разговор, и так, за словом слово,
Она поведала ему историю о деве –
«А было так – она была похищена коварно –
1575 Приемы злого колдовства использованы были –
Но не смирилась девушка, беде не покорилась,
Но постоянно плакала, стенала и рыдала.
А местный царь ушел в поход – война его позвала –
Осталась девушка одна, и вот, в уединении
1580 Она всецело предалась рыданиям и скорби,

- И до бесчувствия она терзалась и страдала,
И имя вырвалось из уст страдальцы однажды,
Она вскричала: «Каллимах!» – и тут же чувств лишилась,
Должно быть, этот Каллимах и был ее драконом,
1585 Ведь говорили, что она была драконшей тоже,
Но блеск девичьей красоты скрывал драконий облик!
И нескончаемо неслись рыдания и вопли.
Но если б, добрый человек, ты видел эту деву –
От горя красота ее как будто бы засохла –
1590 Так среди зноя летнего вдруг роза увядает,
Но лишь повеет влагою – она опять прекрасна,
И дева так – в слезах своих она почти погибла,
Но доставляет влагу ей, живительную силу,
Коль обратит к ней кто-нибудь сочувственное слово.
1595 Ну, словом, коль увидишь ты, как в плаче она бьется,
Ты содрогнешься. Человек так горевать не может!
Я от таких ужасных слез погибла бы, конечно».
- 1600 Тут Каллимах и застонал: «О как же деву жалко!»
Потом он попытался встать, но тут же рухнул наземь,
Упал как мертвый, чувств лишаась, и потеряв сознание.
И, приведя его в себя, та женщина спросила:
«О что с тобой? Что так тебя ужасно подкосило?»
1605 «Моя сестра, – ответил он – все, что ты рассказала,
Заставит горько зарыдать души лишенный камень».
Она: «Мне жаль, что мой рассказ страдать тебя заставил!
Ты испытал такую скорбь, почти лишился жизни,
Но если все узнаешь ты, и если сам увидишь,
1610 Боюсь, не сможешь ты тогда умом не повредиться».
Но Каллимах уже не мог на месте оставаться,
Не мог и миг еще прожить без девы вожденной –
Вскочил и кинулся бежать по направлению к саду.

**Итак, узнал все Каллимах, про все проведал точно,
1615 И в путь пустился поскорей, и вот достиг он сада.
О рока злые письма, о яростная Тюхе,
Оставьте злюбу, дайте мир, смягчитесь. усмиритесь,
И против нежных чувств войну оставьте, наконец-то!**

Вот от сыскал садовника – тот занят был поливкой,
1620 Сел у калитки Каллимах и подождал немного.
Вода дала ему понять – пылает Хрисороя,
Слова рвались – но он молчал, храня благоразумье.
Но кто-то вдруг к себе позвал садовника –и тотчас
В себя приходит Каллимах и думает, как скажет:
1625 «Давай, садовник, мне ведро, скорей его наполни,
И стану воду я носить – тебе ведь говорю я –
И для царицы мы бассейн тогда наполним к сроку»
Вся кровь вскипела у него, и он в душе промолвил:
Сказал он – «Незачем сидеть, впустую время тратя,
1630 Так можно время потерять и упустить свой случай.
Помчусь к садовнику скорей и обращусь с приветом».
Скорей встает, скорей идет, скорее в сад вступает,
Приветствует садовника, такое молвит слово:

**Смотри, вот воля случая и времени сплетенье,
1635 Пока не умер человек, не говори: «Счастливчик!»**

«Какая встреча, господин! А ты работал тяжко,
Дивлюсь, как только в силах ты трудиться, надрываясь?
Ты, пожилой, совсем один, а сад такой огромный!»
А он в ответ: «Дитя мое, мне этот сад не в тягость,
1640 И не под силу лишь одно – таскать мне воду трудно.
Будь проклят день, будь проклят час, когда царицу эту
Старухи ведьмы колдовство на наш дворец наслало –

- Царице горе, ну, а мы, конечно, негодуем,
Что целый мир наш обречен одеться в черный траур».
- 1645 И снова слово Каллимах садовнику промолвил:
«Твой сад велик, как вижу я, и велика работа,
А я – я тоже садовод, хоть нищ и бесприютен.
Не хочешь ли меня нанять – и хлеб мне будет платой?»
Садовник был тесним нуждой, работника искал он,
- 1650 Ведь помощь требовалась тут, и водонос был нужен,
А тут нашелся человек, чужак, из мест нездешних,
Но молодой и полный сил нести работу эту.
.....
- 1655 И вот старик, хранивший сад, немедленно решает,
Что, он, конечно, подойдет для сей работы трудной –
А Каллимах, теперь уже был нанятый работник,
Почел, что лучше некуда, что все сложилось к счастью,
И рассуждал на радостях, в уме – такое молвил:
- 1660 «Теперь могу служить опять прекраснейшему телу
Сей девы несравненной, мне снова доведется
Омыть и смазать снадобьем, уврачевать заботой,
Ушибы, раны, послужу достойно ей, как прежде,
Я улучу момент – подам с водой ей утешенье.
- 1665 И ты узнаешь, кто тебе приносит облегченье –
Кто ныне душу оросит, что жжет тебя и мучит».

**О, близок утешенья миг! Судьба, тебе спасибо!
По предписанью твоему мы с нею снова вместе!**

- Вздыхая, воду он носил, и поливал растенья,
1670 И о судьбе своей он пел, такую песнь слагая:
**А вот и песня о судьбе скитальца Каллимаха,
Наемного работника, слуги и водоноса**

- «Судьба моя! остановись! Оставь свои блуждания,
Останови мучения, и прекрати терзания!
- 1675 Останови безумное преследование злое,
Довольно мне страдания, довольно мне несчастий!
Что сделал я тебе, Судьба? В чем, в чем я провинился?
Что сотворил тебе, что ты разгневалась столь тяжело
И так тиранить ты меня, так яростно терзаешь?
- 1680 Ну вот, теперь я водонос, теперь слуга наемный –
Неужто мало, чтобы тем твой страшный гнев насытить?
Селена светлая, меня тиранят – ты же видишь?
Молю тебя, о хоть на миг пошли мне луч свой светлый,
Пусть во дворец проникнет он, для прочих незаметно,
- 1685 Пусть Хрисорое передаст известие такое:
«Кого ты любишь – снова здесь, воскрес он, ты увидишь,
Сейчас он нанялся служить, ухаживать за садом,
Сейчас-то воду носит он для твоего бассейна,
Чтоб пламя сердца своего ты, дева, усмирила,
1690 И огонь пылающей печи, что разожгли Эроты,
Его уста своей росой живительной умерят.
Прошу, Селена, исхитрись, Селена, сделай это!»
Так повторял и повторял свои он заклинанья,
И слезы горькие лились из глаз его ручьями.
- 1695 И, шаг за шагом, подходил он ко дворцу все ближе,
И вот уже он во дворце – и все его узнали,
Да, все узнали во дворце слугу и водоноса
Садовникова – все его приветили, признали.
И вот однажды Каллимах услышал плач девицы,
- 1700 И тотчас он без чувств упал, как будто бы скончался.
Но вскоре ожил – голос звал с тоскою Каллимаха,
И это голос девы был, в нем столько горя было,
И столько было в нем любви, и столько слов страдания,
Что сердце выскочило вон, и тотчас устремился

Переводы

- 1705 На этот голос Каллимах, на зов своей любимой,
И звуки голоса ее ему терзают душу.
И вот уже вблизи нее, ее стенанья слышит,
Он от нее недалеко, он держится поближе,
Надеется, что вскорости она его узнает.
- 1710 Нет сил ему переносить весь день девицы крики,
И душит, давит боль его, крушит страданье сердце,
Но все он сносит, терпит все, и только измышляет,
Как исхитриться, чтоб тайком от прочих был он узнан,
Чтоб скорбь ее унять – то вновь боится, что узнают,
- 1715 И чтоб не повредило им, коль замолчит девица.
И, наконец, придумал он, в уме своем составил,
Как с девой переговорить для прочих незаметно –
И так, и эдак думает, и голову ломает.
Придумал все же, наконец, отбросив много планов,
- 1720 Как будет лучше для него устроить узнаванье –
Во время омовения в бассейне знаменитом,
В том самом, дивном, золотом, средь замка золотого,
Что полон всяческих затей, услад и удовольствий,
Где принял перстень от нее – прекрасное колечко,
- 1725 Его ей матушка ее когда-то подарила,
И от родителей оно – единственная память.
«Увидит девушка кольцо – и вмиг ей станет ясно
Все остальное – вмиг поймет, откуда то колечко,
И как оно сейчас нашлось, и как к ней в сад попало,
- 1730 И вот, при помощи моей уловки этой хитрой
Друг друга сможем мы узнать – и пусть Судьба ярится,
Пусть в мире правит всем она, событиями всеми,
Узнаю милую тотчас и заключу в объятия,
И дева тоже в тот же миг узнает Каллимаха.
- 1735 Узнав друг друга, тотчас мы в объятиях сплетемся,
Боюсь, что можем потерять от радости сознание,

- Ведь наша встреча – это то, что просто небывало.
И, сжав в объятиях ее, чья прелесть несравненна,
Я снова силой жизнь вдохну в безжизненную душу.
- 1740 И разъясню ей, расскажу подробно, что задумал».
И снова думал Каллимах, рассчитывал уловку,
Как подготовить встречу с ней, как им узнать друг друга.
И Каллимах приходит в сад, и дерево находит, –
К нему обычно горевать приходит Хрисороя,
- 1745 Сидит под ним, едва жива, стенает и рыдает.
То было померанцевое дерево, и казалось,
Что словно человек оно бесчувственный, без жизни.
Тут Каллимах берет кольцо и к ветке осторожно
Его стремится прикрепить и ловко прикрепляет.
- 1750 **Бывают очень действенны разумные уловки,
Как то, что сделал Каллимах в безвыходности горькой**
- А дева в свой обычный час отправилась поплакать,
Под веткой померанцевой уселась, как обычно,
И, взор подняв, увидела, что ветка расцветает,
- 1755 И зарыдала жалобно: «О Каллимах любимый!
Моя надежда рухнула, ты умер, ты в Аиде,
А я – а я еще жива, могу ходить и видеть,
Но я живую лишь кажусь, ведь умерли все чувства,
Я тень, я призрак, я собой являю привиденье,
- 1760 И если что и вижу я – то лишь тебя я вижу».
Так говорит и к веточке протягивает руку,
Коснуться листьев дерева – и тут колечко видит!
(Ведь Каллимах сумел его там закрепить толково.)
Кольцо на палец поскорей с восторгом надевает,
- 1765 На радость несказанную, что дерево ей взрастило,
Сей дар на радость и печаль от дерева принимает,

Переводы

- И страх, и боль, и горький плач охватывают сердце.
Она почти без памяти под дерево ложится,
И разум затмевается, и мысли все в смятении.
- 1770 И то ей будто чудится, что видит Каллимаха –
И возвращаются тогда и чувства к ней, и разум,
То вновь вскипает мука в ней, когда на перстень глянет –
.....
- И говорит сама с собой, с умом своим и сердцем:
«Что это? Ясно – перстень сей на пальце я носила
- 1775 Еще тогда, с тех самых пор, как я была царицей,
И Каллимах им стал играть, когда в воде мы были,
Плескались радостно в воде прекрасного бассейна.
О как вода была тепла, о как я это помню,
О, вспоминаю время то и снова умираю!
- 1780 С какой любовью Каллимах надел колечко это,
И сколько радостей моих губительница Тюхе
Украда горькосладостных! И как теперь могу я,
Как я могу прийти в себя, не умереть на месте!
Что, если перстень кто-то снял с руки у Каллимаха,
- 1785 Когда увидел, что лежит он мертвый, неподвижно?
К нему он близко подошел, потрогал, убедился,
Что тот недвижим – и тогда с руки снимает перстень!
Ведь если же никто кольцо, кольцо сие золотое,
И не снимал с его руки – как здесь оно нашлось?
- 1790 А вдруг по воле Случая мой Каллимах не умер.
А вдруг старуха хитрая, она на все горазда,
Потом его сгубить смогла своим коварством злобным?
Ведь я была похищена волками так внезапно,
Едва увидела его на берегу бездвижным –
- 1795 Я онемела от беды, я просто помертвела.
Но все ж увидела, что он лежит там неподвижно,
Лежит на бреге острова, души лишенный, мертвый.

- Ну что ж! Сегодня Тюхе мне опять готовит что-то,
И хочет напоить меня опять отравой горькой.
- 1800 О Каллимах! Ты жив, но мне пока не показался?
Коль это так – скажу тебе – дурное это дело!
Но все же ожил ты? Воскрес за это время?
О моя Тюхе, ты совсем, совсем опять взбесилась,
Раз хочешь причинить опять мне вред, такой ужасный!
- 1805 А вдруг зловредная судьба насытилась страданьем,
Что насылала на меня, пресытилася плачем,
Чуть-чуть смягчилась, и опять найду я с милым радость?
Ведь Тюхе – знаю – не всегда бывает ненасытна,
Вдруг надоело ей уже нам насылать страданья,
- 1810 И снова жив мой Каллимах? Нет! Это сверх природы!
Она не может потерпеть, чтоб мертвые воскресли.
Но если жив он, а не мертв, то кто же его видел?
Кто мог обнять его, открыть горячие объятия,
Кто сладостно лишился чувств от этого блаженства?
- 1815 Да, все мне нужно разузнать, быть может, жив ты снова!»
Такие мысли в голове у девушки витали,
Когда под деревом она в раздумии сидела,
Под деревом, что принесло кольцо от Каллимаха.
Вот в размышлениях таких и ночь прошла, и утром
- 1820 С зарею снова понеслись по саду причитанья,
Обычный плач и жалобы повсюду раздавались,
В одежде скорбной вновь она отправилась ко древу,
Его осматривает вновь – перебирает листья,
Понять пытаюсь, как кольцо на ветке оказалось.
- 1825 В сторонке стоя, Каллимах за девой наблюдает,
Он узнает ее во всем, что видит пред собою.
Увидя деву, Каллимах, страдалец и скиталец,
Такие муки испытал, что в жизни не бывают.
То, что он чувствовал внутри – отобразить могло бы

1830 Такое сердце, что само страданиям подвластно –
Словами выразить нельзя (ни письменно, ни устно).
И вот решила госпожа садовника покликать,
Кричит – «Скорей иди сюда, мой старичок садовник!»

О чем садовника тогда расспрашивала дева

1835 **И как отвечивал он ей про все, как подобало**

«Скажи – один ли ты носил для омовений воду?
Один ли делаешь в саду всю должную работу?
Я и представить не могу, как все успеть ты можешь,
Ведь огород весьма велик, и грядки длинных много –
1840 Как в одиночку можешь ты с таким справляться делом?»

Он: «До сих пор весь этот сад, и грядки в огороде
Я обрабатывал один, подмоги не имея.
Но вот теперь на радость мне обрел я водоноса,
И сад расцвел с тех пор, как я его за плату нанял.
1845 Его я нанял, чужака, он родом издалека,
Не знаю толком ничего, ни кто он, ни откуда,
Но только вижу – он толков и возрастом не мальчик,
Не надрываюсь больше я теперь, таская воду,
Теперь могу передохнуть, перевести дыханье».

1850 **И вот сладчайший счастья миг блеснул для Каллимаха,
Ведь он немного ощутил благоволенья Тюхе**

Она: «Так позови его, спрошу, кто он, откуда,
Узнаю я, кто нанялся ухаживать за садом».
Стал громко звать тогда прийти садовник водоноса –
1855 Он мигом прибежал – и тут без чувств упал на землю,
И оставался водонос лежащим без сознания.

- Слова участия ее кропят живой росой,
И обращается к нему садовник с беспокойством:
1860 «Сынок, сынок, приди в себя, опомнись, мой хороший!»
И отвечает водонос: «Да я не просто обмер,
Я испытал, чего вовек не ведывал я ране,
Я просто умер оттого, что увидал царицу!
Ведь разве может кто-нибудь, кто госпожу увидел,
1865 Узрев такую красоту, не пасть, как мертвый, тут же!»

Как постаралась госпожа перебороть волнение

- Тут госпожа к собравшимся в волнении сказала:
«Прошу вас всех, подалее вы встаньте, отойдите,
Скорее все уйдите прочь – я разум свой теряю!
1870 Несносны ваши речи мне, скопление ваше – гибель,
Здесь невозможно мне дышать, дворец меня сей душит.
Хочу, чтоб сделали скорей шатер в саду красивый,
И пусть бы рядом бил фонтан из хитростной машины.
Не надо мне прислужников, служанок мне не надо,
1875 Пускай никто не служит мне, одна пусть будет дама,
Я чувствую – я выпала из рода человеков,
И только зло владеет мной, ужасно, безраздельно».
И все, кто рядом с нею был, слова услышав эти,
Немедленно исполнили, что госпожа велела,
1880 Шатер скорей поставили, фонтан соорудили,
Пред ним великолепную цветов разбили клумбу,
Завесой изумительной шатер они накрыли,
И ложе там поставили работы несравненной,
И дама только лишь одна при этом оставалась,
1885 А госпожа имела вид безумицы несчастной.
Она носилась с воплями, она металась дико
Там, где шатер ее стоял и ложе расстиралось.
Потом она дала приказ себе доставить пищу,

Переводы

- И все на землю положить, и говорит служанке:
1890 «Служить ты будешь мне одна, пока вкушать я буду,
Ни мажордом, ни повара – никто пусть не приходит,
Не нужно мне доместика – совсем никто не нужен!
Я буду здесь совсем одна в своем уединеньи,
Лишь только так смогу снести все то, что меня мучит.
1895 А вдруг возникнет приступ вновь, и снова плохо станет –
Хочу при этом быть одна! Свидетелей не надо!»
И наземь села, и с земли, одна, вкушала пищу.

Теперь о пище и питье прекрасной Хрисорои

- И вот была она одна, сидела у фонтана,
1900 И говорит она своей служанке огорченно:
«Позвать садовника сюда, и пусть его прислужник
Мне розу срежет – я хочу утешиться цветами».
Служанка тотчас: «Поскорей пришли слугу, садовник,
Пусть розу лучшую в саду скорей сюда доставит».
1905 Слуга сыскался в тот же миг, сыскался вместе с розой,
Но, лишь заслышав сей приказ, он полностью утратил
Все чувства, разум, словом – все, и слух, и пониманье,
Как смог возникнуть быстро он, явится вместе с розой,
Великим утешением для странной Хрисорои?
1910 Служанку тут же госпожа немедля отослала,
Уж и не знаю даже, как ей это удалось,
И говорит она слуге с улыбкой затаенной –

И слово скромно, сладостно она ему сказала

- «Да как же ты осмелился пред царскою трапезой
1915 Предстать – поденщик жалкий, ты, бедняк, как ты решился,
Не попросил кого-нибудь, кто передал бы розы?»
Тут наклонился Каллимах – и госпожу целует,

- Припав, срывает поцелуй со страстью несказанной
С прекрасных уст нежнее роз, как будто он целует
1920 Цветы. И госпожа тогда дает приказ служанке,
Служанка тотчас же пошла и тотчас возвратилась,
Послушно выполнив приказ, ее исполнив волю –
«Вот розы, госпожа, я их из рук слуги прияла» –
И так дыхание его в цветах передала ей.
1925 Затем приказывает ей властительно, по-царски,
Идти к садовнику, снести почетные подарки,
А водоносу передать один кусочек хлеба –
Но содержалась скрытно в нем вся сила Афродиты.
В кусочке этом, затаясь, стеснились все Эроты,
1930 И началась у них игра Эротов с Афродитой,
И наступил тогда конец бесчисленным страданиям,
Конец слезам, рыданиям, безмерным мукам сердца.
И так, в сладчайшем млении, весь день у них проходит,
И ночь пришла, и час настал для торжества Эротов,
1935 Что, к нежным радостям души, и плоти сласть добавил.

**Что девушка придумала, как тонко исхитрилась,
Чтоб посторонних удалить, наедине остаться**

- Служанка входит к ней одна, завесу поднимая,
И тут ко всем придворным речь царица обращает:
1940 «Здесь, в этом месте я себя почувствовала лучше,
Я задыхаться не могу, толпу не в силах видеть,
Меняюсь тотчас я в лице, рассудок мой мутнеет,
И в сердце ощущаю боль, когда толпу я вижу».
И тотчас удаляется толпа ее придворных,
1945 Спустилась ночь, и говорит служанке Хрисороя:
«Я спать хочу, и вот тебе такое приказанье:
Ложись сама ты вне шатра, и занавес задерни,

Переводы

- Я не способна выносить дыханье человека».
Все приказания ее исполнила служанка.
- 1950 И в самый первый ночи час, иль во второй, быть может,
В сад проникает водонос, тихонечко крадется,
К шатру подходит и его завесу открывает
И видит госпожу – она его, конечно, тоже видит –
И дрожь великая ее от страсти сотрясает,
- 1955 Он не вошел, он подлетел, как будто бы на крыльях,
И обнялись они – и как! С какой великой страстью!
С каким блаженством их сердца вкусили наслажденье,
Слова не могут передать – понять сие возможно
Лишь сердцу, что само в свой час то счастье испытало.
- 1960 И сладость несказанная их первого любзанья
В их помертвевшие сердца, как влага, просочилась,
И, как роса поит водой иссохшееся дерево,
Так поцелуй вселяет жизнь в безжизненное сердце,
А если б ты увидеть мог в ту ночь их поцелуи –
- 1965 Подумал бы, что ни на миг они не расставались.
Вся ночь дальнейшая прошла в объятьях, поцелуях
И в наслажденьях сладостных желанного союза,
И Хрисороя, счастливо сплетаясь с Каллимахом,
Впадала в сладкий обморок, и ей порой казалось,
- 1970 Что на ветвях, на дереве качается в томленьи,
А их сердца ожившие в согласьи полном бились,
Они и вправду ожили, они вернулись к жизни,
Ведь расцвели их души вновь от столь великой страсти.
И разразился ливень слез, прекрасный ливень счастья,
- 1975 И слезы реками текли и сладкими ручьями,
Но быстро эта ночь прошла, покинула влюбленных,
Ночь, радостью дарившая, цветущая блаженством,
Ночь, что утехам сладостным и свет, и подкрепленье,
На небе начало светать, и вот заря явилась,

- 1980 Но всем отрадный свет ее им показался мраком,
И разделились их тела – какие были слезы!
Но все ж расстаться им пришлось – ведь их могли увидеть.
Слуга наемный как слуга к делам своим вернулся,
Пошел растенья поливать, пошел деревья холить,
- 1985 А госпожа как госпожа отправилась на ложе,
На ложе царское свое в шатре своем роскошном –
Его для сладостных утех Хариты ей постлали,
И прелесть властная его сама любовь рождала.
И госпожа пошла прилечь, беспечная от счастья,
- 1990 Вкушая отдых и покой, в прекрасном настроеньи,
Уснула сладостно она в приюте Афродиты.
Слуга же углубился в сад, и продолжал работу,
Ведь был он нанят помогать садовнику за плату.
Но тут придворные опять явились всей толпою
- 1995 Почтить свою владычицу, узнать, как почивала.
Служанку стали спрашивать, как ночь спала царица.
Она ответила – «Во сне она не говорила,
И до сих пор, как видите, пока что не проснулась».
Они же, как услышали, обрадовались очень,
- 2000 Им было дорого узнать, что спит она спокойно,
И продолжали ждать ее, пока она проснется.
К полудню ближе госпожа проснулась и сказала:
«Теперь пусть входят те, кто мне желает поклониться,
Но только не большой толпой – я в тишине нуждаюсь,
- 2005 Я исцеленье нахожу в уединеньи только».
Тогда служанка позвала ее придворных верных,
И те со скромностью вошли, и перед ней простерлись,
Перед царицей, а она, как золото, сияла.
- И все увидели тогда – царице стало лучше,**
2010 **И радость их объяла всех при доброй перемене**

Переводы

Тут Хрисороя говорит: «Я снова повторяю –
Уединенье нужно мне в прелестном этом месте,
Успокоенья я ищу, и я хочу сегодня,
Как и вчера, побыть одна и днем, и снова ночью,
2015 И, в одиночестве побыв, я снова успокоюсь.
А вы теперь ступайте прочь, а я посплю немного, –
Мое уединение мой жребий облегчает».

**А вот ответ, что дали ей знатнейшие из свиты,
Сказали знатные в ответ прекрасной этой деве –
2020 И я опять сейчас скажу – она была прекрасна!**

Они сказали: «Мы тебе сердечно сострадаем,
Мы сокрушаемся душой, твои страданья видя,
Когда лишаешься ты чувств от горя ежедневно,
И горько стонешь без конца, и мечешься, стеная,
2025 Терзаньем этим ты свое изнемогаешь тело.
Теперь, когда ты хоть чуть-чуть воскреснув, оживаешь,
И без рыдания и корч хоть час прожить способна,
Мы поклоняемся сему, как радостному счастью.
Мы удаляемся, а ты передохни немного.
2030 Наш царь осведомлен о том, как ты здесь отдыхаешь,
И вот теперь узнает он, что ты в себя приходишь,
И среди воинских забот, гнетущих неотступно,
Он утешенье обретет в твоём выздоровленьи,
И тем скорей минует нас пора невзгоды черной».
2035 И удалились знатные, как госпожа велела.
Она же вышла и одна пошла гулять по саду
И стала меж дерев бродить легко и беззаботно.

В саду гуляет девушка и душу услаждает

В саду она садовника застала за работой,
2040 И вместе с ним – помощника: в букет срезал он розы,
И песню необычную он напевал при этом:

Теперь послушай песенку скитальца Каллимаха

2045 «Тот, кто еще позавчера от горя разрывался, –
Сегодня вновь счастливым стал, и радость им владеет!
Кто горько слезы проливал – и сад рыдал с ним вместе –
Теперь сияет, – вместе с ним и сад лучится счастьем.
Кто света не видал от слез – и солнце сострадало,
2050 Его утешить силилось, и сил подать, и помощь –
Сейчас и сам от радости лучится и сияет,
И солнцу говорит – свети. Сияй прекрасным блеском,
И в свете этом радостном иди своей дорогой –
Ведь Тюхе явно сжалилась, заставив столько плакать,
2055 И после стольких ужасов свою явила милость!
Ей – ныне благодарности, ее величу песней!»
Послушай, что садовнику та девушка сказала

«Коль розы я потребую, то получу их тотчас,
И, если только мой приказ исполнить можно быстро,
2060 Тебя тогда я награжу за рвение достойно.
Твой водонос, помощник твой, таскал прилежно воду
И пел он песню, чтоб тебя порадовать немного».
Она увидела слугу, и он увидел деву,
И вновь Эрот нарисовал им новую картину,
2065 И вновь затеял им игру с изящною отрадой:
Садовник вскоре поспешил по делу удалиться,
В саду всегда немало дел – слуга остался с девой,

Она же, с гневом напускным и с важностью притворной,
Свои влюбленные слова сладчайше обращает,
2070 И эта страстная игра, забава Афродиты, –
Эротов сладостный урок, самих Харит затея.

**Вот речь притворная ее, что якобы сердито
К слуге наемному она сказала, бедолаге:**

«Судьба предначертала мне, чтоб я была царицей,
2075 И царское достоинство свое не уроню я!
Я – полная владычица, я автократорисса,
И я над садом властвую, и над слугою тоже.
Я по-хозяйски, царственно, всхожу на мое ложе,
И как же смеет сей слуга так дерзко приближаться?
2080 Но он за это тотчас же поплатится жестоко!»

И вот как замечательно ей Каллимах ответил:

«Тебе судьбой начертано, чтоб ты была царицей,
А мой удел – за розами ухаживать с заботой!
Растений ты владычица, а я – охранник сада,
2085 И если ляжешь ты поверх столь царственного ложа,
Во мне ты стража обретешь – служить я буду верно,
И розы холить буду я, и все твои растенья».
Вот так, средь зелени цветов, средь роз кустов цветущих,
Они вели свою игру, беседея шутивно,
2090 Как будто речи те вели Эроты и Желанья.
Вот дева направляется к шатру, идет тихонько,
Чтоб отдохнуть близ светлого, журчащего потока,
А он, слуга, пока еще на месте остается,
Но вскоре водонос идет к шатру, в него вступает,
2095 Там он находит госпожу, как царь он к ней подходит,

С ней возлегает, и опять они слились в объятьях,
И снова ласки и игра всю ночь возобновлялись,
И поцелуи сладкие, и сладостные речи.
А перед тем, как ночь ушла, вели такие речи:

2100 **И вот что Каллимах решил совместно с Хрисороей**

- «Ну, до каких же пор нам красть Эротов наших счастье?
Как долго будем мы тайком вкушать свои утехы?
Доколе оставаться мне при госпоже слугою?
Что если после стольких мук, терзаний, слез горючих
2105 И после испытаний всех, что посланы нам были,
Судьба бедой насытилась, оставила свирепость,
И вскоре дивной сладостью она заменит горечь?
Давай посмотрим, как бы нам из этих мест исчезнуть,
Как вновь спасение найти в златом чудесном граде,
2110 И без утайки навсегда любовью наслаждаться,
Как полновластные цари – открыто и свободно,
И так прожить остаток дней без горя и печали».
И снова обнялись они, и вновь сплелись друг с другом,
И так застала их заря, что в небе занималась,
2115 Но показался им рассвет и темнотой, и мраком,
И расставание для них нелегким было, правда,
Но горечь все ж невелика в сравнении с тем, что было.
В сад снова Каллимах пошел – ведь он служил за плату,
А Хрисороя-госпожа – на царственное ложе,
2120 И там прекрасно проспала до вечера спокойно.
Придворные увидели, как крепко спит царица
И приближенные царя и сторожа царицы
Спешат скорей сказать царю, что вопли прекратились,
И смолкли причитания – и радостные вести
2125 Они скорее шлют ему, послание составив.

Письмо, что лица первые властителю послали

- «Мы, слуги верные твои, спешим тебе, Властитель,
Сказать, что прекратился плач и скорбные рыдания,
Стенанья, задыхания, ужасные метанья,
2130 Мученья непрестанные утихли и исчезли.
Припадки горя кончились, она спокойной стала,
Настало время славное – сейчас здесь только радость,
Все дни теперь спокойные, уже не слышно воплей,
И можно волю ныне дать свободным наслажденьям,
2135 И если ты уже сумел расправиться с врагами,
Вернись, и сразу же найдешь желанное свободно,
И мы, рабы твои, тебе о сем писать дерзаем!»
Но вот проснулась госпожа, и вновь ее служанка
Толпу придворных на поклон к царице призывает,
2140 Они вступают к ней в покой как слуги, раболепно,
И простираются пред ней, и спрашивают снова,
Нашла ли облегчение и отдых от мучений.
Она в ответ: «Мой уголок, мое уединенье
Дают мне силы не давать моим рыданиям волю...
2145 Вы сами видите – мое истерзанное тело
Совсем истаяло уже от горя и рыданий.
Как ненавистны мне слова любого утешенья!
Они лишь поднимают вновь волну моих рыданий.
Уединенья жажду я, толпа мне ненавистна,
2150 И я хочу опять побыть наедине с собою.
Совсем не видеть никого – лишь это мне угодно».
Ушли придворные, и вновь она зовет служанку,
Она единственная, кто с царицей остается,
И вновь приходит водонос, и вновь они играют,
2155 И снова он завоевал любовь своей царицы,
И снова шли объятия, и снова поцелуи,

- И снова стал шатер в саду приютом Афродиты –
И светлым зеркалом Харит, и вновь он – дом Эроса.
В утехах нежных без конца весь день они витали,
2160 А ночь, даруя сладостью, настала незаметно,
И вместе с ней пожаловал ночной Эрот крылатый,
И осенил двух любящих всей радостью желанья.
При этой царственной чете, как раб их, оставался
Он, сам Эрот, владыка-царь, в рабы к ним записался,
2165 Служа их страсти искренней, служба любви их чистой.

Начало новых тяжких бед, печалей горьких снова

- Зачем подробно говорить про эти дни и ночи, –
Про их дневные радости, ночные наслажденья,
Не стану в тонкостях писать и только то скажу я,
2170 Одно вам только расскажу, и напишу одно лишь –
Такая жизнь была для них всего на свете краше,
Однако, как бы им сбежать, обдумывали планы.

2175

Но вот опять начало бед, начало их мучений

- Но многие придворные, охрана Хрисорои,
Когда уединение надолго затянулось,
2180 И вопли горя перешли внезапно в ликованье,
И сон столь долгий день за днем все время продолжался,
Все впали в искушение проведать, в чем же дело,
И отчего произошла такая перемена,
И вот служанке говорят: «В шатре останься на ночь,
2185 Узнай, не плачет ли она, не стонет ли ночами,

А ты не спи, всю смотрю, следи за нею толком,
Не предается ли она каким-то истязаньям,
Не бьется ль в корчах горестно, одна, без утешенья?
Ну, словом, – глаз ты не смыкай, что б ни происходило».

2190 **Коварство злой прислужницы и подлая ловушка,
Все дело обнаружили, и страсть была открыта,
Страсть Каллимаха бедного и девы Хрисорой**

И вот, как с широты небес ушли дневные краски,
И блеск, и жар уже погас – ведь солнце закатилось,
2195 И мрак настал для двух сердец, конец для их блаженства.
Вот засветилась в вышине Селена золотая.
О милый светоч, как же ты не прячешься за тучи,
Когда страдания и смерть ты видишь человечьи?
Увы, увы! Стараньями злых евнухов коварных
2200 И подлым злоучастием служанки этой мерзкой
Открылось потаенное, что так умно скрывалось.
А дальше что? Предательства никак не ожидая,
По-царски поднимается на ложе Хрисороя,
Служанка удаляется, как будто бы уходит,
2205 Сама ж в засаду прячется – и тайна ей открыта!
Тихонько выбирается и из-за занавески
Она глядит, как госпожа на ложе золоченом
В объятиях сплетается с наемником слугою!
Вот снова утро настает, придворные приходят,
2210 Служанка, евнухов позвав, отводит их в сторонку
И говорит им, чтобы их не слышали другие:
«Теперь я знаю, в чем секрет, и хитрость я раскрыла,
Я видела – с ней был слуга, садовника помощник,
И с ним сплеталась она, с ним рядом почивала,
2215 И так прошла у них вся ночь – я видела все это,

- Как миловались там они, их ласки, поцелуи –
И все их преступления, противные природе.
И если вы желаете взглянуть на это чудо –
Сегодня ночью здесь, в саду, останьтесь потихоньку,
2220 И вместе затаимся мы, чтоб их подкараулить,
И сами вы увидите развратность этой девы». –
Так говорила евнухам, от прочих по секрету,
И те пошли, как водится, приветствовать царицу.
Служанка же тихонечко пошла другой дорогой,
2225 Пообещав, что повторит, что было накануне.
Придворные явились и царице поклонились,
Все строго по обычаю, все строго по порядку.
Ну что тут долго говорить? – Вот день уже проходит,
Настала ночь, спустился мрак, сгустились потемки,
2230 И со служанкой спрятались три евнуха надежно,
Чтоб из засады девушку застать, подкараулив.
Вот в час обычный, как всегда, любовники, обнявшись,
Всем наслажденьям предались, предательства не чуя,
Не ведая, что евнухи уже сидят в засаде.
2235 Не думая, что шутят зло с влюбленными Эроты –

**Нет! Это Тюхе злобная на деву вновь взъярилась,
И вновь смогла ее настичь – схватила прямо в спальне**

- Но Хрисороя ни о чем и не подозревала
2240 И свой не видела капкан – казалось, все сокрыто.
Охрана – трое евнухов, царевой службе верных, –
Увидев, что там делалось, немедленно, тотчас же,
Как от огня, отпрянули от зрелища разврата –
Вскричали: «Чтоб сгорели вы, притворные рыдания,
2245 И показная скорбь ее и лживые страдания!»
И пишут тотчас же царю о блудодействе девы –

Как добивалась хитростью она уединенья,
Чтобы встречаться со слугой, и что в саду творилось.

**И пишут тотчас же царю письмо про все про это,
2250 В посланье этом горестном слова такие были**

«Тебе писали прежде мы приятные известья,
Тебе, о царь великий наш, о наша мощь и сила,
Но слишком преждевременно мы радость изъявляли.
Сегодня – вести горькие, сегодня все печально.
2255 Не думай, царь, что вновь она сейчас скорбит и плачет,
Нет, не услышишь ты от нас о столах и рыданьях –
Все это было хитростью, подлейшей ложью было,
Еще вчера писали мы, что кончились страданья
У той, кого поставил ты владычною царицей,
2260 И сообщали мы о том, как о великом счастье,
О нет, не думай, что от нас сейчас услышишь вести,
Что возвратилось к ней опять безумство беспокойства,
Нет! Эти стоны без конца и горестные крики
Уловкой были для нее достичь уединенья!
2265 Ведь якобы оно одно покой ей приносило,
То было – выдумка, обман и хитрая причина,
Она велела для нее шатер в саду поставить,
Мы удалялись, а при ней служанку оставляли,
В шатре она ложилась спать – одна, как нам казалось –
2270 А мы, ее не зная план, покорно удалялись.
Она же вот что делала: сплетя такую хитрость,
И блудодействию предалась, и с кем – подумай только!
Не с благородным кем, о нет, не с тем, кто из почтенных,
Слуга садовника с ней был, слуга, простой наемник!
2275 И это правда, а не ложь, не наше измышление,
Все так и есть, и мы тебе докладываем это,

Как ты рабам, нам, приказал, – мы так и поступаем».

- Царь прочитал письмо, и в нем душа перевернулась,
2280 Никак не мог он осознать, как то могло случиться,
Что вся ее такая скорбь немедленно исчезла,
Лишь только кинулась слуге наемному в объятья.
«Но если это все не так, то что же означает,
Что с горя волосы рвала, что в траур облачалась,
2285 Не ела мяса и совсем в страданьи исхудала?
Ну, нет, возможно, это все – лишь евнуховы бредни?
Вредны они, двуполые, или без пола вовсе,
Их племя хитрое всегда злоумышляет что-то,
Всегда они стараются назо мне что-то сделать,
2290 Чтоб вызвать гнев в душе моей и мир в душе нарушить,
Страдать заставить, искусить уныньем дух мой царский.
Но все же – почему они такую ложь сказали?
Как мне решились сообщить немислимое дело,
Что дева ясная моя какой-то шлюхой стала?
2295 Конечно, – врут злоевнухи. Но что им в этом пользы?
Ну, все равно прервать поход не вижу я причины,
Ведь приближается теперь решительная битва.
Пожалуй, напишу я им и дам им приказанье,
И напишу своей рукой – тут секретарь не нужен».

- 2300 **Он сел и тут же написал для евнухов вот это,
А вы послушайте теперь слова его приказа**

- «Мое величество прочло письмо, что вы писали –
Оно мне дело дикое, ужасное открыло,
И это мне – как острый нож, как смерть мне новость эта.
2305 Откуда это зло пришло, и по какой причине?
Однако вот вам мой приказ: слугу схватить немедленно,

Переводы

- Надежно в цепи заковать и посадить в темницу,
А ту, о ком сказали вы, что блуду предавалась,
Извольте чтить и уважать и дальше, как царицу,
2310 И окружайте, как всегда, почтением и блеском.
Вот мой приказ: служите ей, желанья исполняйте,
Пусть все идет по-прежнему. Пусть только так да будет!..
...А я надеюсь вскорости вступить с врагами в битву,
Я их надеюсь победить и вскоре к вам вернуться.
- 2315 Приду и самолично я взгляну на это дело,
И разберусь, и рассужу, и суд свершу разумно.
А вам велю – об этом впредь ничуть не беспокойтесь,
Мои три верных евнуха, и будьте все здоровы!»
Письмо вручили евнухам. Они, как прочитали,
2320 Сочли, что не пристало им за это дело братья
И уличать в открытую царицу со слугою,
Не то она тогда поймет, что все уже известно,
От страха и отчаянья опять впадет в расстройство,
И может нанести себе смертельное увечье –
- 2325 И поступили евнухи, как требовал владыка.
Слугу они уловками подальше удалили
С большой предосторожностью, а там его схватили,
И заковали накрепко, и заперли под стражу.
Но никаким мученьям он в тюрьме не подвергался,
- 2330 Он был один, и мог там спать, и отдыхал спокойно,
Чтоб невредимым и живым предстать перед владыкой.
- А пред своею госпожой, красавицей прекрасной,
Притворно эти евнухи, ехидны порожденье,
2335 С почтением склонялись и прислуживали рабски.
Ну что мне долго говорить, растягивать рассказ мой?
Недолго длилось, лишь три дня, неведение красоти,
Что все открылось, и она теперь в сетях обмана.

Она дозналась и к себе садовника призвала:
2340 «Скажи, садовник старый мой, где твой сейчас помощник?»
А он сначала оробел, он евнухов боялся,
Мол, говорит, – «Не знаю я, его я и не видел,
Быть может, тяготился он таскать все время воду,
В саду работать, помогать, и он сбежал отсюда».

2345 **Но госпожа продолжила расспрос о Каллимахе**

И снова стала говорить с садовником хозяйка:
«Старик! Работал тяжело он только поначалу,
Таская воду, но потом настало облегченье
И утешенье от невзгод и всех его несчастий –
2350 Здесь, при шатре, в тени дерев, близ вод ручья журчащих
Он больше воду не носил, уже не надрывался.
Зачем от этого всего он устремился в бегство,
Как только кончилось трудов мучительное бремя?»
Садовник тоже горевал – ведь, как исчез помощник,
2355 На нем весь труд уже лежал ухаживать за садом.
И, верный улучив момент, он все сказал хозяйке.

Начало новых горестей, начало вновь печалей

И снова началась беда, и горе вновь догнало,
Двойное против прежних зол и худшее из худших,
2360 И говорит своей судьбе, рыдая, Хрисороя,
И вот что с горечью она тогда сказала Тюхе:
«О Тюхе, все ты бесишься, свои сплетаешь козни,
Коварная, злодейская, исполненная ядов!
Ты догнала меня опять, опять меня достала!
2365 Казалось мне, что будто ты погоню прекратила,
Что перестала гнать меня бесчеловечной мукой,

Переводы

- На краткий срок ты мне дала в несчастьях передышку,
Но ненадолго, лишь чуть-чуть, на краткое мгновенье –
Теперь же вижу – на меня ты вновь идешь войною!
- 2370 Но если б только на меня ты ярость обращала,
А не на свет моих очей, а не на Каллимаха!
Мой благодетель, он меня от гибели избавил!
Уж лучше б, Тюхе, ты меня оставила дракону,
Чем обрекла на зло того, кто мне всего дороже –
- 2375 Он заточен сейчас в тюрьме, в железах и под стражей, –
За что, за что ты обрекла его на злые муки?» –
Так говорила госпожа и горестно рыдала.
- А Каллимах ее златой, гонимый злою Тюхе,
2380 По воле мерзостной ее – слуга, а не царевич,
Кто смог дракона умертвить, и даже смог воскреснуть,
Венец всего прекрасного – сидел в тюрьме в оковах,
И горьким горем мучился, и говорил, рыдая:
«О Хрисороя ты моя, прекраснейшая в свете,
- 2385 Любовь крепчайшая моя, краса Харит и мира,
Вновь Каллимах твой упустил из рук тебя, о горе!
Я говорил всегда – коль Смерть придет за Хрисороей,
Я тотчас выхвачу свой меч и буду с ней сражаться!
Но нынче – нынче Тюхе нас коварно разлучила,
- 2390 И без Харона обошлась, без Смерти умертвила!
О горе горькое мое, о беды, о страданья!»
Но я рассказ мой затянул и написал так много,
Что для читателей моих он длинноват, пожалуй.
Но вкратце: вот из армии явился царь-владыка,
- 2395 И все его придворные пришли к нему с поклоном.
А дальше? Отзывает царь трех евнухов в сторонку
И по отдельности ведет расспросы о царице.

Они владыке все тогда подробно сообщили,
Все по порядку, не таясь, легко и откровенно.

2400 **И вот что эти евнухи владыке рассказали,
Три евнуха, виновные в царицыном несчастье**

«Когда ты отдал нам приказ хранить девицу эту,
Хранить ее как госпожу и утешать учтиво,
Она нисколько не могла тогда хранить молчанье,
2405 И горе множила, крича и плача нестерпимо.
А слово утешения и слушать не хотела.
Мы были в безысходности, не знали, что и делать.
Но, наконец, она в саду однажды оказалась,
И приказала сделать ей большой шатер с завесой,
2410 И повелела, чтобы там ей ложе поместили.
Мы все, что было велено, исполнили, конечно,
Тогда она и говорит: «Не выношу толпу я,
Уйдите все! Хочу теперь совсем одна остаться,
Останусь здесь наедине с единственной служанкой,
2415 Она постелит мне постель, она мне стол накроет,
Услужит в том, что попрошу, покой мой сохраняя».
Волнение стало затихать, и плач не раздавался,
Тут довелось нам отдохнуть, увы, совсем недолго,
Царица все была одна с единственной служанкой,
2420 Мы все так думали. Ну кто, кто мог бы догадаться,
Что это – злые выдумки для злой и гнусной цели!
Но видим мы, что спит она весь день без пробужденья,
И попросту, без умысла, служанке поручили:
«Ты проследи, а, может быть, она всю ночь рыдает,
2425 Терзается и мечется, но все от нас скрывает!»
Служанка нас послушалась, она в саду осталась,
И тихо находилась там, и тихо наблюдала.

- Но чей язык сказать бы мог о том, что там случилось?
Кто может выразить то зло, то страшное несчастье?
- 2430 Она увидела: слуга, садовника помощник,
Кто воду носит здесь в саду и тяжести таскает
(Его садовник взял себе на трудные работы) –
Слуга наемный был в шатре с прекрасной госпожою!
Служанка нас зовет и все докладывает тут же,
- 2435 Но мы, конечно, господин, ее словам не верим.
В засаде сами, затаясь, глаз ночью не смыкали
И сами видели, о царь, все то, что рассказали».
В негодованье царь пришел, и тяжкий гнев воздвигся.
Велит он, чтобы госпожа тотчас пред ним предстала,
- 2440 А вместе с нею и слуга – царь суд свершит над ними,
И приговор безжалостный за это преступленье.

А вот как приближается конец несчастий этих

- Приводят деву, вот, стоит, и ей связали руки,
Приводят и слугу сюда – в колодцах его ноги,
- 2445 Являются три евнуха – на суд и их позвали,
Служанку тоже вызвали, неверную и злую.
Народ толпится – ждет народ судилища и казни,
Все подготовлено – царю сказать лишь стоит слово.
Вдруг дева, с твердою душой и нравом благородным,
- 2450 Заговорила пред царем, и так ему сказала:

Слова, что пред владыкою сказала Хрисороя

- «О царь! Ты – высший судия, владыка над народом,
Ты – первый страж для истины, ты – самый справедливый.
Я пред твоим величеством хочу промолвить слово!
- 2455 А ты сейчас сдержи свой гнев, уйми негодованье,

- Ты выслушай меня, а там решай, что пожелаешь.
Представь – сажает человек лозу своей рукою,
Ее заботливо растит, окучивает стебель,
Он прорежает листья ей, и холит, и лелеет,
2460 И днем с рогаткой стережет налившиеся гроздья
От птиц небесных, чтоб они все вмиг не расклевали,
И по ночам дозором он обходит виноградник,
Он устает, старается, а как созреют гроздья –
2465 Так их срезает кто другой! Того же, кто растил их,
Кто столько положил труда – того убить он хочет!
Так справедливо? Или все ж считаешь ты, что должен
Тот, кто растил, собрать плоды трудов своих немалых?»
Толпа молчала. И тогда заговорил владыка:
«Конечно, тот, кто все взрастил, владеет урожаем,
2470 А тот, кто отнял все силком, над чем не потрудился,
Тому и голову долой, а будет неповадно
Другим, кто хочет воровать и грабить нечестиво».
Толпа вскричала, речь царя всецело одобряя,
В ладоши хлопала, судьи благословляя милость.
2475 «Благодарю тебя, о царь,» – опять сказала дева –
Так что несправедливого сей сотворил работник, –
И почему хотят отнять плоды его усилий?
Он сам был царь, его одна зловредная колдунья
Своими чарами смогла свалить на землю мертвым,
2480 А он был царь, что спас меня от страшного несчастья,
Дракона для меня убил мой истинный владыка.
Так в чем же преступление? Ведь я – его награда!»
- Владыка-царь, внимая ей, пришел в себя от гнева,
2485 Но в изумлении стоял – так поражен был речью.
«Но как же, как же ожил он», – спросил владыка деву.
А Хрисороя: «Ты спроси об этом Каллимаха,

- Ведь я тогда уже была в твоём закрыта замке,
Я во дворце твоём жила, и день, и ночь рыдала,
2490 Я не могла перенести чудовищное горе,
И жизнь была мне не мила, казалась горьким ядом,
Я страшно докучала всем, молчать была не в силах».
Услышав это, добрый царь растроганно смягчился
И вот, немного помолчав, сказал он Каллимаху:
2495 «Ну расскажи мне, Каллимах, и кто ты, и откуда,
Как ты попал в Драконокастр, где девушка страдала,
Как ты дракона одолел, как избежал Аида,
Как, после стольких бед, досюда ты добрался?»
«О царь, ты снова бредишь во мне двойную муку –
2500 Странанья умножаешь мне, удваиваешь горе,
Когда велишь мне рассказать про дом и про отчизну!
Но все ж отвечу я тебе, приказу повинуюсь».
**Царю поведал Каллимах про дом и про отчизну,
Подробно рассказал ему о том, как был воспитан**
- 2505 «В стране прекрасной и большой отец мой был владыкой,
Страна была столь хороша – все стран окрестных лучше –
Три сына было у него (я в том числе) прекрасных,
И вот однажды наш отец открыл свою нам волю:
- 2510 «И власть, и царство я отдам тому – и не иначе! –
Тому из вас, кто через все пройдет, как победитель!»
- И вот мы войско подняли, собрали снаряженье,
Обоз и множество всего, что надобно в походе,
2515 Вот миновали мы в пути чужих земель немало,
Немало замков мы прошли и до горы добрались, –
Гора отвесная была, а лес непроходимый,
И рассудили мы тогда, что будет невозможно

- Подняться с армией такой, с таким большим обозом,
2520 Вверх по отвесной крутизне – да и не нужно это –
Ни толку в том, ни смысла нет, и просто неразумно.
И войско повернулось вспять, а мы на эту гору
С одним оружием пошли, и без сопровождения.
И мы взобрались – наверху стоял драконов замок.
2525 О, то, что мы увидели, столь было необычно!
Среди красивой местности стоял драконов замок
И змеи преогромные ворота охраняли.
Тут в братьях возгорелось желание вернуться –
Они отправились назад, а я один остался –
2530 Так сильно мне хотелось попасть в прекрасный замок.
Итак, домой пошли они, а я, копье вкопавши,
Сумел запрыгнуть высоко на укрепленья замка,
И принялся осматривать я все его красоты.
Вот я вошел в прекрасный зал и вижу – там свисает,
2535 За волосы подвешена на верхней балке – дева.
Тут случай мне представился, и я убил дракона,
И девушку избавил я от страшных тех мучений,
И с ней соединились мы, священные дав клятвы –
Да, клятвы нерушимые – хранить любовь вовеки,
2540 И было так, да Тюхе нас коварно разлучила,
Мою украли девушку, она опять исчезла,
А я свалился замертво от яблока старухи,
Но колдовское яблоко мне снова жизнь вернуло.
А было так: меня искать отправились братья,
2545 И кое-что волшебное они с собой имели.
Они преодолели путь, в Драконокастр ведущий,
И добрались туда наверх, глядят – лежу я мертвый,
Они рыдают горестно, не знают, в чем же дело –
Ведь нет ни повреждения, ни ран на моем теле –
2550 И яблоко волшебное старухино находят,

Переводы

- Глядят – а там и надпись есть, и вот они читают:
«Когда верхушка яблока касается кого-то,
Он тут же мертвым падает на землю бездыханно.
А если этим яблоком его коснуться носа –
2555 То мертвый мигом оживет, живым немедля станет».
- Вот поднесли мне яблоко – я тут же поднимаюсь,
И братьев вижу я своих, но все мне непонятно,
Не понимаю, где я, что – и братья в изумленьи.
2560 А я – я девушку ищу, ее нигде не видно.
Тут оставляю братьев я и вновь один иду я
На поиск девушки моей, иду я, словно мертвый,
Так я скитался и бродил, как долго – и не знаю.
Вот, наконец, добрался я до мест, где ты владыка,
2565 О царь, величество твое, твоя и власть и сила,
И в замке я твоим узнал все о моей царице,
И способ стал изобретать, чтоб с нею повидаться.
И вот – додумался тогда: к садовнику наняться,
Стал водоносом, чтобы мне любимую увидеть.
2570 О царь великий, я тебе все до конца поведал
Про беды бесконечные, бессчетные страданья.
И ждем теперь смиренно мы, ждем твоего решенья,
Надеемся на высоту и благородство мыслей
Твоей самодержавности, твоей великой славы».
- 2575 Вздохнул владыка тяжело, вздохнул от огорченья,
Но человеколюбие в нем верх взяло, конечно,
Велит старуху привести, приводят, говорит он:
«А ну, мерзавка, говори, орудье злое ада,
Проклятье гнусное, скажи, ты, демонов мамаша,
2580 Зачем заколдовала ты то яблоко коварно,
Двойною силой облекла – и братья, и возвращать жизнь.
Кто вынуждал тебя к сему, кто заставлял, скажи мне,

Каллимах и Хрисороя

- Коль не хотела ты сего, то по каким причинам
Ты сделала, что сделала, ты, демон сатанинский?
- 2585 И злого беса зло, вселясь, сейчас тобой владеет –
Я уничтожу, от него весь род людской очищу!
Велю разжечь сейчас костер, чтоб пламя было сильным,
Пусть тело ведьмы жжет огонь, а душу пусть спасает,
И пусть исчезнет навсегда живущий в теле демон!»
- 2590 Что сказано – то сделано, и вмиг свершилось это.
И вот раскован Каллимах, с него железа сняты,
И вот свободного его вручает Хрисорое
Владыка-царь, в душе своей жалея их злосчастье
И полагая, что они сих мук не заслужили.
- 2595 Он войску отдает приказ сопровождать влюбленных
И, охраняя, отвести, куда они желают,
И вот в Драконокастр уже направились все вместе,
Пошли веселой поступью, свободой наслаждаясь,
С великой радостью в душе, со сладостью на сердце, –
- 2600 И вот до места добрались в неизреченном счастье,
И предались они вполне роскошному досугу, –
И это – Божьей милостью, что так питает души –
И наконец-то обрели они покой и радость,
И далеко умчались прочь и беды, и печали.
- 2605 **Вот, наша книжечка уже к концу подходит
С соизволения Христа, Спасителя и Бога.
Аминь**

ОРФИЧЕСКАЯ ПОЭМА «О КАМНЯХ»

ДЕМЕТРИЙ МОСХ

Гипотезис к поэме Орфея «О камнях»

Сын Приама Фейодамант повстречал Орфея, который с несколькими приятелями поднимался на гору, чтобы совершить жертвоприношение Гелиосу, как он это делает каждый год. Он объяснил Фейодаманту, почему установлено это ежегодное жертвоприношение. Оказывается, ребенком Орфей едва не погиб от огромного змея, но нашел спасение у алтаря Солнца, который был там поблизости.

Отец его понял, кому он обязан спасением своего ребенка, и стал каждый год совершать жертвоприношение в честь Гелиоса. После его смерти, Орфей унаследовал от отца эти обряды, и как раз чтобы их справлять он и поднимался на гору, а Фейодаманта он пригласил пойти вместе с ними. По дороге Фейодамант стал рассказывать поэту о силе и свойствах различных камней, какие нужно держать при себе во время жертвоприношения, чтобы молитва оказалась действенной, а какие нужно прикладывать для исцелений от укусов ядовитых змей. Исходя, думаю, из этого, Никандр Колофонский впоследствии написал свое сочинение «Тэриака».

Стоит обратить внимание, что настоящая поэма имеет два проэмия. В первом из них Орфей воспевае саму добродетель и всеобщую премудрость. А также древних героев, прославленных именно этими качествами; их он называет полубогами и матерью их провозглашает добродетель. Здесь же он нападает на смертных, которые по зависти своей и злобе ненавидят тех, кто стремится к добродетели. Второе вступление – диалог Орфея с Фейодамантом.

Литика

- Зевс, отвращающий зло, призвал к себе отпрыска Майи,
Ловкого в разных делах, и велел ему к смертным доставить
Дар его, чтобы от бед была у них верная помощь.
Радуйтесь люди, берите! Я тем говорю, кто разумен,
5 Добр и послушен богам. А дурные пусть проку не ищут!
В древнее время гордились таким же чудесным подарком
Сын Летоида, в нестриженных кудрях, и смертных спаситель,
Мощный Геракл – на Олимп приведа, меж богов поместили
Сына – отец, а Геракла – премудрая дева Афина,
10 Также и Кроносов отпрыск, кентавр Хирон многоумный,
Смог за тонкий запрыгнуть Эфир, на Олимп устремившись,
После того, как познал всю силу бессмертного дара.
Все они приняты были с радушием в Зевсовом доме,
С лаской, как лучшие чада меж всех, порожденных богами,
15 Нам же Гермес златожезлый велит, чтобы мы наслаждались
Счастьем, живя на земле, не ведая зла никакого.
Если же вешее сердце кому-то подскажет дорогу
К милой пещере Гермеса, и если туда он проникнет,
Где и оставил нам бог сокровища благ всевозможных,
20 Если уйдет он, набрав, сколько может тащить их в охапке,

- Коль воротится домой – для бед недоступным он станет,
Впредь не возьмет никогда его голод иль злая хвороба,
Незачем будет страшиться и козней от недругов всяких,
Будет отныне из боя всегда выносить он победу,
- 25 И не найдется смельчак, кто дерзнет померяться силой
С ним, состязаясь в борьбе на играх, средь пыли и зноя,
Хоть бы соперник и был наделен необорною силой,
Медные члены имел – не пойдет за венок состязаться.
Мог бы сравнить я его со львом меж другими зверями,
- 30 А среди смертных людей, пожалуй, скажу: это даймон.
Будет добиться легко человеку такому почтенья
И от питомцев Зевеса, царей, и от прочего люда.
Юноши с гладкою кожей всегда к нему будут тесниться,
Чтобы покрепче его охватить объятием жарким,
- 35 Нежная дева на ложе златое его беспрерывно
Будет стараться увлечь, любовью к нему одержима.
Станет мольбы он богам воссылать – до слуха бессмертных
Тотчас они долетят. Нипочем ему будет и буря,
По морю путь совершит, яко посуху, ног не замочит.
- 40 Пешим пойдет он путем – его обойдут стороною
Злые разбойники. Челядь – отцом почитать его будет,
Дом господина, как собственный будет беречь и лелеять.
Стоит ему захотеть – и сведает все, что другие
Тайно в уме замышляют, захочет – и точно узнает,
- 45 Что говорят меж собой насельницы воздуха, птицы,
Легкие птицы, подсказчицы воли великого Зевса, –
Звонкие выкрики этих вакханок невнятны для смертных.
Сможет отныне и выдержать шип исполинского змея,
Что подползет к нему вдруг, и яд обезвредить укусов,
- 50 Сможет помочь он больному падучей по козням Селены,
И от слоновой болезни спасти он сумеет страдальца,
И от души мертвеца – он прогонит ее от любого,

- Если из черного ада она излетит, ускользнувши.
Множество прочих даров многохитрый Гермий в пещеру
- 55 Снес – и лежат они там – подарки бессмертного бога
Дивные, действие их всегда и скоро и верно.
Счастлив и как полубог, кто этих даров достигает.
Сам спаситель людей, сам Аргобийца велел мне
Смертным о том сообщить, и звонкую песню пропеть им,
- 60 Что из глубин души изливается дивным напевом.
Но у людей к разумности тяга – увы! – небольшая,
Мудрое знание – а что же важнее?! – у них в небреженьи,
Про добродетель, что мать героев – едва лишь слышат,
Прочь без оглядки бегут, а труд, спаситель от бедствий,
- 65 Жизни спаситель самой – внушает им лишь отвращенье.
Нет, не умеют они поживать в своем доме со счастьем,
Нет, не умеют богов почитать с благодарностью должной,
Прочь от себя, из своих городов они выгнали Мудрость,
Выгнали, жалкие, Честь, оскорбив благодетельца Гермеса.
- 70 Также погиб и тот, кто не меньше богов почитался,
Ныне же всем ненавистен, и страшное зло претерпел он,
И народы его нарекут как великого мага,
Муж божественный, он во прахе простерт, обезглавлен,
Страшную принял он смерть, поруган, никем не оплакан.
- 75 Люди же, словно скоты, неразумны, никто их не учит,
Высшего знания они лишены – и нет им защиты,
Из-за злоторности их в прорицаниях Светлого Бога
Чуда им знать не дано, не дано им, дивясь, восхищаться,
Нет, словно черная туча, их ум застилает туманом
- 80 Мрак непроглядный ведя, не дает поскорей устремиться
На Добродетели луг, благовонный, покрытый цветами.
Я же теперь обещаю – для тех, кто готов к послушанью,
Я покажу, где лежат драгоценности, золота лучше.
Ждет этот клад человека, чей дух, терпелив и упорен,

- 85 Рвется к познанию пылко, готовый принять и усвоить
Все, что узнает в ученье, во что его разум проникнет.
Зевс, всеоглядный Кронид, не желает, чтоб мы достигали
Цели в словах и делах легко, без труда и усилий.
Вот ведь и кони светящего Солнца на запад приходят,
- 90 Тяжко дыша, завершая свой путь по светлому небу.
Много отраднее мне обрести мудреца увещанье,
Нежели злато найти – властителя рода людского.
Шел я, чтоб Гелию жертву свершить, и мне повстречался
Фейодамант многомудрый, с полей возвращавшийся в город.
- 95 За руку взял я его и сказал ему слово такое:
«Друже, коль дел неотложность тебя торопиться не нудит,
В город ты можешь и завтра вернуться без всякой потери –
Ныне же явно Само Божество того пожелало,
Дабы ты встретился мне, когда я на пир собираюсь.
- 100 Ну, соглашайся скорей – ведь справляются славные жертвы,
Все как у добрых людей – и бессмертные тешатся боги,
Коль беспорочные люди в их честь и поют, и танцуют.
Долгим не будет наш путь – взгляни, вон там, недалече,
Если идти от наших полей, ты гору увидишь.
- 105 В пору, как был я мальчишкой, дважды я там очутился,
Мне куропатку хотелось поймать, и за ней я погнался.
Все они делают так: коль окликнешь – немедленно встанут,
Так и стоят, и сдается, что только ты руку протянешь,
Сразу и схватишь – но нет – ускользают и дальше несутся.
- 110 Так я старался поймать, что шлепался носом о землю,
На ноги тут же вставал и тут же кидался в погоню.
Так и добрался, гонясь по горе, до самой вершины.
Вдруг с пронзительным криком все птицы прочь разлетелись –
Даже копьё иль стрела – и те не летают быстрее –
- 115 Сели на дуб – ведь они увидали ужасного змея –
Он приближался, и пасть его, полная смерти, зияла.

- Я же, не видя его, так и шел ему прямо навстречу,
Голову вверх запрокинув, ведь птиц я высматривал в ветках –
- 120 Поднял уже от земли этот змей свою страшную шею,
Целясь напасть на меня – лишь тут я его и заметил.
Да, если б кто посмотрел, как назад понесли меня ноги!
И куропаткам меня б не догнать, что носятся вихрем,
Было нельзя и поверить, что детские ноги так быстры,
- 125 Страх в этот миг повелел мне как будто в орла превратиться,
Или в порыв урагана – беда была тут, под ногами,
Края одежды порой уже его жало касалось.
Так бы, судьбе вопреки, и пожрал меня гад исполинский,
Если б на ум не пришло мне скорей к алтарю устремиться –
- 130 В старое время воздвигли его Светящему смертным.
Вижу – на нем обрубок лежит ствола от оливы –
Хищный огонь-пожиратель его опалил, но оставил.
Тут я хватаю его и на страшного змея бросаюсь,
Он же, завидев, что я не сдаюсь, обезумел от злобы,
- 135 Стал он свой длинный хребет сворачивать кольцами плотно,
Быстро, кольцо на кольцо – и весь в колесо превратился.
Вот, наконец, над самым алтарем его шея качнулась,
Шип испустил он такой, что совсем заглушил мои крики,
Стукнул я что было сил по голове несказанного зверя
- 140 И обломал об нее свою обгорелую палку.
Но не судьба была мне от свирепого гада погибнуть –
Тут подоспели два пса – недалече они сторожили
Стадо отца моего, и крики мои услыхавши,
Мигом узнали меня – ведь я их ласкал постоянно.
- 145 Кинулся змей на собак – а я наутек припустился,
В поле я быстро летел, словно заяц, что ищет спасенья
В чаще густой от орла, когтистого Зевса питомца.
Так же я мчался от змея, и козьего стада достигнув,
Ринулся в гущу его и к земле потеснее прижался.

- 150 Вот почему мой отец, сколько был он живой и здоровый,
В жертву тельца приводил к алтарю, что защитником стал мне,
Солнцу в отплату за жизнь своего спасенного сына.
Так же и я – отогнав из стада тельца потучнее,
Что и подрос, и окреп под выменем матки обильным,
155 Ныне на гору иду с приятным друзей моих хором,
С нами же вместе и псы – те два, драконоубийцы,
Даже без зова бегут. А близ алтаря Властелина
Так хорошо! Зеленеет лужок пушистой травой,
Тень от вяза густа, и тут же, совсем недалеко,
160 Вечный струится поток, низвергаясь к подножью утеса.
Мечет он светлые брызги, журчанье его – словно песня.
Ну же, пойдём. Нечестиво от пира богов уклоняться». —
Так говорил я ему, и божественный муж мне ответил:
«Да отвращает и впредь постоянно Сияющий смертным
165 Горькое зло от тебя, да шлет он всегда неизменно
Счастье на дом твой великий, твою доброту награждая.
Что до меня – то и я без награды тебя не оставлю,
Ты ведь идёшь, совершить собираясь святыя обряды?
Средство тебе я вручу, и мольбу твою бог будет слышать».
170

Горный хрусталь

- Горный хрусталь – блестящий, прозрачный, возьми в свои руки –
Светлые льёт он лучи, играя таким же сияньем,
Что улаждает в эфире бессмертных нетленное сердце.
175 Если во храм ты идёшь, в руке этот камень сжимая,
Знай – ни один из бессмертных мольбе не ответит отказом.
Слушай теперь и усвой, какую он силу имеет:
Если возникнет нужда огонь запалить посильнее,
Сделай, как я говорю: положи под тонкие сучья

Орфическая поэма «О камнях»

- 180 Камень – как солнце осветит его и в нем отразится,
Тотчас на ветки сухие направит он лучик свой тонкий,
Что подожжет поначалу сушняк, там и ветки потолще,
Дым закурится, и вот, сперва понемногу, а после
Резво запляшет огонь. Говорят, что Древней Богини
- 185 Это священный огонь – на нем жечь бедра при жертвах,
Думаю, значит – доставить бессмертным особую почесть.
К этому, друг мой, добавлю такое великое чудо:
Если ты вырвешь из пламени камень, огонь породивший,
То убедишься, что он не нагрелся, остался холодным,
- 190 Можно потрогать его – он прохладен, ожога не будет.
Если ж на почки его приложить – облегчится страданье.

Галактит

- Дам я тебе и второй при молитве действенный камень –
Млеком божественным полнится он, как сосцы роженицы,
Матери первенца, или коровы обильное вымя.
- 195 Древние звали его анактитом необоримым –
Действует он на бессмертных умы, чтоб они благосклонно,
Жертвы приняв от людей, пожалеть их имели желанье –
Камень еще и Летейским зовут – ведь он помогает
Смертным и даже богам позабыть о печалях и бедах,
- 200 Чары его направляют умы на благо и пользу,
Силу такую дают, чтобы светлые думались мысли.
Впрочем, иные считают, что лучше уж звать галактидой
Камень – ведь, если его потереть, выступает наружу
Жидкость, что полностью схожа на вид с молоком белоснежным.
- 205 Как ты поступишь, дитя, коли видишь, что вымя овечье
Вдруг молоком оскудело? Что сделать тебе, если молишь,
Чтоб от козляток твоих отогнали разбойника-зверя –

- Ты прибежал им на помощь, они же, бедняжки, в загоне
Жалобно блеют, тебя окружив, и просят защиты?
- 210 Вот что ты делай: вели, чтобы всех перепуганных маток
Вымыли в водах ключа, что привкус имеет соленый,
Сам же, еще на рассвете, пред тем, как поднимется солнце,
Им сотвори очищенье, такой соблюдая порядок:
В чашу соленой воды добавь порошок галактида,
- 215 После же в стадо иди, масличную ветвь окуная
В чашу, водою кропи руноносные спины кормящих,
Тотчас увидишь – здоровыми станут все матки в отаре,
Сразу же детям своим сосцы предоставят тугие,
Те же, когда пососут, насытятся, поправятся тоже,
- 220 И совершенно забудут о хищника страшном набеге.
В сладкий медовый напиток добавь галактида немного,
Выпить родильнице дай – и малютку она в колыбельку
Будет всегда относить, допьяна упившимся млеком.
Няне же ты прикажи – пусть на шею младенцу повяжет
- 225 Камень сей – сохранит малыша он от козней Мегеры.
Если же сам ты в руке его держишь – тебя и владыки,
Чтимые всеми, уважают, и все племена человек,
Боги же вышние, выслушав просьбу твою, непременно
Все предоставят тебе, чего бы душа ни просила.
- 230

Ахат

- И древоносного камня кусочек держать не мешает –
Сердцу вовеки живущих богов он приятен немало,
Можно на нем разглядеть как будто бы много деревьев,
- 235 Словно в цветущем саду покрытых густою листвою.
Вот почему и зовут его люди «ахат древоносный» –
Он ведь похож на камень, ахат. И при этом, однако,

Орфическая поэма «О камнях»

Можно и лес густой разглядеть на поверхности камня.
Если собрался с упряжкой быков ты пахать свою пашню –
Камень быкам меж рогов прикрепи, или вешай на шею
240 Пахарю мужу, кому незнакома усталость, и тотчас
С неба Деметра, в чьи косы камня вплетаются пышно,
Снидет на борозды пашни, неся плодородье с собою.

Об оленьем роге

Знай – и олений рог тебя приближает к бессмертным.
Сердце живущих на небе всегда согревает улыбка,
245 Если увидят они мастерицы-природы изденье.
Из головы из оленьей – растет ли из черепа камень?
Нет – но то, что растет, бывает и камня покрепче.
Просто порой невозможно понять – то рог или камень,
Если его не рассмотришь – все думаешь – истинно камень.
250 Он твоей голове густую придаст шевелюру,
Будь ты и вовсе плешив – лишь маслом оливковым смажешь
Камень, и трижды на дно провести по вискам не забудешь –
Волосы вновь отрастут, и станет прическа густою.
Ты же, о юный жених, впервые берущий невесту,
255 Камень в спальню внеси свидетелем радостей брачных –
Станет он изо дня в день хранить ваше счастье надежно,
Будете оба в согласьи друг с другом до старости самой.

О варварском камне

Пастырю диких быков, плющом увитому Сыну
260 Зевса Эгидодержавца угоден варварский камень –
Так я его называю. Омыт он шумливой волною

Черновики переводов

Вод священных Евфрата, рожденного Сирией дальней.
Если ты жертву свершаешь, свои защитит насажденья,
С камнем в руке обойди виноградник, где пышные лозы –
265 Он защитит виноград и вина тебе вдоволь доставит.

Яспис

Если при жертвах богам при себе ты яспис имеешь,
Вешнего цвета и гладкий – то сердцу блаженных отрадно!
Влагодой они напоят твою иссушенную пашню,
Темные тучи придут и дождем изольются на землю.
270 Яспис! Храни, как от засухи, поле от шумного града,
Нас от напастей спаси, что нашей земле угрожают,
Любят бессмертные боги тебя, в алтарях у благих зажигаешь,
Так же, как горный хрусталь, без огня под жертвами пламя.
Правда, таится в тебе и тому обратная сила –
275 Огонь утробу сожжет, а в сосуде – вода ледяная,
Хоть на огне и стоял он – но если же кто-то положит
Медный сосуд со студеной водою на пепел холодный –
Вмиг заклокочет, кипя, вода, заключенная в меди.

Топаз

Чистый, прозрачный топаза кристалл, как люди считают,
280 Тоже имеет великую силу при жертв приношеньи.

Опал

Точно тебе говорю: и опал небожителям в радость,
Камень блестящий, и нежный наощуь, как детская кожа.
Может он зренью помочь – и вот что для этого нужно.
К камню добавить сосновые слезы и обсидиана,
285 Смирны туда благовонной добавить, и к ним – лепидота –
Камень сей чешуею серебряной блещет прекрасно –
Ссыплешь ты все над огнем – и тотчас прозренья даруют
Боги – и зло, и добро ты предвидишь, и что пожелаешь.
А лепидот и боль, и страдание в мышцах утишит.

Солнечные камни

290 Два златовласых есть камня у солнца – божественны оба,
Всякого, кто их узрит, непременно берет изумленье,
В них настоящие светят лучи, изнутри возникая,
Ярко сияют, прямые, на вид это волосы будто,
Камни же эти различны. Один – ты подумаешь, словно
295 Это горный хрусталь, и совсем он был бы с ним схожим,
Если бы не волоски – а другой хризолиту подобен
Видом своим – не имей волосков он, ты тоже решил бы,
Что пред тобой хризолит. И скажу тебе – оба полезны!
Гелий, дарующий жизнь, наделил их великим дыханьем,
300 Могут они достойным мужам сообщать моментально,
И возрастает почтение к ним, а вскоре нисходит
Важный, торжественный вид, рождающий благоговенье,
Словно герои тогда блистают величием светлым
Те, кто вполне сознают, что за дар от богов они носят –
305 Равно уметь угодить и отвагой, и кротостью вышним.

Магнит

- Смело пытайся бессмертных смягчить и нежным магнитом –
Пышущий бурей Арес к нему привержен особо –
Все потому, что когда поднесен он к седому железу,
Тотчас слипается с ним – уже оторвать невозможно,
310 Так же, как деву, что крепко руками своими объемлет
Юноши белую грудь, горящую пламенной страстью,
Крепко хватает магнит и всю поверхность держит,
И отпустить от себя не желает вояку-железо.
Был он покорным слугой, говорят, у дочери Солнца,
В зелье свое колдовское магнит она добавляла,
315 Да и великого духом Ээта премудрая дочь,
Та, что своих убила детей, магнитом гордилась.
Я же тебя научу, как верность супруги проверить!
Чистым ли ложе твое хранит от мужчины чужого.
Ты этот камень возьми и спрячь потихоньку в постели,
320 А про себя заклинанье пропой, что ее зачарует.
Знай, коль верна, то едва она в сон погрузится глубокий,
Тотчас же крепко обнимет тебя и сладко прижметя,
Если ж теснит Афродита ее желанием блудным –
Станет вертеться во сне и свалится с ложа на землю.
325 Если два брата хотят избежать изнурительной распри –
Оба пусть носят магнит – и это избавит от гнева.
Если магнит при тебе, как речь ты держишь в собраньи –
Всех околдуешь, как будто Пейто сладкогласая рядом.
Я в состояньи исчислить и прочие дивные свойства –
330 Множеством их обладает сей камень, но главное – вот что:
Он помогает бессмертных просить, обитающих в выси,
Быстро склоняет богов на мольбу, их сердца привлекая,
Вмиг, словно мать и отец, исполняют они твою просьбу.
Впрочем, нам с тобой недолго будет можно изведать,

Орфическая поэма «О камнях»

335 Правду ли я говорю – погоди, доберемся мы скоро
До алтаря – ведь за мною идет и муж многомогущий,
С камнем на сильных плечах неся всевозможные сучья.

Офит

Путь перед нами еще впереди остается немалым,
Так что, уж если тебя напугало драконово око,
340 Слушай, как не бояться опасных укусов змеиных –
Ты прикажи офит-змеевик растереть хорошенько
И, коль к тебе обратится укушенный зубом змеиным,
Рану засыпь порошком – не бывает лекарства надежней!

Острит

Также полезно тереть и камень острит и, смешавши
345 С чистым вином, я советую пить – унимает печали.

Змеиный камень

Вспомнить теперь мне пора и тебя, о божественный камень,
Ты, что змее серебристой родня и так же зовешься,
Ты, кто легко исцелил Филоктета ужасную рану,
Девять болевшую лет – Махаона то было искусство.
350 Сам герой Пойантид уже не питал упований
Страшную хворь отогнать – хоть и жаждал того непомерно,
Но Махаон узнал от отца про камень целебный,
Рану способный закрыть – на бедро приложил как лекарство,
И на троянцев пустил того, кто убьет Александра.
355 Вышел на твердых ногах Филоктет и направился в битву,
А Приамид поверить не мог, что умрет его прежде,
Все же герой Пойантид убил вероломца Париса.

Это Гелен в предсказаньи велел, чтобы в Троию данайцы
Брата родного его убийцу доставили с Лемна.

Сидерит

- 360 Был у Гелена от Феба вещающий истину камень,
Имя ему – сидерит, но есть среди смертных такие,
Что называют его наделенным душою оритом –
Черный, округлый, негладкий, он прочен весьма и разумен,
И покрывают поверхность его кругами бороздки,
365 Словно морщины, по камню слегка процарапаны будто.
Как я узнал, десять дней Гелен, получив сей подарок,
Женского ложа чуждался, равно как и бани совместной,
Благочестиво и чисто не ел ничего из живого.
Камень, имеющий разум, омыл он в ручье под скалою
370 И завернул, как младенца, в мягчайшие чистые ткани.
После, как бога, почтил молитвой и славною жертвой,
Камню живому пропев заклинанья особенной силы,
После в очищенном доме зажег ему яркий светильник,
Камень божественный на руки взял, и ласкал, и лелеял
375 Так же, как мать, спеленав, ласкает дитя дорогое.
Ты же, коль хочешь, и сам божественный голос услышишь,
Делай все это – и чудо сумеешь душою постигнуть,
Ибо как станешь спеленутый камень качать и баюкать,
Голос внезапно раздастся недавно рожденного чада –
380 Требуют так молока в объятых кормилицы дети.
Тут уж держи его крепко, заботься о том терпеливо,
Как бы не выпал из рук, не выскользнул прямо на землю –
Это богов прогневит. А там уж проси прорицанья,
Скажет он истинно все. А после, когда он умолкнет,
385 Ближко к очам поднеси, и ясно увидишь – он дышит.

Орфическая поэма «О камнях»

Веря чудесному камню, потомок Лаомедонта
Смог предсказать, как Атриды его завоюют отчизну.

- 390 Я и другую открою тебе сидерита способность,
Знаю – любая змея тебя в содроганье приводит,
Но несравненно сильнее тебя Филоктет их боялся –
Он в неусыпном уме навсегда сохранил этот ужас.
Вот он и быть не хотел без мудрого сына Приама,
395 И попросил у него, чтобы тот научил заклинанью,
Как, если встретит змею, на мать нашу землю ступая,
Можно ее отогнать и спастись от змеиного рода.
Ныне поведаю я по порядку, о чем Филоктету
Сын Приамов сказал, призвав в свидетели Феба.
400 «Был я ребенком, когда меня научил прорицанью
Тот, чьи не стрижены кудри – но прежде велел он поклясться
Клятвой великой, что ложного слова вовек не скажу я
Людям – поэтому я и тебе говорю только правду,
Ты, Дальновержец Герой, вещай моими устами!
405 Черная Матерь-земля для нас, многоплачущих смертных,
Многие беды родит – но на каждое есть избавленье.
Змей породила земля – родила и от них нам защиту –
Племя камней – от земли, а в них беспредельная сила
Самого разного свойства – и все, что способны дать корни,
410 Могут и камни – а корни имеют великую силу –
Только что сила камней ее несравненно мощнее.
Мать при рождении камню дает нерушимую крепость,
Дар не стареть никогда – а корни – увы – умирают.
Срок их недолог, и живы они, пока живо растенье,
415 Если ж дышать перестанет – на мертвого есть ли надежда?
Можно собрать по весне и целебной травы и отравы,
А средь камней вредоносный отыщется вовсе не просто.

- Трав неисчислимо растет – и камней неисчислимо бывает,
Ты же, герой, под защитой теперь, и тебя охраняет
420 Камень святой сидерит, и шествуй отныне без страха!
Нет меж ползучих теперь, кто тебе представлял бы угрозу,
Будь их хоть скопище – и среди них ты пройдешь безопасно,
Если ж наступишь ногой – нельзя им вцепиться зубами,
Только завидят тебя – оставаться на месте не могут,
425 Ужас берет их, и прочь они отползают, спасаясь.
Даже когда и попробует кто-то напасть – непременно
Тут же отпрянет назад и прочь поскорей устремится.
Ужас охватит змею внезапный – не сдвинется с места,
Так и застынет, подняв свою шею и высунув жало,
430 Но не укусит, замрет, и язык, как собачий, свисает.
Славный охотник Эвфорб среди зарослей Иды нередко
Спать оставался, домой не идя, а змей кровожаных
Было повсюду полно – но он полагался на камень,
Я ему дал этот камень святой – и ползучие гады
435 Даже и близко к нему подползти не посмели ни разу.
- Родственник мой Меланипп – двоюродный брат благородный,
Славный копейщик, Эвфорба своим почитал утешеньем.
Юношу он полюбил – тот собой был хорош безупречно,
Силой воинственной цвел, копьевержец с красивой прической,
440 Сын Гиксетаона быть далеко от Эвфорба не в силах
Был и, как тот на охоту ходил, за ним отправлялся,
Брел по кустам, по лесистым чащобам за юношей дивным,
Что по звериному следу со сворой собак устремлялся
Вместе с друзьями – а он бы хотел быть с одним лишь Эвфорбом.
445 Юношу часто отец удержать от охоты старался,
В страхе, что сын его милый кидается в схватку со зверем,
Да и Приамова сила ему учинила запреты,

Орфическая поэма «О камнях»

- Он же не слушался их, не желая отстать от Эвфорба,
Вот и случилось, что черная гидра напала на брата,
450 Снизу вонзив ему в голень свое смертоносное жало,
Брату же раны страшной было то, что отстать приходилось.
Это терзало сильнее, чем боль, и его пожалел я,
Как протянул он с мольбой к коленям моим свои руки.
Тут я велел растереть немного священного камня,
Самую малость – и тотчас ужасную рану посыпать.
- 455 В то же мгновенье свирепая мука покинула мужа!
Все этот горный помощник, рожденный Землею для смертных!
Он исцеленье несет героям, израненным тяжко,
Женам бесплодным дарует родить дорогое потомство,
Истинно – много хорошего сделали боги для смертных!
- 460 Некогда мать моя волопаса Эвфорба учила,
Абарбаря, и знал он, как многие лечатся хвори.
Он говорил, что прекрасный офит помогает не только
Гадов укусы целить, но и свет он очам возвращает,
Может и тяжкую боль в голове унять без остатка,
- 465 И тугоухому мужу вернуть остроту его слуха –
Будет он снова отчетливо слышать и тихую песню,
И человеку, когда Афродита, золотая богиня,
Гневаясь, сил не дает на приятное брачное дело,
Даст исцеление камень, и снова он вспомнит, как любят.
- 470 Если же бросишь ты камень в огонь, то от запаха миглом
Гады все прочь поползут – даже норы свои побросают».

Гагат

- Змеи бегут и от дыма горящего камня гагата –
Впрочем, и смертным дышать нелегко этой гарью тяжелой.
475 Камень на вид закопченный и плоский, совсем некрасивый,

Словно сухая сосна, он огонь возжигает священный,
Только на запах ужасен. Но помни о нем хорошенько,
Если священную хочешь болезнь отогнать от кого-то –
Скрутит она человека и тотчас бросает на землю,
480 С пеной у рта человек, захваченный приступом хищным,
В страшном у корчей плену по земле катается, бедный.
А в вышине торжествует Луна быстроногая, в рожках, –
Вид этих тяжких страданий отраден гневливому сердцу.
Если же дым от гагата, богатого силой целебной,
485 Женщина будет вдыхать, в себя забирая поглубже, –
Тотчас же выйдет наружу, излившись жидкостью черной,
Хворь, что во чреве таилась – зовут ее женоубийцей,
Тяжкая хворь, и, ожив от дыхания этого камня,
Женщина рада из чрева исторгнуть злотворную жижу,
490 Ведь избежала она бесконечного злого страданья.
Много я знаю еще полезнейших свойств у гагата,
Но для тебя уж и то хорошо, что змей он пугает.

Скорпион

Жаль, Скорпион, что о камне, по имени сходном с тобою,
Светлый не знал Орион, ведь я полагаю, тогда бы
495 Он, терзаемый острыми болями, стал бы, конечно,
Камень повсюду искать, а не к звездам своим устремляться.

Корсейс

Также не знал Орион и о камне, что схож с головою –
Если его растереть с чесноком, обезвредит он быстро
Жала стрельца-скорпиона, что ноги движенья лишают.

- 500 Я повторю, что с главой человеческой он сходство имеет.
Если его, растерев, добавить к вину покислее –
Черного аспиды он обезвредит, прислужника смерти.
Если же с должною мерой смешать его с розовым маслом,
Смесь подогреть и намазаться – будет прекрасное средство
- 505 Против страдания в шее, а с медом смешать – и сумеешь
Выгнать из тела избыток воды, скопившейся в чреве,
Вредный – ведь если прорвется он в части глубинные тела –
Опухоль страшная тотчас в паху человека возникнет.

Коралл

- Знай – скорпионово жало всегда обезвредить возможно
- 510 И Персеидова камня великою силой – коралла, –
Он же и аспиды яд смертоносный в ничто обращает.
Феб, чьи не стрижены кудри, рассказывал мне о коралле,
Мол, из всего, что растет, ничего ему равного нету,
Только коралл, он один, изменяться способен настолько.
- 515 Кто-нибудь скажет: вранье, но все это правда, я знаю.
Он при рождении бывает зеленой травой, но только
Не на земле, этой твердой кормилице всяких растений,
Нет, он в море живет, где легкая водоросль, там же.
В пору, когда подступает к растению старость сухая,
- 520 Листья его опадают и гибнут в соленой пучине,
Ствол же по глубям шумящего волнами моря
Плавает и, наконец, попадает на берег с прибоем.
Тут он внезапно – как те говорят, кто сам это видел –
Твердым становится, лежа под небом при веяньи ветра,
- 525 Вскоре совсем застывает, как будто во льду заморожен,
И каменеет вполне – рукою к нему прикоснешься –
Камень – и все, а ведь прежде на ощупь был мягок и влажен,

- Правда, еще он хранит по-прежнему форму растенья,
Ветки густые на нем, что когда-то плоды приносили,
530 И воскормивший его среди моря соленого корень,
Та же кора покрывает его, но теперь она – камень.
Смотришь на камень – и в душу тотчас проникает отрада,
Просто не знаю, на что бы еще я смотрел с наслаждением
Большим, чем это – всегда оно в сердце мне радость вливает.
- 535 Взор отвести невозможно, никак не насытится зреньем.
Так потрясает волнение грудь – просто думаешь – чудо!
Видишь своими глазами, а все же поверить не можешь,
Мысля, что был этот камень когда-то главою Горгоны –
Ходит молва средь людей – и вовсе она не пустая –
- 540 О голове у Горгоны ужаснейшей – также считают,
Что быстроногий Персей не придуман, как чудовище лживо.
Слышал ты сказ, что Персей змеевласую деву Горгону
В пропасти страшной убил у крайних пределов Атланта.
Керой для смертных была эта дева со взором ужасным,
- 545 Всем, на кого устремляла она смертоносные очи.
Стоило только кому-то взглянуть на чудовище это –
Вмиг умирал человек, превратившись в безжизненный камень.
Даже сама Атритона Афина, и та не решалась
Прямо взглянуть на нее – уж на что она страха не знала! –
- 550 И повелела, не глядя, Горгону убить она брату –
Мощному мужу с мечом золотым, герою Персею.
Он, обхитрив, за шею схватил чудовище сзади,
Голову ей наклонив, чтоб она на него не смотрела,
И Килленейским серпом ударил по шее белевшей.
- 555 Даже когда и погибла Горгона, глаза ее долго
Сеяли смерть, и многим они указали дорогу
К страшному дому Кронида, и участь людей настигала
От умиравшей, а после уже и от мертвой Горгоны.
Весь обогранный убийством, герой устремляется к морю,

- 560 Чтобы принять очищенье. На время, что будет купаться,
Голову девы – она не остыла и дергалась страшно –
На берег он опустил, положил на зеленые травы.
Сам же пошел охладиться – ведь весь он пылал после битвы,
Да и нелегко был путь его долгий – и все это время,
- 565 Что омовенье свершал, из главы отсеченной стекала
Красная кровь, и впитали ее и земля, и растенья.
Быстрые дочери моря, воздушные Ауры примчались,
Чтобы свернуть стекавшую кровь – и она затвердела,
Прочной и твердою став – и в камень она превратилась.
- 570 Влажная сочность растений погибла, зато неизменной
Форма осталась у них, и вид сохранился, как прежде,
Но изменился их цвет – от крови он сделался красным.
Вышел Персей из воды – и его изумленье объяло,
Речи он дар потерял, увидев великое чудо.
- 575 Ближе туда подойдя, многомудрая дева дивилась,
Мощного дочь Отца, и брату на вечную славу
Сделала так, чтоб кораллы вовеки природу меняли.
Также дала Агелейя кораллу великую силу –
Чтобы хранил он того, кто в бой леденящий вступает,
- 580 Или в тяжелом пути – если взят он, конечно, с собою,
Или же в море идет, взойдя на корабль крепкозданный.
Светлая сила коралла всегда защитит человека –
И от копья боевого, когда Эниалий бушует,
И от разбойной руки, готовой убить человека,
- 585 И от бесчинства седого Нерея на море широком –
Если призвать совою деву, неймущую страха,
Зло отведет Тритогея, к битвам зовущая славным.
Самое верное средство защиты найдешь ты в коралле
Против отравы коварной любой, ворожбы вредоносной,
- 590 Против проклятий, они – непреклонных Эриний забота,
Или когда человек и не видит, что дом его точит

Тайная порча, иль если завистники, жалкие люди,
Вред норовят причинить колдовским заклинаньем каким-то –
Камень сотри в порошок и развей, с Деметрой смешавши,
595 Тотчас от пашни своей отгонишь любую потраву –
Сушь отведешь от колосьев – она ведь их сок выпивает,
Град отвратишь вредоносный – он, стрелы пуская бессчетно,
Раны наносит посевам, и нет никакого спасенья,
Род прожорливый всяких вредителей он уничтожит,
600 Разных прогонит червей, от медвяной росы он поможет,
С неба она выпадает, плоды покрывает собою,
И душает колосья, вокруг облепив их обильно.
Также отрядам мышей, саранчи неисчетному войску
Страшен коралл – и обходит его перун стороною,
605 Пущенный Зевсом-Кронидом во славу Зевесова сына.
Сей прекраснейший камень принес по пути из Аида
Аргоубийца Гермес, и людям его предоставил.
Ты же смотри, не забудь – от аспидов страшных ты должен
Пить его с чистым вином, а как – я рассказывал раньше.

Ахат

610 С Бромием чистым ты пей и ахат многовидный и дивный –
Камень прекрасный по-разному блещет своей красотой,
Можно увидеть легко, как много цветов он имеет.
Смотришь – порою он схож с прозрачною чистою яшмой,
То с сердоликом кровавого цвета, иль светлым смарагдом.
615 И краснощеким, как сурик, бывает и медного цвета,
Может быть яблока цвет, вспоенного вешней порою.
Самый же сильный из них – коль тебе повезет его встретить –
Тот, кто такого же рыжего цвета, как лев разъяренный.
В старое время любили его называть полубоги

- 620 «Леонтодером» – пестрит он, и много в нем пятнышек разных –
Огненно-рыжих и черных, и белых и яркозеленых.
Если когда-то случится – вонзит в тебя ненароком
Страшное жало свое скорпион – ты к месту укуса
Камень скорей приложи, иль присыпь порошком свою рану.
- 625 Сразу же действие камня смягчит твои сильные боли.
Женщинам он помогает привлечь вожденного мужа.
Он поможет тебе других обаять своей речью –
Что ни попросишь – домой принесешь с веселием в сердце.
Должно спасенья у камня искать и тому, кто болеет,
- 630 Если он камень возьмет и в руках хорошенько подержит.
Если же Зевс не желает в живых оставлять человека –
Крепко держи в голове: не чем-то иным, но ахатом
Нить обрезает Клото, и день наступает последний.

Антихат

- Если кого лихорадка, что жжет через день, возвращаясь,
635 Попеременно терзает ознобом, иль та, что приходит
В день четвертый, злая болезнь, что отстать не желает,
Всюду с больным оставаясь, то пусть узнают страдальцы –
Антихат беспорочный способен подать избавленье.
Он при горячке полезней всего. Еще важное свойство
- 640 Силы его – если варишь ты мясо – добавь хоть немного,
Выжди чуть-чуть, и вмиг твое кушанье будет готово.
Все же сказать не могу, что он против змей помогает,
И, если нужно тебе, другого врага укажу я,
Он от Урана рожден – ты же в сердце прими мое слово.

Гематит

- 645 В пору, как всепожирающий Кронос жестокой рукою
Злое увечье Урану нанес, его светлому телу,
С высей эфира Уран устремился к земле беспредельной,
В жажде упасть на нее и покрыть ее темным покровом,
Мрак непроглядный пролив, но Крон укротил его силой –
- 650 Так что Уран звездоносный остался в высотах поныне.
Капли же крови бессмертной его, истекая из раны,
Вниз изливались – на землю – но так суждено, что исчезнув,
Все, что из тела бессмертных исходит, погибнуть не может,
Сгинуть ему не дано – повелели великие Мойры
- 655 Первородителя крови остаться в земле плодородной.
Так и свершилось – ведь в камень дыханьем ее засушили
Гелия жаркие кони – и всякий, кто, камень увидя,
Хочет коснуться рукой – и засохшую кровь осязает.
Крови цвет настоящей сей камень в себе сохраняет,
- 660 В воду положишь – и тотчас поистине кровь ты получишь.
Вот почему с незапамятных пор и зовут гематитом
Камень, что значит «кровавый», и он, как тому подобает,
В чистом виде целебное средство. Недаром поэты
Нам говорят, что с небес доходит до нас истечение.
- 665 Камень глаза защитит от всяческих новых болезней,
Им не позволив прийти, но и старые хвори прогонит,
Если смешать с молоком, а добавленный к божеской крови
Сладкий мед отгонит от век любую хворобу.
Ведь неприятно царю-первородцу, что звезды вращает,
- 670 Если у смертных препоны, что зрению боли мешают,
Любо ему – а ведь он средь блаженных богов самый старей –
Если свободно они любоваться прекрасным способны
В звездных ресницах лицом его, старшего между блаженных.

- Если же в килик его положить – в мгновение ока,
675 Коли страдаешь ты в части срамной, исцеленье получишь.
Как уговаривал я могучего духом Аякса
Взять этот камень с собой, надежным залогом победы,
В пору, как шел он на спор о дивных доспехах Ахилла.
О, если б Дева, берущая грады, ему дала почесть,
680 А не другой стороне – Одиссею, что стоек в несчастьях!
Но не позволила Мойра послушать благого совета,
Так и не принял Аякс божественной помощи камень,
Обнял погибельный меч. Смотри же и ты, свою участь
Чти хорошенько и знай, что против змеиного рода,
685 Смертью грозящего, камень поможет, и пусть постоянно
Воду друзья твои пьют, и в ней гематит растворяют.
Мне захотелось, чтоб друг мой Долон, быстролетный как ветер,
Другом и Гектору стал, моему любимому брату,
Дал я Долону (просил он о том) олимпийский сей камень –
690 Тотчас же он показался милее всех прочих троянцев
Гектору, сыну Приама, и стали герои друзьями.
Он же в ответ захотел наделить меня тоже подарком,
Взял у родителя он из дома богатого камень –
Имя ему липарей – с тех пор его в доме хранили,
695 Как побывал он у мощного Мемнона с вестью из Трои.
Силу в сем камне найдя (я при нем был), с собою принес он
Из ассирийской страны сей камень, что злата дороже,
Магам премудрым отдав за него подарков бесчисленно.
Ныне ж внимай хорошо. Что знаю, тебе расскажу я.
700 Те, кто идут к алтарям совершать бескровные жертвы
(Нам ведь закон не велит приносить как жертву живое),
В гимнах прославить должны широкоглядящее Солнце
И плодоносную землю, кормилицу щедрую нашу.
Дальше – должны положить в гефестово пламя сей камень –

- 705 Змеи из логовищ все поползут, к алтарю устремятся,
Быстро вьась по земле – ведь для них привлекателен запах.
Далее, в третьих. Пускай три мальчика будут одеты
В новое платье льняное, и каждый несет наготове
Острый меч – пусть они змею изловят большую,
- 710 С пестрою кожей, которая, всех обгоняя, стремится
Ближе к огню подползти, привлеченная запахом камня.
Дальше на девять частей змею разрубить подобает,
Трижды – нужно с молитвой призвать всезрящее Солнце,
Трижды – призвать народов кормилицу, тучную землю,
- 715 Трижды – премудрую Деву, чье вещее слово неложно,
В глиняный все это кинув горшок, и туда же забросить
И гематит, а потом Атритоны подарок – оливу.
Вакха, что пляски рождает, хмельного плеснуть надо тоже,
И серебристую соль, помощницу всякого пира.
- 720 После туда же подсыпь обжигающих зерен заморских,
С черным смешай красноватый, что оба цены непомерной
(Ежели их растолочь и перемешать хорошенько),
В людях они распаляют весьма вожделение к пище.
Вот, во чреве треножника все это мясо сварилось.
- 725 Тут безмолвно к богам воззови, ко всем по порядку,
Тешатся боги, когда во время священных обрядов
Тайное имя живущих на небе бывает пропето.
Ты и Мегере молись – она и Эринии – сестры
Прочь от кипящего гонят котла зловредные козни
- 730 И на священные жертвы изводят дыхание Зевса.
После же пусть до отвала пируют, едят все, кто хочет,
Прямо беря из котла. Остатки же выльют на землю.
Это проделав, потом совершить возлияние надо
Млеком белым и чистым вином и жиром прозрачным,
- 735 Также и медом цветочным – он пчел ароматная пища.
После же сделай венок – сплети его из оливы,

Орфическая поэма «О камнях»

Плодоносящего древа священного Девы. Смотри же,
Чтобы никто, уходя, ничего не припрятал в одежде,
Путь же домой держите прямой, никуда не сбиваясь,
740 Той же идите дорогой всегда, что шли к алтарю вы,
Если вам встретится путник, как часто бывает в дороге,
Не обращайтесь к нему и храните молчанье, покуда
Вы не придете домой. А там приносите немедля
Жертву богам, ароматы различные им возжигая.
745 Я вот, когда это все совершил, познал все, что будет,
Ясно я стал понимать, что легкие птицы болтают,
Понял, и что говорят своим рыком свирепые звери.

Нефрит

Так я узнал о Вакховом даре – о камне нефрите,
Бромия он услажденье, и люди, что камнем владеют,
750 Держат его при себе всегда, когда воссылают
К небу мольбы Уранидам – и боги их просьбам внимают.
Если босою ногой случайно на черную спину
Кто-то наступит змеи, и ужасное жало вонзится
В плоть его – камень нефрит немедленно боль успокоит.
755 Он зажигает и в муже к законной жене вождельенье.

Хрисопраз

Знаю я, что против черного гада целебную силу
Мощную, смертным спасенье – имеет и камень волшебный,
Именем сходный своим со цветом зеленого лука.

Алагонит

Светлый алагонит, про тебя, как решил я, дальше
760 Надо сказать, ведь и я испытал твою славную силу.
Ты ведь мне помощь принес, когда я страдал лихорадкой,
Спас ты меня и когда скорпион поразил меня страшно.

Все говорил я правдиво о силе камней всецелебной,
Так повелел Аполлон Летоид в своих прорицаньях,
765 Бог серебролукий прогневан был как-то сестрою Кассандрой
И повелед, чтоб ее прорицаниям не было веры,
Хоть и вещала Троянам она непреложную правду.
Мне же пришлось принести величайшую, страшную клятву
В том, что вовек не скажу я людям ложное слово.
770 Вот и теперь рассказал я все совершенно правдиво,
Словом, внушенным тобой, о дивный герой Дальновержец.

Так говорил мне рожденный Приамом, любимцем Зевеса,
Честь воздавая Геракла могучего смелому другу.
Нам же рассказом своим он скрасил и сделал отрадным
Путь наш нелегкий к вершине, поросшей густою травою.

*Пред нами дело, в жизни очень важное –
Представить мужа, истинно счастливого,
Как дивный образец для всех порядочных.
Так будем ли корить за дерзость Фила мы,
Что неба ширину измерить хочет он?
А коль речей отважных дело требует –
Не укорит судья разумный в дерзости!*

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЭТОПЕЯ,

сочиненная с усердием Филом, содержащая похвалу
блистательному великому домашнему, носящему
славнейшее имя – Иоанну Кантакузину.

Действующие лица: Нус (Ум) и Фил.
Первым говорит Фил.

- Фил. Наставник Ум! Лети, покинь Византион!
Пронзительный, ты в крыльях не нуждаешься,
Тебе ничто – поток и легких туч разлив,
И жар огня, соломой распаленного,
Узнай мне, где сейчас мой скороход-гигант,
Откуда невредимым к нам воротится
И как наш золотой себя там чувствует.
- Ум. Лечу – уже слетал! Не удивляйся, нет,
Что не прошло меж сим нисколько времени!
- 10 Моя природа чужда матерьяльности,
В ней нет того, что времени подвержено.
В полете – и с тобой я одновременно,
Когда хочу узнать, что за Гадарами –
Я и с тобой, и в то же время странствую.

- Фил. Сосед-беглец, со мной живущий, смилуйся!
Не откажи, поведай, знать так хочется!
Ведь в это время – все, что он отсутствует –
В нас – страхи и пустые подозрения.
Ты говоришь, в Гадарах почивает он,
20 Кто столькими украшен дарованьями,
А ты, едва ободрив, удручаешь нас.
Ум. Так слушай, милый мой, со мною радуйся!
Доместик наш великий и блистательный
Сейчас, прекрасный всадник, на охоту мчит,
Он сквозь густую чащу продирается,
И лишь завидит – вот он, притаился зверь –
Стрелу пускает, зверь сейчас же – замертво.
С ним трудно биться изблизи – копьём разит.
Фил. Где взял сноровку сей почтенный юноша?
30 Он не учился, лишь слегка попробовал!
Цветет пока он в отроческом возрасте,
Но никогда достойного наставника
В стрельбе из лука обрести не сможет он –
Давно уж стрелы наши все поломаны,
И сами мы – мишень для всех опасностей.
Ум. Никто не скажет, что такой способностью
Он может похвалиться прямо сызмальства.
Он сам себя учил и совершенствовал,
С годами становился все искуснее,
40 И, слоно пса, он сам себя натаскивал.
Ребенком мог бы старцу быть наставником,
Он достигать всего привык усердием.
Фил. А в схватках рукопашных сила мощная
Откуда у него в незрелом возрасте?
Ты можешь объяснить сие естественно
Иль скажешь, что природа чудодействует?
Ты видишь – не могу постичь я этого,

Драматическая этопея Мануила Фила

- Ум. Так объясни, ведь буду я в неведеньи,
Коль не научишь, разрешив сомнения.
Ум. Когда родитель от природы полон сил,
И носит мать дитя без осложнения,
И сила звезд им не противодействует,
То жар в утробу вторгшегося семени
Способен зародить дитя подобное.
Особенно удачно, если издавна
Для новой жизни сила эта копится.
- Фил. Коль дело все в природе, как считаешь ты,
То почему он веку дан единственный?
60 Ведь раз природа так являет действенность,
Создать бы ей таких младенцев множество –
Но нет, гордясь как будто им, единственным,
Его дарами всех Харит украсила
И посрамила век потомством ветреным.
- Ум. Пословица – коль что в Египте родится,
Так это непременно что-то редкое!
Так не достойно ль славы – чудо дивное
Дошло до нас от рода первозданного!
И слава не летит о чуде эдаком!
70 Нет, речи о природном прекратим теперь –
Знай, человек пред нами – свыше посланный.
- Фил. Что он сейчас? Как украшает жизнь для нас?
Ведь не сидит же он покоясь в праздности,
Но действует для нашей безопасности –
Так покажи же мне героя нашего –
Ведет ли рать с искусством полководческим,
Или собирает мысли для истории
И в море книг премудрых погружается.
- Ум. Как оружейник, он мечи обследует
И лук, чтоб не испортились от сырости,
80 Он, из колчана стрелы все повынувши,

Черновики переводов

- Глядит, чтоб не попались заржавелые,
Он смазывает панцирь, он копьё вострит,
Примеривает шлем, сжимая голову,
И поножами славными любитесь.
- Фил. Ну да, совсем как говорит пословица –
Что те, кто возрастал в благоразумии,
Готовят пищу прежде часа трапезы,
И, наблюдая, что теперь он делает,
Не скажешь – это плохо и неправильно.
- 90 Да Прометеем звать его мне следует –
Он мыслит о сраженьи до сражения.
- Ум. Вот, тихо он выходит из стратегия
И щедро кормит бедных сотоварищей,
И золотом дарит, и серебро – дождем,
Дает одежды, дарит оснащение
И, всех насытя, тонко ободряет их,
Чтоб не роптали, словно не обласканы,
Как будто их старанья не замечены.
- Фил. Он одарен такой еще способностью:
100 Без передышек сносит труд, усилия –
Он дышит – хорошо, и это главное!
Живет в нем жажда делать людям доброе,
Как рыба он в воде средь добрых дел своих –
И в этом незаметным быть старается,
Как тот, кто знает все неизреченное.
- Ум. А вот сейчас с друзьями он беседует,
Целительные речи обращает к ним,
Природных дел причины раскрывает им,
И круг него – друзья его ученые,
- 110 Разинув рот, впивают речи мудрые.
Они окаменели в изумлении
И смотрят друг на друга в сильном трепете.
- Фил. Кто на земле такое чудо видывал?

Драматическая этопея Мануила Фила

- Какой же смертный ум вместить достаточен
Даров такое радостное множество?
Доместик наш великий! Вот талант! Вот ум!
Собой хорош – изъяна ни единого!
Пожалуй, он один из рода смертного
Первоотца несет природу добрую.
- Ум. Ну, вновь рукоплещи тому, что выскажу!
Откуда-то сюда молва доносится,
Что варварское войско грабит Фракию.
Вот он в броню облекся к новым подвигам
И посреди фаланги стал незыблемо
И, рык издав, как лев, готовый броситься,
Мечом широким рубит нападающих.
- Фил. Он невредим, скажи, под стрел дождем?
Он землю всю покрыл доспехом вражеским,
А сам к добыче даже не притронулся,
130 Очаг его домашний дом достаточный,
Такие семьи выставляют воинов,
Что брезгают корыстью. Опасаюсь я,
Как бы его доспех не поцарапался.
- Ум. Не бойся! Благородство в невредимости!
Неуязвим он в битвах. И наш Господин
Дал ему ум-доспех и в душу мужество –
Так натиски врагов всегда отброшены,
А острия мечей их притупляются,
И жала вражбых стрел, давно наточенных,
140 Как молния, огнем сметает начисто.
- Фил. Спасибо! Как вживую все увидел я,
Ты все поведал мне, что знать хотелось мне,
И я хочу от радости вакханствовать!
Уж вижу я венчанного победою!
Прошу – узнай и дальше мне рассказывай,
Весь слух мой до того ты наполнишь сладостью,

- Ум.   Что гасишь жар страданий обжигающих.
Ого! В другую битву он пускается!
Трибаллы на него толпою ринулись,
150   А он на них выходит строем правильным.
Разбил фалангу он атакой первою
Как молнией, по небу пробежавшею,
Прорвав кольцо сплоченных тесно воинов,
И в ход пустил копье свое могучее.
- Фил.   Как он на вид? Цветет и силой полнится?
Прошу, любезный мой, живопиши его!
Упорней всех других он в упражнениях,
И, я боюсь, в бою он всех упорнее.
Врагов так много! Пыл в нем не иссякнет ли?
160   Не сменится ль его румянец бледностью?
- Ум.   Ты знаешь, как роскошна роза вешняя?
А лилия в цвету? Так вот – и он таков!
На белоснежность щек ложится алое
И белизна соседствует с пыланием.
И столько в сочетаньи этом прелести,
Что в целом создается впечатление,
Что все лицо сияет светом молнии.
- Фил.   А как его манеры, обхождение,
170   Характер? Ведь и это знать мне следует,
Чтоб правильно ценили венценосца мы.
Ведь все это узнать – мне удовольствие.
Захочешь рассказать – доставишь радость мне.
Поведай обо всем, и с полной точностью,
Не привнося того, с чем не согласен я.
- Ум.   В нем – все! Судьба ему благоприятствует!
Его телосложение силой полнится,
В нем все удачно, все в нем соответственно,
Одно с другим прекрасно сочетается,

Драматическая этопея Мануила Фила

- 180 Все выдает гиганта силу быструю.
Избыточности вред избегнуть может он
И как панкратиаст он жизнь ведет свою.
- Фил. О, не сочти за труд, еще рассказывай!
Хочу, узнав, сколь телом совершенен он,
Увидеть красоту его души теперь.
Мой милый, опиши, изобрази его,
Мешая краски столь искусным образом,
И, если ясно сможешь показать его, –
Лисипп и Апеллес перед тобой – ничто!
- Ум. Господь ему – всей жизни основание,
Правдивостью с младенчества украшен он,
Божбы не терпит, в страхе пред родителем,
И справедливость, скромность – это страсть его.
Стяжает, сколько нужно – а избыток – прочь –
На нужды бедных, для друзей, для странников,
Дружинникам своим, в бою израненным.
- Фил. Да, в наше время – чудо он какое-то!
Блистательный, он цели добивается,
И, обладая столь большим имуществом,
- 200 Он скромнен, он совсем не склонен хвастаться,
И так боится Кредитора высшего,
Что то, что дал – своим считает долгом он.
Он – чудо, все хвалы превосходящее!
- Ум. Смотри, любезный – вот что удивительно!
И украшает жизнь его особенно:
Гневливость он за дверь как будто выставил –
Но если защищать кого-то надобно –
Он дышит на врага огнем разительным,
А если мальчик-раб промашку сделает –
- 210 Он раздраженье гасит добродушием.
- Фил. У многих это свойство есть в характере,
О коем ты сказал – оно естественно,

- Но он законам естества не следует –
Любую страсть души сдержать способен он.
Природа обо всем в нем позаботилась,
И речь, пусть из ключа старинной Аттики,
Украсит ли достойно мужа этого?
- Ум. И есть еще способность пресчастливая –
Ему лишь одному природой данная –
220 Когда ему приносят донесения,
С фронтов его различных сообщения,
Он сам читает все с огромной скоростью,
И разрешает все задачи с легкостью
И всем в ответ нектар в посланьях мудрых льет.
- Фил. О, кто сказать достоин речь похвальную?
Платон, молчи! Сократ, попридержи язык!
И взлеты Демосфена – оземь грянулись!
Софист, творец глаголов огнедышащих,
230 Пред ним – сова, что ночью гулко ухает,
Иль галка, иль лягушка голосистая,
Когда они исполнить песню сияются.
- Ум. Да, он таков. Он все спокойно вынесет,
Хоть выйдет на него вся сила варваров –
Лишь взглянет и поймет, что это – сборище
Мальчишек неумелых, все фаланги их
Одной рукой он всех их, трижды доблестный,
Накроет – и ему нет невозможного!
Лишь тронет пальцем – и враги повержены.
- Фил. Гомер, гиганта моего не видевший,
240 Ахилла прославлял, когда-то жившего.
Он вел в сраженье войско мирмидонское,
Рать мощную, почти непобедимую.
Но друг его Патрокл всегда с ним рядом был,
А мой герой – один пред вражьем множеством,
Когда его друзья поодаль мешкают.

- Ум. Чу! Слышу я – квадрига приближается!
Она с небес на крыльях опускается.
Но ты – ты не пугайся шума этого,
Ведь знаю я, кто это и зачем летит,
250 И. если хочешь, я тебе поведаю.
Летит к нам Колесница Добродетелей,
Желая чтить и славить мужа этого.
Доб¹⁰ Фил, что ты? Что ты, Нус? Какие дерзости!
роде Не видите свое вы неразумие?
тели Вы что, и впрямь решили, будто в силах вы
С умением прославить мужа этого?
О, как же вам не стыдно, как не совестно!
Где тот орел, кто бы себя достойным счел
Жуком навозным возносимым похвалам?
- Фил. Да, то известно всем, не только нам одним –
Мы ясно понимаем – зря стараемся,
Когда сплести хвалу мы мужу силимся.
Но он-то кротко сносит дерзость буйную,
Ценя старанье наше выше наших слов.
Давид, когда он славил Свет как Господа,
И тьму при этом воспеваает красочно.
- Ум. Мы в трепете пред вами – уступаем вам!
Ведь сам герой такие речи выберет,
Слагайте же хвалу о девы чистые!
270 На землю, вижу, вы сошли обдуманно,
Венец харит теперь ему сплетайте же
Из ваших роз, росой небес наполненных!
- Муд¹¹ В сем муже обитаю я блистательно –
рость Лишь первый пух покрыл ланиты юные,
Он – терем брачный мой, и чад, рожденных мной,
Веду сюда, и здесь ращу и пестую.

¹⁰ Добродетели

¹¹ Мудрость

- 280 Я пеплос тку ему великих подвигов,
Показывает времени течение –
Все прочее – то лишь лачуги жалкие.
- Муж¹² Из лучших свойств его сформировала я,
еств Их съединив, его рашу и пестую,
енн И выкован огнем он жара тайного.
ость Я с ним, когда он смело в бой кидается,
Иль на медведя выйти он отважится,
Иль целит дротик в вепря одинокого –
Во всем, что тешит удаль молодецкую.
- Спра¹³ Я, стройный лад даря его характеру,
ведли В нем тайные весы уравновесила.
вость Учю его не ведать ненасытности,
Все лишнее отплевывать с достоинством,
Довольствоваться лишь необходимейшим,
Дать лучшее душе – вот это – главное,
А в остальном – лишь скромность и смирение.
- Бла¹⁴ Я венценосцу издавна просватана,
гора Но превосходство трудно перед ним держать,
зумие Он правит телом, что в цветущем возрасте,
Держа его в узде души величия,
Минуя преткновенья любострастия,
300 Идет стезею чистой беспрепятственно.
- Ум. Чу – снова шум какой-то мне тревожит слух,
Да, это рой девичий приближается!
Я знаю, кто они, откуда прибыли!
Се рой Харит, нашедший в нем пристанище,
В нем, лучшим из бойцов и предводителей,

---

¹² Мужественность

¹³ Справедливость

¹⁴ Благоразумие

Драматическая этопея Мануила Фила

Явился к нам, как из Эдема нового,
С венком цветов, недавно распустившихся.

- Пра¹⁵ Дитя, что было мило мне с рождения,
310 Гигант сей юный – мне опора прочная.
вда Ведь если б он не защищал путей моих,
Своею речью дивной не хранил меня,
Давно б я предалась уединению
Блаженному, покинув человечество,
Как воробей, что от ползучих прячется.
- Пам¹⁶ А я, гонитель всякого злопамятства –
ять Ведь это – путь, лишь к смерти направляющий –
Нашла в сем венценосце обителище.
В нем память крепче всех из рода смертного,
320 И пользуется много он прекраснейшим,
И, прирожденных полнясь добродетелей,
Он твердо держит ум в благоразумии.
- Мило¹⁷ А кто меня милей ему, желаннее!
сердие Как муж с женой со мною постоянно он!
Живу с ним и супругом наслаждаюсь я!
Он хочет зреть мою красу нетронутой
И в терем ввел меня недосягаемый.
Он так ревнив, так строго осмотрителен,
Боясь, как бы меня тайком не выкрали.
- Кро¹⁸ А как же я? Ну нет, не уступлю тебе!
тость Ведь я его лицо столь светлым делаю!
Ведь я с его дыханием сливаясь,
Наглядно нрав души живопишу его,
И он, конечно, ясно выражается
В его лица прекрасных выражениях, –

---

¹⁵ Правда

¹⁶ Память

¹⁷ Милосердие

¹⁸ Кротость

Так что ж, меня второю будешь числить ты?

Ост¹⁹ Я с вами наравне к нему ближайшая,
роу Как никого, его собой украсила.
мие Я посылаю свет в глубины памяти,
340 Я жгу огнем завалов хлам забвения,
Я прогоняю вялость, словно дым пустой,
Иду вперед, однако, повернуть могу –
Наполнить ум, когда он к вздору тянется.

Иск²⁰ Коль друг – второе я – гласит пословица,
ренн То я емь он, а он есть я, конечно же.
ость Люблю его я, как себя, с младенчества,
И если спросят: гость, скажи мне, кто это?
Он скажет: он – беспримесная искренность.
Обман и хитрость изгоняя начисто,
350 Идет он честно – нет ему препятствия.

Сде²¹ Я тоже жизнь его собой украсила!
ржан Когда он видит деньги, вещи ценные,
ность Иль стол, накрытый яствами роскошными –
Я тут же с ним и прочь гоню излишества,
Весь блеск пустой безмерного тщеславия,
Показывая мерзость пресыщения.
«Ты человек» – ему напоминаю я.

Сми²² А я – в его я сердце загнездилася,
рение И снизу ввысь влеку я мужа этого,
360 Он следует – и Бога созерцает там,
Хоть облечен пока он в образ смертного –
Ведь, ненавидя происки лукавого,
Его Он с неба сверг по справедливости,

---

¹⁹ Остроумие

²⁰ Искренность

²¹ Сдержанность

²² Смирение

Драматическая этопея Мануила Фила

- И с облаков тот ввержен в глуби адские.
Фил. Явись, о Ум, и снова научи меня,
И обнови во мне способность чувствовать!
Ведь сонм почтенных дев, сюда явившихся,
Речами вызвал просто изумление.
А ты, мой Ум, начни опять хвалу слагать
370 И разыщи мне мужа многославного –
Где он теперь и как себя он чувствует.
Ум. Сейчас наедине он с императором
Беседует премудро – ведь никто другой
Не удостоен знать дела секретные.
Им надо планы обсудить военные
И пестроту фракийских дел исследовать,
Чтоб враг не вторгся нагло, неожиданно,
Застав врасплох отряды наших воинов.
Фил. Неплохо было б все же отдохнуть ему,
380 Дать роздых ото всех трудов немислимых,
Знакома ли усталость естеству его?
Железный он? Из дуба? Или каменный?
Когда он тело упражняет истово,
От пищи уклоняется – подумаешь:
Насельник неба в пище не нуждается.
Ум. Он не бесплотен, пищу принимает он,
Но избегает всякого излишества,
Он спит так мало – что не замечаю я,
Во всем он избегает чрезмерности,
390 Она – пороков мать, гласит пословица,
Она – отец болезней, силу губящих,
И прочих бед, что жизнь тяжелой делают.
Фил. Да, в наше время это поразительно!
Как поднялась природа к высоте такой,
Что породила ныне столь великого?
Он словно солнце, из-за туч сверкнувшее,

- Как влага вод средь жара зноя летнего,
Как зимняя роса на листьях розовых –
Таким сей муж для взоров всех является.
- Ум. И те, что приезжают к нам из Мизии,
Дивятся, словно чуду, мужу этому
И, воротясь домой, все говорят о нем,
И он один – предмет для разговоров там,
Для всех весьма приятный одинаково.
И у врагов такого не встречается,
Они согласны – время подтверждает то.
- Фил. Да, это просто нечто величайшее,
И даже ты дивишься, Ум любезнейший!
Как молнией сраженный, стонешь, мечешься,
- 410 Не прекращая разговор наш начатый,
Ведь если даже ты в таком волнении, –
Как слабой плоти чудо это вынести,
Коль столь велик предмет ее поэзии?!
- Ум. Согласен – не скрываю поражения!
Я даже рад – ведь я с таким волнением
Им восхищен, что лучше вообще молчать.
Но слаб я пред Эвриповым кипением,
Водоворот словес не в силах сдерживать!
Я чту пред ним свое благоговение,
- 420 Но все-таки, робея, дань хвале воздам.
- Фил. Но если говоришь ты об опасности,
То почему же вглубь земли не спрячешься?
Но, как судья на троне беспристрастности,
Ты приговор хвалам собрался вынести,
Иль как софист надутый, лоб наморщивши,
Горланишь понапрасну, надрываешься?
А венценосец – все равно с победою?
- Ум. Да, он таков – и это подтвердит любой,
Но и кузнечик в час полудня летнего

- 430 Поет себе в траве, о мой любезнейший,
Поет, робея, скованный смущением?
А вот Гермес их песни однодневные,
Похоже, ценит, и в ответ, в награду им,
Дает без пищи жить, росой довольствуясь.
- Фил. Скажи, а ты за лиру свою слабую
Какую бы награду взял охотнее?
Ведь он всегда готов в ответ одаривать.
Нет, больше – дарит он и ничего не взяв,
Кто так живет – дарит уже дыханием,
- 440 И никакой награды сверх не хочется,
Не знаю я, что это – не гордыня ли?
- Ум. А не награда – ты писать осмелился
И не сгорел тотчас от вспышки молнии?
Что, не награда – написать к тому,
Кто принял мое слово с уважением?
Что должен ты снискать за то заслуженно,
Что, как не смех? Подумай сам – сумеешь ли
Найти слова сильнее тех, что я скажу?
- Фил. Ну нет, мне помолчать, пожалуй, выгодней,
450 Неопытно кидаться в восхваления –
Паденьем в пропасть может просто кончиться.
Ведь этого стратега величайшего
Все изучают, знают, толпы юношей
Его подмышкой носят сочинения
В почтеньи величайшем пред наставником!
- Ум. Найдется ли такой, лишенный разума,
Кто, будучи способен видеть явственно,
Закрыв глаза, не наслаждался зрением?
Кто, пить желая, не бежал к источнику,
- 460 Голодный – не пошел к столу накрытому,
Замерз – и к очагу бы не приблизился,
Нагой – не взял бы, чем укрыться, с радостью?

Черновики переводов

- Фил. А он – он свет и светоч веку нашему,
И греет нас светило раскаленное,
Но участи огнива опасуюсь я,
Придерживаюсь мудрости пословицы –
Свет вижу, но от жара уклоняюсь я,
Корзину крыльев мастерства единого
Неудержимо к свету устремляю я.
- Ум. Ну, так скажи – насколько этот муж велик,
Мусическую стройность сообщив хвалам,
Ведь это – первообразец творения.
Не превзойти, конечно, меру сил своих,
И слов, его достойных, не отыщется,
Но продиктует слово сила дел его
И сообщит хвалам твоим движение.
- Фил. Я солнцем бы назвал гиганта нашего,
Так блеск его силен, так он стремителен,
Так гонит мрак глубокий неприятностей,
480 Так всем несет привет, дарит веселие –
Кого в его несчастья не заметит он?
Кто на него в упор смотреть решается,
Хоть наделен он зрением линкеевым?
- Ум. А я скажу, что он – как будто сам огонь,
Когда на строй враждебный устремляется,
Когда летит он на фаланги врагии;
Стремительней, чем молния палящая
Сжигает траву – жжет он неприятеля,
Мгновение – и враг лишь только пыль и дым –
490 Его напор – что Этны извержение.
- Фил. Само его дыханье веет пламенем
И жизнетворной силой, свыше данною.
Ее порыв поднимет даже робкого
И до костей прохватит малодушного

Драматическая этопея Мануила Фила

Его дыханье, словно мед целительный,
Что очищает печень истощенную.

- Ум. А мне живой водой герой наш видится,
И русла полноводные души его
500 Свои потоки к устью милосердия
Несут и, изливаясь, снова полнятся.
Поток и орошает все окрестности
И, смыв с души, уносит боль сердечную
И топит все мучительно-враждебное.
- Фил. А я скажу – земля он всеприимная –
Настолько полон он дарами Божьими,
Настолько твердо сам собой поставлен он,
Настолько стойко переносит тягости
И, как земля, плодит он всходы дивные, –
510 Хоть ветер их колеблет – не ломаются,
И все он щедро кормит, что растет на нем.
- Ум. А разве ты не думаешь, что море он
(Конечно, только море несоленое).
Он так же неогляден, как морская ширь,
А что свирепых штормов не случается –
Не удивляйся, милый друг, пожалуйста,
Его души погода безмятежная
Елеем ароматным полнит воздух там.
- Фил. Пусть буду я в том море рыбкой мелкою,
520 А он созданьем крупным да считается.
Меня он щедро кормит, утучняюсь я,
Но я молчу в ответ на эти милости –
Ну что мне говорить такому чудищу –
Лишь рот раскрыв, смотрю на эту глыбищу!
Плывя на свет, живу лишь в упованиях.
- Ум. А я как Океан его представил бы –
И здесь мое искусство не ошиблось бы –

- Ведь реки всяких благ в себя вбирает он.
Весь обтекая мир своею милостью,
530 Рождая рокот доброй славы сладостной,
И мудрость мощным валом изливается
На брег земли широкий к счастью нашему.
Фил. Но золотой гигант наш – также радуга,
Что красит небо и под небом сущее,
Ведь это знак – знак общего спокойствия.
Переливаясь красками различными,
Он разгоняет тучи всяких горестей
И не дает слезам растечься ливнями.
- Ум. Наш венценосец – это также облако,
В груди он носит силу Солнца мощного,
Расширившись, шлет дождь золотою манною,
Что капает в палатки его воинства,
А если кто ворчит на благодетеля,
Того кропит уже дождем серебряным,
И время не развеет это облако!
Фил. Еще звезда он, по небу бродящая,
Что ночью биться запрещает воинам,
Когда ж для боя миг удачный выдастся, –
550 Он тут же, как звезда, в момент является,
Сияя блеском своего присутствия
И светоносных дел своих блистанием
Лучится он, как Солнца сила мощная.
- Ум. Он град, что бьет и хлещет неприятеля,
Сиятельный герой, среди всех заметнейший.
Ведь злые гроздья варваров, способные
Вмешать в бокал вина отраву горькую,
Кидает прочь, корчует лозы вредные,
И прерывает бед плодоношение,
560 И гроздья зла не вызревают заново.

Драматическая этопея Мануила Фила

- Фил. А я его назвал бы вихрем пламени
Из груды угля с гулом ввысь несущимся,
Сжигает он коварных, отвратительных,
Как слабых змей, столбом огня поднимаемых,
Испепеляет – свист их не спасает их,
И мерзкий запах серы разливается
Несносно в час последний их опасности.
- Ум. Он – как гора из сыра, как Давид сказал
Столь образно – как будто маслом сдобрена,
570 Ее кропит судьба удачи сладостно,
И кто в слезах кто в горе, в затруднении
Бежит к ней, как олень из леса страшного,
И по горе ступает он уверенно,
Нисколько не боясь ловушек гибельных.
- Фил. Он – словно роща, сад зеленых зарослей –
Полным полна зверей, им всем кормилица,
На каждого взирая с благосклонностью,
Лишь хлопнет он в ладоши – и спокойны все.
Он правит своим словом укрощающим,
580 Но он еще и луг, и над травой его
Мы все жужжим, как трутни тунеядные.
- Ум. Он – ключ студень в жаркий час полуденный,
Как в летний зной глоток питья прохладного,
Он бьет из-под земли, из потаенных жил,
И жажду нашу унимает с легкостью.
Спасает он страдающих от засухи,
Своей десницей доброй проливает дождь,
Поит и кормит бедных венценосец наш.
- Фил. Он – дерево с кроной, в небесах гуляющей,
590 Что выросло близ вод, дворец питающих,
И умных слов листва весьма густа на нем,
И плод растет, о друг мой, добрых дел его,
Оно дарует тень и урожай растит

- И капает росой отдохновения –
Кто скажет, что не чудо венценосец наш!
Ум. Я назову его огромным яблоком,
Гранатом сладкозерным, столь целительным
При тяжких пораженьях, скрытых немощах,
В недугах, прочим смертным не дающихся.
600 Его призвать полезно в этом случае,
И всякий, кто испить его попробует,
Захочет впредь вкушать лишь сок гранатовый.
Фил. Кто из золотого племени орлиного,
Тот не захочет быть, как галка жалкая.
Такого распознать ты можешь с точностью:
Смотреть на солнце может, не мигая, он,
И кровь его чиста от чуждой примеси –
Торгашеством и блудом не замазан он.
- Ум. Он по природе – коршун, столь стремительно
Взмывает в облака, когда охотится,
Оленя иль быка поднять способен он,
И никогда с добычей не спускается,
На дерево свалив, ее терзает он,
Как сокол, чья добыча – птица слабая,
Врагов завидя, сверху камнем падает.
Фил. Он и журавль, в эфире проносящийся –
Летает он, но если по земле идет –
Поставит стражу, выпустит разведчиков,
620 Охотиться на суше опасаясь.
На мощных крыльях ввысь он устремляется,
Но соблюдает тактику природную,
И жизнь его разумна и без горестей.
Ум. Он – турухан, желтуху исцеляющий,
Ведь чистоту души вернуть способен он.
Истомлены тяжелым безобразием –

Драматическая этопея Мануила Фила

- Он желтизну больную отчищает с нас
И цвет природный здоровый возвращает нам.
Ему не в радость видеть наши слабости,
630 И он выводит скверну, что пятнает нас.
Фил. Он – горлица – о выводке заботится,
Он – ласточка – несет погоду ясную
И гонит мрак гнетущего страдания.
Он – соловей! Не зная сна, без устали
Поет на языке он человеческом
И, как Орфей, живописуя звуками,
Дарует песни, всем сердцам созвучные.
Ум. Он – лебедь всей природою пророческой
(Мудрец всегда пророк, ведь так считается),
640 А лебедь час конца всегда предчувствует,
Зефир дает ему понять заранее,
Чтоб звонкой песней мог уход оплакать он,
И, как сказал Платон – одни лишь лебеди
Встречают смерти час красиво, с кротостью.
Фил. Его назвать голубкой подобало бы –
Укажет первым, что в сей жизни доброе,
И высидит птенцов, питомцев счастья,
Голубка ветвь несет оливы действенной,
Что предвещает жизнь среди спокойствия,
650 Блюдет птенцов подальше от опасностей,
Храня от змея зависти неистовой.
Ум. Он – пальма, что на мощном корне держится,
Как финики на ней все блага – гроздьями,
И благ листва из озера души его
В его духовных чадах вечно юная,
Теснятся все к столу, что чешуей покрыт,
И, словно кошки, на него взбираются.
Фил. Еще подобен кедрю он ливанскому –

- 660 Его воспел Давид, бряцая лирою.
– Нет, равен кипарису венценосец наш,
С земли он, статный, к небу устремляется,
От корня до макушки стройно выпрямясь.
Плоды его деяний благовонные
Столь красят благовоньем луг души его!
- Ум. Сказал бы – он – великая жемчужина,
Блеснувшая при яркой вспышке молнии,
И блеск его исполнен светом умственным.
Он и с лихнитом схож, свет источающим,
- 670 С порфиновой лампадою рубиновой, –
Лучами всех от Бога данных милостей
Венец его чела горит и светится.
- Фил. О, венценосец наш подобен острову,
Где можно в бурю обрести спасение,
Когда теснят, гнетут друзей опасности,
И кто сюда из бури выбирается –
Блаженствует и жизнью наслаждается.
Души надежды – вот причал надежнейший,
К земле, от бед свободной, наш корабль пристал.
- Ум. Он – как Зефир среди тишины и ясности,
Он свыше нам ниспослан как сокровище,
Он веет ровным благостным дыханием
На колебанья наших всех опасностей,
О не хватает духа ... но осмелюсь я –
Ведь я сейчас, Зефиром омываемый,
Могу передохнуть в надеждах благостных.
- Фил. Среди бури он – олькада безопасная,
Бог, словно кормчий, верно держит ход его,
Среди валов умело маневрируя,
- 690 Чтоб безопасно плыть по воле случая,
Чтоб груз олькады был доставлен в целости,
Душ наших кормчий, твердо правь олькадою

Драматическая этопея Мануила Фила

- И ровно киль веди нам в этом плаваньи!
Ум. Доместик наш великий – это новый Кит,
Он рассекает жизни всей течение,
Плывет отважно в океане варварства
И без труда их втягивает в пасть свою,
Крушит в пути все твердые препятствия,
Все сети разрывая ярим натиском,
700 Как будто это – паутина тонкая.
Фил. Он Пактол – нет, пожалуй, он великий Нил,
Моей судьбы Египет орошающий.
Сей Нил растит прекрасных нравов лотосы,
Что полнят нашу жизнь благоуханием.
Плоды приносит он для тех, кто в бедности,
Десница Бога щедрым наводнением
Поит всех тех, кому в дожде отказано.
Ум. Сокровище и клад сей венценосец наш,
Клад тает, но скупее не становится,
710 Банкиру и хозяину прекрасного
Проценты все идут еще обильнее,
Но сам он говорит, что он скорей слуга,
Когда судьбы талант преумножается,
Чтоб уваженье было воздаянием.
Фил. О старец Солнце, снова молодеющий!
Где на земле еще ты диво видело?
Где чудо, что как он, нам жизнь украсило?
Где хоть одно созданье, человек один,
На землю с неба столь блаженно посланный?
720 Молчишь, о Солнце – да, сказать-то нечего,
Ты ничего подобного не видело!
Ум. Сдается – свыше человека этого
Послали всей природы украшением,
И если б время нам его не выбрало,
То никогда узнать бы не сумели мы,

- Каков был род людской в то время давнее,
В век золотой, кого искусство Аттики
Полубогами называло в древности.
- Фил. 730 Коль знали б его в прошлом чада эллинов,
В его лице они б воспели век золотой,
Но время лишь теперь его явило нам,
И он – краса харит всего творения –
И древности, и нынешнего времени.
Все подвиги, что древле совершались
Героями другими – он несет в себе.
- Ум. 740 Кто знает ум такой в природе смертного,
В боях такую смелость благородную?
Такую красоту, хоть и прошла весна?
Такую стойкость сердца среди бурных волн?
Телесных сил и членов силу стройную
И зрелость в состязаньях красноречия?
Гиганту моему – клянусь – нет равного!
- Фил. Великий богатырь он века нашего,
Сказал бы сам Платон, что безупречен он,
Когда взглянуть бы смог на венценосца он,
Слова нашел бы, верно, даже лучшие
Тех слов, что род героев пели в древности,
Их мало, чтоб героя славить нашего!
Да сгинет зависть злая, душегубная!
- Ум. 740 Ликует небо, на него взираючи,
Земля ликует, море неоглядное,
Когда глядят, как он по суше шествует
Иль по морю триеры на врагов ведет –
Под ним пучина мирно расстилается
И путь его судьбы хранит спасительный
- Фил. 740 Рассказывают, что Коройб в безумии
Смеялся, когда волны пересчитывал,

Драматическая этопея Мануила Фила

- И плакал, что исчезнуть не получается.
760 Ведь в воду он вошел, и среди волн морских
Он понял, что вошел в неисчислимое.
Я не Коройб и зря не стану силиться,
Считая море благ и добродетелей.
Ум. Я не Дедал, пожалуй, я скорей Икар
И устремляюсь к сладостному светочу
Без крыл, я смею к Солнцу поворачивать,
Оно же плавит мне дыханьем огненным
Тот воск, которым перья крыльев держатся.
Пред ним ничто – слова мои похвальные
770 И весь нарядный строй и мир речей моих.
Фил. Как не заметить свойство его дивное,
Что всем на радость счастливо проявлено –
Как солнцем, что одним лишь диском светится,
Лицо земли повсюду освещается –
Вот так и он, ума лучами чистыми
Из Фракии светясь, сияет в Городе,
Где посещает он племен правителей.
Ум. Он человека, прежде незнакомого,
Способен распознать на расстоянии –
780 Разумен он, умен, иль не особенно,
Кто осторожен, кто сообразителен,
Понять он может по бровей движению, –
Что у кого в уме сейчас готовится!
Гость слова не сказал еще – все понял он!
Фил. Как может быть, скажи мне, Нус любезнейший,
Что юношей в расцвете сил он выглядит
Всегда – когда в печали он и в радости?
Как может выносить несчастья с кротостью?
Ты видишь – свой характер побеждает он –
790 В превратностях не поддается горести,
Качает всех – а он стоит незыблемо.

Черновики переводов

- Ум. Дана ему природа столь счастливая
И море всех харит в его характере!
В течении прозрачных светлых дел его
Нет ничего нечистого и мутного –
И ни одна частица неразумия
Не засоряет глубь деяний чистую.
- Фил. А мне еще узнать весьма хотелось бы,
800 Каким он предаётся упражнениям,
Когда наш венценосец свой театр ведет,
Как подобает всем, клинком владеющим.
Однажды поразился я, увидевши,
Как вмиг огромный римский меч он выхватил –
Он прямо под плащом своим носил его.
- Ум. Есть боя вид, такое состязание,
Когда лицом к лицу с оружием сходятся, –
Потверже встать, чтоб встретить нападение, –
Так, сжавши пальцы в кулаки могучие,
810 Задуманная схватка выполняется.
Ну, кто так может, в ком еще способности,
Как наш гигант, такое дело выполнить!
- Фил. И в блеске он при конном состязании,
Не знают дрожи руки благородные,
А ноги его – легкие и гибкие,
При взлете на коня без всякой лестницы,
Садясь верхом, стремян едва касаются.
Он и жару любую выносить горазд,
Иначе как бы сил в бою хватало бы?
- Ум. О мой любезный, как мне это выразить?
Мне словно голос свыше некий слышится,
Звучащий громче, чем труба вселенская:
Такого мужа нет, что был бы доблестней
С тех самых пор, как существуют всадники.

Драматическая этопея Мануила Фила

- Сочтешь, что сам он из железа выкован,
Как он для верховой езды оденется.
Фил. А как умеет он свой лук натягивать!
Ведь, говорят, в яйцо уметит издали,
А стрелы достигают неба вышнего
830 И птиц парящих настигают с точностью.
Попасть он может издали в подвешенный
На тонком волоске кусочек косточки,
И никогда при том не знает промаха.
Ум. Да, это дивно, это выше всех похвал!
Он лук любой рукой подымлет с легкостью,
Как будто то дитя играет с палочкой.
Когда ж натянет лук и выпустит стрелу,
И в медь она летит, в железо крепкое,
Как мощная машина стенобитная,
840 То тут уже на всех находит оторопь.
Фил. И ранее, когда случалось видеть мне,
Как он силен, я сильный страх испытывал,
Когда стрелял он – мне тогда казалось,
Что с неба на меня стрела обрушится,
И страшно было мне – но был подстрелен я
Стрелой иной – стрелой Эрота меткого,
Стрелок сладчайший, он попал без промаха.
Ум. Другие венценосцевы достоинства
Словами не исчислить – не хватает их!
850 В бою неодолим гигант противником,
А на досуге, если редко выпадет,
Он с мудрой книгой и друзьями мудрыми,
Живет разумно. А для развлечения
Играет в шашки – Паламед пример ему!
Фил. Игрою в шашки увлекаюсь смолоду,
Мы все прилежно над доской склоняемся,
И полководцу тоже не вредит она –

- Играя в шашки, познает с наглядностью,
Что жизнь – игра, броском кости ведомая,
860 И страшно, если выпали опасности
Изнеженным, привыкшим к наслаждениям.
Ум. Я расскажу тебе об упражнении,
Серьезном и забавном одновременно,
Старинном, позабытым из-за давности,
Но наш герой его являет заново –
Ведь и цари, и полководцы в древности
И чада их, и люди благородные,
На отдыхе, меж битв, им занимались.
Фил. 870 Коль ты не шутишь, милый Нус, пожалуйста,
Уж опиши мне это поподробнее,
Ведь у тебя способность просто дивная
Представить все, явив в живой наглядности!
Так в душу ты свои вдыхаешь образы,
Что все перед глазами воплощается
Как совершенно точное подобие!
Ум. 880 Плетеную веревочку с колесиком,
Вертя за ручку, на бегу стратег несет,
Все выше поднимая при вращении,
И крутит, не давая ей на землю пасть,
И снова, словно на стену, взлетает вверх,
И там оно как будто бы подвешено,
Обманчив взгляд, оно стоит как будто бы.
Фил. 890 Еще забава есть – цилиндр вращает он
И не дает упасть – подхватит вовремя,
И пальцем он большим веревкой правит сей,
Как всадник удилами, а когда кольцо
Должно упасть – он сеточкой плетеною
Его хватает, словно он подвешенный,
И снова будто ничего не падает.
Ум. А я тебе скажу и нечто большее,

Драматическая этопея Мануила Фила

- Он помещает мячик в ту же сеточку
И за спиной ее вращает с мячиком
И крутит так искусно, так пленительно,
Держа за ручку, правит он движение,
То побежит, то снова остановится,
А под конец умеет встать незыблемо.
- Фил. Ну, разве это – что-то необычное?
С мячом игру, как что-то уж особое
Представил ты – и вспомни о пословице –
900 «Крутить волчки» – сказать, пожалуй, нечего.
Тогда как венценосец нечто дивное
С вертявым колесом волшебно делает –
Когда сама природа отступается.
- Ум. Да, мне страшней железа то, что делает
Его порфира и деянья славные,
Но малое простым умам понятнее,
Изящное, приятное и тонкое,
Я обхожу сторонкой глыбы тяжкие,
Желая понабрать блестящих камешков,
910 Как мальчик малый, что ходить лишь учится.
- Фил. Но нет в нем ничего, что незначительно,
И даже пальмы лист, для свиста сорванный,
Который дети малые используют,
Иль астрагал, когда бросают кубики,
И треск ореха грецкого – ведь все это
В игре всегда имеет смысл особенный
И в оправданьях вовсе не нуждается.
- Ум. Нельзя построить дом, лишь только камни взяв,
Но известь создает сцепенье крепкое,
920 А без кормы и судно не сколотится,
И круг без центра ровно не очертится,
И без игры дитя не развивается –
Без бега по дорожке обучения,

- Из малого большое составляется.
- Фил. Любезный! В разговоре больше нет нужды!
Наш венценосец здесь, он приближается!
Вооруженный конник уж покинул строй,
Скорее, ум, вставай, скорее кланяйся,
Встречай его речами преискусными
- 930 И начинай похвал сраженья бурные
И дай от битв иных успокоение.
- Ум. О, как бы не навлечь мне порицание
За то, что усладит мне сердце детское?
Ведь он воспитан, выучен изысканно,
И выше он природы человеческой,
Что ново для природы века нашего,
Пред силой его слога необорного
Нет ничего, что можно спеть, достойного.
- Фил. Куда же ты, куда бежать ты целишься?
940 Ты как беглец на поле поражения,
На крыльях убежать отсюда силишься
И на сиротство бросить и оставить нас!
О, стой, вернись, твоим уменьем сызнава
Начнем хвалу, явив искусство большее!
Ведь видишь – благосклонен взгляд властителя.
- Ум. Нет, нет, я слаб, и жажду удалиться я,
Я не снесу позора поражения,
Лишь оскорблю его хвалами дерзкими.
Но вот теперь к тебе я возвращаюсь вновь!
- 950 Я вновь с тобой – зовешь – бегу на подвиг я,
Я снова твой, все верно снова вижу я
И, как учитель жизни, я с тобой стою.
- Фил. О ясный свет, что сердце озарил мое!
А может, сердце рода человеческого!
Откуда к нам, ничтожным в нашей дерзости,
Как новый Телемах наш, появился ты?

Драматическая этопея Мануила Фила

Ты склонен внять хвалам, тебе слагаемым,
Иль дерзостью моею возмущен? Скажи!
Хоть трепещу, но все узнать желаю я.

Великий Доместик

960   О, не дрожи! Но чувства совершенные
И все, что породит любовь разумная,
Не мало для того, кто мыслит с мудростью.
Отцу отраден лепет уст младенческих –
Уж так природа участь нам устроила.
И речь твоя похвальная умелая
Мне образец того, кто любит истинно.

ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ

ДИАЛОГ О ГЕРОЯХ

Действующие лица: виноградарь и финикиец.

1.1 В. Ты иониец, гость, или еще откуда?

Ф. Я, виноградарь, финикиец, из тех, кто живет близ Сидона и Тира.

В. А почему же ты по ионийски одет?

Ф. Так теперь принято и у нас, финикийцев.

В. И с чего же это вы все перерядились?

Ф. Всю Финикию захватил теперь ионийский Сибарис, – а там, кто не роскошествует, может, думаю, и под суд попасть

В.2 И куда же это ты идешь, высоко подняв голову и не глядя под ноги?

Ф. Мне, виноградарь, нужны знаменья и предсказания насчет благополучного плавания. Мы, говорят, плывем в само Эгейское море, а оно коварно, и плыть там, я думаю, нелегко, ведь иду я против ветра. А финикийцы всегда высматривают одно – приметы благополучного плавания.

В.3 Да, гость, в морском деле вы – знатоки: вот ведь и вторую медведицу различаете на небе и по ней держите курс. Правда, насколько вас хвалят как мореходов, настолько же и ругают как торговцев – говорят, вы плуты и большие любители денег.

Ф.4 Ну да, а ты их не любишь, виноградарь! Живешь себе среди этих лоз и вовсе не хочешь, чтобы тот, кто сорвал гроздь, бросил тебе за это драхму, не хочешь, чтобы тебе заплатили за молодое, сладкое вино или за выдержанное, с букетом? согласишься, что ты держишь кое-что закопанное в земле, как Марон?

В.5 О гость финикиец! Если живут где-то на земле Киклопы, которые, говорят, ничего не сеют, не жнут, а земля сама их, бездельников, кормит, и растет у них без всяких их усилий все – будь то и плоды Деметры и Диониса, то вот продать с такой земли было бы нельзя ничего: уродилось бы на ней только дешевое и незатейливое, что бывает на Свином рынке. А продавать – да так, чтобы купили – можно только то, что посеешь, вырастишь, будешь ухаживать, выполняя одно за другим все, что требует земля сообразно времени года. 6 Ведь для земледелия нужны деньги, без них не прокормится ни хлебороб, ни виноградарь, ни пастух, ни козопас, – иначе и чаши у тебя не будет, чтобы попить или совершить возлияние. Ведь даже самое приятное дело в земледелии – сбор винограда – и то надо делать за плату. А не то гроздь никакого вина не дадут, а будут без толку висеть себе, как нарисованные. 7 Впрочем, это я говорю так, вообще о наших земледельцах, ведь у меня-то самого все намного удобнее: с купцами я дела не имею, и что такое драхма знать не знаю, но я приобретаю или сам отдаю быка в обмен на хлеба, а козла – за вино и так далее, и при этом не тратя и не выслушивая лишних слов.

2.1.Ф. Молвишь ты о золотом рынке, виноградарь, достойного героя, а не простого человека. Но постой, чего хочет этот пес? Смотри, он трется мне об ноги и ласково прижимает уши!

В.2 А это он разъясняет тебе мой характер и говорит, что тех, кто сюда приходит, я встречаю приветом и добром и даже собакам велю не лаять, а ласково бросаться к ногам.

Ф.3. А можно мне кисточку винограда?

В. Сколько угодно! У нас его предостаточно.

Ф. 4 А фигу сорвать можно?

В. И это пожалуйста! Вон их сколько. А вот орехи, вот яблоки, вот множество других лакомств. Я выращиваю все это в придачу к винограду.

Ф. Чем же я отблагодарю тебя?

В.5 А ничем, кроме того, что поешь всласть, прихватишь с собой и уйдешь довольный.

Ф.6 Уж не занимаешься ли ты, виноградарь, философией?

В. Занимаюсь, и притом с прекрасным Протесилаем.

Ф.7 Да что же у тебя общего с Протесилаем, если ты говоришь о том самом, что из Фессалии?

В. Вот именно о нем я и говорю, о муже Лаодамии. А он слушает нас и радуется.

Ф.8 А что же он здесь делает?

В. Живет и вместе со мной занимается земледелием.

Ф. Так он что, ожил, или как?

В.9 Сам он, о гость, ничего не говорит о своих страданиях, кроме того, что погиб из-за Елены под Троей, а ожил, любя Лаодамию, во Фтии.

Ф.10 А рассказывают, что он умер, а после этого ожил и уговорил свою жену последовать за собой.

В.11 И он это рассказывает, а вот как он после этого вновь появился – мне это давно хотелось узнать – не рассказывает, храня неизречимую, по его словам, тайну Мойр. А те, что воевали вместе с ним под Троей, еще и теперь появляются на поле брани в образе воинов, в шлемах с развевающимися украшениями.

3.1.Ф. Ну, виноградарь, как я ни хочу поверить этому, но, – клянусь Афиной! – не верю! Послушай, если тебе сейчас не нужно сажать или поливать что-нибудь, расскажи ты мне все, что сам знаешь о Протесилае, ведь героям будет угодно, если я уйду отсюда, уверовав.

В.2 В полдень, о гость, растения уже не пьют. Ведь стоит осень, и она сама орошает. Так что время для рассказа у меня есть. Нельзя, чтобы от понимающих людей было скрыто столь божественное и великое. Хорошо бы нам устроиться в каком-нибудь уютном уголке.

Ф. Веди меня, и я последую за тобой хоть вглубь Фракии!

В.3 Пойдем в виноградник. – возможно, ты найдешь, что там неплохо.

Ф. Пойдем – там такой приятный аромат!

В.4 Да что ты говоришь – приятный? Божественный! На диких деревьях благоухают цветы, а на садовых – плоды. Если ты почувствуешь, что садовое растение источает аромат, но стоит без цветов – срежь побольше листьев: это они так пахнут.

Ф.5 Какая пестрая прелесть в твоём саду! Виноград так ярко горит, деревья так красиво расположились, и аромат по всему саду – амвросия! Однако ты оставил незасаженную площадку. Она, конечно, очень приятна, но мне кажется, виноградарь, это – роскошь, оставлять такую землю без дела.

В.6 Эта площадка священна, гость. Здесь упражняется герой.

4.1.Ф. Ну, про это ты расскажешь, когда мы усядемся там, куда ты меня ведешь. А сейчас скажи, у тебя здесь собственное хозяйство или есть у всего этого другой господин, и «ты лишь кормишь этого кормильца», как Ойней у Еврипида?

В.2 Из всего обширного поместья мне осталась лишь эта небольшая земля, что кормит меня отнюдь не скудно. Все же остальное у меня, круглого сироты, отняли сильные мира сего. Да и этот надел было захватил Ксинис из Херсонеса, но его забрал обратно Протесилай, который наслал на Ксиниса свой призрак, и тот, получив повреждение глаз, удалился отсюда слепым.

Ф.3 Да, добрый страж у твоего поля. Думаю, тебе не приходится страшиться и нападения волка, когда такой друг не дремлет!

В.4 Что правда, то правда. Никакого зверя он не пустит сюда, не даст проникнуть ни змее, ни скорпиону, да и сикофанту не позволит липнуть к моему наделу. – а уж до чего эта тварь зловредна, просто ужас, как она пакостит на форуме!

Ф.5 А как, виноградарь, ты научился такой речи? Мне ты не кажешься необразованным.

В.6 Я, гость, начало своей жизни провел в городе, посещал учителей, занимался философией. Но дела свои запустил – землю обрабатывали рабы, и мне они ничего не приносили, поэтому мне приходилось закладывать участки и терпеть нужду. 7 И тогда я при-

шел сюда и попросил у Пентесилая оракул, а он, в справедливом гневе на то, что я оставил его и жил в городе, безмолствовал. 8 Тогда я стал его неотступно молить, говоря, что если он меня покинет, я погибну, и он, наконец, изрек: «Переоблачись!» 9 В тот самый день это до меня не дошло, но позже, хорошенько поразмыслив, я понял, что он повелевает мне переменить образ жизни. 10 Вот с чего я и кожаную сумку приладил, и мотыга при мне, и в город дорогу позабыл. Зато на участке моем все родится в изобилии, а если у меня заболит ягненок, или дерево, или с ульем что случится – врачом тут Протесилай. Да я и сам, живя вместе с ним и занимаясь землей, становлюсь мудрее – ведь его мудрости хватает и на меня.

Ф.11 О сколь ты счастлив, имея такое общение и такой надел, раз уж пожинаяешь на нем не только гроздь и маслины, а мудрость, божественную и чистую. Послушай, а не оскорбляю ли я в тебе мудрости, когда называю тебя виноградарем?

В.12 Нет, так и зови. Ведь Протесилаю будет приятен человек, который называет меня виноградарем, садовником или в этом роде.

5.1 Ф. Сажи, виноградарь, вы прямо здесь общаетесь друг с другом?

В. Да, гость. А как ты догадался?

Ф.2 Мне показалось, что это – самое прелестное, самое божественное место в твоём владении. Не знаю, можно ли здесь ожить, но вот жить здесь тому, кто покинул толпу – самое сладостное и безмятежное. 3 Ведь тут и деревья повыше других, и вода в родниках как бы разная на вкус, словно напитана где одним, а где другим ароматом. Да ты и беседку вырастил, сплетя и приладив деревья – она как венок с некошенного луга, сравнение это придет в голову любому.

В.4 Э, да ты еще соловьев не слышал, о гость, как они тут заливаются по вечерам и на утренней заре.

Ф.5 А мне прямо чудится, что я их слышу, и поют они не траурные френы, а распевают песенки. Однако поведай же мне о героях! Это слушать мне еще приятней, чем соловьев. Не пригласишь ли ты меня где-нибудь тут расположиться?

В. Не я, а сам добрый герой приглашает тебя, оказывая свое гостеприимство в сем священном месте.

Ф. Я останавливаюсь тут. Для желающего послушать серьезный рассказ это место – просто подарок.

6.1. В. Ну, гость, задавай любой вопрос, и ты скажешь, что пришел не зря. Вот ведь и Одиссею, когда он блуждал вдали от корабля, повстречался Гермес или кто-то из его мудрецов, вступил с ним в беседу и оказал ему помощь и, похоже, этому способствовало растение моли. А тебя через меня Протесилай наполнит рассказом, и расскажет все и приятней, и мудрее. А ведь много узнать – стоит многого.

Ф.2 Но я то, почтеннейший, вовсе не заблудился, и пришел я по внушению бога, клянусь Афиной. И теперь я, кажется, начинаю понимать свой сон.

В. А что это за сон? Похоже, ты собираешься рассказать что-то из области божественного.

Ф.3 Ну так вот. Плыву я из Египта в Финикию уже вроде 35-й день. И на стоянке в Элеунте снится мне, что читаю я то самое место из Гомера, где он дает каталог ахейцев, и будто бы я приглашаю всех ахейцев взойти на корабль, а он как будто вмещает всех сразу. От этого сна я вскочил, потому что меня прямо дрожь пробрала, – и я истолковал его так, что он сулит дальнейшее и затяжное плавание, потому что увидеть мертвых – к задержке, когда спешишь. Но мне все-таки хотелось получить толкование этого сна и, поскольку ветер все еще плыть не позволял, я удалился прочь от корабля сюда, а по дороге я первым встретил, как видишь, тебя; и вот мы с тобой рассуждаем о Протесилае! А о каталоге нам еще предстоит говорить, и так обещание сбудется – ведь перечислять их – все равно, что сажать всех на один корабль.

7.1. В. Да, поистине пришел ты по воле бога, а сон свой ты толкуешь совершенно здраво. Но давай обратимся к рассказу, чтобы ты не говорил, будто я, прихвастнув, увожу тебя в сторону от него.

Ф.2 Я жажду узнать все, что тебе известно. Мне просто необходимо услышать, как ты общаешься с Протесилаем, каков он, рассказывает

ли он о троянских делах только то, что поэты, или знает больше. А троянскими делами я называю вот что: сбор всего воинства в Авлиде и перечисление всех по отдельности, и в самом ли деле они так храбры, прекрасны и мудры, как о них поют. Ведь как ему рассказывать о самой войне, что велась под Троей, раз он не успел в ней участвовать? Он же пал первым из эллинов при самой, говорят, высадке?

В.3 Наивный ты человек, гость. Ведь для божественных и блаженных душ освобождение от тела и есть начало жизни. Ведь тогда они, став спутниками богов, познают их не через знамения и почитание кумиров, а вступают уже в прямое с ними общение. Теперь свободные от болезней и бремени тел, души принимают на себя и мантическую мудрость, и прорицают в боговдохновении.

4 Стало быть, существует ли кто-либо из глубоких знатоков Гомеровых поэм, кто мог так же прочесть и проникнуть в них, как это сделал Протесилай? 5 До Приама и Трои, о гость, не существовало пения эпических песен и, пока эти события не произошли, песен не слагали. Стихотворство применялось в искусстве прорицания и в сказаниях о Геракле, сыне Алкмены, и тогда оно лишь недавно возникло и еще не достигло расцвета. В то время Гомер еще не слагал своих песен, а произошло это, по мнению одних, после разрушения Трои, по мнению других – через несколько, а то и через восемь поколений после этого. 6 Таким образом, Протесилай знает все, что есть у Гомера, но поет он многое о троянских событиях, что продолжает Гомера, и многое из греческой и мидийской истории. Так, например, он называет поход Ксеркса третьей катастрофой рода людей после того, что случилось сначала с Девкалионом, а потом с Фаятоном, когда было истреблено большинство человечества.

Ф.7 Да ты, виноградарь, способен наполнить и рог Амалфеи, столько ты знаешь от своего друга, – ведь ты честно расскажешь все так, как от него слышал!

В.8 Клянусь Зевсом, – я оскорблю любомудрого и правдолюбивого героя, если погрешу против истины, которую он всегда называет матерью добродетели.

Ф.9 Мне думается, что перед тем, как ты станешь рассказывать, я должен признаться тебе в своем несчастье – я ведь, знаешь ли, не верю в баснословное. И вот причина: я не встретил ни одного человека, кто видел бы такие вещи своими глазами, все говорят, что слышали от других, либо думают так, либо ссылаются на поэтов. И то, что говорят о росте героев – мол, они были в десять локтей в вышину – я считаю, уместно в мифологии, но ложно и невероятно, если смотреть с точки зрения природы, по мерке теперешних людей.

В.10 А когда ты стал считать это невероятным?

Ф. Да уж давно, виноградарь, еще отроком. В детстве то я еще во все это верил, моя няня рассказывала мне мифы, приятно их распевая и проливая в иных местах слезу. Когда же я повзрослел, то стал думать, что все это нельзя принимать на веру.

В.11 А о Протесилае и о том, что он здесь появляется, тебе доводилось смышать?

Ф. Откуда! Да и сейчас, слушая тебя, я не верю!

В.12 В таком случае, начну я свой рассказ с того, что тебе давно кажется невероятным, раз ты говоришь, что не веришь, будто существовали люди ростом в десять локтей. И если ты воспримешь это как должное, тогда требуй и остального рассказа о Протесилае и троянских делах, если недоверия у тебя уже не будет.

Ф. Верно ты говоришь. Давай так и сделаем.

8.1. В. Ну, слушай. Был у меня дед, гость, и знал он много такого, во что ты не веришь, и вот он то и говорил мне, что некогда море размыло гробницу Аякса – а она была на берегу – и там показались кости человека ростом в одиннадцать локтей. И мой дед рассказывал, что император Адриан, прибыв в Трою, захоронил эти кости, соорудив Аяксу ту гробницу, что существует и поныне, и при захоронении припал к костям с поцелуем.

Ф.2 Нет, виноградарь, не зря я не верю таким вещам. Вот ведь и ты говоришь только то, что слышал от деда, а может, от матери или няньки, – от себя же не сообщаем ничего, кроме того, что рассказываешь о Протесилае.

В.3 И все-таки вряд ли был баснословным труп Ореста в семь локтей, который, говорят, нашли в Тегее лакедемоняне, равно как и останки того неизвестного героя, который был захоронен в Лидии еще до Гигеса – лежал он в полости медного коня, и это чудо увидели лидийские пастухи и Гигес вместе с ними после обвала во время землетрясения. Во чреве коня с обоих боков были дверцы, а внутри лежал труп, по величине больше всех человеческих возможностей. 4 Впрочем, к этому ты можешь не иметь веры, так как это было давно, но не знаю, найдутся ли у тебя возражения на то, что есть в наши дни. 5 Вот, не так давно при обвале высокого берега реки Оронта в Ассирии обнаружился лежавший в земле труп человека в 30 локтей. Это был Ариад, одни говорят – эфиоп, другие – индеец. 6 А вот еще пример – это было меньше пятидесяти лет тому назад – здесь, в Сигее, обвалилась оконечность мыса и показалось тело гиганта, которого, как дал оракул Аполлон, сам он и убил, когда тот стал с ним сражаться за Трою. И я, гость, сам приплыл в Сигей, увидел и обвал земли и гиганта, каков он был. Тогда многие плавали туда посмотреть – жители Геллеспонта и ионийцы. И все островитяне, и вся Эолия. Так и лежал он, огромный, на мысу месяца два, и все говорили о нем самое разное, пока, наконец, не был получен оракул, который все прояснил.

Ф.7 Не расскажешь ли, виноградарь, поподробнее, какого он был роста, как у него складывались кости, и правду ли говорят, что с гигантами тесно связаны змеи, которых живописцы изображают рядом с Энкеладом и другими?

В.8 Нет, гость, не знаю я, бывают ли такие чудеса и встречаются ли змеи в их останках. Тот, кого я видел на Сигее, росту имел примерно 22 локтя и лежал в каменистой расселине, головой в сторону материка, а ногами в сторону мыса. Никаких признаков змей мы не видели, а остов его ничем не отличался от человеческого. 9 Правда, был такой случай: мой хороший знакомый, Гимней Пепаретийский, года четыре назад послал ко мне одного из своих сыновей, чтобы через меня вопросить Пентесилая о некоем чудесном явлении. Дело

было вот в чем: однажды он копал виноградник, у себя на острове Икосе, которым владеет единолично, и вдруг земля начала осыпаться, словно внизу была пустота. Они принялись раскапывать это место, и оказалось, что там лежал мертвец ростом в 12 локтей, а в черепе его жил змей. 10 Вот юноша и пришел узнать, что теперь с ним делать, а Протесилай на это изрек: «Давайте укроем гостя», повелевая тем самым захоронить кости и самим больше их не обнажать. Сообщил он еще, что это – гигант из числа истребленных Зевсом. 11 А гигант, что был обнаружен на Лемносе – это Менекрыт Стейрийский его нашел – был больше всех, и я сам видал его в прошлом году, когда плыл с Имброса – до Лемноса ведь там недалеко. Кости его, правда, уже лежали в беспорядке, позвонки были друг на друге, ребра отделились от позвонков – думаю, во время землетрясения. Однако, если попытаться представить по этим частям все целое, размеры его покажутся поразительными, неопишными. По крайней мере, когда мы стали наливать в его череп вино, то нам не хватило и двух критских амфор. 12 А на юге Имброса есть мыс – называется он Навлох – и там впадает в море источник, который пьющих из него самцов делает оскропленными, а самок опаивает допьяна настолько, что они валятся тут же спать. Так вот, там однажды обвалился кусок земли, и на свет показалось тело огромного гиганта. Если не веришь, давай поплывем туда – гигант еще так и лежит там незахороненным, а плыть до Навлоха недалеко.

Ф.13 Я, виноградарь, хоть за Океан готов отправиться, лишь бы такое чудо увидеть, да вот торговые мои дела не дают от них отойти – приходится быть привязанным к кораблю, прямо как Одиссей. Иначе все будет пропадать, как говорится, что с носа, что с кормы.

В.14 Если тебе нужны доказательства правдивости моих слов, прежде всего можно поплыть на остров Кос, поскольку там лежат кости землеродных, как говорят, первых Меропов. Затем во Фригии можно увидеть останки Гераклова Гиля, а в Фессалии – клянусь Зевсом – Алоадов, они величиной в целых девять сажень, прямо как о них поют. 15 А в Италии жители Неаполя показывают как чудо кости

Алкионея. Говорят, что именно там погибло много гигантов, и как раз над ними гора Везувий дымится до сих пор. 16 И в Паллене – поэты называют ее Флегрой – говорят, земля хранит много останков гигантов, что бились тут в сражении, и не раз ливни и землетрясения их обнажали. Не сыскать такого пастуха, который бы отважился пойти в это место в полдень, когда появляются призраки, с ума можно сойти, как они там буйствуют.

17 Всему этому должно быть не меньше доверия, нежели тому, что Геракл, когда убил в Эрифии Гериона, а это было самым большим его подвигом, то поместил кости Гериона в Олимпии, чтобы в его подвиг поверили все.

Ф.18 Ну и счастливец же ты, виноградарь, столько ты заешь! А я то о многом и понятия не имел, вот и не верил по глупости. Однако расскажи теперь – как же Протесилай? Ведь уже можно перейти к этой теме – недоверия больше нет!

9.1 В. Ну, так слушай, гость, Протесилай покоится не в Трое, а здесь, вон, слева, в Херсонесе. Видишь слева, вон там, высокий курган, так он под ним, а вот эти вязы вокруг могильного холма посадили нимфы, и они же установили для этих деревьев такой закон: 2 ветви, что растут обращенными в сторону Трои, рано зацветают, а затем тотчас теряют листья и гибнут, как это было бедой самого Протесилая. С других же сторон дерево все так же живет и здравствует. 3 И все деревья, кроме тех, что окружают могилу, сколько их ни на есть в саду, спокойно цветут себе всеми своими ветвями.

Ф.4 Да, я их вижу, виноградарь, и хоть и надо было бы удивляться, я не удивлен, ведь божественное мудро.

В.5 А сей храм, в котором при наших предках бесчинствовали персы, говорят, обладал тем свойством, что в нем оживали набальзамированные тела, и ты, гость, верь этому. Как видишь, сейчас от него мало что осталось, а в свое время, думаю, он был хорош и не мал, если судить по фундаменту. 6 А вот эта статуя прибыла сюда на корабле: видишь, ее постамент имеет форму корабельного носа – ведь установил ее один наварх. Время, равно как, клянусь Зевсом, и

атлеты перед отправкой на состязания, запечатлевая свои обеты, изрядно ее потрепали, изменив облик. 7 Но мне это правда ничего, я ведь общаюсь с ним самим, вижу его своими глазами, так что никакая статуя для меня не будет приятнее его самого.

10.1. Ф. А не мог бы ты мне его описать и показать, какова его наружность?

В.2 Да с радостью, гость, клянусь Афиной! Отроду ему самое большее лет двадцать, таким он прибыл под Трою – щеки его густо одел первый нежный пушок, аромат от которого приятнее запаха осеннего мирта. Смотрит он светло и весело, как свойственно его приветливому нраву. Когда же он озабочен, то взгляд его строг и пронзителен, но если он безмятежен – ах, как тогда ласковы и приветливы его глаза! 3 У него густые светлые волосы, они скорее обрамляют лицо, чем падают на спину. Форма носа – такая же совершенно, как у его статуи, голос его звучней трубы, а рот небольшой. 4 Всего отраднее видеть его во время упражнений – он складный и легкий, как гермы на беговых дорожках. Ростом он локтей десять и, думаю, подрост бы еще, если бы не умер так рано.

Ф.5 Ну, вот я и увидел юношу, виноградарь. Я прямо завидую тебе, что имеешь такого друга. А он во что-нибудь одет? Или как?

В. Носит он, гость, хламиду на фессалийский манер, как эта статуя. Хламида эта божественного пурпурного цвета, совершенно несказанного.

11.1. Ф. А любовь то его к желанной Лаодамии, как она теперь?

В. Любит он ее, и любим в ответ, и относятся они друг к другу, как пылкие новобрачные.

Ф.2 Скажи, а ты при встрече его обнимаешь, или он ускользает словно дым, как сказано у поэтов?

В. Он бывает рад, когда я обнимаю его, и позволяет себя поцеловать, ведь кожа-то у него есть.

Ф.3 Он часто приходит, или его подолгу не бывает?

В. Вижусь я с ним, пожалуй, четыре-пять раз в месяц, когда ему вздумается посадить что-нибудь в саду, или сорвать плод, или срезать

цветов. Он ведь охотник до венков и, когда появляется здесь, цветы становятся еще краше.

Ф.4 Тебя послушать, так этот герой – веселый, прямо жених!

В. А какой он, гость, скромный! Он по летам своим любит посмеяться, но обиды не причинит никогда. Да и за мотыгу сам не раз брался, если я, копая, наткнулся на камень, и в других случаях, когда мне трудно, он мне помогает, а коли я в своих земледельческих работах делаю что-нибудь неправильно, он меня поправляет. 5 Вот, например, я неправильно понял Гомера и сажал высокие деревья не особенно глубоко в почву. Протесилай стал меня за это порицать, я в ответ привел слова Гомера, на что он возразил: «Сам Гомер указывает способ, противоположный твоему – ведь он знал, что у мудрости глубины велики, и поэтому называл колодцы "большими" только тогда, когда они были глубоки,» и научил, что деревья нужно как можно глубже вводить в почву, чтобы они крепче стояли и меньше качались.

6 А в другой раз он посетил меня, когда я поливал цветы. «Дружище,» – сказал он, – «миро не требует воды,» и научил не заливать цветы при поливке.

Ф.7 А где же он живет все другое время, виноградарь?

В. То в Аиде, гость, то, говорит, во Фтии, а порой и в Трое, где у него товарищи. Ходит он и охотиться на кабанов и оленей, в полдень возвращается и спит.

Ф.8 А где он видится с Лаодамией?

В. В Аиде, гость. Он говорит, что она находится в обществе почитаемых женщин, таких, как Алкеста, жена Адмета, Эвадна, жена Капанея, и других, столь же премудрых и почтенных.

Ф.9 А бывает, что они вместе пируют, или это нельзя?

В. Нет, гость, мне не довелось видеть, чтобы он вкушал пищу и пил, хотя я в его честь каждый вечер совершаю возлияния вот этими тасийскими гроздьями, которые он сам выращивает, а в полдень я всегда кладу ему спелые плоды, летом и осенью. Весной же, в пору, когда луна прибывает, я наливаю в этот психтер молоко и говорю:

«Вот тебе влага, а ты попей!» и поскорее отхожу, и все, что я оставил, в мгновение ока бывает выпито и съедено.

Ф.12.1. А что он говорит насчет того, что ему пришлось так рано умереть?

В. Сожалеет он, гость, о своей смерти и считает, что находился во власти завистливого и несправедливого демона, что не позволил ему твердой стопой встать на троянскую землю. Ведь в искусстве воевать он ничуть не был хуже ни Диомеда, ни Патрокла, ни второго Аякса, 2 а Эакидам, говорит он, уступал только в силу своего возраста, ведь сам он был еще отроком, тогда как Ахилл уже достиг юношества, а Аякс был зрелым мужем. 3 То, что о нем говорит Гомер, он одобряет, хотя и не все, а именно, что его супруга от горя расцарапала себе щеки, дом остался недостроенным, что из-за корабля, на котором он прибыл, разгорелась битва, а его самого называет воинственным. 4 О себе же он скорбит не потому, что ничего не свершил в Трое, а потому, что пал на землю, на которую не ступил; говорит, что поражен он был в бедро, правда, рана, говорит он, исчезла вместе с телом.

Ф.13.1. А как, виноградарь, он упражняется? Ты ведь говорил, что он и этим занимается.

В. Он занимается всеми видами военных упражнений, кроме стрельбы из лука, и всеми гимнастическими, кроме борьбы, потому что считает, что стрелять из лука – удел трусов, а бороться – ленивцев.

Ф.2. А как же он занимается кулачным боем или панкратием?

В. Он упражняется в этом с тенями, о гость. А в метании диска достигает гораздо большего, чем в бытность человеком. Он закидывает его выше облаков и на расстояние ста локтей, что, как видишь, вдвое больше олимпийского счета. А когда он бежит, то и следов его не увидишь, ноги и земли не касаются.

Ф. А на дорогах есть следы какого-то исполинского героя – в десять локтей.

В.3. Ах, гость, одно дело – его следы, когда он идет, а другое – когда упражняется. Во время бега он на земле следов не оставляет, он словно парит и несется, как вихрь. Он рассказывает, что в Авлиде

он бегал наравне с Ахиллом на состязаниях, которые Греция устроила, отправляясь под Трою, а прыжки его были выше. 4 В военном искусстве, как он сказал, Ахиллесу он уступал, за исключением битвы с мисийцами – тут он перебил их больше и взял награды. Одержал он верх и в состязании за щит.

Ф.14.1. Это какое же состязание за щит, виноградарь? Ведь у поэтов об этом ничего не говорится, и ни в какой рассказ о троянских событиях это не входит.

В. Так можно сказать, гость, о многом. Ведь многое из того, что герой рассказывает о мужах и событиях войны, большинству еще неизвестно. 2 Вот и причина. Он говорит, что в своей страсти к поэмам Гомера большинство людей, глядя только на Ахиллеса и Одиссея, пренебрегают добрыми и смелыми людьми, чтоб одних и вовсе не помнить, а другим Гомер посвящает «трирему» из четырех стихов. Герой говорит, что Ахиллес прославляется в песнях достойно, но Одиссей слишком долго. 3 А чуть позже я расскажу тебе все, что осталось недосказанным о Сфенеле, Паламеде и другим подобным мужам, чтобы ты не ушел, не зная ничего о них. Через миг мы завершим историю о мисийцах, в которую входит история о щите. 4 Но теперь, поскольку мы упомянули панкратий, кулачный бой и метание диска, которые вернут нас к щиту, ты услышишь чудные дела, совершенные нашим героем для атлетов, которые советовались с Протесилаем. Например, ты слышал, я думаю, о киликийском атлете в панкратии, которого наши отцы звали «Груз», как мал он был, действительно, намного меньше, чем его противники.

Ф.15.1. Я, конечно, знаю его, ведь его бронзовые статуи стоят во многих местах.

В. У него были превосходные приемы и смелость, и он был очень силен из-за складности тела. 2 Когда молодой человек прибыл в святое место (он отплыл прямо в Дельфы испытать силу), он спросил Протесилая, как ему справиться с противниками. Тот сказал: «Быть растоптанным». 3 Несмелость немедленно охватила атлета, как будто оракул сбил его с ног. Но после того, как он впервые понял

движения ног во время состязания, он осознал тогда, что оракул приказал ему не отпускать ногу его противника. Тот, кто сражается с пяткой, должен быть неоднократно тесним и оказываться под своим соперником. Применив этот прием, сей атлет прославил свое имя и никогда никому не проиграл. 4 Скажи, а тебе доводилось слышать о Плутархе, ну, этом счастливице?

Ф. Да, ведь ты, кажется, говоришь о кулачном бойце?

В.5 Так вот, собираясь выступить на второй Олимпиаде, он обратился к герою с просьбой дать оракул о победе, и тот повелев взомнуться к Ахелою, покровителю состязающихся.

Ф. Что же это за такая загадка?

В.6 Плутарху довелось сражаться в Олимпии с Гермием египтянином за венок. Бойцы уже изнемогали – один от полученных повреждений, другой от жажды – ибо кулачный бой проходит в палящий полдень, и вдруг над стадионом туча разражается дождем, и тогда Плутарх утоляет свою жажду, высасывая воду из обертывающих его предплечья ремней. Тут ему на память пришел оракул, и – это он потом сам рассказывал – он вошел в раж и выиграл бой. 7 А если бы тебе довелось видеть, как кулачный бой вел этот египтянин, ты бы просто подивился его силе, а ведь Плутарху, вопросившему, каким образом избежать поражения, был ответ: «Презирая смерть».

Ф. И он послушался оракула, о виноградарь, и, настроив себя таким образом, многим кажется адамантовым и даже божественным.

В.8 Атлет же Геликс сам пока еще не приплывал сюда, но кое-кого из товарищей присылал, чтобы послушать оракул, сколько раз он одержит победу в Олимпии. Ответ был таков: «Дважды победишь, если не захочешь победить трижды».

Ф.9 Поразительно, виноградарь, ведь ты, кажется, собираешься рассказать то, что и впрямь случилось однажды на Олимпийских играх. Ведь на счету у этого атлета в прошлом уже была одна победа, когда он, только выйдя из юношеского возраста, готовясь, победил в борьбе, а в этой Олимпиаде он выступил и в борьбе и в панкратии, и элейцы, разозленные этим, и стали запрещать ему выступать в

обоих видах, обвиняя в нарушении законов Олимпийских игр, так что насилию присудили ему победу в панкратии. 10 Вот против этой-то зависти Протесилай его и остерегал, зная, что именно зависть – враг выдающихся мужей.

В. Да, гость, вот это и есть лучшее подтверждение оракула.

Ф.16.1 Скажи, какие болезни врачует Протесилай – ты ведь говорил, что многие к нему с этим обращаются.

В. Все, какие есть, но особенно чахотку, водянку, разные заболевания глаз и четырехдневную лихорадку. 2 Можно и влюбленным тоже обращаться к нему, ведь он весьма сострадает несчастливым в любви и научает средствам и заговорам, которые помогают приворожить свой предмет любви. Однако прелюбодеям помощи в любовных делах никакой! Он говорит, что не выносит их, потому что они оскверняют самое любовь. 3 Явился сюда как-то один прелюбодей вместе с той женщиной, которую он познал, и они хотели клятвенно скрепить свой союз против ее мужа, который тоже был здесь, но пока еще ни о чем не догадывался – дело было в полдень, и он прилег отдохнуть, а эта парочка подошла к алтарю и стала приносить клятвы...

Ф. Ну же, а Протесилай?

В.4 А Протесилай напустил вот эту собаку, хотя, видишь, какая она хорошая. И она сзади набросилась на них, когда они собирались совершить клятвы, и обоих искусала, таким образом воспрепятствовав клятвам любодеев, Протесилай затем дал знать о происходящем мужу и приказал ему не быть беспечным по отношению к себе, ибо укусы, подобные этим, неизлечимы, и ему надо поскорее спасти себя и свой дом. Ведь боги знают все, герои же, хоть ведают и меньше, чем боги, но все же больше, чем люди.

5 А если бы я вспомнил с точностью всю огромную толпу народа, что стекалась сюда, то набралось бы не меньше, чем те во Фтии и Фулаке, что владеют многим в Фессалии, кстати, особенно, ибо они и святилище это воздвигли Протесилаю, а он, со своей стороны, всегда благосклонно и ласково дает ответы фессалийцам и сердится, если они проявляют небрежение.

Ф.6 Клянусь Протесилаем, виноградарь, ты меня убедил. К тому же, я вижу, что клясться этим героем – прекрасно.

В.17,1 Да, гость, не веруя, ты согрешишь. Должно быть, ты лучше меня знаешь Амфиарая, живя недалеко от Киликии, о котором говорят, что земля держит в мудром святилище его и Амфилоха, его сына. 2 Смотри не погреси и против Эванфова Марона, который живет в виноградниках Исмара и обрабатывает их так, что они дают сладкое вино, а земледельцы видят, как он прекрасен, нежен, как благоговенно его дыхание. 3 Следует также знать и фракийца Реса, ведь тот самый Рес, которого под Троей сразил Диомед, говорят, живет в Родопе, и про его чудеса ходит много рассказов. Говорят, что он выращивает коней, воюет как гоплит и охотится на крупного зверя. 4 Знак того, что он охотится, таков – на его алтаре можно найти кабанов и ланей, обитающих в горах, притом двух-трех, и нет на них никаких веревок, словно они сами пошли под нож. 5 Говорят, что этот герой охраняет местность и от повальных болезней, – и поэтому и Родопа, и окрестные деревни вокруг святилища очень многолюдны. 6 Потому-то Диомед и хотел прославиться сам, вместо своих воинов, раз уж этот фракиец, которого он убил, якобы ничего славного не совершил и не взял ничего достойного упоминания, кроме белых коней. И, проезжая Родопу и по Фракии, нужно совершать Ресу жертвоприношения, дабы не оскорбить того, кто творит божественные и прекрасные дела, полагая, что приписываемая им слава баснословна.

Ф.18.1 Да, виноградарь, теперь я с тобой полностью заодно, и никто не усомнится в том, что ты говоришь. Однако расскажи, пожалуйста, когда ты видел тех, кто, построившись боевым строем, проходили по Илионской равнине?

В.2 Я сказал, что их видели и раньше, видят и теперь пастухи и волопасы на поле, видят их – огромных, божественных, как они летят, и это бывает к какому-то несчастью для этой местности. Так, если призраки покрыты пылью – это предвещает засуху, а если истекают потом – это к ливням и наводнениям, а если по ним или их оружию

струится кровь – значит, в Илион насылаются болезни. Если ничего особенного в призраках нет – значит, они несут хорошую погоду, и пастухи совершают в их честь жертвоприношения, закалявая, кто что пасет – барашка, быка или коня.

3 Говорят, что на стада болезни насылает Аякс – я полагаю, так считается из-за его безумия, ведь после того, как ахейцы приняли то самое решение не присуждать ему доспехи, он, обезумев, напал на стадо и перерезал его, мня, что перед ним ахейцы. Никто и поныне не решится пасти стадо около его могилы – там растет болезнетворная и вредная для животных трава. 4 Рассказывают, что однажды троянские пастухи, у которых заболели овцы, стали оскорблять Аякса, окружили его могилу и стали называть его врагом Гектора, троян и пастухов, и даже обзывали его – один сумасшедшим, другой говорил, что он буйствовал, третий – что он бесчинный. Затем они, разойдясь, стали буйствовать, а самый бесчинный из пастухов запел

«Аякс же не остался»²³

И до того места, где в поэме говорится о нем, как о трусе. И тогда из могилы раздалось громко и ужасающе: «А вот и остался». Говорят, что при этом он громыхнул оружием, как бывало в бою. 5 Ужас этих злосчастных не должен вызывать удивления, раз они были трояне и пастухи; движение Аякса в высшей степени их потрясло, и одни падали ниц, другие затряслись от страха, третьи кинулись прочь с пастбища. А вот что и достойно удивления, так это действия Аякса – никого из них он не умертвил, а всего лишь положил конец их бесчинствам, явственно давая понять, что все прекрасно слышит. 6 Вот Гектору, насколько я знаю, такая добродетель, гость, была недоступна – ведь в прошлом году, когда какой-то мальчишка, впрочем, совсем, говорят, зеленый и необтесанный, вздумал его оскорблять, Гектор на него двинулся, прикончил его на дороге и выбросил дело своих рук в реку.

Ф.19.1 Ничего я об этом не знаю, виноградарь, и слова твои для меня поразительны. Я то думал, что герой этот вовсе не показыва-

²³ «Илиада», XV, 727.

ется и, когда ты рассказывал мне об элинах, я с огорчением думал о Гекторе, что о нем ничего не рассказывают ни козопасы, ни пахари, а лежит он просто, безвестно для людей. 2 Вот про Париса я и знать ничего не хочу, столько таких славных людей из-за него погибло. Гектор же был оплотом троянцев и всех союзников, правил четверкой коней – как никто из героев, сумел поджечь ахейские суда, всегда бился перед строем и поднимал войско на атаку. Ну, как же мне не расспросить о нем, как не хотеть послушать, если бы ты только мог рассказать о нем не вскользь, не мимоходом?

В.3 Ну, хорошо, послушай, я расскажу более подробно, чтобы ты не считал, что я рассказываю это небрежно. В Илионе стоит статуя Гектора. Она изображает человека-полубога и сама ясно выражает многие его качества тому, кто смотрит на него прямо. Создается образ человека, полного уверенности в своих силах, пылкого, светлого, сила которого сочетается с изяществом, в том возрасте, когда еще не носят длинные волосы. Исходит от нее нечто такое, что зрителю так и хочется эту статую обнять. 4 Стоит она в Илионе на видном месте и приносит много блага как городу, так и отдельным лицам, так что к ней и мольбы обращают, и посвящают ей состязания как жертву, а когда соревнование становится особенно жарким, с Гектора, говорят, словно пот капает.

5 Так вот, однажды некий молодой ассириец, приехавший в Илион, стал поносить его и припоминать, как Ахилл влачил его. Он, поднеся к статуе браслеты, которые Гектор когда-то носил, а потом их получил Ахилл, припел камень Аякса, получив удар которым Гектор вскоре умер; говорил, что от Патрокла он сначала убежал, и что убили-то Патрокла другие. Стал он болтать, что и статуя эта изображает не Гектора, а, говорил он, Ахилла – это, мол, ясно по волосам, которые острижены здесь в честь Патрокла. 6 Вдоволь натешившись, юнец выехал из Илиона, и не успел он пройти и десяти стадий, как вдруг небольшая речка, которой и названия то трояне не дали – такая она мелкая, разливается в большую реку, и, как сказали его сбегавшие служители, ведет за собой ее воды некий огромный гоплит,

страшным голосом на варварском наречии повелевая им устремиться на дорогу, по которой мчался тот молодой человек на четверке небольших лошадей. 7 Тут поток подхватывает их вместе с юнцом – он вопит, наконец, столкнувшись с призраком Гектора, после чего река возвращается в свое русло, погубив юнца, да еще и отказав в погребении. Потому что тело его исчезло неизвестно куда и, насколько я знаю, так и не было найдено.

Ф.8 И все же, виноградарь, как не стоит удивляться, что Аякс сдержался с этими пастухами, так не нужно считать, что Гектор вел себя варварски, не стерпев этого мальчишку. 9 Пастухов еще можно как-то извинить – ведь они были трояне, да и скот у них болел, погибая близ его могилы. А какое прощение может быть ассирийцу? Его послали с посольством, у Ассирии с Троей никогда не было войн, и скот им Гектор не губил, как Аякс троянцам!

В.20.1 Вижу, гость, ты, кажется, от Гектора под впечатлением – что ж, я не желаю вступать с тобой в разногласия. Давай-ка лучше вернемся к Аяксу, ведь, кажется, именно на этом месте мы сделали отступление.

Ф. Да, виноградарь, отсюда, и, раз ты считаешь нужным, вернемся.

В.2 Ты только послушай, гость: как-то раз в гавани у Аянтеяона пристал корабль, и двое приезжих, забредя на могилу Аякса, стали играть в кости. Тут им является Аякс и говорит: «Во имя богов, прекратите эту игру! Она напоминает мне о деяниях мудреца Паламеда, моего дорогого друга. А погубил и меня, и его один и тот же враг, что нашел против нас неправый суд».

Ф.3 Не могу сдержать слез, клянусь Гелием, виноградарь! Да, у них, что любили друг друга, и участь оказалась сходной. Ведь дружба хороших людей нередко рождает зависть, когда другие видят, как достойные делят друг с другом беду, любят и страдают друг другу. 4 А скажи, ты не слышал ли, чтобы в Трое видели призрак Паламеда?

В.21.1 Среди тех, кто показывается, нельзя разобрать, где кто – их много, и вид их, возраст и оружие изменчивы. Впрочем, о Пала-

меде я кое-что знаю. 2 Был в Трое один земледелец, он сам мне именно об этом кое-что рассказывал. Так вот, этот человек очень близко к сердцу принимал участь Паламеда и оплакивал его. Он часто ходил на тот берег, где, по преданию, ахейцы забросали Паламеда камнями, и где, люди считали, его могила – он сделал насыпь. Он выбирал лучшие гроздья винограда и приносил их Паламеду в кратере, говоря, что, отдыхая от трудов, пьет вместе с Паламедом.

3 У него также была собака, которую он специально научил с ласковым видом нападать на людей, так он назвал ее Одиссеем и бил ее за Паламеда, и выслушивал этот Одиссей от хозяина бесчисленные проклятья. 4 И вот однажды Паламед решил зайти к этому своему почитателю и сделать для него что-нибудь хорошее. 5 И впрямь – как-то раз, когда тот был в винограднике и лечил коленце на лозе, Паламед, встав с ним рядом, сказал: «Ты не узнаешь меня, о земледелец?» «Откуда мне знать тебя», ответил тот, «когда я тебя в жизни не видел!» «Так что же, ты любишь того, кого и не знаешь?» 6 Тут до земледельца дошло, что это Паламед – у героя был величественный вид, он был прекрасен, мужествен, и не старше лет тридцати. Тогда он с улыбкой припал к герою и сказал: «О Паламед, люблю я тебя! Потому что для меня ты – самый умный из всех, кто когда-либо родился, ты справедливейший борец за дело мудрости, и претерпел ты ужасную участь из-за козней против тебя Одиссея. О, если бы здесь была его могила, я бы своими руками ее давным-давно разрыл! Он мерзостен мне, и хуже пса, который у меня вместо него». 7 Герой на это отвечал: «Давай-ка пощадим останки Одиссея, ведь я уже наказал его в Аиде. 8 А ты, раз уж так любишь свой виноградник, лучше скажи мне, чего ты больше всего опасаться для него?» «Чего же еще опасаться, как не града, который бьет его и ломает». «Тогда вот тебе пояс», сказал Паламед, «обвяжи его вокруг одной из лоз, и тогда остальные останутся невредимыми».

Ф. 9 Вот, виноградарь, какой мудрый герой, и всегда-то он ищет сделать добро людям. А об Ахилле ты мне что-нибудь расскажешь? Ведь мы считаем, что он был божественней всех в эллинском войске.

В.22. 1 То, что происходит с ним на Черном море, если ты туда еще не плавал, и все, что он, как говорят, делает там на острове, я расскажу тебе попозже, когда буду подробнее говорить о нем, а то, что делается с ним в Илионе, сходно с тем, что происходит с другими героями. Он иногда подходит к людям и вступает в разговор, и охотится на зверей. 2 Обычно Ахилла узнают по возрасту, росту и блеску доспехов. Вслед ему вздымаются ураганом ветры, словно спутники призрака. 3 Как вспомнишь такое, о гость, просто язык отнимается. Кое-что поют и об Антилохе, мол, одна троянская дева бродила однажды около Скамандра и повстречала призрак Антилоха, влюбилась в него и стала ухаживать за могилой героя. Еще рассказывают, что на могиле Ахилла мальчишки-пастухи, игравшие в кости, как-то раз чуть не поубивали друг друга, затеяв драку своими посохами, если бы их не разогнал Патрокл, который изрек: «Хватит с меня одного кровопролития из-за игры в кости». 4 Все это тебе расскажет любой пастух под Троей, ведь, как видишь, мы, жители берегов Геллеспонта и устьев рек, плавая, общаемся между собой.

23.1 Но теперь, гость, поговорим про щит, о котором Протесилай сказал, что Гомер и все другие поэты этого не знают.

Ф.2 Я жажду услышать рассказ о нем, виноградарь, – такую, как я понимаю, редкость.

В. Редчайшую. Ну, слушай внимательно.

Ф. Внимательно, говоришь? Да ведь даже Орфея так не слушали звери, как я внимаю тебе, наострил уши и напряг ум и собрал всю свою память. Знаешь, я и себя воображаю одним их тех, кто воевал под Троей, так меня захватывают полубоги, о которых мы говорим.

В.3 Ну, раз ты теперь все это так воспринимаешь, давай, гость, начнем с самой Авлиды, ведь на самом деле они собрались вместе именно там. Но, приступая к рассказу, обратимся с мольбой к Протесилаю!

4 Итак, о том, как еще до Трои ахейцы опустошили Мисию, которой правил тогда Телеф, и как Ахилл ранил Телефа, который сражался за своих, ты можешь услышать у поэтов, ибо они это не оставляют без

внимания. 5 А вот верить, будто ахейцы приплыли туда по ошибке, думая, что это – земля Приама, значит отвергать то место у Гомера, где он поет о прорицателе Калхасе. Ведь если они плыли по его оракулу, и водителем в пути сделали дар прорицания – как может быть, что они очутились там «невольно»? 6 И потом, как же это они могли не узнать, что причалили не к Трое, когда им повстречалось там столько пастухов, столько волопасов? Ведь в этом краю пастбища простираются до самого моря, и, думаю, дело обычное для путешественников – спросить, как называется земля, к которой они пристали. 7 Допустим, однако, что они никого не повстречали, и спросить им было не у кого – и все-таки Одиссей и Менелай, оба уже бывали в Трое, когда ездили туда с посольством, они видели акрополь Илиона. Так как же они, стало быть, не огляделись вокруг, как могли дать войску по ошибке предпринять военные действия? 8 Нет, дело именно в том, что ахейцы вполне преднамеренно грабительски напали на мисийцев; до них, несомненно, дошел слух, что мисийцы живут богаче всех других жителей материка, а, кроме того, ахейцы опасались, что мисийцы, как соседи троян, будут призваны к ним на подмогу в случае опасности.

9 Телеф Гераклид, муж нрава благородного и к тому же правитель сильной в военном отношении земли, счел все это для себя нестерпимым. Он выставил против пришельцев большое количество тяжело-вооруженной пехоты и конницы. 10 В войске его были и подвластные мисийцы (я полагаю, он царил над всей Мисией, которая прилегала к морю) и, кроме того, еще и союзники его из глубинных областей, которых поэты называют абиями и говорят, что они пасут коней и пьют молоко кобылиц. 11 Нужно сказать, что цели, с которыми ахейцы совершали свое путешествие, не остались неясными, и Тлеполом послал на родосском корабле к брату вестника, повелев ему на словах сообщить, сколько ахейцев находилось в Авлиде (письмен в те времена еще не изобрели), и тогда на помощь собрались все силы материка, и на поле боя вышли и мисийские, и скифские племена.

12 Протесилай сообщает, что битва эта была самой крупной из всех, которые эллины вели как под самой Троей, так и вообще в дальнейшем со всеми варварами. 13 Ведь на подмогу войску Телефа пришло множество знаменитых мужей и, как у ахейцев прославлены Эакиды, Диомед и Патрокл, так же у мисийцев прславлены имена Телефа и Гема, сына Ареса. Также весьма знамениты были Гелор и Актей, сыновья скифской реки Истра.

14 Мисийцы не давали ахейцам сойти на берег, забрасывая их стрелами и копьями, и ахейцы, сопротивляясь, были сильно теснимы, и вот несколько аркадских кораблей застряли – они плавали впервые и еще не были хорошо обучены морскому делу. 15 Как ты знаешь, Гомер сообщает, что аркадяне до троянской войны и моряками не были, и корабельного дела не знали – в море их на шестидесяти кораблях вывел Агамемнон, он сам дал им этот флот, а то прежде они в море не выходили. Аркадяне поэтому могли быть весьма полезны в пешем бою, ведь они были сильны и хорошо обучены, но в плавании как гоплиты они были бесполезны, а как гребцы – неумелы. 16 Вот их то корабль, вследствие их неопытности и отваги, и застрял первым, и многие из них получили ранения от врагов, выстроившихся у самой кромки прибоя, но погибло их все же немного. Ахилл и Протесилай, тревожась за участь аркадцев, разом, как сговорившись, оба спрыгнули на землю и отогнали мисийцев; варвары решили, что это – два неких божества, столь дивно они были вооружены, так они были красивы, эти лучшие из эллинов. 17 Когда же Телеф отвел свое войско на равнину, эллины, спокойно подплыв, тотчас соскочили с кораблей, оставив на них лишь кормчих и матросов, и сами выстроились в строгий боевой порядок, храня глубокое молчание. 18 Гомер совершенно прав, когда говорит об этом и хвалит обычай эллинов вести битву, примером чего приводит Аякса Теламонида. 19 Ведь когда под Трою прибыл из Афин Менесфей, самый опытный из царей в искусстве ведения войны, и в Авлиде он упражнял и учил все войско действовать слаженно, он не упрекал тех, кто кричит, но Аякс этого не одобрял, не позволяя и очень по-

рицал, доказывая, что поднимать крик – это вести себя по-бабьи и нарушать воинский порядок. Он говорил, что крик – плохой толмач мужества. 20 Протесилай говорит, что в этом сражении с мисийцами Ахилл и Патрокл шли с ним в одном ряду, а против Гема, Аресова сына, шли Диомед, Паламед и Сфенел; против же тех, кто пришел с Истра – Атриды, Локрский Аякс и остальные.

21 Великий же Аякс заявил, что убивать толпы простых воинов – небольшая жатва, и достойным своего меча он считал побеждать лучших, быть не «жнецом», как он говорил, а «дровосеком», 22 и поэтому пошел на сыновей Истра. Они сражались не так, как остальные пехотинцы, а по образцу Гектора, на четверке коней. Аякс гордо приблизился к ним и стал стучать о щит своим копьем, чтобы напугать лошадей. Кони, конечно, обезумели, встали на дыбы, скифам пришлось соскочить с колесницы и, поскольку Аякс не был в строю, они на него напали, и после вполне достойного боя оба были убиты.

23 Протесилай вспоминает, какие великие подвиги совершил Паламед, погубив Гема и его дружину вместе с Диомедом и Сфенелом, однако награда за свою доблесть Паламед не стал добиваться, но все их уступил Диомеду, поскольку знал, что тот совершает свои подвиги во имя воинской славы и почета. Но если бы речь шла о победном венке за мудрость, то уж его-то он никому бы не уступил в эллинском войске, ибо мудрость искони была его любовь и забота.

24 Протесилай рассказывает, что он сам схватился с Телефом и вырвал у него, живого, щит, Ахилл же нанес лишенному щита Телефу рану в бедро. Впоследствии, уже под Троей, ему довелось стать и врачом этой раны. Тогда же Телеф лишился чувств и, конечно, погиб бы, если бы его не вынесли из боя подоспевшие на помощь мисийцы и, говорят, что за него приняли смерть столь многие, что даже воды Каика окрасились кровью.

25 Протесилай рассказывает также, что Ахилл вступил с ним в тяжбу из-за щита, поскольку ранение Телефу нанес именно он, но ахейцы проголосовали, чтобы щит принадлежал Протесилаю как отнявшему, а то и иначе ранить Телефа было бы невозможно.

26 Рассказывает герой также, что вместе с мисийцами сражались верхом на конях их жены, словно амазонки, и предводительницей их конницы была Гиера, супруга Телефа. 27 Ее, говорит Протесилай, убил Нирей (против женщин была выставлена наиболее слабая, юная и еще не стяжавшая славы молодежь) а, когда она упала, мисийцы громко закричали, перепугали ее конницу, и она ринулась в болота Каика. 28 Протесилай сообщает, что эта Гиера была самой великой из женщин, каких он только видел, и самой красивой. Он говорит, что Елену, супругу Менелая, в Трое он не видел, зато видит ее теперь и, в общем, не сердится, что умер за нее. Однако, если говорить о Гиере, то она настолько превосходит Елену, насколько Елена была лучше троянских женщин.

29 Но не она, о гость, а Елена удостоилась похвалы Гомера, и он прославлял Елену, а эту божественную женщину не ввел в свою поэму, а ведь ахейцы, говорят, готовы были сами за нее умереть, и старшие велели молодежи не снимать доспехов с Гиеры и не прикасаться к ней, когда она лежала мертвой.

30 В битве этой, о гость, многие ахейцы были ранены, а очищение от ран указал им оракул – то были теплые источники в Ионии, которые жители Смирны и по сей день называют Агамемноновыми. Полагаю, они в сорока стадиях от города, и им посвятили шлемы мисийских пленников.

Ф.24. 1 Так как же, виноградарь, случайно или намеренно Гомер опустил все это, столь сладостное и подходящее для поэтического повествования?

В.2 Думаю, гость, что вполне умышленно. У него было определенное намерение – хотел он превознести красу Елены, битвы под Троей воспеть как величайшие, какие только где-либо велись, из-за Одиссея вообще опустить божественного Паламеда, Ахилла же выдвинуть вперед как единственного самого выдающегося воителя, ведь он, когда в битве участвует Ахилл, полностью забывает обо всем остальном. Он не слагает песен о Мисии и не воскрешает в памяти

этого дела, которое открывает, что есть жена много прекраснее Елены, и что есть мужи, чья доблесть не менее славна, чем Ахилле-сова. А упомянув Паламеда, Гомер уже не нашелся бы, как устранить негодование, которое навлекает на себя из-за него Одиссей.

Ф.25.1 Послушай, а что вообще думает Протесилай о Гомере? Ведь ты сказывал, что он как будто сам изучал его поэмы.

В.2 А говорил он, о гость, что Гомер, как в музыкальной гармонии используются все средства воздействия, так же касался всех способов поэтического выражения и превзошел всех поэтов своего времени как раз тем, в чем каждый из них был особенно силен сам – так, он еще искуснее, чем Орфей, достигал величавости в своей речи, Гесиода превзошел в ее приятности, и других в том, в чем они были сильны. 3 Он избирает своей темой троянскую войну, в которой судьба свела самых доблестных эллинов и варваров, и вводит в свой рассказ бои с участием людей, коней, стен, рек, богов и богинь, но вместе с тем помещает и все то, что бывает в мирной жизни – и песни, и пляски, и любовь, и пиры; касается он также и земледелия, говорит, какие работы когда следует делать, затрагивает мореплавание и изготовление оружия в кузнице Гефеста, и показывает людей, разных по наружности и разнообразных по характеру.

4 Протесилай считает, что у Гомера все это разработано с божественным совершенством, и полагает, что те, кто его не любит – не в своем уме. 5 Он называет Гомера даже основателем Трои, потому что свою великую славу обрела она благодаря тому, что ее оплакал Гомер. 6 Восхищает Протесилая и то, насколько Гомер чтит своих собратьев по ремеслу – он никогда не поправляет их грубо, но всегда как бы незаметно: 7 Гесиода, например, во многих местах, и уж, конечно, клянусь Зевсом, в изображении щита. Гесиод однажды, изображая щит Кикна, приделал к нему голову Горгоны не очень-то поэтичным образом, и, возвращаясь к нему, Гомер говорит по-своему:

*Там Горгона свирепообразная щит повершала,
Страшно глядящая, окрест которой и Ужас и Бегство.*²⁴

8 Во многих местах он превзошел и Орфея в учении о богах, и Мусея в песнях прорицаний, и Памфа, который высказывал ту весьма мудрую мысль, что Зевс является животворящим началом и посредством него все появляется на земле, но выражал это самыми наивными словами в обращенных к Зевсу стихах, которые Гомер опускает – стихи же Памфа таковы:

*Зевс, из богов величайший, преславный, в навоз облаченный,
Конским пометом, овечьим, навозом, оставленным мулом.*

Протесилай говорит, что Гомер, напротив, обращает к Зевсу достойный его величия гимн:

*Зевс чернотучий, великий, преславный, насельник эфира!*²⁵

Ведь живет Зевс среди исполненного наивысшей чистоты, а наделенные жизнью существа сотворяет уже ниже эфира.

9 Протесилай говорит также, что битвы Посейдона с Аполлоном, Лето с Гермесом, а также поединок Афины с Аресом и Гефеста с водой у Гомера – как у Орфея, и здесь нечего упрекнуть, столь это поразительно и божественно, как, например,

*Звукот трубы прогремело повсюду великое небо.*²⁶

Или как у него Аидоней вскочил с трона, когда Посейдон сотряс землю.

10 Порицает же он Гомера вот за что: во-первых, за то, что он перемешивает богов и людей, и о людях говорит высокое, а богах – низкое и постыдное. Во вторых, за то, что Гомер, прекрасно зная, что Елена оказалась вместе с Парисом унесенной ветром в Египет, все-таки выводит ее на стену Илиона, чтобы она посмотрела на творящееся на поле зло, в то время как даже если бы это происходило из-за любой другой женщины, ей бы приличествовало закрыть лицо и не смотреть, как бедствуют ее соплеменники. 11 При том, что в

---

²⁴ Илиада, 11, 36–37.

²⁵ Илиада 2, 412.

²⁶ Илиада 21, 388.

самой Трое похищение Елены Парисом не встретило одобрения, Протесилай говорит, что разве Гектор, казалось бы, благоразумнейший муж, упорствовал бы в том, чтобы не отдавать Елену Менелаю, будь она в Трое, или Приам допустил бы, чтобы Парис нежилась, когда у него гибнет столько сыновей, и разве не сбежала бы от смерти Елена, чтобы спастись от гнева троянок, у которых гибли сыновья, братья и мужья. Скорее всего, к тому же она бы убежала к Менелаю из-за ненависти к ней в Трое. 12 Протесилай говорит, что нужно также пропустить и поединок, который у Гомера происходит по договору между Парисом и Менелаем. Ведь Елена находилась в Египте, и ахейцы давно это знали, и сражались не за нее, а войну в Трое вели за богатства.

13 Протесилай не одобряет еще и то у Гомера, что он, взявшись за троянское повествование, затем отклоняется от него после [смерти] Гектора, как бы спеша к другим песням, про Одиссея. Хотя в песнях Демодока и Фемия и поется о взятии Илиона и о коне, сотворенном Афиной и Эпеем, но он все это отделяет, обрубая рассказ и посвящая свое повествование в основном Одиссею, ради чего выдумывает и племя киклопов, которых нигде нет на свете, и лестригонов, о которых никто ничего не знает, и демона Кирку, ведающую всякие снадобья, и других богинь, которые любили Одиссея, хотя он вступил уже в преждевременную старость и, когда он встречается с Навсикаей, то ясно говорится, что волосы у него гиацинтовые от седины. 14 Вот почему Протесилай и называет Одиссея игрушкой Гомера – ведь девушки любят вовсе не за высказанные им мудрые слова – ибо что такого мудрого сказал он или сделал при Навсикае? Он называет Одиссея игрушкой Гомера и в его блужданиях – ведь не раз во сне он и гибнет, да и феакский корабль несет его по морю, пока он спит мертвецким сном. 15 Что же касается гнева Посейдона, из-за которого у Одиссея не осталось ни корабля, ни многочисленной дружины, что вся погибла, то гнев сей был вовсе не по поводу Полифема. Ведь Одиссей ни в какой такой пещере киклопов не был вовсе. Ну, а если бы и случилось, что Посейдон обза-

велся подобным сыном, то, право, не стал бы он мстить за такого сынка, что живьем пожирал людей, как дикий лев. Нет, Посейдон закрыл для Одиссея море скорее из-за внука своего Паламеда, а когда Одиссей все-таки ускользнул, впоследствии бог погубил его уже на Итаке, я полагаю, настав на него морское копьё. 16 Протесилай говорит, что гнев Ахилла возгорелся вовсе не из-за Хрисовой дочери, а на самом деле тоже из-за Паламеда. 17 Впрочем, этот рассказ надо отложить, пока я не стану повествовать о делах Ахилла. Я ведь расскажу о героях по отдельности, сообщая то, что слышал о них от Протесилая.

Ф. 18 Вот, кажется, тыходишь к тому, что сладостнее всего, и я уже слышу шум голосов,

*Кóней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает.*²⁷

Я предвкушаю, что последует нечто великое и прекрасное.

В. Ну, так слушай, гость, А ты, Протесилай, о явись ко мне, о стань рядом, чтобы я не упустил ничего из того, что слышал от тебя.

26.1 Итак, самым старшим из тех, кто пришел под Трою, был сын Нелея Нестор, муж, закаленный во многих войнах, в которых участвовал по молодости лет, а также и в гимнастических состязаниях – ведь ему доводилось брать награды и в кулачном бою, и в борьбе, и к тому же Нестор как никто владел умением построения гоплитов и конницы, а что до искусства увлечь за собой народ – этим он владел с юных лет, и при этом вовсе не улещал юношей, а, как Зевс, наставлял народ на разумное. Речи его были всегда своевременны и приятны, и поэтому производили очень сильное впечатление, и никогда не казались ни резкими, ни нудными. 2 Словом, все, что о нем говорит Гомер – правда. 3 Протесилай одобряет так же, как правдивое и невыдуманное сообщение, встречающееся и у других, о коровах Гериона, которых Нелей с сыновьями – Нестора среди них не было – похитил у Геракла. Геракл же в награду за справедливость отдал Мессену Нестору, потому что он не был виноват ни в чем в истории с коровами, в отличие от его братьев. 4 Говорят также, что Геракл был

²⁷ Илиада 10, 535.

очарован Нестором, потому что он был очень умен и хорош собой, и любил его даже больше, чем Гила и Абдера – ведь они то были еще совсем мальчишками, а Нестор уже вошел в отроческие года и упражнял добродетель души и мужество тела, вот почему Геракл его любил и был любим взаимно. 5 В то время клясться именем Геракла еще не вошло в обычай у людей, и первым ввел это Нестор, научив всех, кто был под Троей. 6 У Нестора был сын Антилох, который принял участие во второй половине войны, 7 потому что, когда все собирались в Авлиде, он, еще маленький, не достиг должного возраста и, хоть ему очень хотелось отправиться на войну, отец этого не позволил. Когда же пошел уже пятый год войны, Антилох, взойдя на корабль, отправляется под Троию и, придя в палатку к Ахиллу, о котором он слышал как о самом близком к отцу человеке, обращается к нему с мольбой попросить за него отца, если отец захочет выслать его за непослушание. 8 Ахилл же, с радостью видя его цветущую юность и дивясь на его рвение, сказал: «Плохо же ты, юноша, знаешь своего отца, если ты думаешь, что, совершая поступок свойственный юности и движимый любовью к славе, ты не получишь его одобрения». 9 И Ахилл сказал это верно. Нестор был несказанно рад сыну и, гордясь им, привел его к Агамемнону, а тот немедленно созывает всех ахейцев на собрание, и на нем Нестор, говорят, выступил с такой речью, что превзошел сам себя. 10 Все пришли, радуясь, что увидят сына Нестора – ни одного из детей его в Трое не было, ни Фрасимеда, ни другого, – и Антилох стоял, покрасневшись и потупив свои глаза, и приобрел почитателей своей красоты не меньше, чем Ахиллес. 11 Красота Ахилла казалась всем поразительной и божественной, а Антилох был хорош какой-то кроткой, милой красотой.

12 Протесилай говорит, что тогда ахейцы не обошли вниманием и его самого, стали сравнивать его и Антилоха по возрасту и росту, у многих при этом выступили слезы от жалости к таким юным, и все считали, что то, что говорит перед ними Нестор – хорошее предзнаменование, ведь все любили его, как дети отца.

13 Надо мне дать тебе и портрет Нестора, ведь Протесилай рассказывает, будто бы он был человек веселый, казалось, всегда готовый улыбнуться, с красивой и достойной бородой, но вот уши тебе бы не понравились – что называется, «вокруг палестры», а шея как снова в юности. И Нестор сохранял прямую осанку, старость его не согнула, глаза все такие же черные, и нос не повис. Таковы в старости те, кого не покидает здоровье. 14 Антилох же был вылитый Нестор – но только более подвижный и как бы подновленный; о прическе этот юноша заботился мало. 15 Протесилай еще говорил мне об Антилохе, что он страшно любил лошадей и собак, и во время каждого перемирия отправлялся на охоту. Часто хаживал он на Иду с Ахиллом и мирмидонцами, а с ним – его пилосцы и аркадяне, и все они потом устраивали для войска звериный рынок, потому что отлавливали их множество. Антилох отличался в военном искусстве, ноги у него были прямо крылатые, и в полном вооружении двигался он быстро, а приказов слушался легко и охотно, и вообще имел приятный нрав, в битвах же ни от кого не отставал. 16 Умер же он, приняв смерть не от того Мемнона, что явился из Эфиопии, как поют об этом многие. Такой Мемнон действительно был эфиоп, во время троянской войны он правил в Эфиопии, и над могилой его, говорят, была насыпана песчаная гора у Нила, и египтяне и эфиопы в Мероэ и Мемфисе и поныне свершают в его честь жертвоприношения, и статуя этого Мемнона всегда с первым лучом восходящего солнца издает голос, которым приветствует своих почитателей. 17 В Трое же, говорит Протесилай, был другой Мемнон, самый младший из троянцев; при жизни Гектора он не равнялся в славе с людьми Деифоба и Евфорба, но после его смерти считался и отважным и решительным, и Троя, когда дела были уже плохи, взирала на него с надеждой. 18 Вот этот-то Мемнон и убил Антилоха, прекрасного и доблестного мужа, когда Антилох прикрывал щитом своего отца Нестора, и Ахилл соорудил Антилоху огромный погребальный костер, зажав в его честь много жертв, и сжег вместе с ним оружие и голову этого Мемнона. 19 Что же касается погребальных игр, которые Ахилл устроил в честь

Патрокла (и Антилоха), то Протесилай говорит, что они были установлены в честь лучших, и с этих пор проводились и в память самого Протесилая тут, а в честь Ахилла, Патрокла и Антилоха – в Илионе. 20 Говорят, что в память Гектора тоже состязались в беге, стрельбе из лука и метании копья, а вот в борьбе и кулачном бою ни один троянец не принял участия, – первого из этих состязаний они, возможно, еще не знали, а второго, как я думаю, боялись.

27.1 Диомед и Сфенел были ровесниками. Отцом второго был Капаней, а первого – Тидей, которые погибли, как говорят, один – сраженный фиванцами при штурме стен, а Капаней, я думаю, был убит молнией. 2 За их лежавшие без погребения тела вступили в битву афиняне и, победив, похоронили, а души этих героев как победный дар достались их детям, когда те подросли, и воинская мощь отцов вселилась в Диомеда и Сфенела, двух равных друг другу удальцов.

3 Однако Гомер не считает их равными – одного он сравнивает со львом, или рекой сокрушающей дамбы и другие сооружения рук человеческих, ибо таков он был в сражении, а другой у него просто как зритель наблюдает за Диомедом, а также как советчик пускаться в бегство и зачинщик паники.

4 А вот Протесилай говорит, что Сфенел совершал подвиги, не меньшие, чем Диомед. А дружба у них была не менее пылкой, чем у Ахилла с Патроком, а соперничество между собой было таково, что они возвращались из битв горюя и думая каждый, что он второй при другом.

5 Протесилай говорит, что с Энеем и Пандаром они разделились вместе – один напал на Энея, который был из числа самых мощных троянцев, а Сфенел выступил против Пандара и одолел его. 6 Но Гомер приписывает все одному Диомеду, словно забыв, что сам Сфенел говорил у него Агамемнону:

*Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее,
Мы и престольные Фивы разрушили...*²⁸

И на самом деле, Сфенел и в Илионе совершил нечто весьма близкое к тому, что было под Фивами.

²⁸ Илиада 4, 405–406.

7 Да будет тебе известно о Сфенеле и другое, что у ахейцев под Троей не было возведено никакой стены, которая загородила бы корабли или добычу, но у Гомера песни о битве возле стен дают такое представление, из которого следует, что стена все же была построена. 8 Однако Протесилай признает, что когда Ахилл впал в свой гнев, у Агамемнона возникло побуждение соорудить стену, на что первым ему возразил Сфенел, сказав: «Я пригоден не столько возводить стены, сколько их разрушать». Диомед тоже был против, сказав, что слишком много чести Ахиллу, «если мы будем запираяться всякий раз, когда он недоволен». Аякс же, говорят, посмотрел на царя исподлобья, по-бычачьи, и сказал: «Жалкий! А щиты на что?» 9 Когда же выдумали деревянного коня с полым чревом, Сфенел заявил, что это – не штурм города, а кража битвы.

10 А в бою оба они, и Сфенел, и Диомед, равно рождали ужас в троянах, но Сфенел уступал Диомеду в сообразительности, силе красноречия и упорстве, которые были свойственны душе и телу Диомеда. Ибо Сфенел был более раздражителен и гневлив, слишком высокомерен с товарищами, неприятен в обхождении и в быту более изнежен, чем нужно для походной жизни. 11 Диомед в этом был его противоположностью. Кроткий при обвинениях, вспышкам своего гнева он воли не давал, не допуская высокомерия и небрежного отношения к народу, считал, что воину незачем слишком прихорашиваться, спал где придется, ел что попало, и даже вину не радовался, если того не требовали труды. 12 И Протесилай хвалит Диомеда за то, что он никогда не увивался и не раболепствовал перед Ахиллом, и приводит даже такие слова, которыми у поэта говорит Диомед:

*Лучше тогда б не просил ты высокого сердцем Пелида,
Столько даров обещал – горд и сам по себе он.²⁹*

Протесилай говорит, что эти слова у Гомера произносит соратник, а не начальник, именно как человек, сам помогавший ахейцам под Троей – ведь Диомед порицает Ахилла за то, что Ахилл в своем гневе так своенравно ведет себя по отношению к эллинам. 13 Что

²⁹ Илиада 9, 698–699.

же касается наружности, то тут Протесилай говорит, что Сфенел был довольно крупный и высокий, голубоглазый, нос имел орлиный и как бы с горбинкой, длинные волосы, лицо румяное, и всегда был готов к кровопролитию. А Диомед был сложен крепко, светел лицом, а не мрачен, со сверкающими глазами, не черными, нос имел прямой, волосы – густые, курчавые и неухоженные.

28, 1 Филоктет, сын Пойанта, поздно вступил в троянскую войну. Он был самым лучшим стрелком из лука и, говорят, этому его научил Геракл, сын Алкмены. Сообщают, что Геракл именно ему оставил в наследство свой лук, когда, отрешась от человеческой природы, он предал себя огню на горе Эте.

2 Говорят, что ахейцы бесчестно покинули Филоктета на Лемносе, когда гидра поразила его в ногу и он, страдая от раны, лежал на берегу на высокой скале. Ахейцам же было предсказано, что впоследствии Филоктет выйдет в бой против Париса, убьет его и вскоре с помощью Гераклова лука возьмет Трою, а сам будет исцелен детьми Асклепия. 3 Однако Протесилай говорит, что это все излагают далеко не верно. Правильно поют все то, что касается Гераклова лука, и то, что Филоктет помогал Гераклу в его подвиге на Эте, и ушел оттуда, имея при себе лук, и то, что он был единственный человек, способный его натянуть, и что ему довелось совершить блистательные подвиги при взятии Трои. 4 Но Протесилай совсем по-другому рассказывает о его болезни и исцелении, потому что, оказывается, Филоктет вовсе не был оставлен на Лемносе один, без прислужников, когда все эллины отбыли; напротив, при нем остались многие жители Мелибойи – ведь он был их военачальником, и он не был забыт эллинами. И ахейцы проливали слезы, что они оставались без бойца, который стоил многих. 5 Исцелился же он с помощью комка Лемносской земли, на которую, как говорят, упал Гефест. Эта земля может устранять сумасшествие, останавливать неукротимо льющуюся кровь, а из укусов змей лечит только укус гидры. 6 Все то время, что ахейцы тратили под Илионом зря, Филоктет вместе с Эвнеем, сыном Ясона, освобождал малые острова, изгоняя оттуда за-

хвативших их карийцев, и платой за его союзническую помощь стала часть Лемноса, которую после исцеления он назвал Акесой. 7 И оттуда Диомед и Неоптолем повезли его в Трою, и он охотно поехал, потому что они очень просили его ради всех Эллинов и убедили его, напомнив оракул о его луке, пришедший, говорят, с Лесбоса. 8 Ибо у себя в отечестве ахейцы обращаются за пророчествами к Додонскому и Пифийскому оракулам, и, кроме них, существовали еще прославленные Беотийское и Фокейское прорицалища. А поскольку Лемнос находился недалеко от Илиона, то за прорицаниями эллины обращались туда. 9 Предсказания там шли, я думаю, от Орфея. Ведь после того, что сотворили женщины, голова Орфея хранилась на Лесбосе, она пребывала в проломе, и из расщелины в земле давала прорицания. 10 Вот этим оракулом и пользовались лесбосцы, а также вообще все эолийцы и соседствующие с ними ионийцы; и запросы в этот оракул приходили даже из Вавилона. 11 Сия голова ведала весьма многое и о тех царях, что правили в глубине материка; так, Киру старшему, говорят, был дан такой оракул: «Мое, о Кир, твое». Он это понял таким образом, что Одрисы и Европа будут в его власти, поскольку Орфей, благодаря своей мудрости достигший огромного влияния, имел большую силу и над Одрисами, и у эллинов получал почитания богослужениями. Я же, правда, полагаю, что Киру было дано понять, что он претерпит то же, что Орфей. 12 Ибо Кир, достигнув краев массагетов и исседонцев, за рекой Истр – это скифские племена – умер из-за женщины, которая там царствовала над варварами, и она отрубила ему голову, как фракиянки Орфею.

13 Вот, гость, что я услышал от Протесилая об оракуле на Лесбосе.

14 Филоктет пришел под Трою вовсе не больной и совсем не похожий на перенесшего тяжелую болезнь. Правда, сообразно своим летам, он был седовлас – ведь ему было уже под шестьдесят – но сил в нем было даже побольше, чем в иных молодых, на людей он смотрел очень грозно, говорил в высшей степени кратко и соглашался с очень немногими решениями.

29, 1 Протесилай рассказывает, что Агамемнон и Менелай не были похожи друг на друга ни обликом, ни силой. 2 Первый держал в своих руках все войско и к тому же и сам бился не хуже самых выдающихся воителей, а кроме того делал все то, что входит в обязанности царя – он знал все, что нужно знать человеку, осуществляющему власть, и то, что ему должны повиноваться, а также что эллинам вообще подобает ему подчиняться, внушал и весь его вид – ведь был он величествен, полон торжественного достоинства, и к тому же не оставлен благосклонностью Харит. 3 Менелай воевал намного хуже и во всем злоупотреблял своим братом, потому что Агамемнон был к нему благорасположен и милостив, однако при этом Менелай и злословил его, потому что и сам хотел иметь власть, которой достоин не был. 4 Когда же Орест, который был в почете у афинян и вообще у эллинов, осуществил за своего отца возмездие, и в Аргосе его положение было опасным, то Менелай выжидал, чтобы аргивяне изгнали Ореста, и если бы Орест со своими союзниками фокейцами на них не напал и не подавил их, то власть его отца волей-неволей перешла бы к Менелая. 5 Протесилай говорит, что волосы у Менелая были причесаны по-юношески, потому что так носят в Спарте, но ахейцы терпели этот его местный обычай. Они ведь и над эвбейцами не насмеялись, хотя те и носят очень смешные прически. 6 Говорил Менелай с такой легкостью и краткостью, как никто, и в речах его было много прелести.

30.1 Критянина Идоменея Протесилай в Илионе не встречал, но рассказывает, что посольство от него прибыло в Авлиду, обещая помощь критских союзников, если ему дадут разделить власть с Агамемноном, 2 который благоразумно все это выслушал и вывел посла перед войском и тот, громким голосом и с дружелюбным видом, сказал: «О ахейцы, муж, властвующий Минойским Критом, дает вам в союзники сто городов, чтобы вы играючи взяли Трою, и удостоивает вас чести командовать вами вместе с Агамемноном». 3 Агамемнон на это отвечает: «Да я и всю власть готов ему отдать, если он ока-

жется достойнее меня». Тогда, говорит Протесилай, выходит Аякс Теламонид и говорит вот что: «Мы вручили тебе власть, Агамемнон, для того, чтобы в войске был порядок, а не многовластие, и воюем мы не для того, чтобы быть рабами у тебя или кого-либо другого, а для того, чтобы обратить в рабство Троию, когда ее захватим, приложив к этому наши труды, доблестные и, видят боги, превосходные. Ибо доблесть наша такова, что Троию мы возьмем, изрядно потрудившись, а вот Крит – играючи!»

31.1 Протесилай рассказывает, что локрский Аякс в бою обычно был наряду с Диомедом и Сфенелом, но человеком считался не очень благоразумным, и к тому же ни во что не ставил Агамемнона. Он был сыном самого могущественного из локров, привел оттуда с собой отнюдь не заурядное войско, и не желал подчиняться ни Агамемнону, ни кому другому, пока, говаривал он, «это блесит», и указывал на свое копье, грозно поводя очами и потряхивая волосами. 2 Он говорил, что все прочие, которые подчиняются Агамемнону, пришли сюда ради Елены, он же – ради Европы, ибо необходимо, чтобы эллины властвовали над варварами. 3 У него был ручной змей в пять локтей длиной, он пил и спал вместе с Аяксом, сопровождал его в пути и следовал за ним, как собачка. 4 Кассандру он и в самом деле оторвал от статуи Афины, к которой она припала с мольбой, однако насилия над ней не совершал и не оскорблял ее, как то лживо утверждают мифы. Он только отвел ее в свой шатер, но Агамемнон увидел ее – Кассандра же производила сильное впечатление, прекрасная и отмеченная своим божественным искусством. Из-за этого вспыхивает ссора, и Аякс говорит, что он должен владеть тем, что захватил, Агамемнон же заявляет, что не отдаст ее, и что Аякс совершил кощунство в храме Афины. 5 И те, кто всегда враждебно относились к Аяксу по наущению Агамемнона, распустили слухи по всему войску, заявляя, что он совершил над этой девой то, что ужасно оскорбительно для Афины, и если он не погибнет, то погибнет все войско. 6 И взвесив, что и первого Аякса погубил несправедливый суд, и что Паламеду его мудрость ничуть не помогла избежать

смерти и побития камнями, Аякс ночью устремляется в бегство на небольшом судне, но в море поднимается шторм, и он погибает на Гирийских скалах, проплывая прямо напротив Теноса и Андроса. 7 А когда известие о его гибели долетело до ахейцев, немного нашлось таких, кто в этот день притронулся к хлебу – почти все воздымали руки, моля богов о прекрасном муже, горько плакали и, встав на морском берегу, звали его, и пылали гневом на Агамемнона, потому что гибель Аякса была делом именно его рук. 8 И тогда в честь Аякса было совершено такое посмертное жертвоприношение, какого не бывало ни до этого, ни после, сколько людей ни пропадало и в морских битвах. 9 На локрский корабль, который привез Аякса, были положены бревна как для погребального костра, заколоты жертвенные животные, – все черной масти, и погружены туда же, подняты паруса черного цвета и все снасти, какие нужны для плавания. Корабль укрепили на причале, в ожидании ветра с суши – обычно он дует по утрам с Иды. И вот, едва забрезжил день, как поднимается этот ветер, и тогда они разжигают огонь в трюме, и так корабль выходит в открытое море. Не успело еще и солнце взойти, как он уже пылал, а на нем и все, что он нес для Аякса.

32.1 Про Хирона Протесилай рассказывал, что он жил на Пелионе и был похож на человека, но речи его и дела были необыкновенно мудрыми – он занимался разными видами охоты, учил всем воинским делам, обучал врачевать, приобщал к мусическим занятиям, наставлял в справедливости; жизнь его была очень долгой, и обучались у него Асхлепий, Теламон, и Пелей, и Тесей; часто навещал его Геракл, идя домой после своих подвигов. 2 Протесилай говорит, что ему самому доводилось пользоваться обществом Хирона вместе с Паламедом, Аяксом и Ахиллом.

33.1 Что же касается Паламеда, то о нем Протесилай рассказывает вот что. Он был самоучкой, и к Хирону пришел уже весьма умудренный, обладая даже большими знаниями, чем сам Хирон. Ведь до Паламеда не различали ни времен года, ни месячного цикла, и не было слова «год» для обозначения времени, и не было еще ни

монет, ни весов, счета тогда еще не знали, мудрость не любили, ибо и букв-то еще не было. 2 Когда же Хирон захотел научить Паламеда искусству врачевания, тот сказал: «Я, Хирон, охотно счел бы, что врачбного искусства не существует, но то, которое существует, я считаю ненужным изучать. Иначе такая чрезмерная премудрость в этом искусстве вызовет ненависть и у Зевса, и у Мойр, и я то же самое сказал бы Асклепию, если бы он не был здесь убит». 3 Когда Паламед вместе с ахейцами был в Авлиде, он изобрел игру в кости, но не эту легкомысленную игру, а другую, требующую сообразительности и весьма серьезную. 4 Что же до встречающегося у поэтов рассказа о том, что Одиссей, когда все отпраплялись под Трою, притворился безумцем и запряг в плуг коня вместе с быком, а Паламед проверил, насколько он в уме, положив перед плугом малютку Телемаха, то все это вздор, потому что Одиссей отправился в Авлиду с величайшей готовностью, ведь слава его, как искуснейшего оратора, уже обошла всю Элладу. 5 А вражда его с Паламедом пошла вот откуда. Когда все уже были под Троей, случилось затмение солнца, и все войско охватило тревожное уныние, ибо все восприняли затмение как Зевсово знамение о будущем. 6 Паламед тогда выступил перед всеми и стал объяснять, что это явление на солнце происходит, когда проходящая под ним луна затеняет солнце и тем навлекает мрак. «А если это и означает что-нибудь зловещее, то пусть оно падет на троянцев, ведь это они нанесли нам обиду первые, а мы только пришли сюда, как потерпевшие от несправедливости», – сказал еще Паламед, – «А теперь нужно вознести молитвы к появляющемуся вновь солнцу и принести ему в жертву белого, не знавшего ярма жеребенка». 7 Ахейцы все это весьма одобрительно восприняли, ибо они обычно слушались речей Паламеда, но тут выступил Одиссей и сказал: «Какие нужно совершать жертвоприношения, кому и о чем следует молиться, вам скажет Калхас, ибо это дело прорицателя. А что касается того, что делается в небе, и какой порядок и непорядок у звезд, то это все ведаёт Зевс, который все это придумал и упорядочил, а ты, Паламед, болтал бы поменьше вздору и

смотрел бы лучше на землю, чем разглагольствовать о небесах». 8 На это Паламед ответил ему: «Если бы ты, Одиссей, был человек умный, то ты бы знал, что ни один человек не может ничего мудрого сказать о небесах, если он не знает гораздо большего о земле. А я вполне верю тому, что ты здесь весьма отстаешь, ведь у вас, итакийцев, нет ни счета времен года, ни земли!» 9 После этого Одиссей в сильном гневе уходит, а Паламед уже знает, что он будет завистливо клеветать на него. 10 Как-то раз в то время, как у ахейцев шло свое собрание, над ними пролетели журавли своим обычным способом. Одиссей, посмотрев на Паламеда, сказал: «Эти журавли хотят сказать ахейцам, что буквы придумали они, а не ты». Паламед же ему ответил: «Не я нашел буквы, а они меня нашли. Они давным-давно лежали в доме Муз и ждали подходящего человека, боги их сделали известными всем благодаря мудрым мужам. Журавли же не буквы выдумывают, а просто выстраиваются в строй для полета, ведь они отправляются в Ливию на войну с маленькими человечками. Впрочем, что с тобой говорить о строе – ты то в битвах не удержишь боевого строя!» 12 Причиной этого, гость, я думаю, была та, что Одиссей вел себя вот как – завидит Гектора, или Сарпедона, или Энея, и, тотчас покинув строй, несется туда, где схватка легче. 13 И когда Одиссей – годами много старше, хоть выглядел юным – так был посрамлен перед всем собранием, он стал настраивать Агамемнона против Паламеда и ахейцев против Ахиллеса. 14 Произошла и новая напасть. С Иды стали приходить волки и нападать на молодых выючных животных и животных, находящихся при шатрах, Одиссей приказал взять луки, стрелы и дротики и отправиться перебить волков на Иду. Но Паламед сказал: «Одиссей, это Аполлон посылает волков, делая их как бы «вступлением» к мору, и он же их убивает из лука, как убивает здесь мулов и собак, но сначала посылает волков к тем, на кого идет мор, с благорасположением к людям, чтобы их предостеречь. Помолимся же Аполлону Волчьему и Охранителю, чтобы он истребил этих животных своими стрелами и обратил, как говорится, болезнь на козлов. А мы, о мужи эллины,

давайте теперь позаботимся о собственных нуждах. Нам необходимо остерегаться заразы и, кроме того, мы должны есть легкую пищу и побольше двигаться. Врачебных средств я не касаюсь, потому что достичь всего этого следует своим благоразумием». 15 Он запретил мясной рынок и велел войску отказаться от хлеба, а употреблять в пищу овощи с огорода и лакомства – и все его послушались, потому что каждое слово Паламеда почиталось как нечто божественное, словно изречение оракула. 16 Ведь и в самом деле, мор, который он предсказывал, разразился в городах на Геллеспонте, – начавшись, как говорили, на Черном море, и обрушился на Илион, однако никто из эллинов так и не заразился, хотя лагерь их и располагался на пораженной болезнью земле. 17 В добавление к правильному питанию и подвижности, Паламед придумал еще вот что: спустили на воду сто судов, и все войско по очереди поднималось на них и начинались соревнования в гребле – кто быстрее доплывет до мыса, или первым достигнет утеса или раньше всех приплывет в отдаленный залив, или соскочит на землю к дальнему мысу. Паламед уговорил Агамемнона выставить награды самым быстрым гребцам. 18 Все с радостью упражнялись и, в то же время, сообща сохраняли свое здоровье – ведь Паламед объяснил им, что в море гораздо приятнее, безопаснее дышать, чем на земле, по которой распространился мор. 19 За этот подвиг мудрости эллины увенчали Паламеда венком, но Одиссей счел себя оскорбленным и решил всю свою хитрость обратить теперь против Паламеда. 20 Вот что рассказывает об этом Протесилай. Ахилл воевал против островов и приморских городов и пригласил Паламеда выступить вместе с ним. 21 Паламед воевал благородно и разумно, а вот Ахилл – неудержимо. Боевой пыл вскипал в нем и увлекал его вперед, в нарушение боевого порядка, и поэтому Ахилл был очень доволен, что бок о бок с ним бьется Паламед и сдерживает его страсти, заставляя вести битву как положено. Как бывает у львов, когда один или успокаивает, или возбуждает своего мощного собрата, Паламед не пускал его буйствовать, надежно прикрывал его своим щитом от стрел, когда и сам

стрелял и отгонял от него толпы противников.²² Довольные друг другом, они отплыли оттуда и вместе с ними мирмидонцы и фессалийцы из Филаки. Тогда Протесилай выстроил свое войско под началом Ахилла, и все фессалийцы стали называться мирмидонцами.²³ Протесилай сообщает, что города были завоеваны, и Паламед при этом совершил преславные подвиги, среди которых упоминается прорытие каналов, что обратило реки на города и ограждения и укрепления гаваней, и ночная битва за Абидос, когда раненый Ахилл отступил, а Паламед не дрогнул, и не настало еще полуночи, как он взял этот город.

²⁴ Однако Одиссей в Трое плетет Агамемнону наветы, хоть и ложные, но для доверчивого слушателя убедительные, – что Ахилл, мол, больше не признает начальства эллинов, и совращает его Паламед; ²⁵ «и вот вскоре они явятся к тебе, ведя с собой быков, коней и рабов, и своими деньгами привлекут полностью к себе всех могущественных эллинов. Ахилла надо пока оставить в покое, просто, уже зная его, остерегаться, а вот мудреца этого надо умертвить. У меня есть одно средство, которое вызовет у эллинов такую ненависть к Паламеду, что они его убьют». ²⁶ И рассказал, что он уготовил во Фригии и о золоте, которое якобы получено от некоего фригийца. ²⁷ Оба они решили, что придумано это весьма ловко, и, когда Агамемнон присоединился к этому заговору, Одиссей сказал: «Ну, а теперь, царь, устрой, чтобы Ахилл оставался в тех городах, где он теперь, а за Паламедом пошли, сказав, что якобы есть нужда в том, чтобы он изобрел устройства для взятия городских стен, и если он придет сюда без Ахилла, один, то легко станет пленником не только у меня, но и у любого, не столь умного». На том они и порешили. Вестники отправились на Лесбос – ²⁸ он еще не был пока полностью завоеван, но были захвачены острова вокруг него. Эолийский город Лирнесс был от природы укреплен и окружен, к тому же, стенами, которые сложились из камней, когда Орфей двигал и укладывал их в стену, играя на лире, и еще до сих пор в Лирнесе слышится музыка, которую издают скалы. ²⁹ Уже десятый день шла его осада – ибо взять это место было не-

легко – как являются вестники с приказом Агамемнона и передают распоряжение, и они решают – одному, подчинившись приказу – Ахиллу – оставаться на месте, а Паламеду уехать, и он уезжает. При прощании же оба героя проливают слезы.

30 Когда Паламед прибыл к войску, он сказал, приписав все дела Ахиллу: «О царь, ты приказываешь мне заняться осадой Трои. Но я полагаю, что самые лучшие орудия для этого – Эакиды, сыны Капанея, так и Тидея, Локры, Патрокл и разумеется, Аякс. Если же есть еще необходимость в неодоушевленных орудиях, – считайте, что тогда уж Троя в моих руках». 31 И все таки его сгубили искусно подстроенные козни Одиссея. На Паламеда было возведено ложное обвинение, и все сочли его предателем, польстившимся на золото; ему скрутили руки и забросали камнями насмерть, сделали это итакийцы и пелопонесцы. Все остальное греческое войско этого и не видело, ведь все любили его, хотя и считали, что он поступил плохо. 32 Кроме того, был отдан еще один дикий приказ – не устраивать Паламеду похорон и не предавать его земле, а всякий, кто его унесет и похоронит, будет предан смерти. 33 Когда Агамемнон возвестил это через глашатая, Аякс великий кинулся к умершему, приник к его телу и залился горькими слезами. Потом поднял его и, обнажив меч, пробился сквозь толпу. Он похоронил Паламеда, совершив все, что при этом подобает, и после этого больше не общался с греками, не участвовал в советах и даже не выходил в бой. 34 Когда же после взятия Херсонеса туда прибыл Ахилл, они вдвоем пребывали в таком состоянии, питая гнев из-за Паламеда. 35 Правда, гнев Аякса не был столь продолжителен, и когда он узнал, что его соратники терпят тяжелые поражения, он отложил свой гнев и вышел в сражение. 36 Но Ахилл продолжал гневаться. Он сложил песнь о Паламеде и в сопровождении лиры пел о нем, как поют о первых героях, он молился, чтобы его призрак ему явился, изливая сновидения из кратера, из которого пьет Гермес. 37 И герой этот был по душе не одному Ахиллесу, но всем, у кого была сила и любовь к мудрости, и они считали его примером для подражания и достой-

ным сложения песен, – вот у Протесилая так всегда, когда мы вспоминаем о Паламеде, слезы текут ручьем, и восхваляет он мужество героя, не покидавшее его никогда, особенно в смертный час, ведь Паламед не стал просить пощады, или, плача, говорить жалобные речи. Нет, он сказал только: «Жаль мне тебя, Истина, ведь ты погибла прежде меня!» и подставил свою голову камням так, будто его заслоняла от них сама Дика.

Ф. 38 Да, виноградарь. А можно ли мне увидеть его так же, как увидел я Нестора и Диомеда со Сфенелом, или Протесилай ничего не рассказывает о его наружности?

В. 39 Можно, гость, его увидеть. Ну, смотри: ростом он со старшего Аякса, красотой он поспорит с Ахиллом, Антилохом, самим Протесилаем, а из Троян – с Эвфорбом. Его нежные щеки заросли замечательной кудрявой бородою, волосы коротко подстрижены, благородные брови срастаются над прямым носом, красиво очерченным. 40 В глазах светится ум, они грозно горят в бою, и приветливо и ласково сияют, когда все спокойно. Протесилай говорит, что у него были самые замечательные глаза, какие он только знал. 41 Еще он рассказывает, что Паламед упражнялся одинаково хорошо и в тяжелой, и в легкой атлетике, и пыль на его лице была гораздо приятнее золотых плетений на лице Эвфорба. Он не заботился о наружности, спал, где придется, часто даже ночевал под открытым небом на вершине Иды, когда случались перерывы в военных действиях. Ведь мудрецы обычно наблюдают падение метеоритов с наиболее высоких мест. 42 Под Трою он не привел ни одного корабля и ни одного человека, он приплыл на маленьком судне с братом своим Ойаксом, полагая, что сам он стоит многих рук. 43 У него не было ни прислужников, ни сопровождающих, никакая Текмесса или Ифис не мыла его и не стелила ему постель, но вел он жизнь самостоятельную и далекую от всяких изощрённостей.

44 Бывало, Ахилл говорил ему: «Ты, Паламед, многим кажется каким-то диким, раз ты не приобрел тех, кто будет тебе служить». Паламед отвечал: «А это, Ахилл, что такое?» – и протягивал ему

свои руки. 45 Ахейцы как-то стали давать ему причитающиеся ему из добычи деньги, уговаривая зажить, как богатый человек, и он сказал: «И сам не возьму, и вам советую быть бедными, да вы не слушаетесь». 46 Однажды, когда он пришел после своих занятий астрономией, Одиссей спросил его: «Что ты видишь в небе такого, что не видим мы?» «Вижу дурных», – сказал он. Правда, было бы лучше, если бы он научил как следует ахейцев, как узнавать явных злодеев. Тогда бы они не участвовали в осуществлении ложных наветов и подлостей Одиссея. 47 Что же касается огня, что зажжет Навплий у южного берега Эвбеи, то это, говорит Протесилай, правда, и сделал это по воле Мойр Посейдон, в отмщение за Паламеда, и притом, гость, что душа Паламеда этого и не желала, ведь он был мудрым и простил их, потому что они сами были обмануты. 48 Похоронили его Ахилл с Аяксом на прилежащем к Трое Эолийском материке, и там было сооружено весьма древнее святилище в его честь, и была водружена статуя его, прекрасная и в вооружении, и жители прибрежных городов совершали ему жертвоприношения. 49 Искать его святилище нужно около Метимны и Лепетимна, ведь эта высокая гора высится над Лесбосом.

34.1 Одиссея же он описывает так: был он очень искусен и силен в речах, увертливый, большой завистник, и восхвалитель коварств, всегда подтверждавший ложное свидетельство. Унылый, он всегда был осторожен. В военном же деле он скорее считался выдающимся, нежели таковым был, – ведь не был он ни знатоком вооружения и снаряжения, ни порядка морского боя и штурма городских стен, ни умелым стрелком и копьёметателем. 2 Дел он совершил немало, но ничего особо достойного восхищения, кроме, конечно, деревянного коня: создали его Эпей и Афина, а вот придумал его Одиссей. Говорят, что из всех, кто забрался в коня, он казался самым отважным. 3 В Илион он пришел уже будучи пожилым, на Итаку же вернулся совсем состарившись. Ему выпали дальние странствия из-за войны, которую ему пришлось вести с киконами, когда море занесло его на Исмару. 4 Все же, что говорится о Полифеме, Антифате, Скилле и

его путешествии в Аид и о пении сирен, – об этом Протесилай и слышать ничего не хочет, и вам советует залепить уши воском и пропустить все это, но не потому, что это лишено прелести и не способно нас очаровать, а потому что это небылицы и выдумки. 5 Советует он также, не причаливая, проплыть мимо островов Огигии и Ээи, где его любили богини. Ведь он для любовных дел был уже немолод, нос имел приплюснутый и маленький, глаза у него бегали от мыслей и подозрений. 6 Он имел вид мыслящего человека, а это в любовных делах прелести не составляет. Но, как бы там ни было, он погубил Паламеда, который был и умнее и доблестнее его. Протесилай очень уместно говорит об этом, приводя с похвалой тренос из Еврипида, в котором Еврипид воспеваает Паламеда:

*...вы убили
всемудрого, о данаи,
соловья Муз, не причинившего боли.*

И далее, подряд, где говорится, как они, послушавшись этого ужасного мужа и его бесстыдных речей, совершили такой поступок.

35.1 Аякса, сына Теламона, ахейцы прозвали великим не из-за его большого роста, потому что второй Аякс был не меньше его, а за совершенные им деяния, и, кроме того, считали его участие в войне добрым предзнаменованием ее исхода, из-за подвига его отца – ведь Теламон выступил против Лаомедонта, который Геракла обманул, и они вместе захватили Трою. 2 Аяксу были рады и тогда, когда он был без оружия (ибо, мощный, он был страшен больше, чем все войско, и вносил дух дисциплины и мудрости), и верили в него, когда он был вооружен, достойно выходя против троянцев, крепко держа свой огромный щит, и сверкая глазами из шлема, как лев, готовый напасть. 3 Он выходил на бой с лучшими, и, хотя он говорил, что ликийцы, мисийцы и пеонийцы пришли в Трою только для счета, он считал, что их предводители заслуживают сражения и могут сражаться во славу их убийце, а не позорному ранению. Убив противника, Аякс не снимал с него доспехи, потому что убийство – дело мужества, а снятие доспехов – скорее удел воруемого одежду. 4 При

Аяксе никто не смел говорить ничего нестройного или недостойного и не выражал несогласия – такие вставали из уважения к нему и уходили. Так делали и простые, и важные люди. 5 Аякс дружил с Ахиллом, и они не завидовали друг другу, и хотели быть вместе. Даже если горе Ахилла бывало серьезным, Аякс успокаивал Ахилла, то сострадая, то укоряя. Эллины смотрели на Ахилла и Аякса, когда они вместе сидели или шли, и видели в них то, чего не было со времен Геракла. 6 Говорят, что Аякс был приемным сыном Геракла, и ребенком он был укутан в его львиную шкуру. Когда Геракл посвятил Аякса Зевсу, он просил, чтобы мальчик был непобедим как лев. Тут к нему подлетел орел, который принес имя от Зевса для мальчика и одобрил молитву Геракла. 7 Каждому, кто видел Аякса, было ясно по его красоте и силе тела, что он вырос с божественной помощью. Поэтому Протесилай называет его честью войны. Но когда я сказал: «Ну, конечно, великий и благочестивый всегда был побежден Одиссеем в борьбе», он ответил: «Если бы киклопы существовали вправду, Одиссею пришлось бы бороться не с Аяксом, а с Полифемом». 9 Я слышал, гость, от Протесилая об этом герое, что он восхвалял реку Илисс в Афинах, и что все афиняне, пришедшие под Трою, любили его и называли вождем и выполняли все, что он им скажет. Я думаю, он говорил на аттическом наречии, потому что жил на Саламине, который афиняне сделали своим демом. Протесилай рассказывал, что у Аякса был сын, которого ахейцы называли Эврисаком, и кормил он его так, как делают афиняне, и когда в месяце антестерионе детей на третьем году от рождения увенчивают цветами, он выставял кратеры, которые были из Афин, и совершал жертвоприношение по закону, как полагается у афинян. Протесилай утверждал, что Аянт, следуя Тесею, помнил о Дионисиях. 10 Что же касается рассказа о его смерти, что он умер заколовшись, то это верно, и даже у Одиссея это вызвало тотчас сожаление, и в описании его нисхождения в Аид говорится:

О, для чего в состязаньи таком одержал я победу!

Что за муж из-за этих доспехов погиб несравненный...³⁰

Протесилай говорит, правда, что эти слова Одиссея были сказаны не в этом случае, ибо он живой в Аид не спускался, но вообще он это как-то раз сказал. Вероятно, что и Одиссей испытывал мучения и проклинал свою победу, сожалея, что из-за нее такой муж принял смерть. 11 Протесилай это место у Гомера весьма одобряет, и еще больше хвалит такое место:

Суд же тот дети троян решили³¹

Ведь Гомер лишил ахейцев возможности неправого суда и установил таких судей, которым подобало вынести приговор против Аякса, ибо ненависть родня страха. 12 Когда Аякс впал в безумие, троянцы боялись его сильнее, чем обычно, как бы он, напав, не сокрушил стену, и возносили молитвы Посейдону и Аполлону, которые воздвигли ее в бытность свою в услужении, чтобы они защитили городскую крепость и сдержали Аякса, если он доберется до зубцов стен. Эллины же не перестали любить Аякса, но безумие Аякса повергло всех в скорбь, и они обращались с мольбой к оракулу, чтобы он пришел в себя и прекратил безумствовать. 13 Когда же они увидели его, лежащего мертвым и пронзенного мечом, все подняли страшный плач, который был слышен даже в Илионе. Афиняне выставили тело перед народом, и Менесфей произнес над ним речь, что в Афинах полагается делать, дабы почтить павших от рук врагов. 14 Здесь же Протесилай узнал и славный поступок Одиссея, который положил к мертвому Аяксу доспехи Ахилла и, заплакав, сказал: «Пусть с тобой будет погребено то, что ты хотел, и пусть победа в состязании за них будет твоя, не гневайся больше!» Ахейцы хвалили Одиссея, и Тевкр его тоже хвалил, но не одобрил погребение оружия, потому что божественный закон не разрешает хоронить средства смерти. Они похоронили Аякса, положив в землю, потому что

³⁰ Одиссея 11, 548–549.

³¹ Одиссея 11, 547.

Калхас провозгласил, что по божественному закону самоубийце не разрешается почтение погребальным огнем.

36.1 Заметь, что Тевкр был молод, но крупный, хорошо сложенный и сильный.

Ф.2 Виноградарь, а говорит ли Протесилай о троянцах, или он не хочет помянуть их, чтобы они не казались достойными внимания?

В.3 Нет, о гость, Протесилай так благороден, что у него больше нет недоброжелательства. На деле он рассказывает истории о троянцах серьезно и продуманно, и говорит, что и эти люди добыли для себя большую славу своей доблестью. 4 Я сообщу тебе это до рассказа об Ахилле, потому что после их истории не произведут значительного впечатления.

37.1 Хваля Гектора, Протесилай хвалит и рассказ Гомера о Гекторе. Он говорит, что Гомер в самых ярких словах говорит о его колесницах, битвах, участии в советах и о том, что Троя смотрела именно на него, а не на других. Как бы ни хвалился Гектор в поэме Гомера, угрожая ахейцам зажечь корабли, Протесилай говорит, что это несомненно соответствует образу героя. Протесилай сообщает, что Гектор говорил много подобного в бою, имел самый страшный вид среди смертных и громко кричал. 2 Ростом он был меньше, чем Теламонид, но нисколько не уступал в бою, в котором проявлял нечто подобное пылу Ахилла. 3 Медлительность, трусость и украшательство Париса возмущали Гектора. Он и впрямь думал, что носить длинные волосы ему не следует из-за Париса, хотя важные люди и их дети носили их. 4 Его уши были покалечены, не борьбой – этого спорта не знали ни он, ни варвары, я тебе уже говорил – но он сражался с быками и считал бой с ними похожим на войну. Это – тоже часть борьбы, но он все это делал, не зная борьбы, и, когда он все это проводил как упражнения в военном деле, он выходил на разъяренных быков, не боясь их острых рогов, укрощал быка, таща его за шею назад, и не сдавался, даже когда бывал ранен. 5 В Илионе есть статуя Гектора – она показывает его молодым, даже совсем юным, а Протесилай говорит, что он был еще прекраснее и крупнее, а умер

он около тридцати лет отроду, только вот в бегство он не пускался и рук не простирал – здесь Гомер возвел на Гектора напраслину и именно так, сказав, передает обстоятельства его кончины. На самом же деле он погиб, мужественно сражаясь после того, как остался в конце боя единственным из троян за городскими стенами. Убитого, его действительно волочили привязанным к колеснице и затем выдали своим, как рассказывает Гомер.

38.1 Эней в воинском деле уступал Гектору, но своим умом весьма выделялся среди троян и был сравним с Гектором. Он умело толковал божественные знамения, и когда он понял, что Трое суждено быть захваченной, он не испугался. Он был рассудителен и расчетлив, особенно в опасности. 2 Ахейцы называли Гектора десницей Трои, а Энея – ее умом, и разум Энея поддерживал троян больше, чем пыл Гектора. Оба они были одного роста и возраста, 3 Эней казался слабее и веселее. Он носил небрежную прическу, не ухаживал за волосами, не укладывал их, полагая, что единственное украшение – это доблесть. Взгляд же его был такой силы, что на нарушителя порядка ему достаточно было только посмотреть.

39, 1 Сарпедона породила Ливия, а погубила Троя, В боях он сражался в войске Энея, начальствуя над всеми ликийцами вместе с доблестными мужами Главком и Пандаром. 2 Из этих двух первый славился умением биться в бою при тяжелом вооружении, что же касается Пандара, то, по словам Пандара, когда еще он был отроком, ему явился Аполлон Ликийский и научил его стрелять из лука, и впоследствии Пандар всегда, когда брался за свой огромный лук для большой цели, возносил молитву к Аполлону. 3 Протесилай рассказывает, что трояне вывели встречать Сарпедона все свое войско в полном составе. Он же, со своей стороны, привлекал к себе троян отвагой, божественной красотой, благородством и, к тому же, не в последнюю очередь, происхождением – ведь поют, что от Зевса пошли Эакиды, Дарданцы и потомки Тантала, но он – единственный из всех тех, кто воевал и за Тройю, и против нее, сам же был рожден Зевсом. Потому же и Геракл вызывал у людей еще большее изумление.

4 Умер Сарпедон лет сорока, как говорится у Гомера, могила его оказалась в Ликии, куда ликийцы, которыми он предводительствовал, отправили его тело показать родным ему племенам. Тело специально обработали душистыми травами, и было похоже, что Сарпедон спит, отчего поэты и рассказывают, что его перенес Гипнос.

40.1 А теперь послушай про Александра Париса, если тебя не очень раздосадует рассказ о нем.

Ф. Сам то он меня злит, но рассказ послушать было бы не худо.

В.2 Так вот, Протесилай говорит, что, конечно, все трояне были недовольны Александром, однако он сам не был плох в делах войны. Вид имел самый что ни на есть привлекательный, речи вел весьма приятно, и в манерах его было что-то пелопонесское. К тому же он умел биться во всех видах сражений, и был так силен в стрельбе из лука, что не отставал от Пандара. 3 В возрасте эфеба он плавал в Элладе, был гостем Менелая и пленил Елену своей красотой. Умер же он, когда ему и тридцати не сравнялось. 4 Сам он ужасно радовался своей красоте и приковывал, конечно, к себе взоры других людей, всегда и сам на себя любовался, 5 по поводу чего мой герой очень забавно над ним насмехается. Протесилай однажды увидел вот этого павлина – а эту птицу он очень любит за красоту и красочность – когда тот поднял и расправил свой хвост и стал оглядывать его, и чистить, и приводить в порядок, пока тот не сделался похож на ожерелье драгоценных камней. Тогда Протесилай сказал: «Вот посмотри, это Парис Приамид, о котором мы недавно вспоминали». Я спросил его: «Чем же павлин схож с Парисом?» И он ответил: «Самовлюбленностью». 6 Ведь он прямо носился со своей красотой, все себя разглядывал, осматривал свое оружие, украшал плечи пардовой шкурой. К волосам его грязь не приставала, даже когда он сражался, ногти его рук блестели, нос скорее прямой, белая кожа, глаза были обведены, и приподнималась левая бровь.

41.1 Гелен, Деифоб и Полидамас в сражениях бились согласованно друг с другом, и сила у них была примерно одинаковая; и к тому же все они славились мудростью в совете. Гелен же был одарен

н пророческим даром не менее Калхаса.

42.1 Что же касается Эвфорба, сына Панфоя, то, я думаю, ты слышал рассказ Пифагора Самосского о том, что в Трое родился некий Эвфорб и умер от руки Менелая – ибо Пифагор сообщает, что Эвфорб появился на свет, переродившись из троянца в ионийца, из воина в мудреца, который стал весьма воздержан в смысле какой-либо роскоши. И волосы свои, когда достиг мудрости, украшал грязью, тогда как в свою бытность троянцем он делал их золотыми. 2 Протесилай полагает, что Эвфорб был его ровесником, сожалеет о нем; и подтверждает, что именно Эвфорб ранил Патрокла, а Гектор напал на Патрокла уже после этого. Протесилай говорит, что если бы Эвфорб достиг возраста взрослого мужа, он был бы ничуть не хуже Гектора. 3 Его цветущая юная краса очаровывала даже ахейцев – он был похож на самую прекрасную статую Аполлона, изображающую его нежным, с неостриженными кудрями. 4 Вот, стало быть, что рассказывает о троянах божественный и добрый герой. Ну, теперь нам остается, наконец, обещанный рассказ об Ахилле, если только тебя не устршит, что он длинный.

Ф. 43.1 О, виноградарь, поверь, раз уж отведавшие лотоса – подобно Гомеровым лотофагам – вкусившие этой травы, сразу позабыли о своем доме, то поверь, я тоже, словно к лотосу, пристрастился к твоему рассказу, и уж по своей воле не уйду отсюда, разве что меня силком поведут на корабль и там привяжут, и я буду плакать и стенать, что еще не насытился историей. 2 А к поэмам Гомера ты внушил мне такое расположение, что при том, что я и раньше полагал, что они божественны и превышают человеческие возможности, но теперь еще больше потрясен, и притом не одним его эпическим мастерством или прелестью, что от них исходит – теперь в первую очередь меня поражает то, что в них герои перечислены поименно, кто какого рода, и, клянусь Зевсом, кому каким образом выпало кого убить, и от чьей руки пасть. 3 Ведь то, что Протесилай, уже став демоном, знает, что там происходило – это, я полагаю, не удивительно. Но вот откуда Гомеру известен Эвфорб, о Зевс, откуда у него взялись все эти Гелены и

Деифобы и многие прочие мужи из вражьего стана, о которых он говорит в каталоге? 4 Ведь, Протесилай свидетель, Гомер все это не выдумывает, а сообщает о делах, происходивших на самом деле, за малым исключением, когда он кое-что по своему усмотрению меняет, чтобы придать сочинению разнообразие и приятность. 5 Вот поэтому и говорят некоторые, что это Аполлон сочинил эти поэмы, а подписался именем Гомера, и мне сдается, это мнение весьма основательно – ведь узнать все это – не в человеческих, а в божественных силах.

В.6 О гость, все поэты единодушно признают, что вожатыми при сложении их песен бывают боги – одни призывают в помощь Каллиопу, кто-то – всех муз, а кто и Аполлона вместе с девятью Музами. Конечно, поэмы Гомера созданы не без божественного участия, однако не Аполлон и не музы напели их. 7 Понимаешь, гость, поэт Гомер действительно жил и пел, как говорят одни – через двадцать четыре года после троянской войны, а другие – через сто двадцать семь лет, когда колонизовали Ионию, и в то же время жил и Гесиод, и оба они пели в Халкиде, один – семь поэм об Аяксах, как построенные ими фаланги были крепки, а другой – поэму, обращенную к своему брату Персу, в которой он указывал брату, как следует вести земледельческие работы, чтобы и нужды не знать и чтобы не обращаться за помощью. 8 Однако более правдиво, гость, о времени жизни Гомера вот что, ибо с этим согласен Протесалай. 9 Сюда однажды прибыли два поэта, они произнесли гимн ему и удалились, а вслед за ними пришел герой и спросил меня, каково мое суждение. Я похвалил худшего, ибо его выступление было более удачно, и, рассмеявшись, Протесилай сказал: «Вот и с Панидом было то же самое, виноградарь, он, будучи царем на Халкиде в Эврипе, присудил Гесиоду первенство перед Гомером, а уж у него была борода подлиннее твоей!» 10 Так вот, гость, поэт Гомер существовал, и поэмы его – дело рук человека. 11 Он узнал имена героев и подвиги их, собрав эти сведения в тех городах, из которых каждый герой вывел свое войско. Ведь он обошел Элладу, когда прошло еще не столь много времени, чтобы затемнить события троянской войны. 12 К тому же ему удалось получить все

нужные сведения еще одним способом, божественным и чрезвычайно мудрым. Говорят ведь, что Гомер пришел на Итаку, потому что слышал, что душа Одиссея там еще жива, и он воспользовался приемом выкликания душ, чтобы с ним поговорить. 13 Когда Одиссей явился, Гомер расспросил его о том, что было под Илионом, и тот, все, конечно, зная и помня, заявил Гомеру, что ничего не скажет, если Гомер не оплатит ему тем, что прославит и воспевает в своем творении его мудрость и смелость. 14 Когда Гомер согласился и заверил, что представит его как можно более для него выгодным образом в своей поэме, Одиссей правдиво ему рассказал все, как было, ведь души при крови и яме для лживых душ совершенно не лгут. 15 А когда Гомер уже уходил, Одиссей вскричал: «Паламед требует возмездия от меня за свое убийство, я знаю, что виноват и во многом готов подчиниться, ведь судьбы здесь, Гомер, страшные, и близко воздаяние от Пэны. Если же люди на земле не будут считать, что все это против Паламеда устроил я, мне выпадет терпеть здесь меньше страданий. Поэтому ты не приводи Паламеда в Илион, не рассказывай, какой он был воин, не говори, что он мудрец. Другие поэты будут рассказывать все это, но все то, что выйдет не из твоих уст, не будет столь достоверным». 16 Вот, гость, какой разговор был у Гомера с Одиссеем, и вот как могло получиться, что Гомер, узнав все, как было на самом деле, многое переделал в пользу того смысла, который хотел придать.

Ф.44.1 Скажи, виноградарь, а ты когда-нибудь спрашивал Протесилая о родине Гомера, и от кого он произошел?

В. Спрашивал, гость, и не раз.

Ф. Ну, и что же он?

В.2 Он говорил, что, он, конечно, знает, но раз Гомер всегда умалчивал об этом для того, чтобы наиболее значительные города говорили, что он – их гражданин, а, может быть, для того, чтобы его считали лишенным гражданства и подчиненным только законам Мойр, и Протесилай говорит, что если он разгласит то, что как раз служит славе Гомера – он тем самым не сделает приятное ни Музам, ни Мойрам. 3 Все племена, все города приписывают Гомера себе и

ведут тяжбу между собой, каждый причисляя его к своим гражданам. 4 Так что, друг финикиец, я не умалчиваю об этом, говоря с тобой, и не скрываю того, что знаю сам – пусть тебе будет надежным свидетельством то, что я сказал – ведь вообще-то я весьма подробно рассказываю тебе все, что знаю сам.

Ф. 5 Я полностью доверяю тебе, о виноградарь, и давай будем следовать тому слову, которое велит об этом умалчивать. Но теперь тебе пора рассказать об Ахилле, если он, конечно, не испугает нас, как тех троянцев, которым он сверкнул огнем из своей могилы.

В. 45.1 Ну, Ахилла ты, гость, не бойся, ведь в начале рассказа ты встретишь его еще ребенком.

Ф. Ты сделаешь мне великое одолжение, если начнешь с младенчества! А уж потом мы встретимся с ним, когда он будет при оружии и вести сражение.

В.2 Да будет так, чтобы ты потом мог сказать, что узнал об Ахилле все. Так вот что я слышал о нем: Пелея посещало чудное видение морской богини, и, влюбившись, богиня эта сходилась с ним на Пелионе, смущалась возлюбленного и пока не говорила ему, ни кто она такая, ни откуда она приходит. 3 Как-то, когда на море было совершенно спокойно, она резвилась с дельфинами и гиппокампами, и Пелей с Пелиона увидел это и понял, что это богиня, а когда она пришла к нему, он ее испугался. Она же стала ободрять Пелея, напоминая ему, что и Эос любила Пифона, и как Афродита стремилась к Анхизу, и что Селена навещала спящего Эндимиона. «А я», – сказала она, – «подарю тебе сына, и он, о Пелей, будет выше человека». 4 Когда же на свет родился Ахилл, они отдали его на воспитание Хирону. Хирон выкормил младенца соевым медом и мозгом ланей, а когда ребенок достиг возраста, в котором мальчики нуждаются в игрушечном возке и костях для игры в бабки, Хирон не стал удерживать его от этого, а вместо них приучил мальчика к копью, дротику и бегу. Был у ребенка и маленький ясень, который Хирон ему срезал, чтобы он, едва лопотавший, привыкал к военному делу. 5 Когда же Ахилл достиг возраста эфеба, лицо его излучало красу, тело

налилось огромной силой, и он крепчал быстрее, чем дерево близ ключа. Ахилл был хорош и на пирах, и в серьезных делах. 6 Когда же выяснилось, что он склонен ко гневу, Хирон обучил его музыке, ибо музыка смягчает порывистость и вспыльчивость ума. Ахилл выучился гармонии без малейшего труда и пел под свою лиру. Песни его были о древних юношах, о Гиацинте и Нарциссе, и кое-что об Адонисе. Пел Ахилл и френы о Гилле и Абдере, недавно убитых, они оба, будучи еще очень юными, погибли, – Гилл исчез, отправившись к источнику; Абдера же растерзали кони Диомеда – и в то время Ахилл не мог удержаться от слез. 7 Слышал я также, что он приносил жертву Каллиопе, прося у нее мусического дара и силы для сочинения, и от богини ему был дан во сне такой ответ: «О дитя, я дарую тебе достаточно музыкального и поэтического, чтобы ты мог и на пиру приятно исполнять их и успокоить огорчения. Но мне думается – и Афина того же мнения – что тебе нужно быть воинственным и в страшном деле страшным, к тому же и Мойры повелевают то же сами, так что ты в сем упражняйся и люби это. В будущем явится и поэт, которого я подвигну воспеть твои деяния». Вот каким образом ему дано было предсказание о Гомере. 8 А когда он стал юношей, то вовсе он не тайно воспитывался на Скиросе, живя среди девушек, как это утверждают многие. Разве возможно, чтобы Пелей своего сына, рожденного быть лучшим из героев, отослал куда-то, чтобы убежать подальше от боев и опасности, и это при том, что Теламон как раз отправлял на войну своего сына Аякса – так чтобы Ахилл сидел себе на женской половине, предоставляя другим отличаться и завоевывать славу под Троей? Нет, он, человек честолюбивый, и здесь был таков же.

Ф. 46.1 Скажи, виноградарь, а что об этом знает Протесилай?

В.2 Он, гость, знает все самое верное и истинное. И он рассказывает, что Тесей бежал из Афин в наказание за сына и был убит Ликомедом на Скиросе. Пелей был гостеприимцем Тесея, к тому же они вместе участвовали в Калидонской охоте, и он поэтому послал Ахилла на Скирос отомстить за Тесея. Ахилл отплыл туда, и при нем

был Феникс, пригодный, по старости своей, только давать умные советы. Ахилл же разорил Скирос, остров гористый, покрытый острыми скалами, но от убийства Ликомеда он удержался и сперва спросил его, что заставило его убить Тесея, мужа более доблестного, чем он сам. 3 Ликомед ответил: «Он прибыл сюда, о Ахилл, совершив преступления, и пытался захватить мою власть». Ахилл отступился от человека, совершившего справедливое убийство, и сказал ему, что оправдает его перед Пелеем. 4 Там Ахилл вступил в брак с дочерью Ликомеда Деидамией, и у них родился сын Неоптолем, названный так потому, что Ахилл был молод, отправляясь на войну. 5 Когда Ахилл там жил, к нему явилась Фетида и ухаживала за своим сыном, как это делают и смертные матери. В то время войска греков стягивались к Авлиде, и Фетида, зная, что было суждено сыну, отправила его во Фтию, потому что пряжа его жизни связалась, когда власть над сыном была у Пелея. 6 Еще рассказывают, что для Ахилла были изготовлены доспехи, каких доселе не было ни у кого, и когда он явился в Авлиду, облачившись в них, все воинство преисполнилось надежды, и юношу сочли божественным, так что Фетиде совершили у моря жертвоприношение и перед Ахиллом, шествовавшим в доспехах, преклонялись, как перед ее сыном. 7 Я спрашивал Протесилая и о его ясене, что в нем было чудесного, и он рассказал мне, что он был такой длины, как ни одно другое копьё, и само дерево было такое крепкое, что сломать его было нельзя, а острие этого копья было адамантовое и могло пробить все, что угодно, и все древко было оковано горной медью, чтобы оно сверкало, поражая, как молния.

Ф. 47.1 А как были украшены его доспехи, виноградарь?

В.2 Ну, уж не так, как рассказывает Гомер, о гость. У Гомера там изображалось что-то дивное, города, звезды, войны, земледельческие работы, свадьбы, хороводы и многое другое. 3 Доспехи у Ахилла не появились во время войны и были те же, в которых он пришел под Троию, и никогда доспехи его не пропадали, и Патрокл их не надевал, пока Ахилл пребывал во гневе. Патрокл отличался в боях, нося собст-

венные доспехи, и в них же погиб, захваченный у стены, а доспехи Ахилла так и пребывали недоступными для врага – их нельзя было ни снять, ни взять в добычу. 4 И скончался Ахилл не в доспехах – ведь он собирался вступить в брак, в венке, как жених. Оружие у него было без знаков и скромное, сделанное из сплава нескольких металлов, и переливалось, словно радуга, вот поэтому и считали, что оно – дело нечеловеческих рук, и пели, что оно – работа Гефеста.

Ф. 48.1 А ты мне покажешь его, виноградарь,образишь мне его?

В. 2 Отчего же нет, если ты столь охотно слушаешь? Протесилай рассказывает, что волосы у него пышные, краше золота и прекрасно лежат, как бы он ни двигал головой, и как бы ни трепал их ветер. Нос у него не орлиный, а именно такой, как нужно, брови полумесяцем, в ясных сероголубых глазах светится ум, и когда он бывает спокоен, ясно, что он полон порывов, когда же приходит в движение, то ум вырывается с чувством, и это кажется прекрасным тем, кто его любит. 3 Ахейцы испытывали к Ахиллу чувство, похожее на отношение к самому могучему льву. Ведь когда лев спокоен, он очень нравится нам, но еще большее удовольствие мы получаем, когда он, исполненный пыла, кидается в схватку с кабаном, быком или другим воинственным зверем. 4 Сила его видна, так сказать, с шеи, столь прям и собран он был. 5 Ахилл из всех героев был и самым справедливым и по натуре, и по воспитанию, полученному у Хирона. И отсюда распространилось мнение об Ахилле, что он питал ненависть к деньгам – ибо пренебрежение его к ним было столь велико, что из двадцати трех городов, которые он взял и захватил множество пленников, не соблазнился ничем из захваченного; и не устоял только перед девицей, которую при этом не сам взял себе, а получил от ахейцев. И когда Нестор предъявил ахейцам обвинение в том, что они поступают несправедливо, если не дают Ахиллу взять бóльшую часть всего себе, Ахилл сказал: «Пусть моей будет бóльшая часть подвигов, а бóльшую часть денег пусть берет, кто хочет». 6 Вот с этого собрания, о гость, и начался у Ахилла гнев на Агамемнона из-за Паламеда. 7 Ахилл, вспоминая, сколько городов он захватил вместе с

ним, сказал: «Вот оно, предательство Паламеда, и меня за него можете осудить, ведь все это относится и ко мне». 8 Агамемнон выслушал такие слова Ахилла как о себе самом и осыпал его бранью, а Одиссей заявил, что совершено предательство и Ахилл защищает предателя, и Ахилл выгнал его с собрания, поскольку он говорил неудобное ахейцам; и Ахилл, осыпая бесчисленными оскорблениями Агамемнона, удалился на расстояние, недостижимое для стрел, и больше не принимал участия в боях, не приходил в лагерь и не участвовал в совете, даже когда ахейцы, попав в крайние обстоятельства, и пришли к нему от Агамемнона с мольбами. 9 Возглавили это посольство Аякс и Нестор, Аякс – потому, что, во-первых, был родственником Ахилла а, во-вторых, он уже сам прекратил гнев, который питал по той же, что и Ахилл, причине, а Нестор – потому, что обладал мудростью и преклонными годами, что уважали все ахейцы. 10 Тогда же они получили от Ахилла в помощь Патрокла, и он, совершив и претерпев все, что рассказывает Гомер, умер под стенами Трои. Ахилл не сделал и не сказал ничего малодушного, жалкого, но оплакал его, как подобает человеку стойкому, и совершил погребение, какое, как он полагал, было бы отрадно самому Патроклу, и после этого вступил в бой с Гектором. 11 Что же касается гиперболы, которой пользуется Гомер, о том, что при появлении Ахилла враги погибали на своих колесницах, или что он убивал врагов в реке, а река, восстав, обратила на Ахилла свое течение, то все это Протесилай хвалит как поэтическое, но как описание – отвергает. 12 Ведь для столь могучего Ахилла Скамандр, вообще река не такая большая, как другие, не был непреодолимым, но в реку он не входил биться. Ведь если бы река залокотала, он, уклонившись, спасся бы и не стал бы с ней воевать. Не таков был Ахилл, что-бы впасть в беспомощное состояние перед Скамандром, перед тем, кто был слабее, чем другие реки, но в битву с рекой Ахилл не вступал. 13 Протесилай сообщает, я думаю, наиболее достоверное – трояне были зашли в реку, и множество их погибло или сами, или было убито в бою, и не один Ахилл сделал это, а и другие эллины, чувствуя смелость от

его присутствия, вошли в воду, убивая троянцев. 14 Ахилл же, не обращая на них внимания, вступил вот в какой бой: был некий муж, явившийся из Пеонии, о котором и Гомер тоже упоминает – он называет его Астеропеем и внуком реки Аксия, у которого обе руки действовали, как правая. Он был больше всех ахейян и троян, нрав имел звериный, двинулся с дротиками в бой, как это говорится у Гомера. 15 Он совсем недавно пришел под Трою и привел еще ничуть не понесшую потери конницу, которую Ахилл, испугав, обратил в бегство (Ил. 23, 140), потому что они, повстречав такого мужа, подумали, будто это демон. 16 Когда Астеропей остался один, Ахилл опасался за себя даже больше, чем когда сражался с Гектором, и убил пеонийца, не оставшись невредимым. 17 Поэтому соратники и не пускали Ахилла в тот же день сражаться с Гектором, но он не стал слушаться, сказав: «Вот увидите, я сильнее своих ран!», и бросился на Гектора, находившегося в передовых рядах у стен. 18 Умертвив его, он проделал то, что я уже говорил о нем – он протащил Гектора вокруг стены варварски и безжалостно, что, однако, было прощительно, поскольку это была месть за Патрокла. 19 Божественная природа Ахилла сказывалась и в том, что он всегда ратовал за своих друзей, и поэтому он впал в гнев за Паламеда сразу на всех греков и отомстил за Патрокла и Антилоха. 20 Тебе, пожалуй, следует знать, что он говорил, когда Аякс Теламонид спрашивал его о друзьях. На вопрос Аякса, какие подвиги у него были самые опасные, Ахилл ответил: «Те, что были сделаны ради друзей». 21 Аякс спросил тогда, какие были самые приятные и легкие. Ахилл ответил то же самое. Аякс удивился, как это одно и то же может быть одновременно и труднейшим и самым легким, и тогда Ахилл пояснил: «Это потому я с готовностью кидаюсь в опасность за своих друзей, что унимаю свою печаль». «Скажи, Ахилл, а какая рана доставила тебе самое сильное мучение?» 22 «Та, которую мне нанес Гектор». «Но ведь ты не был им ранен!» – воскликнул Аякс. «Клянусь Зевсом, был – в голову и в руки, ведь я считаю, что голова моя – ты, а Патрокл был мои руки».

49.1 Патрокл же, гость, по словам Протесилая, был немногим

старше Ахилла, однако был мужем божественным и премудрым и самым близким другом из всех сотоварищей Ахилла. Патрокл радовался, когда радовался Ахилл, вместе с ним печалился, и давал советы, и внимательно слушал. Протесилай говорит, что даже лошади Ахилла несли Патрокла осторожно и бережно, как самого Ахилла. 2 По росту и мужеству он занимал среднее положение между Аяксами – во всем отставал от Теламонида и столь же опережал Локрского Аякса. 3 Был он смуглый, черноглазый, с красиво очерченными бровями и умеренно длинными волосами, голову держал прямо, как учат в Палестре, а нос имел прямой, с раздувавшимися, как у ретивых коней, ноздрями.

Ф.50.1 Как хорошо, что ты напомнил мне, виноградарь, о конях Ахилла – уж очень мне нужно узнать, чем они были настолько лучше всех остальных, что их считали божественными?

В.2 И я, гость, задавал этот вопрос нашему герою, и он ответил мне, что Гомер безусловно выдумал, будто они обладали бессмертием. На самом же деле в Фессалии, что вообще славится прекрасными конями, словно по воле некоего бога, выросли два коня, белый и рыжий, как раз в то время, когда Ахилл возмужал, совершенно дивно быстрые и прекрасного нрава. 3 Склонные верить всему сверхъестественному, что говорилось об Ахилле, все стали усматривать и в его конях что-то божественное, превышающее доступное смертным.

51.1 Кончина же Ахилла была такой, какую и Гомер указывал, зная, что произошло – говорит же он, что погиб Ахилл от Париса с Аполлоном. Ахилл был в храме Аполлона Тимбрейского, чтобы совершить жертвоприношения и скрепить клятвы, свидетелем которых он призывал Аполлона, и здесь он и пал, коварно убитый. 2 Что же касается заклания Поликсены на его могиле и всего, что ты слышал у поэтов о любви к ней Ахилла, то дело было так. 3 Ахилл влюбился в Поликсену и готовил себе свадьбу, чтобы греки покинули Трою, и Поликсена тоже полюбила Ахилла. 4 Познакомились они во время выкупа Гектора, ведь когда Приам явился к Ахиллу, его вела самая младшая дочь из рожденных Гекубой дочерей – поскольку отца всегда поддержи-

вают при ходьбе самые младшие дети. 5 Ахилл, по своей воздержанности, вел себя очень скромно в любовном деле – ведь он не забрал силой эту девушку, когда она оказалась в его власти, но договорился с Приамом о свадьбе, поверив ему, когда Приам ее отсрочил. 6 И когда он погиб, безоружный, во время совершения клятв, а троянцы и троянки разбежались из храма, потому что и мертвый Ахилл внушал им ужас, Поликсена, говорят, как перебежчица явилась в греческий лагерь. Ее отвели к Агамемнону, чтобы она жила, окруженная тем же блеском и уважением, что и в отчем доме, но, на третий день после похорон, она ночью убежала на могилу, где, то шепча, то горячо и любовно умоляя Ахилла любить ее все так же и взять и в брак, уже безобманный, бросилась на меч. 7 У Гомера во второй части «Вызывания душ», если это произведение принадлежит Гомеру, рассказывается, что Музы своим пением оплакали умершего Ахилла, а nereиды били себя в грудь, и при этом преувеличивает он не сильно. Музы, правда, не являлись и не пели, а ни одной nereиды никто не видел, хотя и было понятно, что они пришли. Зато произошло другое чудо, весьма недалекое от того, что говорится у Гомера. 8 В Черном заливе море вдруг вздулось и сначала издало рев, а потом поднялась на нем огромная, как холм, волна, и она ровно двинулась на Ройтейон – ахейцы же пришли в ужас и отчаяние – что же теперь будет с ними, с землею, 9 но волна подошла к берегу и прихлынула к лагерю, и раздался громкий пронзительный плач, какой, бывает, поднимает толпа женщин на похоронах. Это было так божественно и сверхестественно, что все сошлись во мнении, что волна несла nereид – ведь она ничего не сокрушила, а мягко и плавно коснулась земли. Но еще более божественным было то, что случилось потом. 11 Когда наступила ночь, по всему лагерю прозвучал плач Фетиды – горестно вопия, она звала сына. Крик ее был до дрожи пронзительный и гулкий, как эхо в горах, и вот тогда все ахейцы окончательно убедились, что Ахилла породила на свет богиня Фетиды, и сомнений на этот счет быть уже не могло. 12 А вот этот курган, который ты, гость, видишь на краю мыса, соорудили ахейцы,

когда хоронили Ахилла рядом с Патроклом, устроив и тому, и другому прекрасные погребальные жертвоприношения, в ту могилу, которую Ахилл соорудил, как прекрасное погребение и себе, и ему. Вот отсюда и воспевают его те, кто восхваляет друзей. 13 Погребен же он был самым пышным образом, как никто из людей, и все греки возложили на его могилу все, что он завоевал, и после Ахилла считалось неприличным носить длинные волосы, и золото, что каждый имел, принеся в Трою, или получил при дележе, все ссыпали в костер. То же самое было и тогда, и потом, когда прибыл Неоптолем – Ахилл снова получил блистательные приношения и от сына, и от ахейян, старавшихся его ублажить – они ведь перед отплытием из Трои припадали к его могиле, как бы пытаясь обнять Ахилла.

Ф.52.1 Скажи, виноградарь, а Неоптолем? Что говорит Протесалай, каков он был?

В. 2 В свою породу он был благороден, гость, но хуже своего отца, впрочем, ничуть не ниже Теламонида. То же можно сказать и о внешности – он был красив и походил на родителя, но уступал ему ровно в ту меру, насколько красивые люди уступают статуям, и ему недоставало того, чего недостает всем изображениям прекрасных мужей.

3 А еще Ахилл получил как приношение гимны из Фессалии, которые в течение года по ночам поют на его могиле участники таинств, посвященных теням усопших – такой обычай имеют и лемносцы, и пелопоннесцы, потомки Сизифа.

Ф. 53.1 О, да это еще одна история, и я уж, виноградарь, не отстану, клянусь Гераклом, пока ты не расскажешь всего, что сюда относится.

В.2 Но отступления в рассказе, гость, иные считают болтливостью и потерей времени для недосужих, у кого его мало. А ты, как я полагаю, и кораблю раб, которым управляешь, и ветрам раб – ведь едва подует на корму, надо будет тут же ставить паруса и отплывать в море, если считать, что все, кроме корабля – дело второго сорта.

Ф.3 Ах, да ну этот корабль и все, что он несет – мне приятней и

полезней то, что я несу в душе, так что будем считать, что отступления в рассказе – не трата, а, скорее, прибыль в таком деле.

В.4 Ты прав, о гость, и коли уж хочешь того – слушай. Таинства, которые коринфяне (а они, как я уже сказал, произошли от Сизифа) совершают в честь Меликерта, и действия, справляемые в честь детей Медеи, которых они убили по наущению Главки – действия эти подобны боговдохновенным и проникнутым таинством плачам. Детей Медеи умиротворяют мольбами, Меликерта – гимнами. 5 А на Лемносе, во очищение от убийства, после того, что сделали со своими мужьями жены по воле Афродиты, ежегодно на острове в течение девяти дней гасят огонь, его доставляет с Делоса священный корабль с теорами, и если он прибывает несколько раньше начала священнодействия по теням усопших, то он не причаливает к Лемносу, но стоит в море на якоре, близ мыса, до тех пор, пока не будет сочтено, что боги дозволяют подплыть. 6 И все это время они блюдут в море чистоту священного огня, призывая богов, подземных и неизречимых. 7 И вот, когда корабль причаливает, огонь вносят в его новое помещение и в кузницы, и тогда уже начинается новая жизнь. 8 Что же до фессалийских зауспокойных жертвоприношений, которые совершают в честь Ахилла, то о них фессалийцы получили оракул из Додоны. Он повелел им каждый год плавать в Трою и в честь Ахилла закалывать жертвы, как в честь бога, совершая все, как полагается, и за умерших. 9 В первый раз это было так: в Трою прибыл корабль с черными парусами, на нем было дважды по семь теоров и два быка – белый и черный, оба прирученные, и бревна с Пелиона, чтобы ничего не просить в городе. Из Фессалии привезли также огонь, возлияния и воду, начерпанную из Сперхия. Вот почему первыми фессалийцы установили для погребальных обрядов венки из неувядающих растений – ведь даже если ветер задержит корабли, то венки не увянут и не засохнут. 10 Полагалось причалить ночью и перед высадкой запеть гимн, посвященный Фетиде:

*Фетис синяя, Фетис Пелеева,
Сына на свет Ахиллеса ты породила,*

*Троя взяла то, что в нем смертное,
Понт получил, что в нем было бессмертное,
Взято от твоего бессмертного рода –
Гряди на курган сей воздвигнутый,
Без слез, с фессалийцами,
К жертве в огне Ахиллу великому,
Фетис синяя, Фетис Пелеева.*

11 Приближаясь к могиле, они ударяли, как в бою, в щит и, маршируя в ногу и воинственно выкликая Ахиллеса, увеличивали изголовье кургана, рыли ямы и закалывали черного быка, как положено в честь умерших людей. 12 На пир приглашали и Патрокла, чтобы и этим угодить Ахиллу. 13 Совершив все это, спускались к кораблю и приносили в жертву Ахиллу на сей раз на берегу белого быка, начав с жертвенной корзины внутренностей при совершении этого жертвоприношения, ведь они справляли его, как положено богу, и отплывали на рассвете, огибая святилище, как положено при отходе, захватив жертвенное животное, чтобы не пировать у врага.

14 Вот, гость, эти древние и торжественные обряды были нарушены, говорят, тиранами, которые после Эакидов правили в Фессалии, и те, кто подчинялись Фессалии, тоже были небрежны в этом, ибо одни города все-таки посылали корабль, другие не считали нужным, третьи говорили, что вот-вот пошлют, а иные вообще отвергали это дело. 15 И вот, когда случившаяся засуха заставила обратиться к оракулу, он повелел, чтобы они воздавали Ахиллу почести, выполняя священный обычай, и они, не выполняя обрядов, полагающихся ему как богу, думая, что это можно, приносили, как заупокойную жертву, что попало, до тех пор, пока Ксеркс не вторгся в Элладу, когда и вовсе фессалийцы, настроенные в пользу персов, не оставили все, что было предписано, увидев, что в Саламин из Эгины прибыл корабль с Эакидами, чтобы поддержать союз греков. 16 Много позже Александр, сын Филиппа, подчинил другую часть Фессалии и посвятил Фтию Ахиллу, а также сделал Ахилла своим союзником в наступлении на Дария. Фессалийцы снова обратились к Ахиллу и вдобавок на лошадях, которых Александр

привел из Фессалии, объехали вокруг его могилы и изобразили сражение верховых. После молитвы и жертвоприношения они удалились, призвав на помощь против Дария Ахилла, а также Ксанфа и Бали, – они кричали это со своих коней. 17 Но, когда Дарий был пойман, а Александр ушел в Индию, фессалийцы урезали жертвы и стали посылать черных ягнят. Эти жертвы не достигали Трои, а если что и приходило днем, то приношение не делалось как надо, и Ахилл прогневался. И не рассказать, какие беды он принес Фессалии – рассказ утомил бы тебя. 18 Протесилай говорит, что он приехал из Понта, и до встречи здесь со мной прошло около четырех лет, и он часто плавал к Ахиллу. 19 Я сказал, что он был верен Ахиллу и добр с ним, а он сказал: «Теперь я поссорился с ним и поэтому пришел сюда. Я увидел, что он в гневе на фессалийцев за жертвы мертвым, и сказал ему: «Ахилл, не обращай на это внимания ради меня». Но он не послушал и обещал причинить им несчастье с моря. Конечно, я боялся, что он, несмягчимый и страшный, найдет что-то у Фетиды, чтобы наказать их». 20 Что до меня, о гость, то, когда я услышал это от Протесилая, я решил, что ржавая грязь и туманы были посланы Ахиллом на фессалийские хлебные поля, чтобы погубить урожай, поскольку эти беды с моря смогли поселиться на плодородных землях. 21 Я думал, что и города Фессалии будут затоплены, как Бура и Гелике, а также Аталанта вблизи Локриды – говорят, что первые два города утонули, а третий развалился.

22 Но Ахиллу и Фетиде подошли другие действия, погубившие фессалийцев. Ведь цены на моллюсков, из которых добывают (не без хитрого ума) пурпурную краску, были очень высоки, и фессалийцы были виноваты перед законом именно перед красильщиками. 23 Не знаю, правда ли это. А затем камни стали нависать над ними. И одни люди бросили свои поля, а другие – дома. Некоторые рабы ударились в бег, частью были забраны за долги, и многие даже перестали совершать заупокойные жертвоприношения своим родителям, потому что лишились даже гробниц. Так что будем думать, гость, что это и есть то зло, которое грозил послать фессалийцам Ахилл.

Ф. 54, 1 Да, виноградарь, ты говоришь о гневе страшном и неисце-

лимом. Но, пожалуйста, расскажи мне, что удивительного знает Престесилай об этом острове на Понте? Ведь он там встречался с Ахиллом?

В. 2 Там, гость, и рассказывает он об этом вот что. Это один из тех островов, что находятся в Понте ближе к его негостеприимной стороне, по левую сторону, если плыть из устья в Понт. Длина его – примерно стадиев тридцать, ширина – не больше четырех. Растут на нем в основном серебристые тополя и вязы, повсюду они растут разбросанно, а около святилища – в строгой упорядоченности. 3 Со стороны Меотиды – она, будучи равной Понту по величине, впадает в него – располагается святилище, и в нем – изображение соединенных Мойрами Ахилла и Елены. Вообще-то любовь находится в глазах, и так поэты ее и воспевают; а вот Ахилл и Елена были первые, кто, не видя друг друга – ведь она была в Египте, а он в Илионе, – стали любить друг друга, и заочно возникло в их ушах притяжение их тел. 5 Для их бессмертной жизни не было суждено им ни одного места под солнцем – Эхинады ниже по течению от Ойниады и Акарнании были осквернены в то время, когда Алкмей, убивший свою мать, поселился в устье Ахелоя, на месте недавнего злодеяния. И тогда Фетида умолила Посейдона, чтобы он дал в море какой-нибудь остров, где бы можно было поселиться. 6 Вняв ее мольбе, Посейдон, поскольку в Понте нет ни одного острова, который был бы необитаем, выплеснул из глубин остров Левку, такой величины, как я уже сказал, чтобы Ахиллу и Елене было где жить, а морякам – где войти в гавань среди моря. 7 И вот, начав с того, что, заметив, что все воды рек Фермодонта, Борисфена и Истра в своем неодолимом и вечном течении наносят в Понт, и добавив ил, который тащат в море реки, начинающиеся в Скифии, вдадыка всего влажного Посейдон и обточил тот остров, поставив его основание в Понте. 8 Именно здесь Ахилл и Елена и увидели друг друга впервые, и взаимно пленились, и устроили свою свадьбу, на которой пировали и сам Посейдон, и Амфитрита, и все nereиды, и все реки и божества, какие водятся на Понте и в Меотиде. 9 На этом острове обитают, как говорят, белые птицы, они водяные, и живут, питаясь в море, и Ахилл сделал их

своими слугами – они украшают ему его священную рощу, овевая своими крыльями и кропя слетающими с них каплями, при этом они летают очень низко, едва оторвавшись от земли. 10 Для людей, плывущих по морю, остров оказывается в священной бездне, ибо лежит, как гостеприимный приют для судов. Однако селиться на нем плавающим по морю эллинам и варварам запрещено. 11 Пристав там и совершив жертвоприношение, они должны на закате солнца взойти на корабль и не ночевать на суше, а если ветер позволяет, то и отплыть, а если нет, то стоять на якоре. 12 Говорят, что Ахилл и Елена вместе пируют и поют песни, воспевающие любовь, а также поэмы Гомера, да и самого Гомера они поют. Ведь тот поэтический дар, который был у Ахилла от Каллиопы, Ахилл еще больше развил, когда отошел от военных дел. 13 Те его песни, что продолжают Гомера, прекрасно сложены – Протесилай знает и поет их.

Ф. 55, 1 0, виноградарь, а мне можно послушать эти песни, или разглашать их запрещено?

В. 2 Да нет же, гость, ведь многие рассказывают, что, проплывая мимо острова, они слышали песни Ахилла. Вот, послушай одну – мне кажется, она особенно приятна и умна. Поется она так:

*Эхо, житель возле мощных вод,
За великим и глубоким Понтом!
Пальцами руки играю лирой я!
Ты божественного спой Гомера тем,
Чья слава мужей,
Чья слава наших усилий,
И вот я не мертв,
И вот со мною
Мой Патрокл, и вот и бессмертным равный
Аякс со мной,
И вот поют умелые прославляющие
И взятый копьями город Троию.*

Ф.4 О, виноградарь, это божественно и весьма достойно и его самого, и Гомера. Да и вообще в лирических песнях весьма искусно сочетается то, что они и не растянуты, и не длинные как мерная линейка! Ведь этот вид поэзии издревле был почтенным и мудрым.

В.5 Да, гость, издревле. Ведь говорят, еще Геракл, когда распял тело кентавра Асбола, сделал к нему такую подпись:

*Я – Асбол, не имущий стыда пред людьми и богами,
Славно и жирно пожив, на сосне островласой повешен
Для угощенья отменного воронов долгоживущих.*

Ф.6 И в этом Геракл был мастером, говоря возвышенной речью, которой должен говорить поэт. Однако вернемся же снова к острову – ибо нас подхватило течение, каких много на Понте, и мы отплываем дальше от нашего рассказа.

В.56.1 Да, вернемся, гость. Так вот, с него раздается пение, а голос, который поет, звучит божественно и прекрасно. Он разносится по морю так далеко, что пораженных моряков охватывает благоговейная дрожь. 2 Те, кто причаливает к острову, говорят, что слышат конский топот, бряцание оружия и крики, какие раздаются обычно в сражении. 3 Если кто-нибудь ставит корабль на севере или юге острова и бушует противный ветер, то Ахилл с кормы возвещает об этом и велит переставить судно так, чтобы ветер был нужным. 4 Многие плававшие в Понте и пристававшие здесь и об этом рассказывали, клянусь Зевсом, и что, когда они замечали этот остров после скитаний в бескрайнем море, они от радости обнимались и плакали и, причалив, обнимали землю, и шли в святилище, чтобы помолиться Ахиллу и совершить жертвоприношения. Жертвенные животные сами по себе оказывались уже в готовности возле алтаря, в виду корабля и приплывших. 5 Говорят мудрые мужи, что на этом острове было видно то, что некогда видели в золотой бухте на Хиосе, гость, однако кто может сказать, что он видел отчетливо? 6 Говорят, что одному купцу, который часто бывал на острове, однажды явился и сам Ахилл – рассказывал ему о троянских событиях, угощал и поил его, а потом повелел плыть в Трою и привезти ему оттуда троянскую

девушку, говоря, что она такая-то и является в Трое рабыней такого то человека. 7 Купец подивился и по неожиданной смелости спросил, что за нужда может у него быть в какой-то илионской рабыне. Ахилл успокоил его, сказав: «Она из рода, гость, откуда пошел Гектор и его предки, и она одна осталась из потомков Приама Дардановой крови». 8 Купец подумал, что Ахилл, может быть, влюбился в нее, купил эту девушку и привез ее. Ахилл похвалил его за это и велел стеречь ее на корабле, я полагаю, потому что женщинам не было доступа на остров – самому же купцу сказал вечером явиться в храм и помолиться ему и Елене. 9 Когда он пришел, Ахилл дал ему много дорогих вещей, сказал, что делает его своим гостем и дарит ему удачную торговлю и надежный ход корабля. Утром он ему сказал: «Ты отплывай, и все вези с собой, а девушку оставь мне на берегу». Когда купец не отплыл и на стадий, до них донесся крик девушки, которую Ахилл разрывал на мелкие куски.

11 Однако амазонок, о которых поэты рассказывают, что они прибыли в Трою сражаться с Ахиллом, он не убивал. Я не знаю, насколько вероятно, чтобы, раз Приам воевал с ними из-за Фригии во время правления Мигдона, пришли бы они как союзницы в Трою, но я полагаю, что в ту Олимпиаду, когда впервые выиграл в беге Леонид Родосский, говорят, Ахилл убил самую воинственную их часть, на своем, как говорят, острове.

Ф.57.1 Чувствую, что сейчас, виноградарь, услышу великий рассказ! Ты заставляешь меня напрягать мой слух, и без того жадно ловящий твои слова – ведь все это ты получил от Протесилая! У меня уши на макушке, а ведь они и так стоят торчком, ловя твои слова – ведь и этот твой рассказ, конечно, от Протесилая!

В.2 Да, гость, от него, от моего прекрасного наставника. Впрочем, и многим другим, кто плавал в Понт, это весьма известно. 3 На негостеприимной стороне Понта, где тянутся горы Тавра, живут, говорят, амазонки. Оттуда, где истоки Фасиса и Фермодонта, они перешли через горы на материк. Их отец и родитель Арес воспитал так, чтобы они образовали военное сообщество и жизнь вели, на-

ходясь при оружии и верхом на коне. У них выпасается в болотах конница, сколько ее нужно им для войска. 4 С мужчинами они не водятся и не пускают их в свои земли, а сами, когда у них возникает необходимость родить ребенка, спускаются к реке Галису, чтобы сходить на рынок и встретиться с мужчинами, и снова возвращаются к себе домой. Если рождается мальчик, его отправляют на границу их земли, чтобы родитель его забрал, и младенцев отцы или признают, или делают рабами, как случится. 5 Когда же рождаются девочки, они, говорят, любят их и считают своими, лелеют их, как это свойственно от природы матерям, вот только молоком совсем не кормят. Это происходит из-за битв – чтобы не изнеживаться, потом, у них нет груди. 6 Ведь само имя «Амазонка» происходит, я думаю, от того, что они выкармливаются не грудью. Пищей малюток служит молоко пасущихся кобылиц и сотовый мед, получаемый от пчел, живущих в приречных камышах. 7 Все то, что говорится у поэтов и мифологов об этих амазонках, давай опустим – все эти преувеличения нам сейчас вспоминать недосуг. А вот одно дело, касающееся острова, какое эти женщины сделали и к чему это привело, все-таки следует рассказать, поскольку это из числа рассказов Протесилая. 8 Из Понта в Геллеспонт шли корабли – везли они товары, и плыли на них моряки и кораблестроители, и отнесло их море к левому высокому берегу, где, как говорят, и жили эти женщины. 9 Они захватили корабли, а людей некоторое время откармливали в яслях, чтобы потом продать, переведя через реку, скифским людоедам. 10 В числе пленников был некий юноша, и одна из амазонок пожалела его – он был еще совсем юный, и из этого даже возникла как бы и любовь, – во всяком случае, она упростила сестру, что была у них владычицей, чужеземцев не продавать. 11 Их освободили, и пленники, соединившись с женщинами, даже стали издавать звуки таким же, как они; образом. И вот, когда они рассказывали о буре и о том, что с ними приключилось в море, на память им пришло, что незадолго до всего этого они приплыли на остров и рассказали о богатствах на нем. Женщины сочли, что их пленники – прямо находка,

ведь это были моряки и строители кораблей, и, поскольку было к тому же все необходимое для постройки кораблей, то и соорудили корабли, на которых можно было бы перевозить лошадей, чтобы со своей конницей одолеть Ахилла. И вот к морю отправились амазонки – их кобылы и просто женщины. 13 Правда, сначала они научились грести и плавать на судне; когда же уже усвоили, как это следует делать, то весной ударили веслами по воде и вышли из устья Фермодонта по направлению к святилищу, пройдя на пятидесяти кораблях, полагаю, тысячи две стадий, и, наконец, причалили к острову. Первым делом они приказали, чтобы геллеспонтские чужеземцы вырубili деревья, которые стройно окружают святилище. 14 Однако топоры в руках рубщиков стали бить их кого в голову, кого по шее – и тогда все они пали ниц перед деревьями. Амазонки хлынули было в святилище с криками и погоняя лошадей. 15 Ахилл же, кинув на них страшный, испепеляющий взгляд, выскочив, как перед Скамандром и Илионом, наслал на лошадей испуг, подхлестнувший сильнее всякого удила, и они стали прыгать друг на друга и сочли женщин ненужным и лишним грузом. Лошади вдруг совершенно озверели, стали кидаться на упавших амазонок, волосы у них поднялись дыбом, уши стали торчком, словно у самых диких львов, они пожирали голые руки простертых на земле, разрывали их тела, жадно, припадая, начинали заглатывать внутренности, а потом, наполнивши чрево человечинной, стали с топотом носиться по всему острову, пьяные от крови, и вдруг они остановились на краю обрыва на южной оконечности острова, увидев море, и почудилось им, что это поле. Ринулись они вперед, и все ушли под воду. 16 И корабли амазонок тоже погибли – потому что вдруг подул сильный ветер, и они, поставленные на якорь без всякого толку, стали друг о друга биться, и сшибаясь, словно при морской битве, суда разбивались и тонули, и все удары, какие во время морского боя кормчие стараются сделать и вкось, и в лоб, все они пришлось теперь на эти пустые и бессмысленно плавающие суда. 17 Много обломков море прибило к берегу у святилища, на них лежали еще дышавшие и на-

половину съеденные люди, и повсюду валялись отдельные куски человеческой плоти, растерзанные лошадьми. Правда, Ахилл быстро очистил от них остров – он с головой накрыл остров морем, стерев все это волной, и, залив его, тем самым умыл.

Ф. 58, 1 Да, виноградарь, кто не скажет, что ты поистине любимец богов, сам будет ненавистен им. Ведь знать такие необыкновенные и божественные вещи – это, я думаю, приходит к тебе от них, и это, конечно, они сделали так, что ты стал Протесилаю милым и близким человеком. 2 Ты так наполнил меня рассказами о героях, что я и сам сказал бы, что пережил это, когда бы ты не сказал, что это – священное тайное слово. 3 Может быть, ты расскажешь еще и о том, где Кокит и Пирифлегетон, где вся Ахерусиада и реки и озера, где Эаки и их судилища, если это не запрещено?

В.4 Это не запрещено, но уже наступает вечер, и стадам пора быть в загонах. Видишь – приходит пора распрягать вьючных животных с моим участием, а рассказ этот требует гораздо больше времени. 5 Так что теперь шествуй спокойно к кораблю, неся все, что дает тебе сад, а подует нужный ветер – плыви, гость, только соверши с корабля возлияние в честь Протесилая – он хранит тех, кто отрешается от причала. Если же ветер будет неблагоприятный – иди сюда и услаждайся всем, чем хочешь.

Ф.6 Я повинуюсь тебе, виноградарь, и да будет так. Но я не уплыву отсюда; клянусь Посейдоном, прежде чем услышу и эту историю.

МАРЦЕЛЛУС ПАЛИНГЕНИУС СТЕЛЛАТУС

ЗОДИАК ЖИЗНИ

Песнь первая. Овен³²

Поэт объявляет, что намерен говорить о делах смертных, но не то, что привыкли петь другие поэты. Он показывает, что добродетель и честность сильнее искусства и науки.

Мучусь в душе я давно – почему, даже сам и не знаю.
Ах, как тянет её к Парнасским холмам лавроносным,
Ринуться и посетить Касталию, Музам родную,
Цирру увидеть и вечно цветущую дивную рощу.
5 Если б мне мрака избежать! Вот вижу я – Эос восходит
Дуч светоносный её сверкнул, небосвод постепенно светлеет,
Душе ты сгинь, темнота, сокройся ты в Стиксе глубококом.
Уж побеждает и Музы любовь и Бог – хоть нелегкой

³² Отрывок первой книги «Aires» («Овен») поэмы «Зодиак жизни», начальные буквы первых 29 строк которой образуют акrostих авторского псевдонима Marcellus Palingenius Stellatus (Марцелл Палингениус Стеллатус), который, по словам Фаччолати (Ясоро Fassiolati), является анаграммой имени автора Pier Angelo Manzolli (Пьер-Анджело Манцолли). Прозвище Стеллато, вероятно, произошло от места Стеллата в районе Феррары, которое могло быть родиной этого поэта.

- Станет дорога – пускай! Добродетель трудов не боится!
- 10 Путь укажи мне, отец Аполлон, украшенья поэтов,
Алчущий дух мне исполни амвросией от Аганиппы,
Дуч твой да путь мне укажет, введет в средоточие храма,
Истинно чтимого мной, и спаси, умоляю, от черни!
Нет никого, кто бы был благодарней, чем жрец твой безвестный,
- 15 Где бы он ни был, тебя будет славить твой новый служитель,
Если благою десницей его из толпы ты изынешь,
Нас, человеков, со дна поднимаешь и славу даруешь,
И без тебя среди смертных давно бы погибли таланты,
Ум бы иссякнул и голос пресекся – с тобою же сможет
- 20 Самых высоких богов мой ум вдохновенный увидеть.
Слух ко мне преклони, Летоид, молю, благосклонно,
Только бы Рок не претил – подними над землею клиента!
Если же чистой души я к вам, Касталийские нимфы,
Длучшие помыслы нес, если мог от слепого распутства
- 25 Дуч ваш навек отвратить молодого еще человека,
Алчным страстям не позволить отпраздновать злую победу,
То ниспошлите мне славу, чтоб мне бесполезной не мнилась
Участь моя на земле, чтоб не весь я погиб, умирая –
Славы желанье на путь добродетелей многих толкнуло!
- 30 Ты же, о Дукс, геркулесово славное имя носящий,
Ты, в наши дни наилучший среди всех авзонийцев знатнейших,
Ты, кто из рода Эстэ, осененного доброю славой,
Девой Палладой взлелеян ты был в Парнасских пещерах,
Млеком священной Камены тебя воспоили, младенца,
- 35 Веря, что станешь для них украшеньем бессмертным в грядущем,
Что в Киррейские лавры вдохнешь ты новую силу.
Маворс, конечно, мешал и, завидуя, требовал властно
В свой тебя лагерь, суля, что вождем твоим сам будет лично,
Ты победителем станешь, стяжаешь почет бесконечный,
- 40 Станут знамена твои лавроносным триумфом богаты,

- О, помоги, обрати на поэта свой взор благосклонный,
Дай ободренье тому, кто пойдет неизвестной дорогой,
Нету на ней колеи, что оставили прежде другие –
Робкому, мне подари бесконечно желанную милость.
- 45 Пусть же Феррара твоя лицезрит тебя вечно счастливым
Долгие, долгие годы счастливой безоблачной жизни,
А удалившись с земли, да взлетишь ты к созвездиям неба,
Пусть будет длиною нитка Лахесис, но в день роковой твой
Мы о тебе и деяньях твоих будем петь бесконечно,
- 50 Имя твое огласит и пределы земли Гангетийской
И берега Тартессийского моря им эхом ответят,
В гиперборейские грады тогда твоя слава проникнет,
В Ливии дальних краях чрез меня ты станешь известен,
Всем покажу я тогда, побуждаемый Музы стрекалом,
- 55 Как справедливость любил ты, каким благочестьем украшен,
Верность была какова, сколь силен был в бою и в совете,
Сколь попечителен был, каковым милосердьем прославлен,
Все воспою – приведу в восхищенье тобою весь мир я,
Ныне же – то, что вручаю, молю я – прими благосклонно,
- 60 С кроткой улыбкой кивни и одобри мое начинанье.
Дух побуждает меня о многом и разном поведать,
А не о чем-то одном – мы пойдем, куда звезды укажут.

МИХАИЛ ПСЕЛЛ

О СИЛЕ КАМНЕЙ³³

Вряд ли я решусь говорить с тобой, почему камни обладают силой, в этом я не стану следовать примеру догматиков, не стану подражать их готовности по любому поводу придумывать что угодно. Я же буду говорить о камнях, которые нам известны, которые мы, люди, любим больше всего, и открою тебе, какую пользу ты можешь получить, если будешь ими пользоваться правильно. Камни же, нам известные плохо, оставляю без разбора, это: онокардий, олькад, спонгит, лемонтид, лемониат, линкурий, триглит, триофтальм, сакондий, сиригит и другие – они известны только по названию, а сами нам не встречались.

Итак, адамант. Он блестящий и прозрачный, как стекло, но очень твердый, и разбить его нельзя. Если его носить, он угашает жар полутрехдневной лихорадки.

Гематит называется так потому, что он, если смочить его водой, приобретает кровавый оттенок. Смоченный водой, он лечит болезни глаз.

Аметист гиацинтового цвета, лечит головные боли и приверженных пьянству, не давая им пьянеть, откуда и его название.

Антракс происходит из земли индов, бывает похожий на уголь,

---

³³ Pselli Philosophica minora 34.

и он сверкает издалека, а другой более тусклый, потому что более мелкий. Его находят в горах, он блестит и переливается в лучах солнца. Его знают люди, сведущие в камнях, а вот свойства его неизвестны, кроме антракита, который находят у Феспротов, он обладает меньшим блеском. Он помогает при головных болях, если его зажечь около страдающего.

Ахат, разноцветный и сверкающий, бывают бледные, пурпурные и кроваво-красные. Он помогает при истечениях из глаз и головных болях, останавливает женские кровотечения, помогает и при водянке – настолько велика его сила иссушать, он впитывает воду и оставляет пустым сделанный из него сосуд.

Берилл, бывает этот камень трех видов – темнооливковый, цвета морской волны и прозрачный, однотонный и сверкающий так, что видно издалека. Лечит он напряжения и судороги, болезни глаз и желтуху.

Галактит непостижимым образом источает молоко, отсюда и его названию. Он способен усиливать приток молока у женщин. Дает забвение несчастий и память о благе. Помогает залечивать раны, полученные от животных, если привязать его возле раны.

Электр бывает индийский и ливийский, как и у скифов и эфиопов, этот находят у реки Эридан. Некоторые считают, что он – слезы какого-то дерева. Он легкий и пахнет, как смола и ладан. Если носить его на поясе, он лечит затруднения мочеиспускания и лихорадку, останавливает желудочное истечение, а в глазной мази сообщает зрению остроту.

Яспис от природы похож на кристалл, только изредка бывает окрашен. Лучший – пурпурный, неплох и тот, который можно назвать беловатым. А еще бывает воздуховидный, он поднимает истечения из головы и отгоняет кошмары, оберегает от чумы и эпилепсии. Есть яспис, сверкающий, словно смарагд, один – словно снег, другой – словно голова ягненка, но их сила пока никому не известна.

Месторождение Идейского дактиля – гора Ида на Крите, камень этот имеет форму большого пальца человеческой руки, по цвету

похож на железо. Из всех камней он – самый справедливый, ибо блюдет созревание плодов законных браков, а то, что зарождается нечестиво и незаконно – губит.

Кристалл подобен чистой воде, освещенный солнцем – принимает аметистовый цвет и темнеет, становясь похожим на яспис. Он прогоняет страхи и срывы слабых нервов.

Лихнит, если его носить подвешенным на шее, помогает при никталопии, а если висит на льняной нитке на лбу – от истечений из глаз.

Магнит – камень крупный, тяжелый и очень особенный – один притягивает железо, другой отталкивает его. Добавленный к молоку, придает зоркость и лечит меланхолию.

Оникс бывает такой большой, что индийцы делают из него ножки для ложа. Под землей он имеет разнообразный цвет – и красного карбункула, и угольно-черный, и цвета мяса. Растворенный в воде, он отгоняет ночных призраков, а в толченом виде помогает при зубной боли.

Сапфир, если его носить на лбу, останавливает истечения из глаз, выпитый с молоком – лечит язвы, подсушивает и стягивает, и также помогает при острой лихорадке.

Сардоникс – этот камень имеет посередине белый рисунок, а сам одноцветный. Лечит истечение из глаз. Если его носить на поясе – удерживает плод во чреве матери. Если же камень разноцветный – он помогает при меланхолии, если его повесить на шею.

Селенит называется так, потому что он, словно глаз, вместе с луной уменьшается и увеличивается.

Смарагд зеленого цвета, отливающего золотым или порой светлоголубым. Он бывает в Эфиопии, Египте, Персии и некоторых горах Аттики. Положенный в воду, помогает при слоновой болезни, а растворенный – сдерживает кровотечение.

Гиацинт – его рождает Индия. Он имеет цвет морской воды. Он лечит кашель, переломы и меланхолию, если его пить с уксусом.

Хрисолит охраняет от болезней глаз.

Хрисэлектр – если его подвесить на шею и носить, он снимает лихорадку.

Хрисопраз – если носить над кистью на запястье, придает остроту зрению, лечит желудок, боли в сердце и прекращает метеоризм.

Халазий бел и тверд и похож на маленький кристалл. Если его повесить на пояс вокруг больного места, лечит укус скорпиона.

Топаз – камень прозрачный, похожий на стекло, он родится, говорят, в Аравийском заливе, на некоем морском острове. Он не выносит дневного света, солнце гасит его блеск, зато ночью он сверкает даже издали. Когда его находят, он неровный и негладкий, но его шлифуют специальными инструментами. Если его растереть и дать выпить, это помогает беснующихся привести в чувство. Таков же будет эффект и когда камень привязывают к больному.

О причинах того, что в камнях существуют такие силы, многие решались говорить – из древних мудрецов Анаксагор, Эмпедокл и Демокрит, а из тех, кто жил незадолго до нас – Александр Афродисейский, а это муж самый что ни на есть смелый говорить обо всем просто, в том числе о тайнах природы. А тебе вполне достаточно знать о свойствах и энергии каждого из этих камней, а вот смысл и причины этого оставь в тех сокровищницах, которые пребывают выше нас.

ЭММА ЛАЗАРЕС (1883)

Не бронзовый гигант, Элады спесь,
В победном нимбе прочно встала здесь,
У врат заката, там, где бьет волна,
Подъяв свой факел, Мощная Она,

Мать всех изгнанников – и всем несет привет,
В ее руке маяк – плененный свет,
И кроткий взор над гаванью царит,
И крик с беззвучных уст ее летит:

«О, старый свет! Оставь свой блеск себе!
А жалких, нищих, сломленных в борьбе,
Кому ты отказал в своих дарах –

Пошли ко мне! Бездомных, стертых в прах,
Разбитых бурями – ко мне пошли! Теперь
Я освящаю им золотую дверь».

Список печатных работ О.В.Смыки
за 1971–2023 гг.

- 56) 2023 Исследования и переводы. Москва, изд-во МГУ, 287 с.
- 55) 2022 Черновики переводов. Москва, Новый Хронограф, 544 с.
- 54) 2020 Иоанн Цец. До Гомера. Аристей. *Aristeas*: Вестник классической филологии и античной истории, издательство Ун-т Д. Пожарского (М.), том 24, с. 189–203
- 53) 2020 «Письмо из нескольких слогов в ямбическом размере» (К. Манасси, Обзор истории, 4908). *Nomo omnium horarum*. Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова, издательство Ун-т Д. Пожарского (М.), с. 516–520
- 52) 2020 Коллуф «Похищение Елены» (перевод). Труды кафедры древних языков, Труды Исторического факультета МГУ, место издания Индрик Москва, том 6, с. 241–251
- 51) 2020 Памятник позднего эпоса – поэма Коллуфа «Похищение Елены». Труды кафедры древних языков, серия Труды Исторического факультета МГУ, Индрик Москва, том 6, с. 239–241
- 50) 2020 Трифиодор «Взятие Илиона» (перевод). Труды кафедры древних языков, Труды Исторического факультета МГУ, Индрик Москва, том 6, с. 223–238
- 49) 2020 Трифиодор «Взятие Илиона» – памятник позднего греческого эпоса. Труды кафедры древних языков, Труды Исторического факультета МГУ, Индрик Москва, том 6, с. 222–223
- 48) 2017 Поэма «Манасси Кир Константина о его поездке в Иерусалим». Перевод с древнегреческого. Аристей. *Aristeas*: Вестник классической филологии и античной истории, издательство Ун-т Д. Пожарского (М.), том 15, с. 171–192
- 47) 2017 Поэма Манасси Кир Константина о его поездке в Иерусалим. Аристей. *Aristeas*: Вестник классической филологии и античной истории, издательство Ун-т Д. Пожарского (М.), том 15, с. 161–170
- 46) 2016 «Музы» Алексея Комнина (перевод с древнегреческого). Труды кафедры древних языков, Труды исторического факультета МГУ. Серия III. *Instrumenta studiorum*, Индрик Москва, том 83, с. 245–256

- 45) 2016 «Музы» Алексея Комнина. Вступительная статья. Труды кафедры древних языков, Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum, Индрик Москва, том 83, с. 238–245
- 44) 2016 Арсений Монеувасийский. Мудрейшего и учнейшего Кир Мануила Фила стихи ямбические сочиненные для автократора Михаила Палеолога об особенностях животных (перевод с латинского). Труды кафедры древних языков, Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum, Индрик Москва, том 83, с. 268–270
- 43) 2016 Византийский поэт Мануил Фил. Из стихов о животных, адресованных императору Михаилу IX Палеологу. Вступительная статья. Труды кафедры древних языков, Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum, Индрик Москва, том 83, с. 265–267
- 42) 2016 Византийский поэт Мануил Фил. Из стихов о животных, адресованных императору Михаилу IX Палеологу. Переводы с древнегреческого (Введение, 1 (об орлах), 2 (о грифе), 3 (о коршуне), 39 (о мартихоре)). Труды кафедры древних языков, Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum, Индрик Москва, том 83, с. 270–276
- 41) 2016 Константин Манасси. Жизнь Оппиана. Вступительная статья. Труды кафедры древних языков, Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum, Индрик Москва, том 83, с. 257–262
- 40) 2016 Константин Манасси. Жизнь Оппиана (перевод с древнегреческого). Труды кафедры древних языков, Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum, Индрик Москва, том 83, с. 262–264
- 39) 2016 Мануил Фил. Лев и собака (перевод с древнегреческого). Труды кафедры древних языков, Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum, Индрик Москва, том 83, с. 277–279
- 38) 2016 Николай Каллик. «На второе пришествие во дворце (как бы от лица Алексея Комнина)», перевод с древнегреческого. Труды кафедры древних языков, Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum, Индрик Москва, том 83, с. 241–241

- 37) 2015 Византийский поэт Мануил Фил (1270–1345). Из поэмы «О свойствах животных» (I, 80 ст.) «Об орлах» (перевод с древнегреческого). *Ars docendi. Искусство научить. К 90-летию латиниста Н. А. Фёдорова*, Издательство ПСТГУ Москва, с. 218–224
- 36) 2015 Филострат Старший. Картины. б. Аррихион. (перевод с древнегреческого) в сборнике *Традиции античного олимпизма в мировой культуре: от древности до наших дней*, Издательство Литературного института имени А.М. Горького Москва, с. 265–266
- 35) 2014 Клавдий Рутилий Намациан. Возвращение на родину. Перевод с латинского в журнале *Вестник Литературного института им А. М. Горького*, издательство Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького (М.), № 3, с. 150–165
- 34) 2013 Квинт Смирнский. После Гомера. Погребальные игры в честь Ахилла (IV песнь, 61–595) (перевод с древнегреческого). *Олимпийские игры в политике и культуре: сборник статей участников ежегодной межвузовской научной конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох»*. Москва, РУДН, 19 апреля 2013 г, Российский университет дружбы народов Москва, с. 170–187
- 33) 2012 Из «Хроники» Константина Манассии. Вступительная статья. *Труды кафедры древних языков. Выпуск III, Труды исторического факультета МГУ, Индрик Москва, том 53, с. 228–239*
- 32) 2012 Из Хроники Константина Манассии. Перевод с древнегреческого. *Труды кафедры древних языков. Выпуск III, Труды исторического факультета МГУ, Индрик Москва, том 53, с. 23–246*
- 31) 2012 Мануил Фил. Человек, разговаривающий с Душой. Перевод с древнегреческого. *Труды кафедры древних языков. Выпуск III. Труды исторического факультета МГУ, Индрик Москва, том 53, с. 259–265*
- 30) 2012 Мануил Фил. Человек, разговаривающий с Душой. Вступительная статья. *Труды кафедры древних языков. Выпуск III, Труды исторического факультета МГУ, Индрик Москва, том 53, с. 256–259*
- 29) 2011 Мануил Фил (1270–1345). О растениях. Роза. Комментарий. «*Orientalia et classica. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXXIII. Классика ...и не только. Нине Владимировне Брагинской*» М., РГГУ, 2011, с.461

- 28) 2011 Мануил Фил (1270–1345). О растениях. Роза. Перевод с древнегреческого. «Orientalia et classica. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXXIII. Классика ...и не только. Нине Владимировне Брагинской» М., РГГУ, 2011, с. 458–460
- 27) 2010 Византийский поэт Мануил Фил и его славословие императору. Вступительная статья. Вопросы классической филологии. Вып. XV. ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ: Сборник статей в честь А.А. Тахо-Годи, серия Вопросы классической филологии, Никея, Москва, том 15, с. 547–551
- 26) 2010 Мануил Фил, Славословие императору (перевод с древнегреческого), в сборнике Вопросы классической филологии. Вып. XV. ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ. Сборник статей в честь А.А. Тахо-Годи, серия Вопросы классической филологии, Никея, Москва, том 15, с. 551–555
- 25) 2009 Мануил Фил. Стихи на разные темы. Вступительная статья, в сборнике Труды кафедры древних языков. Вып. II (Opuscula cathedrae linguarum antiquarum. М.: Индрик), Москва, с. 242–250
- 24) 2009 Мануил Фил. Стихи на разные темы. Перевод с древнегреческого «Гимны стихиям, или подражание Писиде», «Четыре эпитафии Андронику II», «О свойствах животных», «Переложение третьего псалма Давида» и др. и стихотворений по изданию Э. Миллера: II, 397–398, I,33; I,33(2), I,37; II,260–279. Труды кафедры древних языков. Вып. II (Opuscula cathedrae linguarum antiquarum. М.: Индрик), Отв. ред. А.В. Подосинов, Москва, с. 251–263
- 23) 2009 Сонник Мага Астрампсиха, 101 ст. Перевод с древнегреческого, в кн.: «Сборник филологического факультета МГУ, Vtriusque Linguae Grammaticorum Academiae Moscoviensis Elisabethanae Lomonosouiana Stationis Socii et Alumni. Москва, 2009», <http://www.philol.msu.ru/~classic/doc/sbornik-a-a-tacho-godi.pdf>, с. 298–302
- 22) 2002 Арриан, Индия, перевод с древнегреческого (в кн. История Древнего Востока. Тексты и документы: учебное пособие/под ред. В.И. Кузищина М.: Высшая школа, 2002, с. 462–471)
- 21) 2001 Manuel Philes as poeta doctus, XXe Congrès International des Études Byzantines, Collège de France - Sorbonne, 19–25 Aout 2001. Pre-Actes v. III, p, 47. Communications Libres. Paris, 2001

- 20)** 2000 Мануил Фил, Поэтические произведения. Перевод с древнегреческого стихотворений по изданию Э. Миллера: II,397; II,198; II,399; II,279; II,278; II,400; I,226; I,376; II,400–405; I,213 («Труды кафедры древних языков. К 50-летию кафедры». Отв. ред. И. С. Чичуров. М., 2000, с. 246–255)
- 19)** 2000 Мануил Фил. Вступительная статья и примечания (в сборнике «Труды кафедры древних языков. К 50-летию кафедры». Отв. ред. И. С. Чичуров. М., 2000, с. 241–245)
- 18)** 1999 Земледельческие обрядовые песни (1,4,5), походная песнь, застольные песни (1–27), гимны богам: Дионису (1, 2, 4), Мойрам, Матери богов, Пану, всем богам, Артемиде, из других хоровых жанров (1,2,3), перевод с древнегреческого (в кн. Эллинские поэты VII–III вв. до н.э., Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. Отв.ред. М.Л.Гаспаров, Ладомир, Москва, 1999; с. 400–401, 401–405, 405–407, 409–411, 413–414)
- 17)** 1999 Каллимах, Причины, фр.1, О городах Сицилии, фр. 43, Могила Симонида, фр.64; Аконтий и Кидиппа, фр. 67–74; фр. 178; Ямбы, фр. 191, 229; Гекала, фр. 384, перевод с древнегреческого (в кн. Эллинские поэты VII–III вв. до н.э., Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. Отв.ред. М.Л.Гаспаров, Ладомир, Москва, 1999; с. 210–211, 292–294, 295–296, 298–301, 391)
- 16)** 1999 Эринна, Прялка, перевод с древнегреческого (в кн. Эллинские поэты VII–III вв. до н.э., Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. Отв.ред. М.Л. Гаспаров, Ладомир, Москва, 1999; с. 206–207)
- 15)** 1993 Прокл, Гимны (все 7), перевод с древнегреческого (в кн. «Прокл, Первоосновы теологии, изд. Группа Прогресс», М., 1993)
- 14)** 1990 Дион Хрисостом, Речи 21, 51, 53, 55, перевод с древнегреческого (в кн. Античность в контексте современности, Изд. МГУ, М., 1990, с. 174–191)
- 13)** 1990 Софокл, Фрагменты 50, 54, 55, 159, 265, 284, 352, перевод с древнегреческого (в кн. Софокл. Драмы, Наука, Москва, 1990, с. 386, 390, 391, 401, 412, 413, 423)
- 12)** 1990 Арриан, Индия, перевод с древнегреческого (в кн. История и культура древней Индии, Восточная литература, М., 1990, с. 270–290)

- 11) 1988 Орфические гимны (все 87), перевод с древнегреческого (в кн. Античные гимны, Изд. МГУ, Москва, 1988), с. 174–267
- 10) 1988 Прокл, Гимны (все 7), перевод с древнегреческого (в кн. Античные гимны, Изд. МГУ, Москва, 1988), с. 271–279
- 9) 1988 Синезий, Гимны (1, 4, 5), перевод с древнегреческого (в кн. Античные гимны, Изд. МГУ, Москва, 1988), с. 283–293
- 8) 1988 Греческая мелика: земледельческие обрядовые песни (1, 4, 5), походная песнь, застольные песни (1–27), гимны богам: Дионису (1, 2, 4), Мойрам, Матери богов, Пану, всем богам, Артемиде, другим богам (6); из других хоровых жанров (1–3), любовная лирика (1), перевод с древнегреческого (в кн.: Древнегреческая мелика, Книга, М., 1988), с. 391, 393, 394, 396–406, 411–414, 422–425, 427–428, 431–432, 436–439, 441–442)
- 7) 1982 Рутилий Намациан, Возвращение на родину, перевод с латинского (в кн. Поздняя латинская поэзия. Худ. Лит., М., 1982), с. 283–302
- 6) 1980 Эпитеты Зевса в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. Образ и слово, Изд. МГУ, Москва, 1980, с. 58–68.
- 5) 1978 Менандр, Фрагменты, перевод с древнегреческого, В кн. Менандр. Комедии. Фрагменты, Наука, Москва, 1978, с. 271–272, 288–350
- 4) 1978 Дионисий Галикарнасский, Письмо к Помпею, перевод с древнегреческого, В кн. Античные риторика, Изд. МГУ, Москва, 1978, с. 222–233
- 3) 1975 Замечания о каталоге в «Аргонавтике». Вопросы классической филологии, Вып. 6, Изд. МГУ, Москва, 1975, с. 105–114
- 2) 1973 Некоторые замечания об источниках «Аргонавтики» Аполлония Родосского. Вопросы классической филологии, вып. 5, Изд-во МГУ, Москва, 1973, с. 108–123
- 1) 1971 О композиции «Аргонавтики» Аполлония Родосского. Вопросы классической филологии, Вып. 3–4, Изд. МГУ Москва, с. 344–364

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОДЫ

Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею	4
Менандр. Фрагменты	21
Рутилий Намациан. Возвращение на родину	94
Эллинские поэты	118
Гимны	138
Арриан. Индия	218
Софокл. Фрагменты	237
Дион Хризостом. Речи 21, 51, 53, 55	242
Сонник Мага Астрампсиха	262
Филострат Старший. Картины. Аррихион	268
Трифидор. Взятие Илиона	271
Коллуф. Похищение Елены	295
«Письмо из нескольких слогов в ямбическом размере»	313
Николай Каллик. На второе пришествие во дворце	318

ЧЕРНОВИКИ ПЕРЕВОДОВ

Каллимах и Хрисороя	322
Орфическая поэма «О камнях»	410
Драматическая этопея Мануила Фила	439
Флавий Филострат. О героях	470
Марцеллус Палингениус Стеллатус	545
Михаил Пселл. О силе камней	548
Эмма Лазарес (1883)	552
Список печатных работ О.В. Смыки за 1971–2023 гг.	553

Ольга Викторовна Смыка

**ПЕРЕВОДЫ
ЧЕРНОВИКИ ПЕРЕВОДОВ**

Издатель *Леонид Янович*

Корректор *Иван Зыкин*
Верстка и оригинал-макет *Андрей Королев*
Обложка *Владимир Хананов*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2
953000 – книги, брошюры

Ассоциация Издательство «Новый Хронограф»
Контактный телефон +7 (916) 651-30-94
E-mail: nhronograf@mail.ru
Информация об издательстве: <http://www.novhron.info>
Подписано к печати 23.10.2023
Формат 60x84/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Объем 35 усл.-печ. л.
Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано в
АО «Т8 Издательские технологии»

ISBN 978-5-94881-549-7

